

ДЖОН ХАРТ

ПОСЛЕДНИЙ
РЕБЕНОК

Бестселлер
NEW YORK
TIMES

РОМАН-ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЭДГАРА АЛЛАНА ПО –
ГЛАВНОЙ ОСТРОСЮЖЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ НАГРАДЫ

Annotation

Джон Харт – единственный писатель в истории, дважды подряд получивший одну из главных остросюжетных литературных наград – премию Эдгара Аллана По. Его произведения переведены на 30 языков и продаются в 17 странах мира.

Перед вами – история, достойная пера Стивена Кинга. Феноменальная история потери и надежды, обретения себя, стойкости перед лицом зла.

Детство Джонни закончилось в одночасье – когда год назад пропала его сестра-близнец Алисса. Отец, не выдержав бремени вины, ушел из семьи. Мать нашла забвение в алкоголе и таблетках. А сам Джонни перестал быть обычным мальчишкой и превратился в одержимого. Каждый день он творит странные ритуалы и посвящает все свое время поискам сестры. Все окрестности и подозрительные соседи изучены вдоль и поперек. Но надежда разгорается с новой силой, когда Джонни внезапно становится свидетелем жуткой погони со смертельным исходом. Последние слова сбитого мотоциклиста дают ему новую зацепку...

-
- [Джон Харт](#)
 -
 -
 -
 - [Благодарности](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)

- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

Джон Харт

Последний ребенок

John Hart

THE LAST CHILD

Text Copyright © 2018 by John Hart

Published by arrangement with St. Martin's Press. All rights reserved

В коллаже на обложке использованы фотографии: OlScher, icemanphotos / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Перевод на русский язык, Самуйлов С. Н., 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Абсолютно обязательное чтение для поклонников любого жанра».

Booklist

«Вы прочувствуете эту историю всем своим сердцем – так же сильно, как и своим нутром».

Джеффри Дивер

«У романов Джона Хорта сумасшедшая динамика».

Дэвид Болдаччи

«Этот роман окончательно утвердил место Хорта в созвездии лучших».

*Посвящаю эту книгу Нэнси и Биллу Стэнбек,
Энни и Джону Харт, Кей и Норду Уилсон.
Родителям, друзьям, верным советчикам*

Благодарности

Множество людей способствовали тому, чтобы эта книга удалась. За все, что они сделали – задали тон, управляли ресурсами, создали такую сильную команду, – я хотел бы поблагодарить Сэлли Ричардсон, Мэтью Шира, Эндрю Мартина и Томаса Данна. За гениальную работу по продвижению книги спасибо Мэтту Болдаччи и прекрасным людям, которые работают с ним: Таре Чибелли, Ким Ладлэм и Нэнси Трайпак. Обложка восхитительна и в полной мере передает дух книги, и за это я благодарю Дэвида Ротштейна и Эрвина Серонну. За производство – мои благодарности Кеннету Дж. Сильверу, Кэти Туриано и Нине Фриман, за дизайн – Джонатану Беннету. Как всегда, особая благодарность трудолюбивым сотрудникам отдела продаж – вы лучшие. Не многие книги имели бы успех без мощной рекламы, поэтому моя признательность – работникам рекламного отдела: Гектору Дежану и Тэмми Ричардсу. Я счастлив, что у меня лучшие редакторы в этом бизнесе – Пит Вулвертон и Кэти Джиллиган. Они знают, сколь сильно я ценю их труд. И тем не менее я скажу это здесь: спасибо вам двоим, вы великолепны. Спасибо, как всегда, моему агенту Мики Чоэту. И читателям первых версий, Клинту Робинсу, Марку Уитту, Джеймсу Рэндольфу и Дебби Бернхардт – вы, ребята, продолжаете играть жизненно важную роль в процессе, так что спасибо за это. Особая благодарность – Клайду Ханту и Джону Йокаму, которые дали свои имена, прекрасно зная, что я могу злоупотребить ими. Спасибо Марку Стэнбеку и Биллу Стэнбеку, рассказавшим мне об орлах. И, наконец, самое важное: спасибо моей жене Кэти, которая остается лучшим другом и любовью всей жизни, а также моим дочерям, Сэйлор и Софи, большеглазым мастерицам круглосуточного веселья и невинной восторженности.

Пролог

Асфальт словно рассек землю шрамом, жарким, плавающим следом черного лезвия. Воздух еще не колыхался от зноя, но водитель знал, что оно приближается, это обжигающее сияние, это приглушенное мерцание вдали, там, где куется раскаленная голубизна. Он поправил солнцезащитные очки и бросил взгляд в большое зеркало над ветровым стеклом. Зеркало показывало и салон автобуса во всю длину, и пассажиров: симпатичных девушек, поломанных жизнью мужчин, пьянчуг, чокнутых, грудастых женщин с краснолицыми сморщенными детишками. Неприятность водитель чуял за милю и мог определить, кто в порядке, а кто в бегах.

Он посмотрел на паренька.

Мальчишка смахивал на беглеца.

Нос у него шелушился, но под загаром проступала болезненная бледность, возникающая обычно от недосыпа, или недоедания, или от того и другого вместе. Острые тонкие скулы туго натягивали кожу. Маленький, лет десяти, с растрепанными, торчащими во все стороны черными волосами. Волосы подрезаны неровно, ступеньками, как будто мальчишка стриг себя сам. Истрепанный воротник рубашки, протершиеся на коленях джинсы. Изношенная едва ли не до дыр обувь. На коленях синий рюкзак, если и не пустой, то уж точно не набитый.

Мальчишка был симпатичный, но больше всего водителя поразили его глаза. Большие и темные, они постоянно двигались, как будто реагируя на присутствие других пассажиров, жаркий людской пресс, типичный для разбитого автобуса в прокаленное солнцем утро посреди песчаных холмов Северной Каролины: полдюжины рабочих-мигрантов, кучка шумных типов, с виду бывших военных, пара семей, несколько старичков и двое уединившихся сзади панков, покрытых татуировками.

Чаще всего взгляд мальчика находил сидящего по другую сторону прохода мужчину с прилизанными волосами, похожего на торговца, в мятом костюме и лоферах с резиновой вставкой. Был и еще один пассажир, ловивший взгляд ребенка, – чернокожий, с помятой Библией и зажатой между коленями бутылкой газировки. Позади мальчика сидела пожилая леди в бумазейном платье. В какой-то момент она наклонилась вперед и о чем-то спросила; тогда он качнул головой и осторожно ответил.

«Нет, мэм».

Его слова потянулись вверх, словно дым, и женщина откинулась на спинку сиденья, сжав пальцами, прошитыми синими жилками вен, цепочку очков.

Она посмотрела в окно, стекла вспыхнули и тут же потемнели – дорога мягко врзалась в сосновую рощу, где под кронами собирались зелеными лужами тени. Потом свет снова заполнил салон, и водитель внимательнее присмотрелся к мужчине в мятом костюме. Бледная кожа, нездоровый, будто с похмелья, пот, непривычно маленькие глаза и беспокойность, дергавшая водителя за нервы. Он то ерзал, то клал ногу на ногу, то подавался вперед, то отклонялся назад. Пальцы барабанили по колену; мужчина то и дело сглатывал, поглядывая на мальчишку и тут же отводя глаза, и снова косился.

Водитель разуверился в жизни и ничего хорошего от нее не ждал, но в своем автобусе поддерживал порядок и не терпел пьянства, распутства и громких криков. Таким пятьдесят лет назад воспитала его мать, и причин меняться он не видел. А потому, посматривая за мужчиной в мятом костюме, заметил, как тот сдвинулся подальше на засаленном сиденье, когда появился нож.

Паренек небрежно достал его из кармана и, зацепив ногтем большого пальца, открыл лезвие. Подержал секунду на виду, потом вытащил из рюкзака яблоко и разрезал его резким, точным движением. Запах тут же растекся над испачканными сиденьями и заляпанным полом. Острый сладкий аромат перебил даже неистребимую вонь дизеля, так что и водитель уловил его. Мальчишка посмотрел в широко расставленные глаза на сглаженном, размытом лице мужчины в мятом костюме, закрыл нож и убрал в карман.

Водитель расслабился и на несколько долгих минут сосредоточился на дороге. Мальчишка показался ему знакомым, но это ощущение прошло. Тридцать лет... Он подвинулся, поворочался, устраиваясь поудобнее в кресле.

Сколько он видел их, мальчишек...

Сколько их было, беглецов...

* * *

Каждый раз, когда водитель смотрел на него, мальчишка чувствовал этот взгляд. Такой у него был дар. Или способность. Он чувствовал взгляд, несмотря на темные очки шофера и кривизну зеркала, искажавшего его

лицо. За три последних недели эта поездка в автобусе была у него третьей. Каждый раз он сидел на другом месте и в другой одежде, но понимал, что рано или поздно кто-нибудь спросит, что он делает в автобусе дальнего следования в семь часов обычного, школьного дня.

Но пока этого не случилось.

Мальчишка повернулся к окну и поднял плечи, чтобы ни у кого не возникло желания заговорить с ним. В стекле мелькали отражения, движения и лица. Он думал о высоченных деревьях и тронутых снегом коричневых перьях.

Нож тяжело оттягивал карман.

* * *

Через сорок минут автобус, качнувшись, остановился у заправочной станции, затерянной на широкой полосе сосновых рощ, жестких, колючих кустарников и прокаленных песков. Мальчишка прошел по узкому проходу и соскочил с нижней ступеньки, прежде чем водитель успел сказать, что на стоянке нет ничего, кроме тягача, и что поблизости не видать ни единого взрослого, который забрал бы его, тринадцатилетнего парнишку, которому никто не дал бы больше десяти. Он повернул голову так, чтобы солнце припекало шею, и забросил на спину рюкзак. Дизель выбросил облачко дыма, автобус дернулся и покатился на юг.

Две бензоколонки, длинная скамейка да тощий старик в синей, запачканной смазкой одежде – вот и вся заправочная станция. Он кивнул из-за грязного стекла, но не вышел в зной. Стоящий в тени здания автомат с газировкой был такой древний, что попросил всего лишь пятьдесят центов. Мальчишка порылся в кармане, выудил пять тоненьких даймов и купил виноградную содовую, которая выкатилась холодной стеклянной бутылкой. Сковырнул крышку, повернулся в направлении, противоположном тому, в котором следовал автобус, и зашагал по черной пыльной дороге.

За спиной остались три мили и два поворота, когда дорога сузилась, асфальт сменился гравием, а гравий истончился. Дорожный знак не изменился и выглядел так же, как и в последний раз: старый и поцарапанный, с шелушащейся краской, под которой проступало дерево и надпись. «АЛЛИГАТОР-РИВЕР. ЗАПОВЕДНИК ХИЩНЫХ ЖИВОТНЫХ». Над буквами парил стилизованный орел, и на его крыльях шевелились перья краски.

Паренек выплюнул на ладонь комочек жвачки и, проходя мимо,

пришлепнул к доске.

* * *

Чтобы найти гнездо, понадобилось два часа, наполненных потом, колючими кустами и москитами, из-за которых кожа покрылась ярко-красными пятнами. Некий массивный клубок обнаружился на верхних ветвях болотной сосны, уходящей прямиком в небо на влажном берегу реки. Мальчишка дважды обошел дерево, но ни одного пера на земле не нашел. Солнечный свет пронзал лесную крону, и небо было таким ярким и голубым, что резало глаза. Снизу гнездо казалось пятнышком.

Мальчишка сбросил рюкзак и ухватился за нижнюю ветку. Жесткая грубая кора царапнула обожженную солнцем кожу. Карабкаясь вверх, он то и дело поглядывал по сторонам, настороженно и боязливо. Чучело орла занимало почетное место на пьедестале в музее Роли^[1], и в памяти сохранился свирепый облик могучей птицы. Глаза были стеклянные, но размах крыльев составлял пять футов^[2], а когти не уступали в длину пальцам на его руке. Одним ударом клюва орел мог оторвать ухо у взрослого мужчины.

Ему было нужно только перо. Чистое белое из хвоста или огромное коричневое – из крыла. В конце концов, сошло бы даже мягкое и маленькое, размером с булавку, из-под плеча птицы.

Это не имело ровным счетом никакого значения.

Магия есть магия.

Чем выше он поднимался, тем сильнее гнулись ветви. Ветер качал дерево и мальчишку вместе с ним. При каждом порыве он прижимался лицом к коре, и сердце глухо колотилось в груди, а пальцы до побеления сжимали ствол. Сосна была настоящей королевой деревьев, такой высокой, что даже река как будто съеживалась под ней.

Он подобрался к верхушке. Вблизи гнездо выглядело широким, как обеденный стол, и весило, наверное, фунтов двести^[3]. Старое, провисевшее здесь несколько десятилетий, оно воняло гнилью, дерьмом и кроличьими останками. Мальчишка не отвернулся, а, наоборот, открылся этому запаху, принял его силу. Сдвинул руку, поставил ногу на серый, голый высушенный сук. Внизу уходил к далеким холмам сосновый лес. Черной, сверкающей как уголь лентой вилась река. Мальчишка поднялся над гнездом и увидел в чаше двух птенцов, бледных и пестрых. Раскрыв тонкие

и хрупкие, как щепки, клювы, птахи требовали еды. Налетевший ветер принес звуки, похожие на хлопки развешанного на веревке белья. Собравшись с духом, мальчишка бросил взгляд через плечо, и в тот же миг с безоблачного неба упал орел. В первую секунду были видны лишь перья, потом – бьющие воздух крылья и выпущенные когти.

Орел пронзительно крикнул.

Когти впились в тело, и мальчик вскинул руки. В следующее мгновение он уже падал, и птица – ярко-желтые глаза и вцепившиеся в рубашку и кожу когти – падала вместе с ним.

* * *

В три сорок семь автобус вкатился на парковочную площадку той самой заправочной станции. На этот раз маршрут вел на север, и автобус был другой. И водитель был другой. Дверь, звякнув, открылась, и из салона высыпалась горстка ревматиков. Шофер, усталого вида сухопарый двадцатипятилетний латиноамериканец, едва взглянул на чахлого мальчонку, который, поднявшись со скамейки, проковылял к двери автобуса. Ни рваной одежды, ни близкого к отчаянию выражения на лице паренька водитель не заметил. Если на протянувшей билет руке и запеклась кровь, его это не касалось, и отпускать на этот счет какие-то комментарии в его обязанности не входило.

Мальчишка отдал билет, втащился по ступенькам в салон и попытался собрать расползающиеся обрывки рубашки. При себе у него был тяжелый на вид, набитый под завязку рюкзак с чем-то красным, просочившимся изнутри и запачкавшим швы внизу. Новый пассажир принес с собой запах глины, реки и чего-то сырого, но опять-таки шофер посчитал, что это не его ума дело. Мальчишка протолкался глубже в полумрак салона, завалился на спинку кресла, добрался до задних мест и сел, забившись в угол. На коже у него темнели раны, на шее зиял глубокий порез, но никто не обращал на него внимания, никому не было дела. Крепко прижав рюкзак, он ощутил еще оставшееся тепло и смятое тело, как будто держал в руках мешок с ломаным хворостом. Перед глазами возникли оставшиеся в гнезде пушистые птенцы. Одинокие и голодные.

Мальчишка покачнулся в темноте.

Покачнулся и заплакал горячими слезами.

Глава 1

Джонни рано понял жизнь. Если его спрашивали, почему он не такой, как другие, почему держится так тихо и почему его глаза словно поглощают свет, – он вот так и отвечал. Джонни рано понял, что безопасного места не существует, что им не может быть ни задний двор, ни игровая площадка, ни веранда, ни тихая дорога на краю города. Нет безопасного места, и никто тебя не защитит.

Детство – иллюзия.

Он не спал уже час; ждал, пока растворятся звуки ночи, пока солнце подкатится ближе, и это можно будет назвать утром. Был понедельник, еще темно, но Джонни редко спал. Он всматривался в темные окна. Дважды за ночь проверил замки. Наблюдал за пустынной дорогой и проселком, похожим в свете луны на меловую полосу. Когда дома не было Кена, он проверял мать. Кен отличался дурным нравом и носил здоровенную золотую печатку, после которой оставались идеально овальные синяки.

Это был еще один урок.

Джонни натянул футболку и потрепанные джинсы, прошел к двери спальни и осторожно приоткрыл ее. В узкий коридор пролился свет и несвежий, будто использованный воздух. К запаху сигарет примешивался запах пролитого спиртного, вероятно бурбона. Ему вдруг вспомнились запахи прежних утр: яичницы и кофе, отцовского лосьона после бритья... Воспоминание было хорошее, приятное, поэтому Джонни загнал его поглубже, смял и придавил. Легче от таких воспоминаний не становилось.

В коридоре под босыми ногами лежал жесткий лохматый ковер. Дверь в комнату матери болталась на петлях, пустотелая, неокрашенная, неподходящего размера. Прежняя дверь валялась, сломанная, на заднем дворе, куда попала месяц назад после бурной сцены между Кеном и матерью Джонни. Она не сказала, из-за чего они поссорились, но мальчик догадывался, что это как-то связано с ним. Год назад Кен не посмел бы и приблизиться к такой женщине, как она, и Джонни не давал ему забыть об этом; но то год назад... Целая жизнь.

Они знали Кена давно, несколько лет. Точнее, думали, что знали. Отец Джонни был подрядчиком, а Кен построил в городе целый квартал. Они работали вместе, потому что один разбирался в делах и быстро принимал решения, а другому хватало ума уважать его. Вот почему Кен всегда, даже после похищения, был внимателен и услужлив, и так продолжалось до тех

пор, пока отец Джонни не решил, что не может больше нести груз скорби и вины. От уважения не осталось и следа, и Кен приходил все чаще. Теперь он распоряжался всем и устроил так, чтобы мать Джонни оставалась одна и во всем от него зависела. Он обеспечивал ее спиртным и наркотиками. Он говорил ей, что делать, и она делала. Готовила стейк. Шла в ванную. Запирала дверь.

Джонни все видел своими черными глазами и по ночам не раз ловил себя на том, что стоит в кухне возле набора ножей, представляя впадинку над грудью Кена, и думает, как...

Этот человек оказался самым настоящим хищником, а мать Джонни напоминала тень себя прежней. Она весила меньше сотни фунтов и полностью ушла в себя, но Джонни видел, как смотрят на нее мужчины и как ревнует Кен, когда она все же выходит из дома. У нее была безупречная, пусть и бледная кожа, а в больших глубоких глазах затаилась боль от незаживающей раны. Ей исполнилось тридцать три, и она походила на ангела, если бы они существовали, – темноволосая, хрупкая, неземная. Когда она появлялась в комнате, мужчины замирали, забыв обо всем, и смотрели на нее так, словно она могла в любой момент подняться над землей.

Вот только сама она ничего не замечала. Еще до исчезновения дочери мать Джонни не придавала никакого значения тому, как выглядит. Джинсы и футболки. Волосы в хвост и лишь изредка макияж. Ее мир был крохотным уютным местечком, где она любила мужа и детей, ухаживала за садом, помогала в церкви и мурлыкала себе под нос в дождливый день. Ей этого хватало. Теперь, в мире молчания, пустоты и боли, она словно померкла и лишь отдаленно напоминала себя прежнюю; но красота осталась при ней. Джонни видел мать каждый день и каждый день проклинал столь щедро дарованное ей совершенство. Будь она уродиной, Кен не нашел бы ей никакого применения. Будь ее дети уродами, сестра до сих пор спала бы в соседней комнате. Но она же была красивой, как кукла, как что-то не вполне настоящее, словно и держать ее следовало в шкафчике, под замком. Никого прекраснее сестры Джонни не видел и не знал – и это в ней он ненавидел.

Ненавидел.

Вот как сильно изменилась его жизнь.

Он еще раз посмотрел на дверь в комнату матери. Может быть, Кен там, а может быть, нет. Джонни прижал ухо к дереву и затаил дыхание. Обычно определить это не составляло труда, но последние несколько дней сон успешно избегал его, а потом все же дождался и обрушился всей

тяжестью, подмял под себя. Джонни как будто провалился в черную, без движений и сновидений, бездну. Проснулся он внезапно, словно от звона разбившегося стекла. На часах было три.

Джонни нерешительно отступил от двери, прокрался по коридору к ванной и щелкнул выключателем. Лампа загудела. В открытом медицинском шкафчике он увидел ксанакс, прозак^[4], какие-то голубые таблетки, какие-то желтые. Джонни взял пузырек и посмотрел на этикетку – викодин^[5]. Что-то новенькое. Пузырек ксанакса был открыт, и Джонни вспыхнул от злости. Ксанакс помогал Кену прийти в себя после улета.

Так он это называл.

«Улет».

Джонни закрыл бутылочку и вышел из ванной.

Не дом, а свалка. Он напомнил себе, что вообще-то дом вовсе и не их. В их настоящем доме чистота и порядок. И там новая крыша, крыть которую он помогал отцу. Весной, на каникулах, Джонни каждый день ставил лестницу и поднимался по ней с кровельной дранкой и поясом, надписанным его собственным именем и набитым инструментами и гвоздями. Хороший получился дом – с каменными стенами и задним двором, который мог похвастать не только пылью и сорняками, – и стоял не так уж далеко, всего-то в нескольких милях; но воспринимался он как что-то далекое, потому что район был другой, и здания там выглядели ухоженными, а участки – просторными и зелеными. Картинка сохранилась в памяти, но теперь и дом, и участок принадлежали банку. Матери выдали какие-то бумаги, а во дворе поставили столбик с табличкой.

Тот, где они жили сейчас, был одним из сотни, которые Кен сдавал в аренду, и едва ли не худшим: паршивой дырой на краю города. На полу в маленькой кухне лежал серо-зеленый, истоптанный и с загнутыми углами линолеум. В свете висящей над плитой лампочки Джонни медленно прошел взглядом по кругу. Окурки в блюдце, пустые бутылки, рюмки. На кухонном столе – зеркало со следами белого порошка. У Джонни похолодело в груди. На полу валялась свернутая в трубочку стодолларовая бумажка. Он подобрал ее и разгладил, подумав, что за неделю ни разу толком не поел, а Кен собирает сотнягой кокс.

Джонни поднял зеркало, вытер влажным полотенцем и повесил на стену. Бывало, глядя в это зеркало, отец завязывал галстук по воскресеньям; большие, неуклюжие пальцы и неуступчивый галстук. Костюм он надевал только в церковь и смущался, когда замечал, что сын наблюдает за ним. Джонни помнил, как это было: внезапно вспыхнувший

румянец, а потом беспечная улыбка. «Слава богу, у нас есть твоя мать», – говорил отец, и она завязывала узел.

Его руки лежали у нее на талии. Потом он целовал ее и подмигивал.

Джонни еще раз вытер зеркало, повесил на стену и поправил, чтобы висело ровно.

Дверь на переднюю веранду открылась с усилием. Он вышел в сырое, темное утро. Ярдах^[6] в пятидесяти от дома у дороги тускло мерцал фонарь. Вдалеке на вершину холма взбирались огоньки фар.

Машины Кена не было, и Джонни испытал слегка постыдное, но приятное облегчение. Кен жил на другом краю города, в огромном, красиво покрашенном доме с большими окнами и четырехместным гаражом. Джонни глубоко вздохнул, подумал о склонившейся над зеркалом матери и сказал себе, что у нее это не всерьез. Что это не ее дела, а Кена. Он распрямил стиснутые в кулаки пальцы. Воздух был свеж и чист, и Джонни заставил себя переключиться. Впереди новый день, и что-то хорошее еще может случиться; вот только матери утро давалось тяжело. Каждый раз, открывая глаза, она словно вспыхивала на мгновение прежним светом, прежде чем вспоминала, что они так и не нашли их единственную дочь.

Сестру Джонни.

Двойняшку.

Алисса появилась на свет через три минуты после Джонни, и они походили друг на друга настолько сильно, насколько это возможно для разнояйцевых близнецов. Одинаковые волосы и лица, одинаковый смех. Да, она была девочка, но с двадцати шагов их было почти не различить. Они одинаково стояли и одинаково ходили. По утрам едва ли не всегда просыпались в одно и то же время, хотя и спали в разных комнатах. Мать рассказывала, что когда-то, в детстве, у них был собственный язык, хотя Джонни этого не помнил. Зато он помнил, что почти никогда не был одинок, что их связывало особое чувство близости, почти единства, понятное только им двоим. Но потом Алиссы не стало, и вместе с ней исчезло все. Такова была правда, непреложная и неоспоримая, и эта правда иссушила мать изнутри. Джонни делал, что мог. Проверял, заперты ли двери на ночь. Убирал в доме. Сегодня уборка заняла двадцать минут, после чего он поставил кофе и задумался о свернутой в трубочку банкноте.

Сто долларов.

Продукты и одежда.

Джонни еще раз прошел по дому. Бутылки – убраны. Следы «дури» – стерты. Он открыл окна, чтобы проветрить в комнатах, и проверил холодильник. В молочном пакете почти ничего не осталось. В коробке

одно-единственное яйцо. В маминой сумочке обнаружили девять долларов и мелочь. Джонни оставил деньги и закрыл сумочку. Налив воды в стакан и вытряхнув из пузырька две таблетки аспирина, прошел по коридору и открыл дверь в комнату матери.

Первый свет утренней зари уже коснулся стекла, оранжевый ком выпятился за черными деревьями. Мать лежала на боку, ее волосы разметались по лицу. На прикроватном столике расползлись журналы и книги. Джонни сдвинул их, освободив место для стакана, и положил на поцарапанное дерево таблетки аспирина. Остановившись на секунду, прислушался к ее дыханию, перевел взгляд на сложенные стопкой деньги, оставленные Кеном у кровати. Двадцатки, полтинники. Всего, может быть, несколько сотен долларов. Мятых, захватанных грязными пальцами бумажек.

Отбракованных.

* * *

Стоявший на подъездной дорожке универсал отец купил несколько лет назад. Покрытая автомобильным воском краска оставалась чистой, давление в шинах проверялось каждую неделю, но это было все, что Джонни мог делать. Выхлопная труба, когда он повернул ключ, изрыгнула сизый дымок, стекло со стороны пассажира так и не поднялось до самого верха. Джонни подождал, пока дымок побелеет, включил передачу и покатил по дорожке. Прав у него не было и быть не могло, так что, прежде чем свернуть на улицу, он внимательно огляделся. Ехать нужно осторожно, избегая шумных улиц. Ближайший магазин находился всего лишь в двух милях от дома, но это был большой магазин на главной дороге, а значит, Джонни могли там узнать. Вот почему он выбрал другой маршрут, на три мили длиннее, и поехал к скромному бакалейному, где торговали недорогими продуктами. Бензин стоил денег, и покупки обходились дороже, но что еще оставалось? Люди из службы соцобеспечения уже дважды приходили к ним домой.

Универсал влился в поток машин, в большинстве своем старых и американских. Какой-то темный седан пристроился к нему сзади и, подкатив к магазину, остановился у входа. Солнце било в стекло, но сидевший за рулем одинокий безликий мужчина выходить не стал, и Джонни, направляясь в магазин, наблюдал за ним.

Такие одинокие мужчины в стоящих машинах вызывали у него страх.

Толкая вихляющуюся тележку, он прошел по одному проходу, потом по другому. Как и решил, брал только самое необходимое: молоко, сок, бекон, яйца, хлеб для сэндвичей, фрукты. Купил аспирин для матери. Похоже, помогал ей и томатный сок.

В конце прохода номер восемь его остановил коп. Высокий и широкоплечий, с карими глазами, слишком мягкими для изрезанного морщинами лица и твердого угла подбородка. По тому, как он стоял – без тележки, сунув руки в карманы, – Джонни понял, что полицейский вошел в магазин следом за ним. В пользу такого вывода говорила и вся его поза смиренного терпения.

Надо бежать.

– Эй, Джонни. Как дела?

Волосы у него были длиннее, чем помнилось Джонни, – каштановые, под цвет глаз, пронизанные недавно появившимися серебряными нитями. Спускаясь на воротник нечесаными космами, они слегка закручивались. Лицо осунулось, и какой-то частью сознания Джонни понял, что и с ним минувший год обошелся неласково. При всей своей огромности коп выглядел как будто придавленным, но поскольку таким же представлялся Джонни весь мир, наверняка он сказать бы не мог. Голос полицейского был глубокий, участливый, и вместе с ним нахлынуло столько плохих воспоминаний, что на мгновение Джонни как будто сковало. Коп подошел ближе; лицо выражало ту же задумчивость, которую Джонни видел так часто, ту же мягкую озабоченность. В нем было что-то располагающее, ему хотелось верить, но он же был одним из тех, кто допустил, чтобы Алисса исчезла. Одним из тех, кто потерял ее.

– Все хорошо, – сказал он. – Ну вы же знаете. Держусь.

Коп посмотрел на часы, потом на Джонни, его замызганную одежду, черные растрепанные волосы. Без двадцати семь, школьный день.

– От отца ничего?

– Ничего. – Джонни вдруг смутился, но попытался это скрыть. – Ни слова.

– Жаль.

Неловкий момент затягивался, но коп оставался на месте. Карие глаза не отпускали, и вблизи он выглядел таким же большим и спокойным, как и тогда, когда впервые пришел в их дом. Но то осталось в другой памяти, а теперь Джонни смотрел прямо перед собой и видел толстое запястье и чистые тупые ногти.

– Одно письмо мама получила. Сказала, что он в Чикаго и, может быть, собирается в Калифорнию. – Голос дрогнул, взгляд соскользнул с

руки на пол. – Он вернется, – уверенно добавил Джонни.

Коп кивнул и отвернулся. Спенсер Мерримон ушел через две недели после исчезновения дочери. Не выдержал боли. Не выдержал бремени вины. Жена не позволяла ему забыть, что в тот день он должен был забрать девочку, и тогда, если б только он сделал то, что полагалось, Алиссе не пришлось бы идти одной по дороге в сумерках.

– Он не виноват, – сказал Джонни.

– Я и не говорил, что виноват.

– Он работал. Забыл про время. Он не виноват.

– Ошибки случаются у каждого, сынок. У всех до единого. Твой отец – хороший человек. Не сомневайся в этом.

– Я и не сомневаюсь. – Джонни возмущенно вспыхнул.

– Хорошо.

– И никогда ничего такого не подумаю. – Джонни почувствовал, как отливает от лица кровь. Он уже не помнил, когда в последний раз так долго разговаривал с взрослым, но было в этом полицейском что-то особенное. Старый, конечно, лет сорок, но не торопится и не подгоняет, лицо теплое, располагающее и вроде бы без притворства, без расчета обмануть, втереться в доверие. Глаза всегда спокойные, не бегают. В глубине души Джонни даже надеялся, что и коп он неплохой, и сделает все как надо; но прошел год, а сестра так и не вернулась. Теперь у Джонни появились иные заботы, и никаким другом этот полицейский являться не мог.

Была служба соцобеспечения, которая только и ждала подходящего повода; были дела, которые делал он сам, места, куда ходил, когда прогуливал школьные занятия, рискованные предприятия, за которые он брался, выскальзывая из дома после полуночи. Если б коп узнал, чем занимается Джонни, ему пришлось бы принимать какие-то меры. Приемные семьи. Суды. При желании он смог бы его остановить.

– Как твоя мама? – спросил полицейский, все еще держа руку на тележке.

– Устает. У нее волчанка^[7]. Поэтому быстро устает.

Полицейский нахмурился.

– В прошлый раз, когда я нашел тебя здесь, ты сказал, что у нее болезнь Лайма^[8].

Так оно и было.

– Нет, я сказал, что у нее волчанка.

Лицо копа смягчилось, он убрал руку с тележки.

– Есть люди, они хотят помочь. Те, которые понимают.

Джонни вдруг разозлился. Никто ничего не понимал, и помощи никто не предлагал. Никогда.

– Ей просто нездоровится. Просто переутомилась.

Полицейский отвернулся, чтобы не слушать ложь, но его лицо осталось печальным, а взгляд упал на пузырек с аспирином и томатный сок. Судя по тому, на чем задержались его глаза, коп побольше многих знал и о пьяницах, и о наркоманах.

– Ты не один, кому больно, Джонни. Не один.

– И одного хватает.

Коп глубоко вздохнул, достал карточку из нагрудного кармана рубашки, написал телефонный номер на обратной ее стороне и протянул мальчику.

– Если что-то понадобится. В любое время дня и ночи. Я серьезно.

Джонни коротко взглянул на карточку и сунул ее в карман джинсов.

– Мы в порядке. – Он толкнул тележку, но полицейский опустил руку на его плечо.

– Если он еще раз тебя ударит... Тебя или твою мать...

Мальчишка напрягся и дернул плечом.

– Мы в порядке, – повторил он. – Я сам справлюсь.

С замиранием сердца – а вдруг коп остановит, станет задавать вопросы или вызовет женщину с суровым лицом из службы соцобеспечения – Джонни протиснулся мимо полицейского. Тележка зацепила прилавок возле кассы, и толстуха на продавленном стуле посмотрела на него сверху вниз. В магазине она работала недавно, и в ее лице Джонни увидел вопрос. Ему уже исполнилось тринадцать, но больше десяти никто не давал. Он достал из кармана и положил на конвейерную ленту сотенную.

– Можно, пожалуйста, побыстрее?

Кассирша надула пузырь из жвачки и недовольно нахмурилась.

– Легко, дорогуша. Давай.

Коп остался на месте, шагах в десяти у него за спиной, и, пока толстуха считала, Джонни ощущал на себе его взгляд. Он все же заставил себя дышать, и через минуту полицейский прошел мимо.

– Не потеряй карточку.

– Ладно. – Посмотреть ему в глаза Джонни не смог. Коп повернулся и улыбнулся, но не беззаботно и легкомысленно, а серьезно. – Всегда рад тебя видеть.

Он вышел из магазина, прошел мимо универсала, потом остановился и вернулся. Заглянул в окно, проверил номера и, похоже, удостоверившись, что всё в порядке, направился к своему седану, открыл дверцу и сел за руль.

Джонни постарался успокоиться и потянулся за сдачей в потной и мягкой ладони кассирши.

Коп звали Клайд Лафайет Хант. Детектив. Так было написано на карточке. Джонни собрал их целую коллекцию, и они лежали в верхнем ящике, засунутые под носки и фотографию отца. Иногда он думал о номере на карточке, а потом – о приютах и приемных семьях. Еще он думал об исчезнувшей сестре, отрезке свинцовой трубы под кроватью и о стене, от которой тянуло холодком. Скорее всего, коп по фамилии Хант говорил серьезно. Наверное, он был хорошим парнем. Но, глядя на него, Джонни невольно вспоминал сестру, а чтобы думать о ней, требовалось умственное напряжение. Нужно было представить ее живой и улыбающейся, а не лежащей в каком-нибудь подвале или багажнике автомобиля. Когда он видел ее в последний раз, ей было еще двенадцать. Двенадцать лет, черные, постриженные, как у мальчишки, волосы. Парень, видевший, как все случилось, говорил, что, когда дверца открылась, Алисса подошла к машине с улыбкой.

Так и улыбалась, пока ее не схватили.

Джонни постоянно слышал это слово. «Улыбалась». Оно застряло у него в голове и крутилось, будто короткая запись, избавиться от которой не получалось. Во сне он видел ее лицо. Видел, как она оборачивается и смотрит на убегающие вдаль дома. Видел проступающую на ее лице тревогу, видел ее крик...

Джонни вдруг заметил, что кассирша пристально смотрит на него, а он стоит с протянутой рукой, держит сдачу, а в другой у него пакет с покупками. Продолжая жевать, толстуха вскинула бровь.

– Что-нибудь еще, дорогуша?

Смущенный, Джонни скомкал бумажки и сунул их в карман.

Кассирша посмотрела мимо него на менеджера отдела за низенькой стеклянной перегородкой, и мальчик, перехватив взгляд, потянулся за пакетами. Женщина пожала плечами, и он вышел из магазина и, стараясь не смотреть в сторону детектива Ханта, направился к машине под успешным поголубеть небом. Пакеты терлись друг о друга и поскрипывали. Плескалось молоко. Джонни поставил пакеты на заднее сиденье и задержался у дверцы. Полицейский наблюдал за ним из своей машины, стоявшей неподалеку, футах в двадцати от универсала. Когда мальчик выпрямился, детектив поднял руку.

– Я умею водить, – сказал Джонни.

– Не сомневаюсь. – Ответ удивил, коп как будто улыбался. – Знаю, ты парень крутой. – Улыбка пропала. – Ты со многим можешь справиться, но

закон есть закон. – Джонни вытянулся в полный рост. – Я не могу позволить тебе вести машину.

– Оставляй ее здесь нельзя. У нас другой нет.

– Я отвезу тебя домой.

Джонни промолчал. Остался ли в доме запах бурбона? Все ли пузырьки он вынес?

– Я хочу помочь. – Коп помолчал, потом добавил: – Знаешь, люди помогают друг другу.

– Какие люди? – Горечь все-таки выплеснулась.

– Ладно, – сказал детектив Хант. – Просто скажи мне адрес.

– Вы же знаете, где я живу. Вы даже притормаживаете, когда едете мимо. Так что не притворяйтесь, будто не знаете.

– Я не пытаюсь обмануть тебя, сынок. Мне нужен точный адрес, чтобы вызвать туда патрульную машину. Потом они подбросят меня сюда.

Джонни недоверчиво посмотрел на него.

– А почему вы так часто там проезжаете?

– Как я уже сказал, есть люди, которые хотели бы вам помочь.

Джонни так и не решил, стоит верить копу или нет, но адрес назвал. Хант связался с патрульной машиной и попросил их ждать его у дома.

– Поехали.

Детектив выбрался из полицейской машины без опознавательных знаков. Джонни открыл правую дверцу, пристегнулся и затих, а коп сел за руль. Некоторое время оба молчали и не двигались.

– Я переживаю за твою сестру, – сказал наконец Хант. – И очень сожалею, что не могу вернуть ее домой. Ты ведь понимаешь, да?

Сжав на коленях кулаки, Джонни упрямо смотрел прямо перед собой. Солнце уже выскользнуло из-за деревьев и теперь гнало жар через ветровое стекло.

– Можешь что-то сказать? – спросил детектив.

Джонни повернулся.

– Вчера был год, – произнес он бесстрастным голосом и подумал, что получилось тихо и неубедительно. – Это вы знаете?

Полицейский неловко замялся.

– Да, знаю.

Джонни отвернулся.

– Может, просто поедем? Пожалуйста.

Мотор заработал, мимо окна проплыла сизая дымка.

– Ладно, – сказал Хант и переключил передачу. – Ладно.

Через город ехали молча. От копа пахло мылом и машинным маслом, и

еще, может быть, впитавшимся в одежду сигаретным дымом. Машину детектив вел так, как это делал отец Джонни, быстро и уверенно, глядя на дорогу и в зеркало заднего вида. Подъезжая к дому, Хант насупился, на скулах обозначились желваки, а Джонни вспомнил, как он сказал, что приведет Алиссу домой. Пообещал. Ровно год назад.

На подъездной дорожке их уже ждала патрульная машина. Джонни выбрался из универсала и открыл багажник, где лежали пакеты.

– Могу помочь, – предложил Хант.

Джонни посмотрел на него. Что ему нужно? Он же ее потерял.

– Я сам.

Не сводя глаз с мальчика, детектив подождал еще, а когда стало ясно, что тому нечего больше сказать, коротко кивнул.

– Ну пока.

Коп сел в машину, а Джонни, держа в руках пакеты, остался на месте. Хант помахал на прощание – он не ответил, но, стоя на пыльной дорожке, провожал машину взглядом, пока она не поднялась на холм, а потом скрылась из виду. Он подождал еще и, только когда сердце успокоилось, понес пакеты в дом.

* * *

Сложенные на столе покупки выглядели жалким холмиком, но холмиком со знаменем победы. Джонни убрал все на место, поставил кофе и разбил на сковородку одно яйцо. Голубой огонек разбежался по железному кругу, и белок потерял прозрачность. Он осторожно перевернул яйцо, потом переложил на бумажную тарелку. Зазвонил телефон. Джонни потянулся за салфеткой и, узнав номер на определителе, взял трубку еще до второго звонка. Мальчишеский голос на другом конце звучал шероховато. Пареньку тоже было тринадцать, но он курил и пил, как взрослый.

– Пропускаешь сегодня? Давай пропустим.

Джонни выглянул в коридор.

– Привет, Джек.

– Присматривал домишки на западной стороне. Дурной район. Не, точно. Там полно бывших экков. Смысл есть, если подумать.

Старая песня. Джек знал, чем занимается Джонни, когда прогуливает школу и смывается вечером из дома. И он хотел помочь – отчасти потому, что был хорошим парнем, и отчасти потому, что был плохим.

– Это тебе не игра, – сказал Джонни.

– Сам знаешь, что говорят про дареного коня. Предлагается бесплатная помощь. Такое не каждый день приваливает.

– Извини, Джек. – Джонни шумно выдохнул. – С утра всё не так.

– Мама?

Горло сдавило, и Джонни только кивнул. Джек был последним другом, единственным, кто не принимал его за фрика или жалкого бедолагу.

– Надо бы, наверное, пойти сегодня.

– А задание по истории? – напомнил Джек. – Ты сделал?

– Сдал на прошлой неделе.

– Вот дерьмо... Что, правда? А я так и не брался еще.

Джек всегда опаздывал, и учителя всегда смотрели на это сквозь пальцы. Мама Джонни однажды назвала его плутом, и это определение подходило ему как нельзя лучше. Он воровал сигареты из учительской и прилизывал волосы по пятницам. Пил больше любого подростка и врал как профессиональный лжец. Но Джек умел хранить секреты, держал слово и мог, если надо, прикрыть. Он был приятен в общении, искренен, если сам того хотел, и в какой-то момент Джонни даже приободрился, но утро с его проблемами навалилось снова.

Детектив Хант.

Стопка замусоленных бумажек у кровати матери.

– Надо идти.

– Так что, сорвешься с уроков?

– Надо идти, – повторил Джонни и положил трубку. Обидел друга, но по-другому не мог.

Он взял тарелку, сел на крыльце и съел яичницу с тремя кусочками хлеба и стаканом молока, а когда закончил, понял, что не наелся. Но до ланча оставалось всего-то четыре с половиной часа. Можно и подождать.

Добавив в молоко кофе, Джонни снова прошел по коридору к комнате матери. Аспирина на столе не было, воды в стакане тоже. Волосы соскользнули с лица, и на глазах лежала полоска солнечного света. Джонни поставил кружку на стол и открыл окно. С затененной стороны дома хлынул прохладный воздух. Джонни посмотрел на мать. Она выглядела бледнее, утомленнее, моложе и потеряннее. Так и не проснулась, чтобы выпить кофе. Но все равно, пусть стоит. На всякий случай. Чтобы знала.

Джонни уже повернулся к двери, но мать застонала во сне и задергалась. Пробормотала что-то невнятное, дрыгнула ногами, заметалась и вдруг села – в распахнутых глазах ужас.

– Господи! Господи!

Джонни стоял перед ней, но она не видела его. То, что напугало ее, не

ушло. Он наклонился, сказал, что это только сон, и она как будто узнала его.

– Алисса... – Имя прозвучало вопросом.

Джонни чувствовал – грядет буря.

– Это Джонни, – сказал он.

– Джонни? – Она моргнула, и тут день догнал ее. Отчаяние сомкнуло веки, рука упала, и она свалилась на постель.

Джонни подождал несколько секунд, но мать так и не открыла глаза.

– Ты в порядке? – спросил он наконец.

– Сон... плохой...

– Есть кофе. Хочешь позавтракать?

– К черту. – Она отбросила одеяло и вышла из комнаты. Не оглянувшись.

В ванной хлопнула дверь.

Джонни вышел и сел на крыльцо. Через пять минут на пыльной обочине остановился школьный автобус. Джонни не поднялся, не сдвинулся с места. Автобус постоял и покатил дальше.

* * *

Прошел почти час, прежде чем она оделась и нашла его на крыльце. Опустилась рядом, обхватила тонкими руками колени. Попытка улыбнуться закончилась жалким ничем, а ведь когда-то – Джонни помнил – ее улыбка освещала всю комнату.

– Извини. – Мать толкнула его в плечо. Он посмотрел на дорогу. Она снова толкнула его. – Извини. Ты же знаешь...

Джонни не знал, что сказать, не мог объяснить, каково это – знать, что ей больно смотреть на него. Он пожал плечами.

– Ничего.

Она искала нужные слова. И не нашла.

– Ты пропустил автобус.

– Неважно.

– Важно. Для школы.

– У меня отличные оценки. Всем все равно, есть я там или нет.

– Ты ходишь к школьному консультанту?

Джонни посмотрел на нее холодным, непрощающим взглядом.

– Нет. Уже полгода.

– О...

Джонни снова повернулся к дороге. Он чувствовал, что мать

наблюдает за ним. Когда-то она была в курсе всего. Они разговаривали.

– Он не вернется, – с надрывом сказала мать.

– Что?

– Ты постоянно смотришь на дорогу. Как будто надеешься увидеть, как он появится на холме.

Джонни открыл рот, но она опередила его.

– Он не вернется.

– Ты этого не знаешь.

– Я только пытаюсь...

– Ты этого не знаешь!

Джонни не помнил, когда успел встать. Второй раз за утро он стоял, сжав кулаки, и что-то горячее билось в стенки груди. Мать отклонилась назад, но не убрала руки с колен. Свет в ее глазах погас, и Джонни уже знал, что будет дальше. Она протянула было руку, но уронила ее, так и не коснувшись сына.

– Он бросил нас, Джонни. Ты не виноват.

Мать начала подниматься. Ее губы смягчились, на лице проступило выражение мучительного понимания, то выражение, с которым взрослые смотрят на несмышленных детей, которые не представляют, как устроен мир. Но Джонни представлял. А еще он знал это ее выражение и терпеть его не мог.

– Ты не должна была говорить то, что сказала.

– Джонни...

– Он не виноват, что ее забрали. Ты не должна была так ему говорить.

Она шагнула к нему, но Джонни сделал вид, что не заметил.

– Он ушел из-за тебя.

Мать замерла на полушаге, и теперь в ее голосе зазвенел лед.

– Он виноват. Он, и никто больше. Теперь ее нет, и у меня не осталось ничего.

Дрожь началась в ногах, но через несколько секунд разбежалась по телу. Они спорили не впервые, и каждый раз внутри у него все разрывалось.

Мать выпрямилась и отвернулась.

– Ты всегда принимаешь его сторону.

Она вернулась в дом. Укрылась от мира и своего последнего оставшегося в нем ребенка.

Джонни посмотрел на дверь с облезшей краской, потом на свои руки. Они дрожали. Он с усилием сглотнул и снова сел. Ветер гнал пыль по дороге.

Джонни подумал о словах матери. Посмотрел на далекий холм. Ничего особенного. Неровно обрезанный край леса, пятнышки домиков, грунтовые дорожки, нити телефонных проводов, провисшие между столбами и кажущиеся черными на фоне чистого, новенького неба. Джонни смотрел на холм, пока не заныла шея, а потом поднялся и вернулся в дом – проверить, как там мать.

Глава 2

Пузырек с викоудином стоял на полочке в ванной, дверь в комнату матери была закрыта. Джонни осторожно приоткрыл ее и, присмотревшись, увидел, что мать лежит под простыней и, похоже, спит. Под хриплым дыханием покоилась глубокая, ничем не нарушаемая тишина. Он притворил дверь и вернулся в свою комнату.

Старая кожа лежащего под кроватью чемодана местами потрескалась и потемнела вокруг петель, один ремень давно оторвался, но Джонни не выбрасывал чемодан, потому что когда-то он принадлежал его прапрадеду. Факт этот подтверждала стершаяся монограмма, разглядеть которую можно было под наклоном. «Дж. П. М.» – Джон Пендлтон Мерримон; предок носил то же имя, что и Джонни.

Он вытащил чемодан, положил его на кровать и расстегнул последнюю пряжку. Неуклюже вскинутая крышка прильнула к стене. Ее внутреннюю сторону украшал коллаж из дюжины фотографий. На большинстве была его сестра, но на двух они стояли вместе, как двойняшки, деля одну на двоих улыбку. Джонни коротко коснулся одного из снимков и прошел взглядом по другим, с его отцом. Спенсер Мерримон был крупным мужчиной с большими, квадратными зубами и беззаботной улыбкой, строителем с грубыми, сильными руками, спокойной уверенностью в себе и той внутренней моральной твердостью, что всегда отзывалась у Джонни сыновней гордостью. Отец многому научил Джонни: водить машину, высоко держать голову и принимать верные решения. Отец показал ему, как устроен мир, научил, чему и во что верить: семья, Бог, сообщество. Отцу Джонни был обязан своим пониманием того, что значит быть мужчиной.

Так было до самого конца, когда отец ушел из дома.

И теперь все, чему Джонни научился и во что твердо верил, оказалось под вопросом. Богу не было никакого дела до тех, кому больно. До тех, кто мал. В мире не было ни справедливости, ни воздаяния, ни сообщества; соседи не протягивали руку помощи соседям, и кроткие не наследовали землю. Все это оказалось чушью. Церковь, копы, его мать – никто из них не мог исправить зло, никто из них не обладал такой силой. Вот уже год Джонни жил с новой, жестокой истиной, состоявшей в том, что он предоставлен сам себе. Но так оно и было. То, что считалось незыблемым и твердым вчера, сегодня рассыпалось в песок; сила оказалась иллюзией;

вера не значила ровным счетом ничего. И что? А то, что прежний, яркий, солнечный мир погрузился в холодный, влажный туман. Такой была теперь жизнь, новый порядок. Кроме себя, верить было не во что, и теперь Джонни шел своим путем, не оглядывался и сам принимал решения.

Фотографии отца... Вот он за рулем пикапа, в солнцезащитных очках, улыбающийся. А вот стоит на гребне крыши со сползшим на одну сторону поясом для инструментов. Отец выглядел сильным: подбородок, плечи, густые баки. Намек на те же черты Джонни искал и в себе, но он был слишком хрупким, мелким, слишком светлокожим. Он не выглядел сильным, но так только казалось.

На самом деле Джонни был сильным.

Так и сказал себе: *буду сильным.*

С остальным было труднее, поэтому он и не пробовал, не желал слушать тихий детский голосок, звучащий из какого-то дальнего уголка сознания. Стиснул зубы, еще раз дотронулся до фотографии и закрыл глаза, а когда снова открыл, мимолетное чувство уже ушло.

Он не был одинок.

В чемодане хранились все те вещи, по которым Алисса скучала бы больше всего, вещи, которые хотела бы увидеть, вернувшись домой. Джонни начал перебирать их одну за другой: ее нечитанный дневник; две мягкие игрушки, сохранившиеся с незапамятных времен; три фотоальбома; школьные ежегодники; любимые компакт-диски; коробочка с записками, которые она получила в школе и хранила как сокровище.

Не раз и не два мать спрашивала, что такое он держит в чемодане, но Джонни хватало ума не говорить. Мало ли что случится, если она вдруг перепутает таблетки. Вполне может выбросить все или сложит во дворе и подожжет, а сама будет стоять, будто зомби, или кричать, как тяжелы воспоминания... Такая судьба уже постигла другие фотографии отца и всякие дорогие сердцу Алиссы мелочи, заполнявшие когда-то комнату сестры. Они либо растворились в ночи, либо были поглощены клокочущим ураганом, носившим имя ее матери.

На дне чемодана хранилась зеленая папка, а в папке – тонкая стопка карт и фотография Алиссы, восемь на десять. Джонни отложил в сторонку фотографию и расстелил карты. Одна, крупномасштабная, показывала округ, угнездившийся в восточной части Северной Каролины таким образом, что оказался не вполне в песчаных холмах, не вполне в предгорьях и не вполне в пойме реки; в двух часах езды от Роли и в часе езды от побережья. Северную часть округа занимали лес, болото и тридцатимильный гранитный выступ, где когда-то добывали золото.

Текущая с севера река пересекала округ, проходя в нескольких милях от города. К западу от него лежали черноземные земли, идеально подходящие для виноградарства и земледелия, к востоку – песчаные холмы, славящиеся высококлассными полями для гольфа, а еще дальше – цепочка бедных, из последних сил выживающих городишек. Некоторые из них Джонни проезжал и помнил заросшие травой сточные канавы, заколоченные фабрики и магазины спиртных напитков, сломленных мужчин, сидящих в тени и пьющих из бутылок в коричневых бумажных пакетах. В пятидесяти милях за последним из этих умирающих городков дорога упиралась в Уилмингтон и Атлантический океан. Ниже, за изгибом карты, находилась другая, незнакомая страна – Южная Каролина.

Джонни вернул большую карту в папку. Другие карты показывали городские улицы. Красными чернилами были помечены номера улиц, маленькими крестиками – отдельные дома, поля исписаны примечаниями. Некоторые кварталы оставались свободными от пометок, а несколько были полностью перечеркнуты. Джонни посмотрел на западную сторону города. Интересно, о какой ее части говорил Джек? Надо будет спросить. Потом.

Он задержался над картой еще на несколько секунд, потом сложил ее и отодвинул. Вещи Алиссы вернулись на место, чемодан – под кровать. Джонни взял большую фотографию и сунул в задний карман красную ручку.

Он уже вышел на крыльцо и закрывал за собой дверь, когда на подъездную дорожку свернул фургон с облупленным капотом и помятым, ржавым правым крылом. Трясаясь и дребезжа, машина покатила по дорожке, и Джонни при виде ее испытал что-то вроде смятения. Он отвернулся, скатал карту и сунул в тот же карман, где уже лежала ручка. Фотография осталась в руке, чтобы не мять ее. Фургон остановился, и за стеклом мелькнуло что-то синее. Стекло опустилось, явив необычайно бледное, опухшее лицо.

– Залазь, – сказал мужчина.

Джонни сошел с крыльца, пересек узкую полоску травы и остановился, не дойдя до края дорожки.

– Что ты здесь делаешь, Стив?

– Дядя Стив.

– Ты мне не дядя.

Дверца скрипнула, из машины вышел мужчина в синем комбинезоне с золотой нашивкой на правом плече и тяжелым черным ремнем на поясе.

– Я – двоюродный брат твоего отца, а это почти дядя. К тому же ты сам с трех лет называл меня дядей Стивом.

– Дядя – это родной человек, семья, а в семье все помогают друг другу. Тебя мы не видели шесть недель, а до того – еще месяц. Где ты был?

Стив зацепился большими пальцами за ремень, отчего жесткий винил скрипнул.

– Твоя мамочка водит теперь компанию с богатенькими ребятами... Хорошо устроилась, жизнь – лафа. – Он махнул рукой. – Бесплатный дом. Работать не надо. Черт, сынок, что такое я могу сделать для нее, чего не сделает, да еще в тысячу раз лучше, ее бойфренд? У него торговый центр, у него кинотеатры. Да у него полгорода в кармане. Зачем ему нужно, чтобы такие, как я, становились у него на дороге?

– Становились на дороге? – недоверчиво повторил Джонни.

– Я не то...

– Да ты его боишься...

– Он подписывает мне чеки. Мне и еще четырём сотням ребят. Если б он твою мать обижал или что-то такое, это одно. Но он же ей помогает, да? Так зачем мне ему мешать? Твой отец меня понял бы.

Джонни отвернулся.

– Ты на смену не опаздываешь?

– Опаздываю. Так что садись давай.

Джонни остался на месте.

– Что ты здесь делаешь, дядя Стив?

– Твоя мать позвонила. Спросила, не могу ли я отвезти тебя в школу. Сказала, что ты автобус пропустил.

– Я в школу не пойду.

– Пойдешь.

– Не пойду.

– Господи, Джонни, почему с тобой так трудно? Почему ты все превращаешь в проблему? Давай садись.

– А почему бы тебе просто не сказать ей, что отвез меня, и дело с концом?

– Обещал отвезти, так что придется. И пока ты в машину не сядешь, я никуда не поеду. А если понадобится, силой заставлю.

– Ты же не коп, Стив. – Голос Джонни сочился презрением. – Ты всего лишь охранник. И заставить меня не можешь.

– Чтоб тебя, – выругался Стив. – Подожди здесь.

Он прошел мимо Джонни, и на ремне у него что-то звякнуло. Форма выглядела как новая, и штанины терлись одна о другую.

– Ты что делаешь?

– Поговорю с твоей мамашей.

– Она спит.

– Значит, разбужу. А ты не вздумай уйти. Я серьезно.

С этими словами он вошел в дом, пропахший пролитой выпивкой и чистящим средством. Дверь захлопнулась. Джонни посмотрел на свой велосипед. Можно, пока дядя Стив не вернулся, сесть и уехать, но сильный человек так не поступает. Он вынул из кармана карту, разглядел ее на груди, перевел дух и вошел в дом – решать проблему.

В доме было тихо и все еще сумрачно. Джонни свернул в короткий коридор и остановился. Дверь в комнату матери была открыта, и перед ней, словно замерев, стоял дядя Стив. Джонни наблюдал за ним целую секунду, но Стив даже не пошевелился и ничего не сказал. Джонни шагнул ближе, и ему открылся узкий угол комнаты. Мать спала, лежа на спине и укрывшись рукой от солнца. Одеяло сползло, и Джонни увидел, что она раздета. Теперь он понял, что случилось.

– Какого черта? Какого черта, Стив?

Дядя виновато дернулся и вскинул руки с растопыренными пальцами.

– Это не то, что ты думаешь.

Джонни не слушал. Сделав пять быстрых шагов, он закрыл дверь. Мать не проснулась. Джонни прислонился спиной к стене и вдруг почувствовал, что в глазах будто полыхнул огонь.

– Ты больной, Стив. Она моя мать. – Он огляделся, словно искал взглядом палку или битую, но ничего такого не обнаружил. – Да что с тобой такое?

Глаза дяди Стива переполнились отчаянием.

– Я только открыл дверь. У меня и в мыслях ничего такого не было... Богом клянусь. Я не такой, не думай. Клянусь тебе.

Лицо его покрылось пленкой мутного сального пота. Он так испугался, что на него было жалко смотреть. Джонни так и подмывало врезать ему ногой по яйцам, повалить на пол, достать из-под кровати обрезок трубы и расплющить эти чертовы яйца. Но он подумал о фотографии Алиссы и обо всем том, что еще предстояло сделать. Прошедший год многому его научил, и теперь Джонни знал, как сдерживать эмоции. У него дела, и помощь Стива лишней не будет.

– Скажешь ей, что отвез меня в школу, – твердо, не повышая голоса, сказал Джонни и подошел ближе. – Так и скажешь, если спросит.

– И ты ничего ей...

– Нет, если сделаешь, как я говорю.

– Честно?

– Иди, дядя Стив. Поезжай на работу.

Все еще держа руки вверх, Стив протиснулся мимо.

– Я ничего такого...

Джонни не ответил. Он закрыл дверь, расстелил карту на кухонном столе и достал красную ручку. Разгладил ладонью смятую бумагу, провел пальцем к кварталу, в котором работал последние три недели.

И выбрал наугад улицу.

Глава 3

Детектив Хант сидел за заваленным бумагами столом в своем тесном офисе. Папки лежали и на картотечных шкафах, и на незанятых стульях. Немытые кофейные чашки соседствовали со служебными записками, которые так и остались непрочитанными. Часы показывали без четверти десять. Здесь давно требовалось навести порядок, но ни твердости духа, ни сил для решения задачи не находилось. Хант поскреб лицо и с ожесточением – так что посыпались искры – потер глаза. Лицо под ладонями ощущалось как что-то грубое и щетинистое, и детектив знал, что выглядит никак не меньше, чем на все свои сорок и еще один год. За последнее время он так сильно похудел, что костюмы висели на нем как на вешалке. В спортзале и стрелковом тире его не видели месяцев шесть. Поест больше одного раза в день получалось редко, но все это не имело значения.

Сейчас перед ним лежала копия дела Алиссы Мерримон. Вторая копия, захватанная, с загнутыми уголками страниц, хранилась дома, в запортом на ключ ящике стола. Хант листал страницы методично, вчитываясь в каждое слово: полицейские отчеты, протоколы опроса свидетелей, заключения. Сама Алисса смотрела на него с увеличенной школьной фотографии. Черные, как у брата, волосы. То же телосложение, те же темные глаза. Затаенная улыбка. Воздушная легкость, унаследованная от матери, нечто неуловимо-изысканное, для определения чего Хант, как ни старался, так и не нашел подходящего слова. Может быть, дело в слегка раскосых глазах? Или в прижатых ушах и фарфоровой коже? В общем выражении невинности? К этому последнему Хант возвращался чаще всего. Девочка выглядела так, словно за всю свою жизнь не допустила ни одной нечестивой мысли, не сотворила ни одного недостойного поступка. Качество это, в той или иной степени, было присуще и ее матери, и брату, но в ней оно проявлялось сильнее всего.

Хант еще раз потер колючую физиономию.

Он понимал, что принял дело слишком близко к сердцу, но оно взяло его за горло и не отпускало. Один лишь беглый взгляд на офис показывал всю глубину его падения. Другие дела, другие люди требовали к себе внимания. Реальные, живые люди, пострадавшие так же, как Мерримоны. Но они отступили на второй план, отошли в тень, а почему, он и сам не мог бы объяснить. Пропавшая девочка проникла даже в его сны. Она приходила

в той же, что и в день похищения, одежде: линялых желтых шортах и белом топе. Бледная. С короткими волосами. Восемьдесят фунтов. Жаркий весенний день. Никакого указания на то, когда именно это случилось. Сон начинался внезапно, словно вдруг выстреливала пушка, и сцена заполнялась цветом и звуком. Что-то затягивало ее в некое темное место под деревьями, тащило сквозь теплые, прелые листья. Протянутая рука, раскрытый в крике рот, белые-белые зубы. Он нырял за этой рукой, промахивался, и она вскрикивала, а длинные пальцы увлекали ее в неведомый темный тайник.

Когда такое случалось, Хант просыпался в поту, размахивая руками, будто разбрасывал листья. Сон находил его два-три раза в неделю и повторялся без изменений, совпадая во всех деталях. Он выбирался из постели, обычно около трех часов ночи, еще дрожа, умывался холодной водой и долго смотрел в покрасневшие глаза, потом спускался вниз и корпел над бумагами оставшиеся до утра часы, пока не вставал сын и новый день не вцеплялся в него длинными пальцами.

Сон стал его персональным адом, дело – религиозным ритуалом, и вместе они пожирала детектива заживо.

– Доброе утро.

Хант вздрогнул, поднял голову. На пороге стоял Джон Йокам, его напарник и друг.

– А, Джон... Доброе утро.

Йокаму шел шестьдесят четвертый год. Его каштановые волосы сильно поредели, а эспаньолку прошили серые нити. Худощавый, но подтянутый, умный, но чересчур сметливый и донельзя циничный. Напарниками они были четыре года, вместе отработали с дюжину дел, и Хант относился к Йокаму с большой симпатией. Сдержанный и смекалистый, Джон обладал редкой проницательностью для работы, которая и не требовала меньшего. Он работал сколько нужно, когда того требовало дело, прикрывал напарника с тыла, а если и бывал чуточку мрачноват, чуточку замкнут, то Ханту это не мешало.

Йокам покачал головой.

– Хотел бы я прожить ночь так, чтобы выглядеть, как ты сейчас.

– Вот уж нет.

– Знаю, Клайд, – тут же посерьезнел Йокам. – Это я так, шучу. – Он показал пальцем за спину. – Там звонят. Подумал, может, возьмешь...

– Возьму. А что такое?

– Насчет Джонни Мерримона.

– Серьезно?

– Какая-то леди. Хочет поговорить с копом. Я сказал, что единственный настоящий коп здесь сегодня – это я. Что есть еще эмоционально покалеченный и с навязчивым неврозом, вроде бы смахивавший когда-то на копа. Что она может и его поиметь. То есть обоих. Одновременно.

– Ладно, умник. На какой линии?

Йокам продемонстрировал свои прекрасные фарфоровые зубы.

– На третьей, – сказал он и вышел с видом важной птицы.

Хант взял трубку и нажал кнопку «флэш».

– Детектив Хант.

Молчание, потом женский голос. Старческий.

– Детектив? Не знаю, нужен ли мне детектив... Вообще-то дело не такое уж и важное. Я просто подумала, что кто-то должен знать.

– Все в порядке, мэм. Ваше имя, пожалуйста.

– Луиза Спэрроу. Как птичка^[9].

Голос подходящий.

– Что вас беспокоит, миз^[10] Спэрроу?

– Тот бедненький мальчик. Вы, наверное, знаете, у него пропала сестра...

– Джонни Мерримон.

– Да, он самый. Бедняжка... – Она помолчала секунду-другую, после чего ее голос окреп. – Он был у меня дома... только что.

– С фотографией сестры, – вставил Хант.

– О... Да. А как вы узнали?

Хант не ответил.

– Пожалуйста, мэм, ваш адрес.

– У него же все хорошо, да? Знаю, пройти через такое... Просто сегодня ведь обычный день, дети в школе, и это все так печально... видеть ее фотографию, и его самого... они так похожи, а он как будто и не вырос, но задает эти вопросы, словно я могла иметь какое-то отношение...

Мальчишка у бакалейного магазина. Глубоко посаженные глаза. Настороженность.

– Миссис Спэрроу...

– Да.

– Мне все же нужен ваш адрес.

Джонни Мерримона Хант нашел в квартале от дома Луизы Спэрроу. Мальчик сидел на бордюре, свесив ноги в сточную канаву. На рубашке темнели пятна пота, влажные волосы склеились на лбу. Видавший виды велосипед лежал там, где бросили, наполовину в траве чьей-то лужайки. Склонившись над развернутой картой, накрывавшей его ноги, как одеяло, Джонни задумчиво кусал ручку. Из состояния полной сосредоточенности его вывел лишь стук дверцы. В этот момент мальчик напомнил детективу испуганного зверька, но уже в следующий он взял себя в руки. В его глазах промелькнуло узнавание, потом решимость и что-то более глубокое.

Согласие с собой.

И коварство.

Мальчишка смерил глазами расстояние, словно прикидывая, успеет ли вскочить на велик и сбежать. Он даже рискнул бросить взгляд на ближайший лесок, но Хант уже подошел ближе.

– Здравствуйте, детектив.

Хант снял очки. Его тень упала на ноги мальчика.

– Здравствуй, Джонни.

Тот начал складывать карту.

– Я знаю, что вы хотите сказать, так что можете не говорить.

Хант протянул руку.

– Можно посмотреть карту? – Джонни замер, и на его лице снова появилось выражение загнанного зверька. Он пробежал взглядом по длинной улице, потом посмотрел на карту. – Видишь ли, я слышал про нее, – продолжал Хант, глядя мальчику в глаза. – Сначала не поверил, но люди говорили... Сколько раз, Джонни? Сколько раз я предупреждал тебя об этом? Четыре? Пять?

– Семь, – едва слышно ответил Джонни, вцепившись в карту побелевшими от напряжения пальцами.

– Я верну ее тебе.

Мальчик поднял голову, и в его глазах уже не было никакой хитрости. Детектив видел перед собой ребенка. Испуганного ребенка.

– Обещаете?

Какой же он маленький.

– Обещаю.

Джонни поднял руку, и Хант взял карту. Мягкая, мягкая, с бледными полосами от складок. Детектив опустился на бордюр рядом с мальчиком, развернул большой лист с фиолетовыми чернильными пометками на белой бумаге. Это была так называемая налоговая карта, с фамилиями и адресами, и она покрывала лишь часть города, может быть, около тысячи

домохозяйств. Примерно половину из них перечеркивал красный крестик.

– Где ты ее взял?

– У налогового инспектора. Они недорогие.

– Есть все? На весь округ?

Джонни кивнул.

– Красные пометки?

– Дома, где я был. Люди, с которыми разговаривал.

Хант даже не нашелся что сказать. Это сколько ж надо времени, чтобы объехать такую территорию на разбитом велосипеде...

– А те, что со звездочкой?

– Одинокие мужчины. У меня от этих типов мурашки по коже бегали.

Хант сложил карту и протянул ее мальчику.

– На других картах такие же пометки?

– На некоторых.

– Это нужно прекратить.

– Но...

– Нет, Джонни. Это нужно прекратить. Ты вторгаешься в частную жизнь. К нам поступают жалобы.

Джонни поднялся.

– Я никаких законов не нарушаю.

– Ты – прогульщик. Вот и сейчас пропускаешь занятия. К тому же это опасно. Ты понятия не имеешь, кто живет в этих домах. – Хант щелкнул по карте, и Джонни убрал ее. – Я не могу потерять еще одного ребенка.

– Я сам о себе позабочусь.

– Да, ты уже говорил это сегодня утром.

Джонни отвернулся, а Хант, скользнув взглядом по узкой скуле с желваком под натянутой кожей, заметил на его шее шнурок с перышком. Яркое, светло-серое, оно выделялось на фоне застиранной рубашки.

– Это что? – спросил он, меняя тему.

Джонни торопливо убрал перо под рубашку.

– Пенек.

– Пенек?

– Ну зачаток пера. На удачу.

Еще одно перо детектив увидел на велосипеде, большое, коричневое.

– А то? – Он показал на перо. – Оно чье? Ястреба? Совы?

Джонни не ответил, и его лицо не выразило никаких эмоций.

– Тоже на удачу?

– Нет. – Джонни помолчал, отвел глаза. – Это другое.

– Послушай...

– Вы видели в новостях на прошлой неделе? Нашли ту похищенную в Колорадо. Знаете про нее?

– Знаю.

– Пропала год назад, а нашли в трех кварталах от дома. И все это время была там, меньше чем в миле от семьи. Сидела под замком в какой-то вонючей дыре, в подвале. С ведром и матрасом.

– Джонни...

– В новостях показывали фотографии. Ведро. Свеча. Грязный матрас. Низкий потолок, четыре фута. Но ее же нашли.

– Всего лишь один такой случай.

– Они все похожи. – Джонни повернулся к Ханту; казалось, глаза его потемнели еще больше. – Всегда сосед или друг, кто-то, кого ребенок знает или мимо чьего дома проходит каждый день. И находят их всегда неподалеку. Даже если мертвые, они всегда близко.

– Это не всегда так.

– Но иногда, иногда так.

Хант поднялся.

– Иногда, – мягко сказал он.

– Если вы бросили дело, это не значит, что и я должен.

Глядя на мальчишку, видя его отчаянную убежденность, Хант испытал глубокую печаль. Будучи ведущим детективом департамента полиции, он участвовал во многих расследованиях и потому взял дело об исчезновении Алиссы на себя, сделав больше, чем кто-либо другой, для возвращения бедной девочки домой. Он отдал расследованию многие месяцы и настолько пренебрег собственной семьей, что жена, в отчаянии и тихом гневе, в конце концов ушла от него. И все ради чего? Алисса пропала. Пропала бесследно, и им еще повезет, если удастся обнаружить хотя бы ее останки. Случай в Колорадо не значил ровным счетом ничего. Хант знал статистику: большинство похищенных не доживали до следующего дня. Вот только легче от этого не становилось. Он по-прежнему хотел вернуть девочку домой. Так или иначе.

– Дело не закрыто, сынок. Никто ничего не бросил.

Джонни поднял велосипед, скатал карту и сунул в задний карман.

– Мне надо идти.

Детектив положил руку на руль, горячий от солнца и шершавый от ржавчины.

– Я давал тебе послабление. Больше не могу. Это нужно прекратить.

Джонни потянул велосипед на себя, но не сдвинул и на дюйм^[11].

– Я могу сам о себе позаботиться, – едва ли не прокричал он.

Хант впервые услышал, чтобы мальчишка говорил так громко.

– В том-то все и дело. Не ты должен заботиться о себе. Это обязанность твоей матери, а она, честно говоря, и за собой-то приглядеть не может, не говоря уже о тринадцатилетнем мальчишке.

– Думайте что хотите, но вы ничего не знаете.

Удержав его взгляд еще на секунду, Хант увидел, что злость в темных глазах сменилась испугом, и понял, как сильно нужна мальчику его надежда. Но мир недобр к детям, и запас терпения в отношении Джонни Мерримона у него исчерпан.

– Если поднимешь сейчас рубашку, сколько синяков я увижу?

– Я сам могу о себе позаботиться.

Заявление прозвучало заученно и неубедительно, и Хант понизил голос.

– Я ничего не могу сделать, если ты перестанешь со мной разговаривать.

Джонни выпрямился и отпустил велосипед.

– Я пойду пешком, – сказал он и повернулся.

– Джонни.

Мальчишка будто и не слышал.

– Джонни!

Теперь он остановился.

Хант подвел к нему велосипед. Спицы на ходу пощелкивали.

Джонни положил руки на руль.

– У тебя есть моя карточка?

Паренек кивнул.

Хант шумно выдохнул. Он и сам не мог объяснить, что так тянуло его к Джонни. Может, он видел в нем что-то? Или острее, чем следовало бы, чувствовал его боль?

– Не потеряй. Держи при себе. Звони в любое время. О'кей?

– О'кей.

– И я не хочу больше слушать жалобы на тебя.

Джонни промолчал.

– Сейчас прямо в школу?

Молчание.

Хант посмотрел на чистое голубое небо, потом снова на мальчика. Черные влажные волосы, упрямый подбородок.

– Будь осторожен, Джонни.

Глава 4

Люди – не праведники. Копу это прекрасно известно. Джонни столько раз заглядывал через чужие заборы и в чужие окна, что уже и счет потерял. Невзирая на время, он стучался в чужие двери и повидал немало такого, чего и быть не должно. Он видел, что делают люди, когда думают, что они одни и за ними никто не наблюдает. Видел, как дети нюхают «дурь» и как старики едят валявшуюся на полу пищу. Видел, как краснорожий проповедник в одном нижнем белье орет на плачущую жену. Но Джонни был не дурак и знал, что безумцы могут выглядеть как нормальные люди. Вот почему он старался не поднимать головы, завязывал шнурки потуже и носил в кармане нож.

Джонни был осторожен.

Джонни был умен.

Он проехал не оглядываясь два квартала, а когда обернулся, увидел, что Хант все еще стоит на дороге – далекое пестрое пятнышко рядом с темной машиной и зеленой травой. Еще секунду детектив был неподвижен, потом поднял руку и медленно помахал, а Джонни налег на педали и больше назад уже не смотрел.

Коп пугал его – откуда ему известно то, что известно?

Пять.

Число само выскочило в голове.

Пять синяков.

Джонни наподдал еще и давил на педали, пока рубашка не приклеилась к спине, как вторая кожа. Он мчался на север, к дальней окраине города, к тому месту, где река ныряла под мост и расширялась, замедляя ход. Проехав по берегу, остановился и бросил велосипед в траву. В ушах гудела кровь, во рту ощущался соленый привкус. Пот жег глаза, и он вытер их грязным рукавом рубашки. Здесь они рыбачили с отцом. Джонни знал, где найти окуня и гигантского сома, зарывающегося в ил на пять футов, но теперь это было уже не важно. Он больше не рыбачил, но по-прежнему приезжал сюда.

Это место оставалось его местом.

Джонни сел на землю развязать шнурки. Пальцы почему-то дрожали. Разувшись, коснулся пером щеки и завернул его в рубашку. Солнце обжигало кожу. Он осмотрел синяки, самый большой из которых размером и формой напоминал колено взрослого мужчины. Пятно расплзлось по

ребрам с левой стороны, там, где Кен удерживал его коленом, надавливая каждый раз, когда Джонни дергался, пытаясь вывернуться.

Он поворочал плечами, стараясь забыть и колено на груди, и нацеленный в лицо палец.

«Будешь, гаденыш, делать, что я скажу...»

И оплеуха – сначала по одной щеке, потом по другой. А мать, отключившись, лежала в задней комнате.

«Маленький говнюк...»

Еще одна пощечина, сильнее.

«Ну и где твой папочка?»

Синяк пожелтел по краям и позеленел в середине; если надавить пальцем, больно было и сейчас. Кожа на секунду побелела – еще один идеально ровный овал – и снова заплыла синюшным цветом. Джонни снова потер глаза и, направившись к реке, споткнулся. Он ступил на дно, и оно протиснулось между пальцами; потом нырнул, и теплая вода сомкнулась над ним. Обняла, отключила от мира и понесла, легко, словно и не заметив, с собой.

* * *

На реке Джонни провел часа два. Рисковать и продолжать поиски он после предупреждений детектива не решился. Переплыл реку туда и обратно, понырлял, прыгая с плоских раскаленных камней. На берегу серебристыми штабелями лежал сплавной лес, ветерок облизывал воду. Ближе к полудню Джонни так вымотался, что растянулся на большом камне футах в сорока от моста, укрытый раскидистой ивой, полоскавшей длинные ветви в черной воде. Мост гудел от проезжавших по нему машин. Возле головы звякнул камушек. Джонни сел, и тут же другой ударил его в плечо. Он огляделся – никого. Третий задел ногу. Этот был побольше, так что получилось больно.

– Бросишь еще – и ты мертвец.

Тишина.

– Я же знаю, что это ты, Джек.

Сначала раздался смех, а потом из-за деревьев вышел Джек – в обрезанных джинсах и грязных кедах. На желтовато-белой рубашке красовался черный силуэт Элвиса. На спине у него висел рюкзак, в руке Джек держал еще несколько камешков. Рот скривила гримаса, волосы зачесаны назад. Джонни и забыл, что уже пятница.

– За то, что сдернул с уроков без меня. – Джек подошел ближе – мелкий, светловолосый парнишка с карими глазами и покалеченной рукой. Правая была в порядке, но взгляд невольно тянулся к другой, съездившейся и выглядевшей так, словно ее взяли у шестилетнего ребенка и приколотили к мальчишке вдвое старшего возраста.

– Сердишься? – спросил Джонни.

– Ага.

– Можешь стукнуть меня бесплатно – и мы квиты.

– Три раза, – с жестокой улыбочкой сказал Джек.

– Твоей девчоночьей рукой можно три.

– Два – кувалдой. – Джек сжал правый, здоровый кулак, и улыбка съехала набок. – Не дергаться. – Он подступил еще ближе, и Джонни расслабил и опустил руку. Джек расставил ноги и отвел кулак. – Будет больно.

– Да бей ты, слабак.

Джек дважды ударил друга в руку. Ударил серьезно, сильно – и отступил, довольный.

– Вот тебе, получил.

Джонни помял руку и бросил в Джека камешком. Тот уклонился.

– Ты как догадался, что я здесь?

– Да как два пальца об асфальт.

– Тогда почему так долго?

Джек сел на камень рядом с Джонни, сбросил с плеч рюкзак, стащил рубашку. Кожа у него обгорела и шелушилась на плечах. С шеи свисал серебряный крестик на тонкой стальной цепочке. Джек стал открывать рюкзак, и крестик перевернулся и блеснул на солнце.

– Пришлось сходить домой за припасами. Там еще и отец был.

– Он же тебя не видел? – Отец Джека, мужчина серьезный и строгий, был полицейским, и сын избегал его как чумы.

– Я что, похож на идиота? – Джек сунул руку в рюкзак. – Еще холодное, – сказал он, доставая банку пива и передавая ее другу. За первой последовала вторая.

– Крадешь пиво... – Джонни покачал головой. – Гореть тебе в аду.

Джек улыбнулся, как будто оскалился.

– Господь прощает мелкие прегрешения.

– Твоя мама не так говорит.

Он коротко усмехнулся.

– Моя мама уже готова омыwać ноги и заклинать змей. Да ты сам знаешь. Она молится за мою душу так, словно я в любой момент могу

вспыхнуть и сгореть. И дома молится. И на людях.

– Ну да?

– Помнишь, меня застукали, когда я сжульничал?

Три месяца назад.

– Да. На уроке истории.

– Нас вызвали к директору. Так она заставила его опуститься на колени и молить Бога, чтобы направил меня на путь истинный.

– Чушь.

– Никакая и не чушь. Она так его напугала, ты бы видел: весь скорчился, а сам одним глазом щурится – не смотрит ли она на него. – Джек открыл банку и пожал плечами. – Да только он не виноват. Она ж сама с дуба рухнула и теперь меня за собой тащит. На прошлой неделе упросила проповедника молиться за меня.

– С какой стати?

– На тот случай, если я себя трогаю.

– Поверить не могу.

– Жизнь – комедия, – изрек Джек, но на улыбку его уже не хватило.

Его мать была жутко религиозной, заново рожденной и спуска никому не давала. Джеку она постоянно грозила адским пламенем и вечным проклятьем. Он отбивался, но защита уже давала трещины.

Джонни открыл свое пиво.

– Она знает, что твой отец еще выпивает?

– Сказала, что Господь это осуждает, так что папаня перенес пивной холодильник в гараж. И крепкую выпивку тоже. Похоже, вопрос решен.

Джек фыркнул. Джонни приложился к банке.

– Дерьмовое пиво.

– Бедняки, приятель, не выбирают. Не напрашивайся, а то стукну. – Джек выдул остаток, сунул пустую банку в рюкзак и достал третью.

– Ты историю сделал?

– Что я сказал насчет маленьких прегрешений? – Джек поискал что-то взглядом за спиной друга.

– Где твой велик?

– Не знаю.

– То есть как это ты не знаешь?

– Не хотелось ехать.

– У тебя же «Трек» за шесть сотен.

Джек отвел глаза. Пожал плечами.

– Я по старому скучаю. Вот и всё.

– И пока никаких следов?

– Увели, наверное. С концами.

Вот она, сила чувства, подумал Джонни. Старый велик Джека был желтой, как моча, железякой лет пятнадцати, с тремя передачами и длинным сиденьем типа «банан». Отец купил его с рук, но некоторое время назад велосипед пропал.

– Так ты на поезд запрыгнул?

Взгляд Джонни скользнул на покалеченную руку. Джек сломал ее в четыре года, когда свалился с пикапа. Тогда-то и обнаружилось, что у него полая кость. Джеку сделали операцию по заполнению сердцевины коровьей костью, но хирург попался не самый лучший, потому что после нее рука перестала расти. Пальцы не работали. Рука потеряла почти всю силу. Джонни говорил, что это ерунда, что ему наплевать, какая у друга рука. Но на самом деле все было не так просто. И для Джека вопрос оставался болезненным. Вот и теперь он заметил взгляд.

– Думаешь, я могу на поезд запрыгнуть? – сердито спросил он.

– Просто подумал о том парне. Ну ты знаешь.

Ту историю оба знали хорошо. Четырнадцатилетний парень одной из школ округа попытался вскочить на идущий поезд и не удержался. Попал под колеса и потерял обе ноги – одну отрезало у бедра, другую под коленом. Наглядное предупреждение для ребят вроде Джека.

– Парень был слабак. – Джек порылся в кармашке рюкзака и достал пачку ментоловых сигарет. Вытащив одну и держа ее между двумя детскими пальчиками, щелкнул зажигалкой, затянулся и выпустил на выдохе колечко дыма.

– И сигареты твой папаша покупает дерьмовые.

Джек посмотрел в безоблачное голубое небо и снова затянулся. Сигарета в его ручонке выглядела неестественно большой.

– Хочешь?

– Почему бы и нет?

Джек протянул другу сигарету и дал прикурить от тлеющего кончика своей.

Джонни затянулся и тут же закашлялся. Джек рассмеялся.

– Какой из тебя курильщик...

Джонни щелчком отправил окурок в реку.

– Дерьмовые сигареты, – повторил он и, подняв голову, увидел, что Джек уставился на синяки на его груди и ребрах.

– Свежие.

– Не такие уж и свежие. – Мимо их камня течение несло бревно. – Расскажи-ка мне еще раз.

– Что тебе рассказать еще раз?
– Про тот фургон.
– Черт, Джонни... Умеешь ты испортить хороший денек. Сколько раз повторять одно и то же? С последнего ничего не изменилось. И с предпоследнего тоже.
– Просто расскажи.
Джек затянулся и отвел глаза.
– Фургон был самый обычный.
– Какого цвета?
– Ты знаешь какого. – Джек вздохнул. – Белого.
– Вмятины? Царапины? Что еще ты помнишь?
– Год уже прошел.
– Что еще?
– Да чтоб тебя... Это был белый фургон. Белый. Как я уже говорил. И тебе, и копам.
Джонни ждал, и Джек в конце концов успокоился.
– Простой белый фургон. Такой, каким мог бы пользоваться разъездной маляр.
– Этого ты раньше не говорил.
– Говорил.
– Нет. Вот что ты говорил: белый, без заднего окна. Ты не говорил, что он был похож на фургон маляра. Почему ты сейчас так сказал? Может, было пятно сбоку от пролитой краски?
– Нет.
– Лестница на крыше? Решетка для лестницы?
Джек докурил сигарету и задурил окурок в реку.
– Просто фургон, Джонни. До нее было ярдов двести, когда это случилось. Я даже сомневался, что там была Алисса, пока не узнал, что она пропала. Шел домой из библиотеки. Как и она. Увидел, как фургон съехал с холма и остановился. Из окна высунулась рука, и твоя сестра подошла к машине. Не испугалась, ничего такого. Просто подошла. – Джек помолчал. – Потом открылась дверца, и кто-то ее схватил. Какой-то белый парень. В черной рубашке. Я уже сто раз говорил. Дверца закрылась, и они уехали. Все заняло, может, секунд десять. А больше мне и вспомнить нечего. – Джонни опустил голову, поддал ногой камешек. – Извини. Надо было что-то сделать, но я ничего не сделал. Как-то оно случилось... будто не по-настоящему.
Джонни поднялся и повернулся к реке. Потом кивнул.
– Дай мне еще пива.

Мальчишки пили пиво и купались. Джек покурил. Прошел час.

– Хочешь проверить кое-какие дома? – спросил Джек.

Джонни покачал головой. Джеку нравилась эта игра, нравился риск. Нравилось пробираться крадучись между домами, подсматривать, видеть то, что детям видеть не положено. Для Джека главным был адреналин.

– Не сегодня.

Джек прошел к велосипеду, взял засунутую между спицами карту, помахал над головой.

– А как насчет этого?

Джонни посмотрел на друга, а потом рассказал о своей встрече с детективом Хантом.

– Крепко за меня взялся.

Джек отмахнулся – чепуха.

– Он же просто коп.

– Твой отец тоже коп.

– Да, и я таскаю пиво из его холодильника. И о чем это тебе говорит? – Джек плюнул на землю в знак презрения. – Идем, сделаем что-нибудь, и тебе станет легче. Мы же оба это знаем. Не могу я сидеть здесь весь день.

– Нет.

– Ну как хочешь. – Джек засунул карту между спицами и увидел привязанное к велосипеду перо. – Эй, а это что?

Джонни посмотрел на друга.

– Ничего.

Джек повертел перо между пальцами, и оно заблестело по краям на солнце.

– Клевое.

– Я же сказал, не трогай.

Джек увидел, как нахохлился друг, выпустил перо из пальцев, и оно повисло на шнурке.

– Да я просто спросил.

Джонни расслабился. Джек – это Джек. Ничего плохого у него и в мыслях нет.

– Слышал, твой брат выбрал Клемсон^[12].

– Ты уже слышал?

– Об этом во всех новостях говорят.

Джек подобрал камешек, перекатил из здоровой руки в больную.

– Его уже зовут в профессионалы. Побил рекорд на прошлой неделе.

– Какой рекорд?

– По хоумранам^[13].

– Рекорд школы?

Джек покачал головой.

– Штата.

– Твой старик, должно быть, гордится им.

– Его сын станет знаменитостью. – Джек улыбнулся, на этот раз по-настоящему, но Джонни заметил, как друг еще крепче прижал больную руку к телу. – Конечно, гордится.

Они вернулись к пиву. Солнце поднялось еще выше, но дневной свет как будто потускнел. В воздухе пахло прохладой, словно сама река остыла. Джонни наполовину осушил третью банку, но потом отставил ее в сторону.

Джек захмелел.

О его брате больше не говорили.

В полдень с дороги долетел звук останавливающейся машины. Притормозив у моста, она свернула на старую транспортировочную колею, ведущую к высокому берегу над ними.

– Вот дерьмо. – Джек спрятал пивные банки. Джонни накинул рубашку, чтобы скрыть синяки, и Джек притворился, будто в этом нет ничего особенного. Рассказывать или нет – они давно об этом спорили. Высокая металлическая решетка выдвинулась из зарослей сорной травы, поднявшейся между двумя колеями, и Джонни увидел вощенное крыло пикапа. Хром отбрасывал солнечные блики, зеркальное ветровое стекло отражало мир. Пикап остановился, мотор взревел и затих.

Из четырех дверей открылись три. Джек выпрямился. Голубые джинсы. Сапоги. Крепкие руки. Перед пикапом встали парни-старшеклассники. Он знал их – по крайней мере, с виду. Лет по семнадцать-восемнадцать. Взрослые ребята. Почти. Сейчас они стояли на высоком обрыве над рекой. Стояли и смотрели на Джонни, и один из них, высокий блондин с малинового цвета родимым пятном на шее, толкнул в бок того, что сидел за рулем.

– Ты только посмотри на этих сопливых лодырей.

Лицо его приятеля осталось безучастным. Парень с бутылкой бурбона вынул пробку.

– Отстань, Уэйн, – сказал Джек.

Помеченный родимым пятном перестал смеяться.

– Вот так, – добавил Джек. – Я знаю, кто ты такой.

Тот, что сидел за рулем, ткнул приятеля рукой в грудь. Высокий, ладно скроенный красавчик с постера. Равнодушно взглянув на Уэйна, он указал

пальцем на Джека.

– Это брат Джеральда Кросса, выкажи немного уважения.

Уэйн скривил физиономию.

– Этот шибздик? Не может быть. – Он шагнул к краю обрыва и крикнул: – Пусть твой брат подписывается за Каролинский универ. Скажи, Клемсон – для слабаков.

– Ты туда собираешься? – поинтересовался Джонни.

Водила рассмеялся. Парень с бурбоном – тоже. Лицо Уэйна потемнело, но водила шагнул вперед и остановил его.

– Тебя я тоже знаю, – сказал он Джонни и, помолчав, затаился. – Мне жаль, что с твоей сестрой так получилось.

– Минутку. – Уэйн указал на Джонни. – Это тот парень?

– Да, он самый.

Это было сказано без каких-либо видимых эмоций, и Джонни почувствовал, как от лица отхлынула кровь.

– Тебя я не знаю, – сказал Джонни.

Джек тронул его за руку.

– Это сын Ханта. Копа. Зовут Аллен. Заканчивает в этом году.

Джонни присмотрелся и действительно заметил сходство. Цвет волос разный, но телосложение одинаковое. Те же мягкие глаза.

– Место наше, – сказал он. – Мы первые пришли.

Сын Ханта склонился над склоном, но враждебный тон, похоже, несколько его не задел, потому что обратился он к Джеку:

– Давненько тебя не видел.

– И что? Нам с тобой говорить не о чем, – сказал Джек. – И Джеральду, если уж на то пошло, тоже.

Джонни посмотрел на друга.

– Он знает твоего брата?

– Знал когда-то, в незапамятные времена.

– В незапамятные времена, – бесстрастно прокомментировал Аллен и выпрямился. – Найдем другое местечко. – Он повернулся, остановился и взглянул на Джека. – Передай брату привет от меня.

– Сам передай.

Аллен постоял секунду, улыбнулся без всякого выражения, кивнул своим приятелям, сел за руль и включил мотор. Пикап дал задний ход и исчез. Остались только река и ветер.

– Так это сын Ханта? – спросил Джонни.

– Да. – Джек плюнул на землю.

– А что за дела у него с твоим братом?

– Из-за девушки. – Джек повернулся к реке. – Прошло и быльем поросло.

Настроение испортилось. Они поймали и отпустили ленточную змею. Построгали ножами плавник – не помогло. Джонни было не до разговоров, и Джек это чувствовал, а потому, когда вдалеке свистнул идущий на юг грузовой поезд, он торопливо обулся и собрался.

– Я побежал.

– Точно?

– Ну разве что ты отвезешь меня в город на раме.

Джонни поднялся по склону вслед за Джеком.

– Не хочешь вечером состыкнуться? – спросил тот. – Сходить в кино?

Поиграть в видеоигры?

Свисток прозвучал ближе.

– Поторопись, – сказал Джонни.

– Созвонимся попозже.

Джонни подождал, пока друг исчезнет, развернул рубашку, достал пенек на шнурке и повесил на шею. Потом окунул руки в реку, побрызгал на лицо, разгладил перо на велосипеде, и оно сверкнуло и скользнуло между пальцами, посвежевшее, прохладное, совершенное.

Паренек побросал камешки, потом вернулся к большому камню и растянулся на нем. Теплое солнышко пригревало, воздух укрывал невесомым одеялом, и в какой-то момент он задремал. А проснулся неожиданно и сразу. День клонился к вечеру, было часов пять, а может, полшестого. На дальнем горизонте собирались темные тучи. Ветерок доносил запах невидимого дождя.

Джонни спрыгнул с камня и стал искать обувь, а когда нашел и уже начал обуваться, услышал звук мотора, который быстро приближался с севера. Судя по натужному вою, мотоцикл тянул из последних сил. Он уже почти достиг моста, когда Джонни услышал второй двигатель. Этот был мощнее и работал увереннее. Мальчишка вытянул шею, увидел идущую вдоль моста бетонную подпору, а за ней – зеленые листья и полоску неба цвета пепла. Мост задрожал – что-то выскочило на него, не снижая скорости. На середине пролета металл врезался в металл, и вверх взлетел сноп искр. Джонни увидел крышу автомобиля и кувыркнувшийся мотоцикл, с которого сорвалось и перелетело через перила человеческое тело. Одна нога была неестественно вывернута, руки колотили воздух, и Джонни понял, что это какая-то ошибка – вертушка на палочке, кричащая человеческим голосом...

Приземлилась она у ног Джонни – с тяжелым глухим ударом и

хрустом ломающихся костей. Это все-таки был человек – в перепачканной рубашке и коричневых штанах. Одна рука попала под спину, грудь будто вдавилась. Открытые глаза незнакомца поражали удивительной голубизной.

На дороге скрипнули тормоза. Джонни подошел ближе к раненому и увидел ободранное лицо и наливающийся кровью правый глаз. Второй, целый, смотрел на мальчика так, словно тот мог спасти его. На дороге рыкнул мощный мотор. Взвизгнули покрышки. Машина вернулась на мост, и Джонни ощутил вибрацию. Раненый пошевелил губами.

– Он возвращается.

– Всё в порядке. Мы вам поможем. – Джонни опустился на колени и взял незнакомца за руку. – Все будет хорошо.

Но мужчина, словно не слыша, с неожиданной силой притянул мальчика к себе.

– Я нашел ее.

– Кого вы нашли?

– Ту девочку, которую похитили.

Джонни похолодел от шока. Незнакомец задергался, изо рта на рубашку хлынула кровь.

– Кого? – повторил Джонни громче. – Кого вы нашли?

– Я нашел ее...

Двигатель вверху работал вхолостую. Раненый закатил глаза и притянул Джонни еще ближе, так что мальчик почувствовал запах крови и поврежденных органов.

– Беги, – выдохнул он одно-единственное слово.

– Что?

Мужчина сжал пальцы так сильно, что ногти вонзились в кожу Джонни. Мотор заурчал и как будто закашлялся; что-то лязгнуло, как сталь о бетон.

– Бога ради... – По телу прошла дрожь, сломанная рука выгнулась. – Беги...

Каблук ботинка взрыл землю, и в голове у Джонни что-то щелкнуло.

Так это не несчастный случай.

Джонни взглянул на мост и увидел голову и плечи обходящего машину человека. Даже не человека, а только силуэт. Он вдруг ощутил кровь у себя на руках как что-то липкое и холодное.

Это не несчастный случай.

Раненого снова затрясло, голова упала, каблук забарабанил по земле.

Джонни попытался высвободить руку, для чего ему пришлось вырвать

ее из тисков незнакомца. Шум на мосту. Какое-то движение. Страх, подобно лезвию ножа, глубоко проник в него и коснулся там чего-то.

Никогда еще Джонни не было так страшно – ни в тот день, когда он, проснувшись, узнал, что отец ушел из дому, ни тогда, когда мать отключалась, а в глазу у Кена вспыхивал тот огонек.

Скованный ужасом, Джонни застыл.

А потом повернулся и помчался по тропинке вдоль реки. Он бежал, пока не склеилось горло, пока сердце не стало рваться когтями из груди. Бежал, подгоняемый страхом, пока из теней не выступил и не схватил его монстр.

И тогда мальчишка закричал.

Глава 5

Ливай Фримантл нес свое сокровище на плече. Тяжелый ящик был обернут двумя слоями черного пластика и перехвачен серебристой лентой. Немногие смогли бы перенести подобный груз на такое расстояние, но тем Ливай и отличался от других. Он не обращал внимания на боль, не воспринимал ее – просто шел по тропинке, перенося вперед то одну, то другую ногу и шевеля губами, когда в голову приходили слова. Слушая голос Господа, Ливай шел вдоль реки, как учила мама, когда он был еще ребенком. Река оставалась рекой, она не менялась, и Ливай ходил этой тропой, может быть, сотню раз. Вот только вряд ли он смог бы досчитать до ста.

Сто – это много.

И по тропе он ходил много.

Белого мальчика Ливай сначала увидел и только потом услышал. Тот летел прямо на него, будто сам дьявол, голодный до белых мальчиков, гнался за ним. Голова прыгала на худеньких плечах, лицо покраснелось, ноги перескакивали через камни и рытвины; ветки хватали его за лицо, но промахивались. Мальчик не оглядывался, но мчался как преследуемый зверь.

Ливай хотел пропустить мальчика, но отступить было некуда. С одной стороны – река, с другой – деревья, а сам Ливай весил три сотни фунтов и был ростом в шесть футов и пять дюймов^[14]. Мальчика искали люди с оружием. Копы с блестящими железками на ремне, охранники с дубинками и гадкими улыбками. Ливай спросил Господа, что делать, и Господь сказал: хватай мальчика, но не сделай ему больно. Просто возьми его.

– Правда? – спросил шепотом Ливай, но Господь не ответил, и тогда Ливай пожал плечами, выступил из-за дерева и схватил мальчика одной рукой. Тот закричал, но Ливай держал его, стараясь ничего не повредить. Потом Бог подсказал, что сказать мальчику.

– Бог говорит... – начал он, но мальчишка укусил его за палец, да так сильно, что кожа лопнула, словно виноградина, а из пальца полилась кровь. Было больно, больно по-настоящему, и Ливай швырнул мальчишку на землю. Он тут же устыдился, как будто каким-то образом подвел Господа.

Однако было больно.

Мальчишка прокатился по земле, вскочил на ноги и, как заяц, кинулся наутек, но Ливай и не думал его преследовать. Бежать с тяжелым ящиком

на плече он не мог, как не мог и оставить ящик даже на минуту, а потому просто стоял и хотел лишь одного: чтобы палец перестал болеть.

Боль навела его на мысль о жене, и это было хуже всего, так что Ливай держал окровавленный палец и ждал, что скажет Бог. Когда Он наконец заговорил, то сказал, что было бы неплохо узнать, от чего убегал мальчик.

Ливай пожал своими здоровенными плечами.

– Бог говорит, а Ливай делает.

Забавно.

К мосту он подошел минут через двадцать. Кровь на камнях казалась черной. Ливай хорошенько прислушался, а потом опустил ящик на землю и выступил из-за ивы. Он хотел, чтобы кто-нибудь сказал ему, что делать, но Господь молчал. Горячий палец ветра коснулся щеки, далеко на западе полыхнула молния.

В воздухе висел сухой, тяжелый запах, поднимавшийся от пыли под мостом и как будто заряженный статическим электричеством.

Ливаю показалось, что из реки доносится голос. Наклонив голову, он прислушивался целую минуту, пока не решил, что это только шум воды. Или шорох змеи в траве. Или плеск карпа в прибрежных камышах.

Но не Бог.

Когда говорил Бог, над головой Ливая собирался прохладный воздух и в душу приходил покой, несмотря даже на то, что он вспоминал то плохое, что сделал в тот или иной день.

Значит, это был не Бог.

Ливай стоял над телом, и голова у него работала не так, как надо. Ему не было страшно, хотя в затылок будто вонзились острые гвоздики; но он испытал жалость к несчастному, поломанному человеку. В том, что тот выглядел таким, поломанным и истекающим красным, было что-то неправильное. А еще неправильной была его неподвижность, открытые, неживые глаза.

Ливай стоял, переминаясь с ноги на ногу, потирая шрамы на лице, на правой стороне, где кожа будто оплавилась. Он не знал, что делать, и поэтому сел и стал ждать, что скажет Господь.

Господь ведь знает, что делать.

Глава 6

На свою улицу Джонни свернул, когда солнце уже садилось и дневной свет окрасился пурпурными тонами. Лес ожил ночными звуками. Джонни прихрамывал и морщился от боли, но его мысли будила новая надежда.

«Я нашел ее».

«Кого вы нашли?»

«Ту девочку, которую похитили».

Снова и снова Джонни прокручивал эти слова у себя в голове, отыскивая какую-нибудь причину, чтобы усомниться в чувстве, пробивавшемся сквозь боль, которая поднималась от ног. Восемь миль, и все почти бегом, и все босиком. Он исколол ноги, а правую еще и порезал, наступив на разбитую бутылку через пару миль после того, как его схватил жуткий гоблин с черной коробкой. Во рту до сих пор оставался вкус его крови, а на коже – его грязь. Впрочем, о черном монстре Джонни старался не думать, а думал о сестре и матери.

Он поднялся на предпоследний холм и попал под порыв сырого, прохладного ветра. Вдоль дороги растянулись цепочки огоньков. Окна. Дома. Под багровым небом они казались крохотными, сгрудившимися там, куда оттеснил их темный лес, у тонкой черной ленты дороги. Еще миля, сказал себе Джонни. Еще один холм.

Мать должна узнать то, что узнал он.

Начав спуск, Джонни не услышал машину, въехавшую на холм за его спиной. Он пытался представить, какое впечатление может оказать на мать принесенная им новость. Вытащит из постели? Заставит отказаться от таблеток? Все могло бы начаться заново. Они вдвоем, а потом Алисса...

Вернулся бы отец.

Они даже стали бы жить в их старом доме.

Свет фар нашел его, и Джонни отступил с дороги. Тени уплыли влево и исчезли – машина поравнялась с ним и остановилась. Джонни ощутил укол страха и тут же узнал автомобиль Кена, большой белый «Кадиллак» с резкими краями и золотыми буквами, складывающимися в слово «Эскалейд».

Стекло опустилось. Мешки под глазами благополучно прятались под загорелой кожей лица.

– Тебя где, черт возьми, носило? – Запыхавшийся Джонни смог лишь покачать головой. – Садись в машину. Поживей.

Джонни наклонился.

– Я не...

Кен остановил машину и открыл дверцу.

– Не пререкайся, парень. Залезай. Твоя мать места себе не находит. Весь город только об этом и говорит.

Он вышел – высокий, массивный, бесформенный. Раньше Джонни думал, что такими расплывшимися бывают только пожилые. Еще у Кена были золотые часы, редкие волосы и то, что называют *морщинками от смеха*, – полная ерунда, по мнению Джонни.

– Места не находит? – пробормотал Джонни. – Из-за чего?

– В машину. Быстро. – Кен подкрепил слова решительным жестом.

Джонни проскользнул на гладкое кожаное сиденье, и ему снова вспомнился мертвец. Кен включил передачу.

«Я нашел ее».

* * *

Дом был освещен, словно на Рождество: свет горел внутри и снаружи, а стоящие на подъездной дорожке патрульные машины раскрашивали стены и двор голубыми полосами. Тут и там под темнеющим небом стояли полицейские в форме – с оружием, рациями и висевшими на металлических кольцах черными дубинками.

– Что происходит?

Кен открыл дверь и положил руку на шею мальчику. Пальцы сдавили тонкие полоски мышц, и Джонни дернул плечами.

– Больно.

– Не так, как надо бы. – Кен протащил его по сиденью, выволок из машины и с улыбкой подтолкнул к полицейским. – Нашел, – объявил он, и копы остановились.

На крыльцо вышла мать – в джинсах и коричневой рубашке, полинявшей до цвета шоколадного молока. За спиной у нее появился дядя Стив. Джонни сделал шаг вперед, и мать – с растрепанными волосами и безумными, заплаканными глазами – сорвалась с крыльца, обняла его и, путаясь и запинаясь, запричитала:

– Боже... Где ты был?

Джонни ничего не понимал. Он и раньше, много раз, приходил домой в сумерках, и в большинстве случаев она и вовсе не знала, спит ее сын, или его вообще здесь нет.

Один из полицейских поднял рацию.

– Дежурный. Двадцать седьмой. Пожалуйста, сообщите детективу Ханту, что мы обнаружили Джонни Мерримона. Мальчик дома.

Перебиваемый потрескиваниями голос подтвердил получение информации. Через несколько секунд рация зашипела снова:

– Двадцать седьмой, сообщаю: детектив Хант направляется к вам.

– Десять-четыре, дежурный.

Материнские объятия ослабли, а в следующий момент она оттолкнула его и, задрожав всем телом, закричала:

– Никогда больше так не делай! Никогда! Ты меня слышишь? Слышишь? Скажи, что не будешь! Скажи! – Она снова схватила его за плечи. – Боже мой, я так беспокоилась...

Мать трясла его и тискала, так что он не мог произнести ни слова. Копы спустились по ступенькам, и Джонни взглянул наконец на дядю Стива, который смотрел на него умоляющими глазами.

– Из школы звонили? – догадался он наконец.

Мать кивнула.

– После ланча они остановили занятия, никого не выпускали и провели переключку. Потом позвонили сюда и сказали, что не могут тебя найти. Я позвонила дяде Стиву, но он сказал, что отвез тебя. Клялся, что отвез. Тебя все не было и не было, и я подумала...

Джонни высвободился из ее объятий.

– Из-за чего они проводили переключку?

Мать погладила его ладонью по щеке.

– Ох, Джонни... – Пальцы у нее были теплые и дрожали. – Это случилось снова.

– Что случилось?

– Еще одна девочка пропала. – Голос у матери сорвался. – Они думают, что ее забрали прямо со школьного двора. Семиклассница. Тиффани Шор.

Джонни моргнул.

– Я знаю Тиффани.

– Я тоже.

Мать ничего больше не сказала, но Джонни знал, о чем она думает. Тиффани Шор училась в седьмом классе. Как и Алисса, когда ее похитили. Он покачал головой, вспомнив слова умирающего. «Я нашел ее». Они относились к его сестре, Алиссе. Не к Тиффани. Не к какой-то другой девочке.

– Этого не может быть, – сказал Джонни, но мать кивала и плакала, и он чувствовал, как остывает надежда. Как все обращается в пепел. – Этого

не может быть.

Мать отстранилась, пошатнувшись на каблуках, но прежде чем она успела найти и произнести нужные слова, к ним подошел один из полицейских.

– Сынок, – сказал он и, когда Джонни поднял голову, спросил: – Это кровь у тебя на рубашке?

Глава 7

Солнце уже село, а Ливай все ждал у поломанного тела. Донимали мухи, и палец болел так сильно, что он уже начал подумывать, а не устроил ли Господь ему испытание. В церкви говорили, что такое бывает, но Ливай ничего особенного собой не представлял. На жизнь он зарабатывал тем, что подметал полы. Мир сбивал его с толку и смущал, но голос Бога пребывал с ним семь дней. Голос приходил как шепот и нес покой и умиротворение, когда мир как будто темнел и наклонялся влево. Когда, после недели шепота, голос вдруг умолкал, в голове оставалась дыра, и вот теперь Ливай мог только гадать, почему Господь умолк.

Беглый преступник, он сидел на земле в десяти футах от мертвеца. В бегах Ливай был седьмые сутки.

«Я создал мир за семь дней».

Голос ворвался в Ливая стремительным потоком, но звучал иначе, чем прежде. Он пришел и ушел, и мысль осталась незавершенной. Ливай задержал дыхание и повернул голову, но голос не возвратился. Ливай знал, что не блещет умом – так ему сказала жена, – но и дураком он не был. Преступник и мертвые тела вместе выглядят не очень хорошо. Дорога проходила у него над головой, и Ливай решил, что Господу придется подождать.

Хотя бы в этот раз.

Опустившись на колени перед мертвецом, беглый заключенный проверил его карманы и, обнаружив бумажник, забрал деньги, потому что был голоден. Потом, попросив у Бога прощения, бросил кошелек на землю, повернул тело на спину и сложил руки на груди. Обмакнув палец в липкой крови, изобразил крест на бледном, гладком лбу и закрыл остававшиеся открытыми глаза. После чего помолился Господу о душе умершего.

Прими ее.

Позаботься о ней.

Уже поднявшись, Ливай заметил что-то белое.

То был клочок ткани, зажатый между пальцами мертвеца. Ливай потянул, и тряпица легко выскользнула. Светлая, с неровными краями, она могла быть оторванным или отрезанным кусочком рубашки. В детский палец длиной, грязная и линялая, с пришитой именной биркой. Читать Ливай не мог, и буквы ничего для него не значили, но сама ткань была нужного размера. Он обвязал ею окровавленный палец, затянул потуже,

держала один конец зубами, и завязал узел.

Под сенью ивы Ливай поднял обмотанную пластиком ношу и положил на плечо. Для кого-то другого вещь была бы слишком тяжелой, и мысль о ней угнетала бы, но в случае с Ливаем дело обстояло иначе. Он не только обладал силой, но и видел цель, и когда пластик зашуршал возле уха, Ливай услышал голос Бога. Он сказал, что Ливай поступил хорошо и что ему нужно продолжать путь.

Через пятьдесят минут после того, как Ливай ушел, на место прибыла полиция.

* * *

Машина детектива Ханта въехала на мост и остановилась. Здесь не было жилых домов, не было фонарей. Небо уже почернело, и только на западе вдоль горизонта протянулась багровая линия. Грозовые тучи теснились все ниже, и молния дважды расколола сухое небо, прежде чем издали прикатили раскаты грома.

Вслед за машиной Ханта вытянулись с включенными мигалками полицейские машины. Поворотные фары осветили мост. Хант повернулся к Джонни, сидевшему с матерью на заднем сиденье. Лица их оставались в тени, и в бьющем сзади свете детектив видел только прядки волос.

– Вы в порядке? – Ему никто не ответил, а мать лишь крепче прижала к себе сына. – Это место, Джонни?

Мальчик сглотнул.

– Вон там. – Он протянул руку. – С той стороны моста. Прямо вниз.

– Повтори еще раз, что именно он сказал. Слово в слово.

– «Я нашел ее». – Голос Джонни звучал будто из могилы. – «Ту девочку, которую похитили».

– Больше ничего?

– Потом он сказал мне бежать. Говорил что-то про парня в машине.

Хант кивнул. Они прошлись по всему эпизоду раз шесть или семь.

– Ничего такого, что указывало бы на то, что он говорит именно о твоей сестре? Ни имени, ни описания, ничего подобного?

– Он говорил об Алиссе.

– Джонни...

– Да!

Джонни упрямо кивнул, и Ханту захотелось положить руку ему на плечо, сказать, что все будет в порядке, но место, где они находились, не

годились для починки всего сломанного, как бы сильно ему этого ни хотелось.

Детектив посмотрел на Кэтрин Мерримон, маленькую и словно застывшую на месте. К ней ему тоже хотелось бы прикоснуться, но тут чувства были сложнее. Красивая, нежная, надломленная, она считалась пострадавшей, и здесь все определялось правилами. Так что отвлекаться Хант себе не позволил, и голос его, когда он заговорил, прозвучал твердо.

– Шансы невелики. Тебе нужно быть готовым к этому. Прошел уже год. Весьма вероятно, что он имел в виду Тиффани Шор.

Джонни покачал головой, но ничего не сказал.

– Я знаю Тиффани, – словно ребенок, пробормотала его мать.

Никто не стал напоминать ей, что она уже говорила это. Джонни моргнул – пропавшая девочка стояла перед ним как живая. Маленькая, со светлыми волосами, зелеными глазами, шрамом на левой руке и глупой шуткой, которую рассказывала всем пожелавшим слушать. Что-то насчет трех обезьян, слона и пробки. Хорошая девочка. Всегда была такой.

– Тот человек на мосту, – начал Хант. – Помнишь что-нибудь еще? Ты мог бы его опознать?

– Я и не видел его толком. Что-то двигалось, вот и всё. Лица не видел.

– Машина?

– Нет. Я же говорил.

Хант выглянул в окно. Полицейские уже выходили из машин, и их тени четко выделялись на бетонной стене моста.

– Оставайтесь здесь, – сказал он. – Не выходите из машины.

Детектив вышел, захлопнул дверцу и огляделся. В тяжелом, сыром воздухе стоял запах реки. Из-под моста поднималась тьма, и Хант взглянул на север, словно хотел увидеть вдалеке каменные леса и, у подножия холмов, растянувшееся на двадцать миль и питающее реку болото.

Холодная капля упала на щеку, и детектив кивнул ближайшему копу:

– Посвети в ту сторону. Туда.

Он подошел к контрфорсу в тот самый момент, когда копьё света ударило в ночь и упало на лежащее на берегу тело.

Неподалеку, футах в пяти от него, валялся велосипед Джонни Мерримона.

Господи.

Мальчишка прав.

Вокруг Ханта все пришло в движение. С ним прибыли четверо полицейских в форме и группа экспертов-криминалистов для осмотра места преступления. Несколько капель простучали по ветровому стеклу, а

две или три попали ему на макушку. Дождь приближался.

– Накройте тело. Быстрее. Растяните брезент как можно шире. Накройте перила. – Детектив думал о соскобах краски и поблескивавших на дорожном покрытии осколках стекла. – Где-то там должен быть мотоцикл. Найдите его. И пусть сюда доставят палатку. – Бухнул гром. Хант посмотрел на небо. – Сейчас польет.

* * *

Джонни почувствовал, что мать начала дрожать. Руки... потом плечи...
– Мам?

Она, словно не слыша, только еще сильнее сжала ремешок. В задней части салона было темно, и ей пришлось подтянуть сумочку, чтобы заглянуть в нее в свете бьющих сзади фар. Подглядывая одним глазом, Джонни увидел, как мать роется в содержимом, достает пластиковый пузырек, вытряхивает на ладонь таблетку, бросает в рот и, закинув голову, глотает всухую, не запивая. Сумочка упала в темноту, а голова – на подголовник.

– Никогда больше так не делай, – произнесла она бесстрастным голосом.

– Ты про школу? – спросил Джонни.

– Нет.

Пауза. В груди у него похолодело.

– Никогда больше не подавай мне надежду. – Она повернулась и посмотрела на него. – Никогда больше не поступай со мной так.

* * *

Палатку успели поставить до того, как небеса разразились ливнем. Хлипкое сооружение тряслось и содрогалось. Хант опустился на корточки рядом с телом. Брезент хлопал так, что приходилось кричать. Два полицейских в форме держали лампы, эксперт-криминалист и два судмедэксперта склонились над трупом с другой стороны.

– Вода скоро просочится, – сказал за спиной детектива один из полицейских.

Хант согласно кивнул. Грозы в конце весны приходили и уходили быстро, но воды приносили много. Сейчас это было совсем ни к чему.

Он осмотрел испачканное кровью лицо, обломок кости в месте изгиба руки. На одежде мертвеца запеклась глубоко въевшаяся грязь; черная, с зеленоватым отливом глина въелась в подошвы и ткань обуви. Запах еще сохранился; пахло чем-то органическим, не связанным ни с рекой, ни с недавней смертью.

– Что узнали? – спросил Хант, обращаясь к медэксперту.

– В хорошей форме. Развитая мускулатура. Возраст... Я бы сказал, между тридцатью и сорока. Бумажник у вашего парня.

Хант посмотрел на детектива Кросса, уже положившего бумажник в прозрачный пластиковый пакет для вещественных улик. Кросс был крупный, солидный мужчина, лицо которого в ярком свете выглядело тяжелым и как будто стянутым швами. Ему исполнилось тридцать восемь, и последние десять лет он работал в полиции. В свое время Кросс заслужил репутацию сурового патрульного сержанта, проявившего смелость в опасных для жизни ситуациях. В детективный отдел его перевели менее шести месяцев назад.

Протягивая пакет, Кросс доложил:

– Водительские права на имя Дэвида Уилсона. Донор органов. Коррекционных линз не носит. Жил в дорогом районе, при себе имел библиотечную карточку и несколько чеков: из ресторанов Роли и Уилмингтона. Следов обручального кольца незаметно. Наличных нет. Есть две кредитные карты.

Хант посмотрел на бумажник.

– Вы его трогали?

– Да.

– Ведущий детектив по этому делу – я. Понятно, Кросс? – сдержанно спросил он, с явным усилием контролируя себя.

Кросс расправил плечи.

– Да, сэр.

– На месте преступления никогда ничего без разрешения не трогайте. Сделаете так еще раз – выгоню.

– Я просто хотел помочь.

– Выйдите из палатки. – Ханта уже трясло от злости. Если он потеряет еще одну девочку...

Кросс вышел, виновато наклонив голову. Хант перевел дух и снова обратился к телу. Рубашка – обычная футболка, серая и пахнувшая потом, кровью и глиной; ремень – коричневый, ничем не примечательный, с латунной, сильно поцарапанной пряжкой. Штаны из прочного, хорошо поношенного хлопка. Один глаз приоткрыт и выглядит в ярком свете

безжизненным и тусклым.

– Ну и духота ж в этой палатке...

Звали медэксперта Трентон Мур. Невысокий, неброского телосложения, с густыми волосами и пористой кожей, он слегка пришепетывал, и этот дефект проявлялся тем явственнее, чем громче он говорил.

– Думаю, он был скалолазом.

– Прощу прощения.

Доктор Мур кивнул подбородком.

– Посмотри на его руки.

Хант посмотрел – руки у Дэвида Уилсона были грубые, с царапинами, ссадинами и мозолями. Ногти коротко постриженные и ровные, но грязные. Такие руки вполне могли быть, например, у рабочего-строителя.

– А что в них такого?

Медэксперт выпрямил один палец.

– Видишь мозоль?

Мозоль, загрубевшее утолщение кожи, находилась на кончике пальца. Доктор Мур выпрямил остальные пальцы, и на каждом была такая же мозоль.

– У меня в колледже сосед по комнате был, скалолаз. Подтягивался на пальцах. Иногда просто висел на двери и разговаривал. Смотреть противно. Вот, потрогай.

Доктор Мур поднял мертвую руку, и Хант дотронулся до мозоли. Ощущение было такое, словно притрагиваешься к кожаному ботинку.

– Вот и у моего приятеля были такие же. И мускулатура соответствует. Чрезмерно развитые предплечья. Множественные шрамы. Конечно, это только предположения. Никаких официальных комментариев не будет до тех пор, пока я не заполучу его на стол.

Хант присмотрелся к положению рук, скрещенных на груди мертвеца. Ноги вытянуты, лежат ровно.

– Его кто-то передвинул.

– Возможно. Но до вскрытия – ничего определенного.

Хант наморщил лоб и кивком указал на тело.

– Ты же не думаешь, что он приземлился в таком положении?

Медэксперт ухмыльнулся и внезапно как будто сбросил десяток-другой лет.

– Шутка, детектив.

– Не надо так шутить. – Хант указал на сломанную руку, на вывернутую неестественно ногу. – По-твоему, сломалась, когда его машина

ударил или когда он с моста свалился?

– А ты уверен, что его на мосту сбила машина?

– Мотоцикл определенно передвинули после удара. Кто-то его толкнул. При этом сверху упали несколько сломанных веток. Рано или поздно на него кто-то наткнулся бы. На мосту нашли чешуйки краски, по цвету совпадающие с краской на бензобаке. Подозреваю, что и химия покажет совпадение. К тому же мальчик. Он видел.

– Он здесь? – спросил доктор Мур.

Хант покачал головой.

– Отправили домой с сопровождающим. Его и мать. Им быть здесь необязательно.

– Сколько ему?

– Тринадцать.

– Надежный?

Хант задумался.

– Не знаю. Может быть. Мальчишка сообразительный. Немножко запутался, но сообразительный.

– Что со временем?

– По его словам, инцидент произошел часа два, может быть, два с половиной назад.

Медэксперт пожал плечами.

– Возможно. Синюшность еще не проявилась. – Он снова повернулся к мертвецу, склонился над его лицом и указал на кровавый крест на лбу. – Нечасто такое вижу.

– Что скажешь?

– Я занимаюсь телами, а не мотивами. На веках тоже кровь. Можно взять отпечатки.

– Думаешь?

– Есть предчувствие. Размер и форма подходящие. – Доктор Мур в последний раз пожал плечами. – Кто бы его ни убил, большим умом он не отличается.

* * *

Одежда и волосы промокли мгновенно, едва только Хант вышел из машины. Глядя на мост, детектив попытался представить, как все было: хруст металла, полет и падение тела, и впечатление, которое это произвело на мальчишку, выбранного судьбой в свидетели. Он наклонился за

велосипедом, который отодвинули в сторону, когда ставили палатку, потянул и, приложив усилие, вырвал его из объятий глины. С рамы потекла бурая вода, и Хант отвел велосипед на сухое место под мостом. Там же прятались от дождя несколько полицейских. Кое-кто курил, и только один выглядел занятым. Кросс стоял в сторонке с фонариком в одной руке и картой Джека Мерримона в другой.

Все еще злясь за эпизод с бумажником, Хант направился к нему, но Кросс заговорил первым.

– Извините, – сказал он, похоже, с искренним раскаянием.

Хант вспомнил прошедший со дня похищения Алиссы год: кошмары, тцета, бесплодные усилия. Вымещать раздражение на подчиненном было бы несправедливо. У него это еще впереди, и черные ночи тоже.

Детектив принужденно улыбнулся. Да, это немного, зато все, что есть.

– Где вы это нашли? – Он указал на карту.

Опустив карту, Кросс ткнул фонариком вниз по течению.

– На велосипеде. Это ведь не улика?

Вообще-то карта тоже была уликой, но Хант приказал себе расслабиться.

– Она мне понадобится.

– Без проблем. – Хант повернулся, но Кросс окликнул его: – Детектив...

Он остановился и обернулся. В темноте Кросс выглядел внушительной громадиной с оливково-зеленой кожей и цепкими глазами.

– Послушайте. К делу это не относится, но вам, наверное, следует быть в курсе... Знаете моего сына?

– Джеральда? Бейсболиста? Да, знаю.

Уголки рта Кросса съехали вниз.

– Не Джеральда, нет. Другого. Джека. Младшего.

– Нет, Джека не знаю.

– Он был здесь сегодня с этим парнишкой, Мерримон. Тоже прогулял школу. Но ушел задолго до того, как здесь все случилось. Мне позвонили из школы после переключки. Джека я нашел дома, он смотрел мультики.

Хант ненадолго задумался.

– Мне стоит с ним поговорить?

– Он ничего не знает, но если сочтете необходимым – пожалуйста.

– По-моему, это несущественно.

– Хорошо. Потому что он говорит, что ваш парень тоже был здесь.

Хант покачал головой.

– Не думаю.

– Примерно во время ланча. С парой друзей. – Лицо Кросса не выражало никаких эмоций. – Решил, что вам стоит знать.

– И Джек уверен...

– Мой сын ленив, но не глуп.

– О'кей, Кросс. – Хант снова повернулся, но подчиненный снова остановил его.

– А теперь о том, что важно. Парень, напавший на мальчишку Мерримона... ну черный, со шрамами на лице...

– А что такое?

– Думаете, он со всем, что здесь случилось, никак не связан? С жертвой?

– С убийством?

– Верно.

– Нет, – сказал Хант. – Не представляю, как он может быть связан. Когда это произошло, он был примерно в миле отсюда.

– Уверены?

– Вы о чем?

– Мы исходим из того, что у Джонни Мерримона было здесь три контакта. Мертвец, Уилсон. Тот, кто вел машину, сбившую Уилсона. И здоровенный черный парень со шрамами на лице. Так?

– Такова рабочая теория. Да.

– Но водителя машины Джонни Мерримон не видел, только тень. Опознать его он не может и не может даже сказать, черный он был или нет. – Кросс поднял карту. – Вот налоговая карта этой части города, и здесь все подробно показано. Улицы, кварталы. Здесь, справа, вверху. Вот река, а вот... – он указал пальцем, – место, где мы сейчас. Видите мост?

– Вижу.

– А теперь пройдите вдоль реки.

Хант увидел сразу. К югу от моста река выгибалась петлей, оборачиваясь вокруг выступа длиной около мили и шириной не более четверти мили. Злость – не на Кросса, а на себя – уколола огненной пикой.

– Тропа идет за рекой, – сказал он.

– Если мальчишка Мерримонов оставался на тропинке, ему пришлось пройти немалое расстояние, чтобы выйти на то место, где его схватили. Даже бегом это заняло бы минут десять-пятнадцать. – Кросс постучал пальцем по карте. – Если же сойти с тропы и срезать вот здесь, то успеть можно и минут за пять.

– Срезать через лес...

– Это близко.

Хант выглянул из палатки – дождь шел не переставая. Человека столкнули с дороги...

– Если Дэвида Уилсона убили из-за того, что он что-то услышал...

– Узнал что-то о пропавшей девочке... – Хант не договорил. – Тот, кто убил его, попытался бы убить и Джонни. И если он знал про поворот реки...

– То мог пересечь ее здесь и ждать мальчика. Джонни бежит минут двенадцать-пятнадцать. Убийце достаточно пяти, и когда парнишка выбегает из-за поворота, он уже на месте.

– Черт. – Хант выпрямился. – Нужно дать ориентировку. Разыскивается чернокожий мужчина, высокий, крупного телосложения, возраст – от сорока до шестидесяти, со шрамами на правой стороне лица. Автомобиль имеет заметные повреждения, вероятно, левого переднего крыла. Передать дежурному, что розыск объявлен в связи с убийством Дэвида Уилсона, но также по причине возможной связи с похищением Тиффани Шор. При задержании проявлять особую осторожность. Нам нужно допросить его. Передайте незамедлительно.

Кросс достал рацию и вызвал дежурного.

Хант ждал, переживая очередную волну злости. Прошлый год вымотал его – и вот как результат неряшливость... Он должен был сам посмотреть карту и обратить внимание на изгиб реки, а не выслушивать подсказки от новичка-детектива. Но дело сделано. Сейчас главное – девочка. С момента исчезновения Тиффани не прошло и дня; часов, может быть, восемь или девять. На этот раз он вернет ребенка домой. Хант сжал кулаки, мысленно повторяя слова клятвы. На этот раз будет по-другому.

Он посмотрел на велосипед и как будто услышал в голове голос мальчика.

«Обещаете?»

Детектив протянул руку к большому коричневому перу, висевшему под седлом велосипеда. Мокрое, грязное, шершавое на ощупь, оно и выглядело жалко. Хант потер его, разгладил.

«Обещаю».

За спиной у него Кросс опустил рацию.

– Готово.

Хант кивнул.

– Что это у вас там?

Он выпустил перо из пальцев, и оно повисло на шнурке. Качнулось и замерло, прилепившись к мокрой спице.

– Ничего. Перо.
Кросс шагнул к велосипеду, взялся за шнурок, подтянул.
– Перо орла.
– Откуда знаете?
Он смущенно пожал плечами.
– Я родился в горах. Моя бабушка наполовину чероки. Разбиралась во всех этих тотемных штучках.
– Тотемных штучках?
– Ну знаете, ритуалы, священные растения... – Он протянул руку в сторону реки. – Река – чистота. Змеи – мудрость. И все такое. Мне это казалось полной чепухой. – Пожал плечами.
– Тотемы? – повторил Хант.
– Да. – Кросс посмотрел на перо. – Это – хорошая магия.
– Что значит хорошая магия?
– Та, что дает силу. – Пыхнула молния, и детектив выпустил шнурок из пальцев. – Перья орла носят только вожди.

Глава 8

На заднем сиденье патрульной машины мать Джонни дремала, привалившись к сыну. На особенно быстрых поворотах ее голова каталась по его плечу, а когда колесо налетало на выщербину или неровность, подпрыгивала. Река осталась позади, мертвец тоже, а с ними и последние крохи веры Джонни в мудрость копов. Хант отказался даже рассматривать предположение, что речь могла идти об Алиссе, и Джонни это бесило.

«Может быть!»

Он произнес это вслух, а потом повторил, когда глаза у Ханта смягчились.

«Может быть!»

Но коп был занят, и ему вполне хватало собственных идей. Устав от настойчивых напоминаний Джонни, он сначала отказался от дальнейших обсуждений, а потом и вовсе отправил их домой.

«Оставь это дело в покое, – сказал детектив. – Оно – не твоя проблема».

Но он ошибался. Джонни чувствовал это всем сердцем. Дело было его проблемой.

Патрульная машина остановилась на подъездной дорожке. Дождь настойчиво барабанил по железной крыше, и Джонни смотрел на дом со стороны. В тесном, грязном дворе моргал свет; в окне мелькали тени. На дорожке стояли две машины – Кена и дяди Стива. Мать после таблеток задремала. Глаза ее были закрыты, с губ слетели невнятные звуки.

Джонни колебался, и патрульный повернулся к стеклянной перегородке со следами грязных пальцев и засохших плевков.

– Она в порядке?

Джонни кивнул.

– Ну вот мы и на месте, приятель. – Глядя на мать Джонни, полицейский тоже заколебался. – Может, ей помощь какая требуется?

Защитные механизмы наконец включились.

– Она в порядке.

– Ну тогда идем.

Джонни потряс мать за плечо. Ее голова скатилась к спинке, и он потряс сильнее, а когда она открыла глаза, сжал ее руку.

– Надо идти. Мы дома.

– Дома, – повторила она.

– Да. Дома. Пойдем. – Джонни открыл дверцу, и звук дождя изменился с металлического стука на приглушенный гул. Потоки воды обрушивались на мокрую землю и поникшие листья. В машину хлынул теплый воздух. – Не забудь сумочку.

Джонни помог матери выйти и повернулся к крыльцу. Патрульная машина сдала назад, выехала из грязи и развернулась на скользком покрытии. Джонни уже дошел до крыльца, когда заметил, что матери рядом нет. Она стояла под дождем, подняв лицо к небу и подставив ладони. Сумочка валялась в грязи, там, где выскользнула из пальцев.

Топая по лужам, Джонни вернулся к матери. Падая с неба, струи больно хлестали по коже.

– Мам? – Он снова взял ее за руку. – Пойдем. Пойдем домой. – Она не открыла глаза, но произнесла что-то тихо и неразборчиво. – Что?

– Я хочу уйти.

– Мам...

– Хочу, чтобы меня смыло и унесло отсюда.

Джонни поднял сумочку и крепко сжал ее руку.

– Идем. Быстро. – Он поймал себя на том, что говорит, как Кен, но мать послушно пошла за ним.

Свет в доме был яркий, горели серные лампы. Дядя Стив сидел за кухонным столом перед шеренгой пивных банок. Кен расхаживал взад-вперед, держа в толстых пальцах стакан с бурбоном. Оба повернулись и посмотрели на Джонни и его мать.

– Наконец-то, – сказал Кен. – Ну и наглец же тот коп – сказал, что мне там нечего делать, что я могу отправиться домой или ждать здесь. С ним, – добавил он презрительно, кивая в сторону дяди Стива, чья голова будто целиком ушла в плечи. – Я еще поговорю кое с кем. Пусть узнает меня получше.

– Он знает, кто ты. И ему наплевать. – Слова выскочили из Джонни раньше, чем он успел как следует подумать. Кен остановился и уставился на него, и Джонни понял, что дальше может быть два варианта. Но тут к нему подошла мать. С рассеянным взглядом, мокрая до нитки, она встала рядом с сыном. Джонни взял ее за руку. – Идем. Я отведу тебя в твою комнату.

– Я сам ее отведу. – Кен шагнул к ним, и Джонни почувствовал, как внутри него что-то лопнуло.

– Нет. Отойди, Кен. Сейчас ты ей не нужен. Ей надо лечь и поспать. Спокойно и тихо, чтобы никто не мешал.

Кровь бросилась Кену в лицо.

– Чтобы не мешал...

В какой-то момент у Джонни мелькнула мысль насчет складного ножа в кармане. Он встал между матерью и Кеном. Пауза затягивалась, но в конце концов Кен решил закончить дело улыбкой с демонстрацией своих ровных, сияющих белоснежных зубов.

– Кэтрин, скажи своему сыну, что всё в порядке.

– Всё в порядке, Джонни. – Слова долетели как будто издалека. Она покачнулась и добавила: – Со мной все хорошо. – Волоча ноги, вышла в темный коридор. – Давайте просто ляжем спать. – Опираясь рукой о стену, постояла секунды три – вода все еще стекала по ее лицу, – потом повернулась и сказала: – Поезжай домой, Стив.

Кен прошел за ней до конца коридора, оглянулся и закрыл дверь. Джонни не слышал, как щелкнул замок, но знал, что щелкнул. Ему хотелось врезать кулаком в стену, но он лишь смотрел на дядю Стива, который молча собрал свои банки, бросил их в мусорную корзину и забрал огромную связку ключей от всех дверей в торговом центре. Для любого другого ребенка эта связка была бы мечтой. Для Джонни же – набором железок.

У двери дядя Стив остановился и посмотрел на него уже другими глазами.

– Так вот оно как? – спросил он, раскрыв ладонь и сопровождая вопрос жестом, включавшим в себя и Джонни, и короткий коридор до запертой двери.

– Вот так.

– Черт. – Дядя Стив кивнул, и Джонни подумал, что это, в общем-то, все, на что он способен. – Насчет утра...

– А что такое?

– Она и вправду красивая. – Джонни отвернулся. – Спасибо, что не сказал.

Вернувшись в комнату, мальчишка сел на край кровати и посмотрел на стоящие на столе часы. Маленькая стрелка бойко прыгала от одной белой риски к другой. Он считал секунды, пока из комнаты на другой стороне коридора не послышался тяжелый ритмичный стук спинки кровати о стену, потом поднялся и отправился на поиски ключей матери.

«Девяносто четыре», – подумал Джонни, закрывая за собой входную дверь.

Девяносто четыре секунды.

Он прошел по грязи, сел в машину и завел мотор, а в конце подъездной дорожки открыл дверцу, высунулся и подобрал камень размером с

теннисный мяч. Дом исчез из виду. Джонни ехал осторожно. Ветровое стекло запотело, одна фара не работала. Он видел мокрую дорогу и что-то похожее на сточную канаву. Через некоторое время протер ладонью стекло, чтобы не пропустить поворот в богатую часть города.

Выехав на улицу, где жил Кен, он сбросил скорость. Дома смутно вырисовывались в темноте за широкими лужайками. Через бархатистую траву пролегали змейкой длинные дорожки; въезд охраняли ворота из металла, такого черного, что он казался холодным. Колесо коснулось бордюра. Джонни остановился и потушил фары, но мотор выключать не стал – дело-то секундное. Камень удобно лег в руку.

Глава 9

Хант мчался по узкой мокрой дороге. От места преступления детектива уже отделяли три мили, хотя там еще оставались его люди, а медэксперт готовил тело к перевозке. Ситуация изменилась после того, как Кросс показал ему карту. Какие-то кусочки мозаики сдвинулись в мозгу, составляя новые возможности и варианты. Дэвида Уилсона убили потому, что он обнаружил Тиффани Шор. Так считал теперь Хант.

«Я нашел ее», – сказал раненый мальчику. Теперь он мертв.

Но где Уилсон нашел девочку? Как? При каких обстоятельствах? И, самое главное, кто убил его? Хант считал, что это сделал человек, сидевший за рулем машины, которая и столкнула Уилсона с моста. Такой сценарий представлялся логичным, но поворот реки нанес этой логике сильный удар. Также Хант полагал, что в момент происшествия на мосту или поблизости находились три человека: Уилсон, ныне мертвый; водитель убившей его машины; некий чернокожий мужчина, случайно оказавшийся в двух милях ниже по течению реки. Теперь такая расстановка оказалась под вопросом. Возможно, описанный Джонни великан не просто так оказался не в том месте и не в то время. Может быть, он сидел за рулем сбившей Дэвида Уилсона машины. А может быть, нет...

Двое или трое?

Черт!

Ему нужно было поговорить с Джонни. Не потом, а сейчас, сию минуту. Появились новые вопросы. Хант уже связался с дежурным и попросил соединить его с патрульным, отвозившим Кэтрин и Джонни домой. Пока шло соединение, он посмотрел на часы и выругался. Тиффани пропала десять часов назад, а данные статистики, бесстрастные и точные, какими только могут быть цифры, показывали, что лишь немногие похищенные доживали до второго дня.

Скорость.

Все свелось к скорости.

«Я нашел ее».

Нужно расспросить Джонни о человеке со шрамами на лице. О том, что он видел на мосту. Нужно знать, не один ли и тот же человек эти двое. Не рассуждения, не предположения, но факты – вот что ему нужно.

– Соединяю, – сказал дежурный.

Сквозь треск помех пробился второй голос. Хант представился и

спросил патрульного о мальчике.

– Только что отъехал от дома. Он еще стоял на дорожке.

– Сколько прошло времени? Точно!

Пауза.

– Двадцать минут.

– Двадцать минут. Понял. – Хант отключился. До дома оставалось минут пять. *Ну же, давай.* Он добавил газу, и машина как будто заскользила над скользкой, мокрой дорогой.

После столкновения на мосту прошло три часа. Человек, сбивший Дэвида Уилсона, мог быть где угодно – за пределами округа или даже за границами штата, – но Хант так не думал. Убегать с похищенным ребенком – дело рискованное. Стоит только объявить «Эмбер алерт»^[15], как люди мгновенно включаются и высматривают все подозрительное. Большинство извращенцев хотят одного: схватить ребенка и зарыться поглубже. В этом отношении Джонни Мерримон был прав. Лишь немногие похищения подготавливаются тщательно, значительная же их часть – дело случая. Ребенка оставляют в машине, его теряют из вида в торгово-развлекательном центре, он идет один погулять...

Как Алисса Мерримон.

Девочка шла в сумерках домой. Одна на пустом участке дороги. Никто не мог предвидеть, что она будет там. Никто не мог ничего спланировать. То же и с Тиффани Шор. После звонка девочка задержалась возле парковки. Дело случая. И желания.

Хант притормозил на красный свет, повернул, не останавливаясь, налево и почувствовал, как его заносит. Справившись с заносом, подумал о живущем в мире зле и ощутил увесистую тяжесть в кобуре.

Получив первое же сообщение о похищении Тиффани, он первым делом отправил патрульные группы проверить местонахождение всех, кому когда-либо предъявлялись обвинения в сексуальных преступлениях. Большинство из них составляли вуайеристы и эксгибиционисты, причастность которых к похищению представлялась маловероятной, но немало было и осужденных за изнасилование, жестокое обращение с детьми и другие гнусные деяния.

В отдельный короткий список входили худшие из худших: невменяемые, сумасшедшие, садисты, способные буквально на все. Этими людьми владело зло, одолеть которое им было не по силам. Никакое лечение не помогало. Вопрос заключался лишь во времени, поэтому за ними Хант наблюдал в первую очередь. Он знал, где они живут и на каких машинах ездят, знал их привычки и пристрастия. Он видел фотографии,

разговаривал с жертвами, смотрел на их шрамы. Этим отморожков следовало держать за решеткой и не выпускать из мест заключения.

Никогда.

Отчеты по большинству поступили. Объекты обнаружены и допрошены. Почти по всем были даны разрешения на обыск дома, и результат по всем получился один и тот же: отрицательный. Те, в отношении кого разрешения получить не удалось, находились под постоянным наблюдением, и Хант получал по ним регулярные отчеты. Он знал, что и где они едят, одни они или нет, а если не одни, то с кем. Он знал их местонахождение, знал, чем они занимаются. Бодрствуют или спят. Пребывают в одном месте или перемещаются. Его люди прорабатывали список, и Хант не давал им скучать.

Он еще раз мысленно пробежал по списку. Никто из числившихся в нем не дотягивал до шести с половиной футов. Ни у кого не было шрамов, подобных тем, которые описал Джонни Мерримон. Если Кросс прав, это означало, что у них появился новый игрок, некто, не попавший в систему. Если же Кросс ошибся...

Тогда вариантам нет конца.

Хант достал из кармана пиджака фотографию Тиффани Шор. Взглянул. Снимок он взял всего лишь несколько часов назад у убитой горем матери. Фотография школьная, и Тиффани на ней улыбающаяся и сдержанная. Он искал сходство с Алиссой, но общего было немного. Волосы у Алиссы темные, черты лица тонкие, выражение лица невинное, глаза тоже темные, как у брата. У Тиффани полные губы, идеальный нос, волосы напоминают желтый шелк. На снимке у нее изящная шея, холмики груди и понимающая улыбка, дающая некоторое представление о той женщине, которой она может когда-нибудь стать.

Вроде бы такие разные... Но было и то, что объединяло девочек.

Обе они были невинны, и ответственность за обеих лежала на нем.

На нем.

И больше ни на ком.

Эта мысль все еще билась в голове, когда зазвонил сотовый. Он взглянул на определитель. Шеф. Начальник полиции. Хант протянул четыре гудка, потом, понимая, что лучше от этого не будет, ответил.

– Ты где? – не тратя попусту время, спросил шеф. После исчезновения Алиссы прошло чуть больше двенадцати месяцев, и вот исчезает еще одна девочка. Хант понимал, что на него будут давить: семья Тиффани, городские власти, пресса.

– Еду к дому Кэтрин Мерримон. Буду там через несколько минут.

– Ты – ведущий детектив и должен находиться у дома Дэвида Уилсона или на месте преступления. Это что, требует разъяснений?

– Нет.

Тем не менее именно этим шеф и занялся.

– Если исходить из того, что Уилсон нашел Тиффани Шор – а именно из этого мы и исходим, – то ты должен выяснить, чем он занимался. Где был. Куда ходил. С кем разговаривал. Ты должен узнать, какие решения он принимал, на каком маршруте мог пересечься с Тиффани Шор...

– Я знаю все это, – резко оборвал его Хант. – Домой к Уилсону послал Йоакама и скоро с ним встречу, но сначала выясню кое-что здесь.

– Мне нужно знать, зачем ты едешь к Кэтрин Мерримон. – В голосе шефа прозвучало и сомнение, и даже недоверие.

– У ее сына может быть кое-какая информация.

Хант представил шефа в кабинете: кучка лакеев рядом, на рубашке пятна от пота. В голосе нотки политикана.

– Я должен знать, что ты занимаешься делом. Ты делом занимаешься?

– Дурацкий вопрос.

Хант знал источник сомнений шефа, но совладать со злостью не смог. Значит, он тратит время на дело Алиссы Мерримон... И что с того? Может, он чувствует острее, чем большинство копов. Дело было важное, вот только шеф смотрел на все с иной точки зрения. Нет. Он знал, что Хант просыпается в три часа ночи; что по воскресеньям, пораньше с утра, просматривает показания, которые видел по сто раз; осаждаёт судей, требуя подписать ордера на очередной обыск; задействует людские ресурсы, которые можно было бы употребить на другие дела. Шеф видел, что Хант работает на износ. Что он бледнеет на глазах, худеет и недосыпает. Видел стопки папок на полу в кабинете своего ведущего детектива...

А еще были другие вопросы.

Слухи.

– Я не спрашиваю, детектив. Я требую. Это приказ.

Хант стиснул зубы, сдерживая рвущиеся чувства. Он расследовал тяжелые преступления. Был ведущим детективом. И это было его работой, его жизнью.

– Я же сказал, что занимаюсь делом.

Паузу заполнило дыхание в трубке, потом чей-то приглушенный голос на заднем плане. Наконец шеф снова заговорил, но теперь уже четко и ясно:

– Сейчас не время и не место для личного. Не тот случай, детектив.

– Понял, – ответил Хант, глядя прямо перед собой. – Ничего личного.

– Речь идет о Тиффани Шор. Ее семье. Не об Алиссе Мерримон. Не о ее брате. И не о ее матери. Это ясно?

– Кристально.

Долгая пауза, потом с ноткой сожаления:

– Личный интерес до добра не доведет. Вылетишь к чертям из моего департамента. Не вынуждай меня делать это.

– Без нотаций обойдусь, – ответил Хант, подумав про себя: «Чья бы корова мычала, жирный пройдоха».

– Жену ты уже потерял. Не потеряй еще и работу.

Хант заглянул в зеркало – в его собственных глазах уже кипела ярость. Он глубоко вдохнул.

– Только не надо мне мешать. – И тоном человека, склонного слушать голос разума, добавил: – Выкажите немного доверия.

– Ты моим доверием год пользуешься, да только от него мало что осталось. Завтра к вечеру хочу видеть в газетах фотографию Тиффани Шор, улыбающейся на коленях у матери. На первой странице. Вот как мы остаемся при работе, Клайд. – Шеф помолчал. Хант, не доверяя собственному голосу, тоже ничего не говорил. – Дай мне хеппи-энд, Клайд. Хеппи-энд, и я сделаю вид, что ты тот же коп, каким был год назад.

Шеф дал отбой.

Хант двинул кулаком в потолок и свернул на подъездную дорожку к дому Мерримонов. Первым, что бросилось в глаза, было отсутствие универсала. Передняя дверь, когда он постучал, задрезжала так, словно дом был пустой. Заглянув в окошечко, детектив увидел выходящего из темного коридора Кена Холлоуэя. Под слегка помятыми брюками поблескивали начищенные туфли. Рубашку Кен заправлял на ходу. Застегнув ремень из кожи аллигатора, он остановился у зеркала, пригладил волосы и проверил зубы. В правой руке Кен держал револьвер.

– Полиция, мистер Холлоуэй. Положите оружие и откройте дверь.

Холлоуэй вздрогнул, поняв вдруг, что его могут видеть через окно, и презрительно улыбнулся.

– Полиция? Кто именно?

– Детектив Клайд Хант. Мне нужно поговорить с Джонни.

Холлоуэй уже не улыбался.

– Можно увидеть жетон?

Хант прижал к стеклу жетон и, отступив от двери, положил руку на рукоятку служебного револьвера. Холлоуэй жаловал немалые суммы на добрые дела, входил в управляющие советы и играл в гольф с влиятельными людьми.

Но Хант знал его и с другой стороны.

Знал, потому что целый год наблюдал за Кэтрин и Джонни. Встречая мальчишку вроде бы случайно, как недавно в бакалейном, он брал на заметку сказанное и несказанное, подмечал синяк или хромоту, читал скрытое в глазах парнишки, когда тот изображал крутизну. Хант пошел бы дальше, но Кэтрин по большей части пребывала в отключке, а Джонни боялся. Ничего конкретного детектив не собрал.

Но он знал.

Еще шаг назад. Теперь его отделяло от двери не меньше трех футов. За прорезью окна виднелась темная массивная фигура Холлоуэя, мужчины плотного, загорелого, с широкой грудью над тяжелым животом. Потом возникло лицо.

– Поздновато, детектив. Ночь на дворе.

– Еще и девяти нет, мистер Холлоуэй. Похитили ребенка. Откройте, пожалуйста, дверь.

Щелкнул замок. Дверь открылась на фут. Лицо Холлоуэя выглядело помятым, но два влажных пятна на лбу говорили о том, что он пытался взбодриться. В руках у него ничего не было.

– Похитили Тиффани Шор, при чем же тут Джонни?

– Будьте добры, отступите, пожалуйста, от двери, – твердым тоном полицейского потребовал Хант.

– Хорошо. – Холлоуэй распахнул шире дверь и опустил руки по швам.

Хант переступил порог и бросил взгляд влево-вправо. Револьвер калибра.38 лежал на телевизоре, стволом к стене.

– Оружие зарегистрировано, – сказал Холлоуэй.

– Не сомневаюсь. Мне нужно поговорить с Джонни.

– О сегодняшнем случае?

Хант уловил запах алкоголя.

– Разве вам не все равно?

Холлоуэй невесело улыбнулся.

– Минутку. Джонни! – позвал он, повысив голос.

Никто не ответил. Он позвал еще раз и, негромко выругавшись, исчез в коридоре. Открылась, потом закрылась дверь. Немного погодя Холлоуэй вернулся. Один.

– Его нет.

– А где он?

– Понятия не имею.

– Мальчику тринадцать лет. – Хант повысил голос. – На улице темно, идет дождь. На стоянке нет машины, а вы понятия не имеете, где он? На

мой взгляд, это и есть недолжное исполнение обязанностей.

– Как я понимаю закон, мальчишка – проблема матери. Я в этом доме лишь гость.

Их взгляды встретились, и Хант шагнул ближе. Холлоуэй был человеком двуличным, скользким и услужливым, когда это отвечало его интересам. И пусть в колледже в честь него называли здания, Хант не мог скрыть своей неприязни к нему.

– Поосторожнее со мной.

– Угрожаете?

Детектив не ответил.

– Вы не понимаете, кто я, – сказал Холлоуэй.

– Если с мальчиком что-то случится...

Он холодно улыбнулся.

– Вашу фамилию еще раз назовите... У меня завтра встреча с мэром и сити-менеджером. Не хотелось бы ошибиться.

Хант повторил.

– Насчет мальчика.

– Мальчишка – малолетний правонарушитель. Что прикажете с ним делать? Джонни мне не сын, никакой ответственности я за него не несу. Могу разбудить его мать. Она, конечно, тоже не знает, где он, но я притащу ее сюда, если вам станет от этого легче.

Матерью Джонни Хант восхищался с их первой встречи. Миниатюрная, но полная жизни, она даже в невыносимых обстоятельствах продемонстрировала смелость и веру и оставалась стойкой и сильной вплоть до того дня, когда сломалась. Может быть, ее добила скорбь, может быть, чувство вины, – но она пережила трагедию, утрату и ужас, представить который могли немногие родители. Мысль о том, что она зависит от такого человека, как Кен Холлоуэй, была неприятна сама по себе. Видеть же, как он вытаскивает Кэтрин из постели, было бы еще хуже. Иначе как деградацией такое и не назовешь.

– Я найду его сам, – сказал Хант.

– Мы не закончили, детектив.

– Нет, не закончили.

Хант уже взялся за ручку двери, когда у Холлоуэя зазвонил сотовый. Он задержался на пороге.

– Да? – Повернулся к полицейскому спиной. – Вы уверены? Хорошо. Да, позвоните в полицию. Буду через десять минут. – Он сложил телефон и повернулся к детективу. – Моя охранная компания. Если еще хотите найти Джонни, взгляните для начала на мой дом.

- Почему вы так говорите?
 - Потому что этот мелкий говнюк бросил камень в мое окно.
 - Почему вы считаете, что это сделал Джонни?
- Холлоуэй взял связку с ключами.
- Потому что это всегда Джонни.
 - Всегда?
 - Этот случай уже пятый.

* * *

Джонни ехал по темным улицам, и дождь сбегал по стеклу, оставляя ртутные следы. Родители Тиффани Шор, люди богатые, жили в трех кварталах от Кена Холлоуэя. Джонни даже был однажды дома у Тиффани на какой-то вечеринке. Подъезжая, он сбросил газ, а потом остановился, увидев полицейские машины и тени, мелькавшие за зашторенными окнами. Понаблюдав некоторое время за домом Шоров, посмотрел на два соседних, справа и слева. Оба изливали мягкий, теплый свет, и в темноте улицы он почувствовал себя жутко одиноким, потому что никто больше не знал. Никто не мог понять, что происходит за стенами дома Тиффани, как страдает ее семья, их страх и злость, медленное иссякание надежды и конец всего.

Никто не знал того, что знал Джонни.
«Кроме ее родителей», – подумал он.
Ее родители знали.

* * *

Сидя в машине, Хант видел, как Холлоуэй вышел из дома и сел в свою машину, предварительно бросив в его сторону неприязненный взгляд. Детектив с удовольствием ответил тем же. Взревел мотор, и «Эскалейд» вылетел на дорогу. Хант слушал дождь и смотрел на дом с освещенным окном. Там спала Кэтрин, и он представлял ее под одеялом, свернувшуюся спиной к ночи.

Включив лэптоп, Хант набрал в строке поиска имя Джонни Мерримона. Кен несколько раз подавал жалобы, но записи об арестах отсутствовали. Ордера не выдавались. Что бы там ни думал Холлоуэй о причастности парнишки к актам вандализма в отношении его

собственности, доказательств у него не было. И зачем Джонни бросать камни в окна Холлоуэя? Логичным представлялось лишь одно объяснение: Джонни хотел выгнать его из своего дома, оторвать от матери, и он придумал единственный верный способ, как этого добиться. Такой человек, как Холлоуэй, не мог оставить дом без присмотра на целую ночь.

Пять раз – и не попался... Хант покачал головой и постарался сдерживать улыбку.

Парнишка и впрямь ему нравился.

* * *

Еще две минуты Хант потратил на материалы по делу Тиффани Шор. Папка тоненькая. Он уже знал, как она была одета, когда ее видели в последний раз. В папке лежал список идентификационных признаков. Родимое пятно размером с десятицентовую монету на правой лопатке; розоватый крючкообразный шрам на левой икре. Тиффани было двенадцать лет, дантист еще не работал с ее зубами, и на теле отсутствовали хирургические шрамы. В деле имелись данные о ее росте, весе, дате рождения. У девочки был сотовый телефон, но с него со вчерашнего дня не звонили. Материала немного. Двое детей показали, что слышали крик, но разошлись во мнении относительно цвета машины, в которую ее затащили. Хант уже поговорил с ближайшими подругами Тиффани. Из их показаний следовало, что никакого тайного бойфренда у нее не было, как и проблем дома. Училась Тиффани хорошо, увлекалась лошадьми и, может быть, один раз поцеловалась с мальчиком. Самая обычная девочка.

Хант сделал пометку: «*Тиффани и Алисса были подругами?*» Может быть, они обе познакомились с кем-то.

Просмотрев имеющееся, Хант задумался об отсутствующем. Прежде всего, у него не было описания преступника. Не было сообщений о чем-либо подозрительном. Не была установлена марка машины. Фактически вообще ничего. Оставался Джонни Мерримон – и слова Дэвида Уилсона, сказанные мальчику перед смертью. Якобы он нашел похищенную девочку. Где нашел? Как нашел? Живую или мертвую? Тот, кто сбросил Дэвида Уилсона с моста, сделал это намеренно. Но был ли это, как считал Кросс, великан, на которого наткнулся Джонни, или кто-то другой?

Хант позвонил в участок и попал на одного из детективов.

– Есть что-нибудь?

– Ничего хорошего. Майерс и Холидей все еще с родителями

Тиффани.

– Как они, держатся?

– У них там доктор. Дают успокоительное матери.

– Что по сотовому Тиффани?

– Ничего. По джи-пи-эс никаких данных.

– Йокам работает по Дэвиду Уилсону?

– Он сейчас в доме.

– Что-нибудь узнали?

– Только то, что Уилсон преподавал в колледже биологию.

– Что с отпечатками?

– С века жертвы сняли отпечаток большого пальца. Прогоняем по базе данных. Скоро что-нибудь узнаем.

– Волонтеры?

– Пока что чуть больше сотни. Пытаемся организовать всех, чтобы начать поиски с утра пораньше. Выйдем к шести.

Они помолчали, думая об одном и том же: *округ-то чертовски большой.*

– Людей нужно больше, – сказал Хант. – Подключите церкви, городские клубы. Когда пропала Алисса Мерримон, у нас была сотня ребят из колледжа. Позвоните декану. – Хант продиктовал телефон по памяти. – Он человек отзывчивый. Посмотрим, что у него получится. Дальше. Завтра утром отправьте в школу несколько человек, не самых грозных. Тех, кто помоложе. Женщин. Что делать, сами знаете. Нельзя, чтобы что-то упустили только потому, что какой-то ребенок боится с нами разговаривать.

– Понятно. Что еще я могу сделать?

– Подожди. – Хант нашел регистрационный номер универсала Кэтрин Мерримон. – Запиши вот это и передай патрульным. – Он продиктовал номер, модель и марку автомобиля. – За рулем мальчишка, а машина принадлежит его матери. Битая, заметить нетрудно. В первую очередь посмотреть на Тейт-стрит, где дом Кена Холлоуэя. Сомневаюсь, что парень там, но на всякий случай проверить стоит. Если кто-то увидит, немедленно сообщить мне. Остановить, задержать и позвонить мне.

– Понял.

– Хорошо. А теперь дай мне адрес Дэвида Уилсона...

Хант потянулся за ручкой, но заметил движение на крыльце дома. В темноте мелькнула бледная рука.

Что за черт?

Приглушенный дождем крик. Пальцы сами нашли кнопку, и яркие лучи пронзили темноту и дождь.

– Вот дерьмо...

– Детектив?

Хант прижал телефон к уху.

– Мне нужно идти.

– Но...

Он закрыл телефон, протянул руку к дверце, и дождь ударил в лицо.

– Вот дерьмо...

Но и эти слова заглушил еще один крик.

Глава 10

Держась боковых улочек, Джонни перебрался из одной части города в другую. Джек жил в районе, застроенном небольшими домами с аккуратными дворами, где полно копов, бакалейщиков и доставщиков. На лужайках стояли качели и валялись игрушки. В солнечные дни детишки играли на улице в догонялки. Хорошее место, если сам здесь живешь, но на чужие машины здесь обращали внимание, так что Джонни припарковался, не доезжая двух кварталов, и пробежал дальше под дождем. В комнате Джека горел свет. Джонни приподнялся над подоконником и увидел друга. Джек растянулся на кровати с разбросанными комиксами и, почесываясь, читал что-то.

Джонни уже собирался постучать в стекло, когда дверь открылась, и в комнату вошел Джеральд. Высокий, мускулистый, в джинсах, но без рубашки и в сдвинутой на затылок бейсболке с эмблемой Клемсона, он сказал, похоже, что-то обидное в адрес брата, потому что Джек бросил в него книжкой, а когда Джеральд отступил в коридор, запер дверь.

Джонни постучал наконец по стеклу, и друг поднял голову. Постучал еще раз – и Джек пересек комнату, приподнял раму на несколько дюймов и опустился на колени.

– Господи! Ты в порядке? Я слышал, что случилось. Дело дрянное. А я, надо же, пропустил... Настоящего живого мертвеца не увидел.

Джонни посмотрел на дверь за спиной Джека.

– Выйти можешь?

– Вряд ли, – смущенно признался тот. – Слышал про переключку в школе? Про Тиффани Шор?

– Знаю.

– Они, когда в школе меня не нашли, позвонили отцу.

– Моей маме тоже звонили.

– Да. Ну так вот, он засек меня с пивом, и я был еще малость не в себе. Так что влип сильно. Мама в церкви, молится за жизнь Тиффани и мою бессмертную душу. – Джек закатил глаза и ткнул большим пальцем в сторону двери. – Этому придурку поручено следить за мной. – Он прижался к окну. – Тот мертвец... Что вообще происходит? Я слышал, как отец разговаривал с кем-то по телефону. Он точно имеет какое-то отношение к Тиффани?

– Или к моей сестре.

- Сомневаюсь.
- Может, он про нее говорил.
- Год прошел. Будь реалистом. Шансы...
- Не рассказывай мне про шансы!

Джек помолчал.

- Так ты пойдешь?
- Придется.

– Не надо. – Джек покачал головой, и лицо его сделалось серьезным. –

В такую ночь лучше не высовываться. Сегодня всех копов в городе подняли. Кто бы это ни сделал, он будет настороже.

– Тиффани забрали сегодня. Еще рано. Обычно именно так люди и ошибаются.

- Куда пойдешь?
- Ты знаешь куда.
- Не надо. Я серьезно. У меня плохое предчувствие.

Джонни от своего не отступал.

– Мне надо, чтобы ты пошел со мной. – Джек оглянулся через плечо. Дверь все еще была закрыта. Джонни положил руку на подоконник. – Мне нужна помощь.

– Идти с тобой к тем домам я не соглашался. С самого начала так и говорил, и ты это знаешь.

– Тут другое.

– Тебя там убьют. Попадешься какому-нибудь уроду, он и смотреть не станет – закопает. – Джек побледнел, и его даже начало трясти. – Не ходи, слышишь?

Джонни отвернулся, взгляд его ушел в темноту.

– Не могу, понимаешь?

– Ты о чем?

– Тот парень упал прямо к моим ногам. Я слышал, как ломались его кости. Кровь повсюду. Один глаз из головы выскочил.

– Да ты что? Правда?

– Он знал, где она. Понимаешь? Тот, кто сбросил его с моста, сделал это специально, чтобы он никому не рассказал. – Джонни поднял кулак. – Я был там.

– И что?

– Я испугался. И убежал.

– Ну и убежал. И что? Я бы сейчас уже в Вирджинии был.

Джонни не слушал друга. Казалось, вся сцена у моста снова прокручивается перед его глазами.

– Тот парень обошел машину... Я слышал скрежет металла, как будто он тащил за собой железную трубу. И мотор еще урчал... большой мотор. Этот парень, он только что не обделался от страха. Сказал, чтобы я уходил.

– Ну вот ты и ушел. Он же так и сказал.

– Ты что, не понял? Он знал, где она, а я убежал! Она, моя сестра. Моя двойняшка.

– Нет, Джонни.

– Я должен сделать все как надо. – Он подался вперед, и его лицо заполнило щель внизу окна. – Сделать сегодня. Это мой шанс. Я должен все поправить, но не уверен, что смогу в одиночку. Мне нужно, чтобы ты пошел со мной.

Джек заерзал и бросил отчаянный взгляд на закрытую дверь.

– Даже не проси – не могу. Не сегодня.

Разочарованный и злой, Джонни отстранился.

– Да что с тобой, Джек? Ты ж сам сегодня хотел выбраться туда и посмотреть. Поиграть хотел...

– Но это же не игра, ведь так? Сам видишь, что случилось. – В голосе Джека зазвучали просительные нотки. – Это ведь по-настоящему. Ну ладно, найдешь ты того парня. Так он тебя самого как пить дать закопает.

– Сейчас самое время. Другого такого не будет.

– Джонни...

– Да или нет?

– Джонни... – Джек мог и не говорить – ответ выражала вся его поза.

Джонни понял без слов.

– Не парься, – сказал он и был таков.

* * *

Кэтрин Мерримон сделала последний шаг, оступилась и оказалась под дождем. Наклонившись вперед, она выглянула во двор.

– Джонни!

В свете лампы ее рот казался бледно-розовым. Босая, с мечущимся по сторонам растерянным взглядом, Кэтрин сделала еще шаг и попала в грязь. Не по размеру большая, свисающая до колен футболка моментально промокла насквозь, глина липла к ногам.

Видя, что женщина напугана и, возможно, не вполне в себе, Хант действовал осторожно. Ему приходилось видеть людей в состоянии психического расстройства, и здесь, похоже, был именно такой случай:

Кэтрин словно расходилась по швам.

– Миссис Мерримон. – Детектив протянул руки ладонями вперед.

– Джонни! – Она смотрела вверх, и дождь бил в лицо.

Похоже, известие о похищении Тиффани Шор разворошило неглубокую, чуть присыпанную могилу для мыслей о судьбе ее дочери. Проснувшись, женщина обнаружила себя в пустом доме, в пустой постели...

– Миссис Мерримон, – негромко повторил он.

Она повернулась к нему. Свет падал на ее лицо, но глаза оставались широко открытыми и темными.

– Где мой сын?

Хант опустился на колени и положил руки ей на плечи.

– Всё в порядке. Всё будет хорошо.

На секунду Кэтрин успокоилась, но потом ее лицо словно раскололось, и голос, когда она заговорила, прозвучал лишь чуть громче шепота:

– Где Алисса?

Хант не ответил, только смотрел, как горе пригибает ее к земле. Сломавшись в талии, она упала на землю, раскинула руки и впиалась пальцами в мягкую землю.

– Остановите это.

Хант понимал, что нужно делать. Женщина нуждалась в помощи. Джонни необходимо забрать у нее и поместить в стабильную среду. Ему следовало прямо сейчас позвонить в службу социального обеспечения. Но Хант знал и кое-что еще. Забрать у Кэтрин сына означало бы сломать ее окончательно, а этого он сделать не мог.

– Пожалуйста, остановите это, – повторила она.

– Кэтрин...

– Мои дети...

Хант протянул руку.

– Доверьтесь мне.

Она взглянула на него измученными глазами. Детектив снова назвал ее по имени, а потом взял за руку и помог подняться.

* * *

Минут через двадцать дождь прекратился. На подъездную дорожку свернула полицейская машина, под мигнувшим потолочным плафоном мелькнули блондинистые волосы, и Хант увидел идущую к веранде Лору

Тейлор. Широкоплечая, но с узким лицом, тридцатилетняя Лора некогда питала слабость к Ханту, однако то время давно прошло. Теперь ее избранником был участник гонок NASCAR из Шарлотт^[16]. Сам гонщик о существовании воздыхательницы не догадывался, но ее это не беспокоило. По мнению Лоры Тейлор, упорство было одним из ее достоинств.

Поднявшись по ступенькам, она посмотрела на него и покачала головой:

– Круто выглядишь.

– Что ты имеешь в виду?

Лора неопределенно махнула рукой.

– Мокрая одежда. Грязь на костюме. – Жест растянулся и включил в себя его голову. – Ты кто теперь, серфер?

– Серфер? – Хант потрогал волосы. Промокшие, они падали ему на воротник.

– Могу подрезать, если хочешь.

– Меня и так устраивает.

– Как хочешь. – Она протиснулась мимо и заглянула в открытую дверь. – Ты, когда звонил, так и не объяснил толком, что надо.

Тейлор всегда следовала правилам, но Хант выбрал ее не просто так. Под жестким панцирем – коп, инструкции, грозный вид – пряталась отзывчивая натура. Хант полагал, что она поступит правильно.

– Мне надо лишь, чтобы ты присмотрела за ней. Не дала надеть глупостей.

– Насколько все плохо?

– Она сейчас в постели. Спокойна. Но принимает что-то. Наверное, таблетки. Ее уже вырвало. Может, снова вырвет. Но она хороший человек, и еще не вечер. Думаю, свой шанс она заслужила.

Судя по тому, с каким видом отстранилась Тейлор, должного впечатления он не произвел.

– В городе поговаривают, что, мол, она в полном раздрае.

– Это как?

– Только не надо ее защищать.

– Я и не думаю.

Под сверкнувшими глазами растянулась улыбка.

– Чушь. Посмотри на себя. Бледные губы. Жилы на шее вздулись. Ты выглядишь так, будто о собственной матери говоришь. Или о жене.

Хант сбавил тон, заставил себя расслабиться.

– Так что за раздрай?

Тейлор равнодушно пожала плечами и кивком указала на дом.

– Заявилась однажды в школу. Через четыре месяца после похищения девочки. Ей сказали, что Алиссы в школе нет, но она не ушла. Сообщила, что хочет увидеть дочь. Когда кто-то попытался объяснить, что и как, раскричалась, устроила сцену... Ситуация вышла из-под контроля, и охраннику пришлось выпроводить ее с территории школы. Потом она три часа сидела в машине и плакала. Ты ведь знаешь Дэниелса?

– Новый парень?

– Шесть недель назад Дэниелс выехал на вызов – поступил сигнал о взломе с проникновением – и обнаружил ее в их старом доме. Спала на софе. В позе зародыша, как он сказал. – Тейлор оглядела обветшалый дом. – В раздразе...

Несколько долгих секунд Хант подбирал нужные слова.

– У тебя есть дети, Лора?

– Ты же знаешь, что нет. – Она улыбнулась, показав мелкие зубы. – Дети плохо совмещаются с работой.

– Тогда поверь мне: ей нужен перерыв. – Тейлор не отвела взгляда, и Хант понял, что она что-то прикидывает. Лора была патрульной, а не сиделкой, и его просьба не вписывалась ни в какие процедуры. – Кому-то надо побыть здесь на случай, если ее сын вернется. Это законно.

– А все остальное?

– Позаботься о том, чтобы она не ушла и не принимала больше таблетки.

– Ты сам подставляешь свою задницу под хороший пинок и просишь, чтобы я подставила свою – точеную...

– Знаю.

– Если она такая плохая – выпивка, таблетки, все прочее, – то мальчишку надо срочно передавать службе опеки штата. А вдруг с ним что-то случится, и выяснится, что ты не захотел принять нужные меры...

– Я рискну.

Лора посмотрела в ночь, где по-прежнему шел дождь, и нахмурилась.

– Про вас с ней говорят...

– Эти разговоры беспочвенны.

Тейлор взглянула на него в упор.

– Точно?

– Она – жертва, – твердо сказал Хант. – А еще замужем. Мой интерес дальше профессионального не идет.

– По-моему, ты врешь, – сказала Тейлор.

– Может быть, но только не тебе.

Она побарабанила пальцами по виниловому ремню, на котором висели

наручники, оружие и газовый баллончик.

– Это глубоко. Так глубоко, что прямо-таки по-женски. – Это прозвучало почти одобрительно.

– Ты мне поможешь?

– Я твой друг. Только не втяни меня во что-нибудь грязное.

– Она хорошая женщина, а я не смог найти ее ребенка. Вот так.

Они помолчали.

– Джонни Мерримон, – первым заговорил Хант. – Узнаешь его, если увидишь?

– Увижу ребенка – буду знать, что это он.

Хант кивнул.

– За мной должок.

Он повернулся, но Тейлор остановила его.

– Должно быть, она – нечто особенное.

Замявшись на миг, Хант все же ответил – причин лгать он не видел.

– Они оба особенные. И она, и ее сын.

– Не хочу ничего сказать против, но почему?

Хант подумал о парнишке, пытающемся по-своему защитить мать, которую не желал защитить никто другой. Представил, как он покупает продукты в шесть утра, как швыряет камень в окно, и не один раз, а пять, только для того, чтобы отогнать Кена Холлоуэя от своей матери.

– Я видел их в городе еще до того, как это все случилось. Они всегда были вместе, все четверо. В церкви. В парке. На концертах. Чудесная семья. – Он пожал плечами. Оба понимали, что еще многое осталось несказанным. – Не люблю трагедии.

Тейлор невесело рассмеялась.

– Что? – спросил Хант.

– Ты – коп. У нас всё – трагедия.

– Может быть.

– Да, верно, – недоверчиво повторила Лора. – Может быть.

* * *

Укрывшись на темной дорожке в сотне ярдов вниз по улице, Джонни наблюдал за отъехавшей от дома машиной Ханта и пригнулся, когда она промчалась мимо. Однако то место, где обычно парковалась мать, было занято. Обе машины – седан Ханта и патрульную с выключенной мигалкой – он успел заметить едва ли не в последний момент. Джонни пожевал

ноготь, и на зубах заскрипел песок. Ему всего лишь хотелось посмотреть, как там мать. Заглянуть одним глазком. Но эти копы...

Чтоб их...

В доме, возле которого припарковался Джонни, жила старая пара. В теплые деньки муж сидел на веранде, покуривая самокрутки и наблюдая за женой, трудившейся в саду в выгоревшем платье, скрывавшем столько набухших синих вен, сколько просто не могло иметь обычное человеческое тело. Но они всегда улыбались и махали, когда он проезжал мимо на велосипеде; старик демонстрировал при этом потемневшие зубы, а женщина – испачканные в земле руки.

Джонни выбрался из машины и закрыл дверцу. Темнота наполнилась звуками: шорохом листьев, шумом дождя, кваканьем древесных лягушек и хрустом гравия под колесами еще одной машины, свет фар которой мазнул стену приземистого коттеджа на спуске с холма. Пригнувшись, он проскользнул сбоку от коттеджа и направился через задние дворы к своему дому – мимо навесов, от которых тянуло запахом скошенной травы и гнили, и опасно накренившегося батута с ржавыми пружинами. Нырнул под бельевые веревки, перелез через заборчики и даже успевал замечать соседей, которых едва знал.

Приблизившись к окну комнаты матери, он замедлил шаг, а подняв голову, увидел, что она сидит на кровати. С заплаканным лицом, в грязном, забрызганном глиной платье, бессильно согнувшись, словно внутри ее перерезали какую-то жизненно важную нить. В руках мать держала фотографию, губы ее шевелились, палец скользил по стеклу, а спина горбилась, как будто под тяжестью невидимого бремени. Однако никакого сочувствия или даже жалости Джонни не испытал. Наоборот, в его груди полыхнуло что-то вроде злости. Мать вела себя так, словно Алисса пропала навсегда, словно никакой надежды уже не осталось.

Но когда рамка с фотографией наклонилась, Джонни увидел, что на снимке не его сестра, а отец.

От неожиданности он даже присел. Она же сожгла их все. Тот день остался в его памяти: полдень, яркий огонь на заднем дворе и едкий запах горящих фотографий. Джонни помнил все так ясно, будто это случилось вчера: как он вырвал у нее из пальцев три снимка и как она носилась кругами, спотыкаясь, плача и требуя, что он вернул ей карточки. Теперь все три хранились в надежных местах: одна в ящике под носками, две – в чемодане, с вещами, сбереженными для Алиссы.

У матери сейчас была другая, и отец на ней был другой – молодой, улыбающийся, с горящими глазами. В костюме, с галстуком, как

кинозвезда.

На мгновение образ потерял четкость, расплылся, но Джонни вытер правый глаз и направился через грязный двор к деревьям, спеша углубиться в темноту и позабыть о матери с фотографией. Ему вдруг стало грустно, а грусть всегда означала слабость.

Джонни плюнул на землю.

Эта ночь – не для слабых.

* * *

Узкая тропинка привела его под деревья, царапавшие ночное небо столь широкими и густыми кронами, что само понятие темноты приобретало здесь новое значение. За старой рощей находилась заброшенная табачная ферма. Высокие деревья остались позади. По голой земле стелились побеги ядовитого плюща, тут и там поднимались высокие кусты молочая. Пройдя еще сотню ярдов, Джонни перепрыгнул через набухший бурый ручей. Ветки терновника кололи руки. Дойдя до старого табачного сарая, он остановился и прислушался. Однажды Джонни наткнулся на двух парней постарше, покуривавших здесь «травку». С тех пор прошло несколько месяцев, но ему запомнилась та погоня, которую они устроили ему. Он положил ладонь на стену. Тесаные бревна потемнели от времени, уплотнитель рассыпался в труху, но стена оставалась прочной. Приникнув к щели, Джонни заглянул внутрь. Тьма. Тишина. Он шагнул к двери.

Войдя в амбар, встал на старенькое ведро и поднял руку к притолоке. Ему пришлось даже подняться на цыпочки, чтобы дотянуться, но оставленное однажды все еще лежало на месте. Мешок свалился с градом мышинного помета. Синий, покрытый плесенью и красновато-коричневыми пятнами по нижним швам. Джонни втянул в себя его запах – вонючий запах грязи, птицы и мертвых растений. Выйдя из амбара, опустился на землю. Дыхание сбилось. Он внимательно огляделся и прислушался.

Потом принес из амбара сухих деревяшек и разложил костер.

Большой.

Глава 11

Порывистый ветер рвал в клочья остатки грозовых туч, когда Хант свернул на подъездную дорожку, ведущую к дому Дэвида Уилсона. Взглянув вниз, он увидел, что все стало серебристо-белым: лужа на бетонной дорожке, капли на капоте автомобиля. Улица заканчивалась у безликого здания, отмечавшего собой край кампуса. В аккуратных, ухоженных домиках жили преподаватели с семьями и те немногие студенты, родители которых могли позволить себе раскошелиться на аренду. Участки здесь были узкие, деревья высокие, с раскидистой кроной. Кое-где между плитами на бетонных дорожках зеленели узкие полоски мха и сорной травы. В воздухе пахло свежей зеленью.

Улицы из-за дождя оставались пустыми, присутствие полиции – малозаметным, но Хант все же заметил признаки того, что положение скоро изменится. Дальше по улице у тротуара стоял мужчина с пластиковым пакетом в руке. Через дорогу вспыхивал и гас огонек сигареты. Негромко выругавшись, Хант повернул к небольшому домику в тюдоровском стиле^[17] с потемневшими от времени балками, встроенными в старый кирпич. Границей с соседями служила полоска травы; к заднему углу примыкал двухместный гараж. В незавешенном окне Хант увидел Йокама и повернул к двери.

Деревянные половицы внутри демонстрировали царапины и шрамы – результат долгого использования и плохого ухода. Справа от входа вверх уходила лестница с темными и гладкими перилами. Кухня помещалась в задней части дома; там под жестким верхним светом поблескивала посуда из нержавеющей стали и белый линолеум. В гостиной детектива кивком приветствовал полицейский в форме. Хант кивнул в ответ. Услышав шаги, повернулся второй, потом третий. В глаза никто не смотрел, но он понял.

Все выглядело очень уж знакомым.

Дэвид Уилсон был профессором, и это ощущалось в темном дереве, голом кирпиче, запахе то ли свежего табака, то ли старой «травки». Вышедший из столовой Йокам улыбнулся ничего не значащей пустой улыбкой.

– Вести у меня нерадостные.

Хант огляделся.

– Начинай с самого начала.

– Дом принадлежит колледжу. Уилсону его предоставили как льготу на

время работы. Он здесь уже три года.

– Неплохая льгота. – Хант еще раз осмотрелся, заметив, как переглядываются полицейские.

Заметил это и Йокам.

– Беспокоятся за вас, – сказал он, понизив голос.

– Беспокоятся?

– Вчера был год, как исчезла Алисса. Все помнят, никто не забыл.

Хант промолчал, только нахмурился, и Йокам, в глазах которого тоже засели тревога и беспокойство, пожал плечами.

– Расскажи мне о Дэвиде Уилсоне.

– Возглавляет отделение биологии. Пользуется уважением, насколько я могу судить. У него много публикаций. Дети от него в восторге. Администрация тоже.

– Ты объяснил в колледже, что Уилсон не подозреваемый? Не хотелось бы беспричинно марать репутацию хорошему человеку.

– Сказал им, что он проходит как важный свидетель. Увидел что-то такое, из-за чего и погиб.

– Хорошо. Что еще ты узнал о Дэвиде Уилсоне?

– Начать можно вот с этого.

Йокам прошел по восточному ковру, бывшему, возможно, старше дома, и подвел Ханта к стене, на которой висело несколько фотографий в рамке. Тема менялась незначительно: каждая представляла профессора с красивой женщиной. Все женщины были разные.

– Холостяк?

– Вот ты мне и скажи. На обеденном столе – детали двигателя. В холодильнике – стейк, пиво и ничего больше. В ящике прикроватного столика – семнадцать презервативов.

– Ты посчитал?

Йокам снова пожал плечами.

– Это мой фирменный знак.

– Ах, юмор...

– Да какое там...

– Что-нибудь указывающее на то, что он мог пересечься с Тиффани Шор?

– Пока что ничего такого я не нашел. Если Уилсон и обнаружил девочку, то случайно.

– Хорошо. Давай разберем все по порядку. Мы знаем, что он прожил здесь три года. Занимается спортом, получает хорошие деньги, умен.

– Спортом?

– Медэксперт считает, что он увлекался скалолазанием.
– Трентон Мур – голова.
– Да.
– Идем со мной. – Йокам прошел через кухню к узкой двери в задней части дома, открыл ее, и снаружи хлынул теплый воздух. – В конце заднего двора гараж.

Трава была еще мокрая. Большую часть двора окружал забор, а гараж, неуклюжее, похожее на куб строение, темнел в дальнем углу. Сложен он был из того же, что и дом, кирпича и, судя по размерам, мог вместить два автомобиля. Йокам вошел первым и щелкнул выключателем.

– Смотри.

Пространство под остроконечной крышей перекрывали балки. На сером бетонном полу остывало масляное пятно. Две стены представляли собой пегборды; на крючках висело всевозможное альпинистское снаряжение: мотки веревок, карабины, питоны, налобные фонарики и шлемы.

– Я бы сказал, что он был альпинистом.

– С такой вот дурацкой обувкой, – заметил Йокам, и Хант обернулся.

Ботинки были высокие, до лодыжки, кожаные, с черными гладкими резиновыми подошвами и загнутыми кверху мысками. Три пары висели на трех разных крючках. Хант поднял одну пару.

– Скальники. Хороши на камне.

Йокам показал на балки.

– Воды парень не боится.

– Байдарки. – Хант посмотрел на самую длинную. – Эта для океана. А эта, – он перевел взгляд на самую короткую, – речная.

– Автомобилей на его имя не зарегистрировано, – добавил Йокам.

– Но на полу масляные пятна. – Хант снял связку ключей с гвоздя у двери: черный пластик на утолщенном конце. – Наверное, запасной комплект. «Тойота». – Он присмотрелся к следам шин на бетоне. – Колесная база довольно длинная. Может быть, пикап. Или «Лендкрузер». Наведи справки в колледже. Не исключено, что машина зарегистрирована на отделение биологии.

– Мы нашли прицеп, зарегистрированный на Дэвида Уилсона.

– Возможно, для кроссового мотоцикла. Тот, на котором он ехал, когда его сбили, уличным назвать нельзя, так что, вероятнее всего, он взял его из прицепа. Остается вопрос: что Уилсон делал в самой недоступной части округа?

Они вышли из гаража, закрыли дверь и зашагали через дверь.

- Местность там пересеченная. Много леса. Много тропинок.
- Подходящие условия для кроссового мотоцикла.
- Думаешь, его машина до сих пор где-то там? – спросил Йокам.

Детективы поднялись по ступенькам к задней двери и вошли в кухню.

– Должно быть. – Хант мысленно представил карту округа. Они находились в сотне миль от столицы штата и в шестидесяти милях от побережья. Деньги у города были – промышленность, туризм, гольф, – но север округа, с болотами и оврагами, лесными чащобами и выходами гранита, оставался территорией необжитой и неприветливой. Если Дэвид Уилсон ездил туда, машина могла оставаться где угодно: на каком-нибудь проселке, в поле, на не отмеченной на карте тропе. Гадать можно долго. – Надо отправить туда несколько экипажей. – Хант произвел в уме нехитрые подсчеты. – Пусть будет четыре патрульные машины. Вызывай их сюда.

– Уже темно.

– Живее. И передай в дорожный патруль регистрационный номер прицепа.

Йокам щелкнул пальцами, и перед ним тут же предстал полицейский в форме.

– Сообщи в полицию штата номер прицепа Уилсона. Скажи, что это связано с делом Шор. Тревогу они уже объявили.

Полицейский отправился звонить, а Йокам повернулся к Ханту:

– Что дальше?

Тот медленно прошелся взглядом по собранной Дэвидом Уилсоном коллекции красоток.

– Спальня. Подвал. Чердак. Покажи мне всё.

Глава 12

Глина и скользкие камни; идти приходилось осторожно. Река разбрасывала кусочки света, напоминавшие о чем-то из детства. В ее движении ощущался ритм, некая система, как в калейдоскопе, подаренном отцом за год до того, как его забрал рак. Тропинка выгнулась вверх, и, чтобы подняться по склону, Ливай цеплялся свободной рукой за корни и еще не окрепшие побеги, упирался в землю мысками ботинок. Добравшись до верха, он остановился перевести дух, а когда пошел дальше, речные огоньки скрылись за ивами и ясенями, амбровыми деревьями и белыми соснами. Стемнело уже по-настоящему, и вот тогда он увидел лица. Увидел смеющуюся над ним жену, чье лицо внезапно сделалось красно-черным и мокрым. Увидел мужчину, который был с ней, и как его лицо налилось красным, перекошилось и расплющилось с одной стороны.

И звуки.

Ливай пытался сделать так, чтобы ни о чем не думать, хотел промыть голову от мыслей, залить воду в одно ухо и вылить, грязную, через другое. Он хотел быть пустым, освободить место для Бога, когда Он заговорит. Вот тогда он был бы счастлив, даже если бы Бог всего лишь повторял одно и то же слово. Даже если б это было всего лишь имя, которое звенело бы в голове, как церковный колокол.

«София».

Он снова его услышал.

Ее имя.

Ливай не остановился, продолжал идти – и в какой-то момент почувствовал теплую воду на лице. Прошел мимо, прежде чем понял, что плачет. Ну и пусть. Здесь его никто не видел – ни жена, ни соседи, отпускавшие шутки, когда люди говорили вещи, которых он не понимал, или смеялись, когда умолкал, найдя мертвое животное на обочине. Так что теперь он дал себе волю, и слезы текли и текли. Ливай слушал Бога, а они, горячие, лились по его исковерканному лицу.

Он попытался вспомнить, когда в последний раз спал, – и не смог. Вся прошедшая неделя осталась в памяти пестрой цепочкой смазанных образов. Как копал землю... как шел... как сделал...

Сделал *то*.

Ливай закрыл глаза и, оступившись, упал на скользкую глину. Упал на спину и заскользил по склону, по острым, рвущим и режущим кожу

камням. Потом голова ударилась обо что-то твердое, перед глазами вспыхнул свет, бок взорвался болью. Она прошила его насквозь зазубренным наконечником, и он почувствовал, как что-то сломалось, ощутил рывок – и понял, что ящика нет. Руки колотили воздух и даже коснулись пластика, но тот ускользнул.

Ушел в реку.

Господи боже, ящик ушел в темноту...

Ливай смотрел на черную воду и крохотные точки огоньков. Его большие руки сжались в кулаки.

Ливай не умел плавать.

Тревожная мысль промелькнула и пропала. В следующую секунду, еще до того, как Бог повелел прыгать, он был в воде.

Раскинув руки и ноги, Ливай плюхнулся в реку, и грязная вода вторглась ему в рот. Он вынырнул, отплеываясь, снова погрузился, шлепая руками по юркой и холодной воде. Боролся с рекой, захлебываясь и страшая умереть, – а потом обнаружил, что может стоять и что вода поднимается только по грудь. Он двинулся вниз по течению, прорываясь через кусочки света, пока не увидел ящик, лениво кружащий перед упавшим деревом.

Ливай выполз на берег, не обращая внимания на терзающую его боль. И снова подумал о жене.

Не нужно ей было делать то, что она сделала.

Он лег, прижав к себе ящик. Боль осталась. Что-то было не так в его теле.

Не нужно ей было делать то...

В конце концов Ливай уснул, обнимая ящик и мыча, когда боль дергала его огромные члены.

Глава 13

– Ничего. – Хант стоял в низком подвале дома Дэвида Уилсона. Рядом неуклюже горбился Джон Йокам. Из двух тронутых ржавчиной патронов, прикрученных к балке перекрытия, торчали две голые лампочки. В дальнем углу стоял холодный черный котел. Хант поскреб ногой пол – в воздух поднялось и осело облачко плесени и пыли. В помещении запахло землей и сырým бетоном.

– А чего ты ждал? – спросил Йокам.

Хант заглянул в тесную комнатушку под гостиной в задней части дома.

– Ждал, что повезет. Хотя бы раз.

– Такого не бывает – ни везенья, ни невезенья.

– Скажи это Тиффани.

Пятнадцать часов прошло с тех пор, как неизвестный затянул девочку в свою машину, а они даже на шаг не приблизились к решению проблемы. Дом и участок обыскали самым тщательным образом – и никакого результата. Хант хлопнул ладонью по лестничным перилам, и на пол осыпалась пыль.

– Надо бы проверить сына. Забыл предупредить, что задержусь.

– Позвони, да и все дела.

Хант покачал головой:

– Не ответит.

– Все так плохо?

– Не хочу об этом говорить.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? – спросил Йокам.

Хант кивнул в сторону лестницы:

– Заканчивай здесь. Закрывай. Встречаемся в участке через полчаса.

– А потом?

– Мы же работаем на стороне ангелов. Помолимся, попросим немного удачи. – Хант приложил палец к лицу Йокима. – И молчи.

Тот поднял руки.

– Что?

– Ни слова.

Выйдя из дома, Хант обнаружил небольшую толпу собравшихся на тротуаре соседей. Неподалеку стояли два полицейских в форме, но все равно пройти к машине оказалось непросто. Тем не менее он уже почти добрался до нее, когда какой-то худощавый, сердитый на вид мужчина спросил:

– Вы здесь из-за Тиффани Шор?

Хант не ответил.

– Нам никто ничего не говорит. – Мужчина повысил голос, а когда детектив прошел мимо, добавил еще: – Этот человек как-то связан с похищением?

Хант уже почти остановился, но в последний момент передумал. Что ни скажи, лучше не станет.

В машине он включил на полную кондиционер и, не задерживаясь, уехал. Нужно было проверить, как там сын, умыться и переодеться, но Хант вдруг поймал себя на том, что катит по долговому спуску к дому Кэтрин Мерримон. Лора Тейлор открыла дверь еще до того, как он успел постучать. Лицо усталое, губы сжаты, рука – на кобуре служебного оружия. Увидев, кто пришел, она расслабилась, шагнула на крыльцо и закрыла за собой дверь.

Хант кивнул.

– Ну как? Появлялся?

– Мальчишка? Нет. А этот придурок, Кен Холлоуэй, – да.

– Проблемы?

– Искал Джонни. Зол был как черт, рожа так и горела. Нес что-то насчет разбитого фортепиано. То ли «Стейнман», то ли «Стейнбек»...

– «Стейнуэй».

– Точно. Мол, парень бросил камень в окно, разбил инструмент... – Тейлор улыбнулась. – Дорогая, наверное, штука.

– Да, – усмехнулся Хант. – У тебя с ним возникли трудности?

– Да уж... Я его не впустила, так он принялся звать мать Джонни. Говорю, мол, успокойтесь, – переключается, обещает устроить мне неприятности, добиться, чтобы меня выгнали. – От ее слов дохнуло злостью. – Будь мальчишка здесь, ему бы точно влетело.

– Давно это было? – Хант посмотрел на улицу.

– С час назад, может быть. Обещал вернуться с адвокатом.

– Ты серьезно?

Тейлор пожала плечами.

– Очень уж ему хотелось попасть в дом.

– Если вернется и даст повод, надень на него наручники.

– Да?

– Я не позволю ему запугивать свидетеля и препятствовать расследованию.

– И это единственная причина?

Хант ответил не сразу. Оглянувшись на дом, он ощутил запах гнили, идущий от софитов и нижней обшивки, увидел щели в жалюзи, трещины в оконных рамах – и вспомнил, в каком доме жила семья до похищения Алиссы. Вспомнил темные глаза Кэтрин, ее упрямую, душераздирающую веру в то, что Господь вернет ей ребенка. Бедная женщина часто молилась у выходящего на юг окна, и в такие моменты, когда чистый солнечный свет падал на ее идеальную кожу, сама напоминала ангела. И рядом постоянно ошивался Кен, предлагавший улыбку, деньги и поддержку. Так продолжалось месяц. И как только горе сломало Кэтрин, Холлоуэй набросился на нее, словно стервятник. Теперь она жила в наркотическом тумане, и Хант знал, кто не дает этому туману рассеяться.

– Ненавижу. – Взгляд его ушел вдаль. – Ненавижу так сильно, что мог бы убить.

Лора отвела глаза.

– Я этого не слышала.

Кровь бросилась ему в лицо.

– Забудь.

Она посмотрела на него в упор.

– Уверен?

– Да.

– Хорошо, – Тейлор кивнула.

Хант бросил взгляд на улицу.

Белый «Эскалейд» Холлоуэя притормозил и, сворачивая на подъездную дорожку, съехал колесом в канаву. На секунду-другую двигатель заглох, но потом взвыл, и плененное колесо вырвалось на свободу. На краю канавы блеснула свежая черная рана. С шасси с правой стороны повисли куски земли и травы. Глядя в окно, Хант видел лицо Холлоуэя, решительное и возбужденное. Рядом с ним сидел смиренного вида мужчина, которого детектив видел пару раз в здании суда, некий юрист с бледным и влажным лицом. Приоткрыв дверцу, он с неприязнью и отвращением оглядел все лежавшее вне салона машины: дом, двор, полицейских. Его выход из салона оформился в утонченное действие, подобного которому детектив еще не видел.

Хант вышел во двор, и Тейлор последовала за ним. Холлоуэй явился в розовой рубашке, кое-как заткнутой в новые джинсы, и сапогах, стоивших

больше, чем служебное оружие полицейского. Крупный, далеко за двести фунтов, злой, он казался еще более грозным и высоким, волоча за собой упирающегося адвоката.

– Скажи им. – Наставил на полицейских палец, и на запястье запрыгал медный браслет. – Скажи им, как оно будет.

Адвокат одернул пиджак. Кожа гладкая, идеальный маникюр, речь в соответствии с тем и другим.

– Я не вполне понимаю, зачем я здесь. И уже объяснял вам...

– Ты – мой адвокат, – оборвал его Холлоуэй. – Ты у меня на содержании. А теперь скажи им.

Адвокат перевел взгляд с клиента на полицейских и, как будто находился в зале судебных заседаний, поправил манжеты.

– Мистер Холлоуэй является владельцем этого участка и здания и желает получить доступ к своей собственности.

– Требуется, а не желает, – бесцеремонно вмешался Кен. – Это мой дом.

– В прошлый раз вы заявили, что находитесь здесь на правах гостя, – спокойно ответил Хант.

– Игра слов. Этим домом владею я.

– Но Кэтрин Мерримон является законным арендатором.

– Мистер Холлоуэй берет с нее доллар в месяц, – указал адвокат. – В такой ситуации ее трудно считать законным арендатором.

– Плата есть плата, а ее размер значения не имеет, – возразил Хант. – И вы прекрасно это знаете.

– Тем не менее у него есть право осмотреть объект.

– В подходящее для этого время и после соответствующего уведомления, – поправила Тейлор. – Но никак не посреди ночи. Если ваш клиент желает позвонить миссис Мерримон, он может это сделать.

– Она не отвечает на звонки, – сказал адвокат.

Холлоуэй шагнул вперед.

– Мне нужен мальчишка. Он повредил находящийся в частной собственности ценный предмет и должен быть привлечен к ответу. Я хочу поговорить с ним.

– Неужели? – Как ни старался, Хант не смог скрыть ни неприязни, ни недоверия.

– Конечно. А что еще?

– А если я скажу, что его здесь нет? – Хант тоже шагнул вперед, и теперь мужчин разделяли считанные дюймы. Детектив знал, что Холлоуэй вспыльчив. *Знал.* И теперь хотел убедиться в этом.

Так хотел, что готов был попросить.

Холлоуэй прищурился, и Хант тут же распознал первую трещинку в фасаде. Кен не любил, когда ему перечили, не любил, когда ему бросали вызов, так что детектив, уже не скрывая презрения, подался вперед. И Холлоуэй проглотил наживку. В последнюю секунду адвокат понял, что сейчас произойдет, и поспешил вмешаться:

– Мистер Холлоуэй...

– Ты хотя бы представляешь, кто я? – Тот ткнул пальцем в грудь Ханту.

Большого и не требовалось. Одним коротким, отработанным движением детектив схватил Холлоуэя за запястье, развернул его и завел руку за спину, до самых лопаток, после чего отвел к «Эскалейду» и уткнул лицом в капот.

– Вы только что напали на полицейского. В присутствии свидетелей.

– Я не нападаю.

– Спросите у вашего адвоката.

Холлоуэй уперся ладонью в капот и попытался выпрямиться.

– А вот это уже сопротивление полиции, – сказал Хант, наклонившись к задержанному и доставая наручники. Затянув потуже, он защелкнул стальной браслет на толстом запястье. Холлоуэй вскрикнул. Детектив рванул вторую руку, прижал ее к капоту и надел второй браслет. – Серьезные обвинения. Адвокат объяснит вам, что и как. Позже.

Хант рывком оторвал Холлоуэя от машины. Спеси у задержанного поубавилось, но лицо горело злостью.

– Не трогай меня.

Детектив взял в руку цепочку от наручников, подвел Холлоуэя к машине Тейлор, открыл дверцу и, положив ладонь на затылок, толкнул его на заднее сиденье.

– Ничего личного. – Он посмотрел на Лору и, уже без тени улыбки или иронии, добавил: – Доставьте мистера Холлоуэя в участок и оформите задержание.

Серьезное лицо Тейлор сохранила, но чувства скрыть не смогла.

– Есть, сэр.

Обе машины – патрульная, с прижатой к стеклу багровой физиономией Холлоуэя, и большой «Кадиллак», с женоподобным адвокатом за обтянутым кожей рулем – въехали на холм и исчезли из виду, став завтрашней проблемой. Хант проводил их взглядом. Злость ушла, осталась жаркая искра удовлетворения. Он еще постоял немного во дворе, думая о Кэтрин, потом вернулся в дом. Прижался ухом к ее двери, разведя пальцы, положил ладонь на шершавое дерево и представил, как заходит в ее комнату. Маленькая, бледная, все еще в постели, она улыбнется и поднимет

руку...

Миг фантазии растянулся перед ним километром теплого, прогретого солнцем песка, но на самом деле остался тем, чем и был. Мгновением. Иллюзией. Харт был полицейским, который не смог вернуть домой ее дочь, и это оставалось незыблемым фактом. Она не могла этого забыть, и это тоже оставалось незыблемым фактом. И даже просить о прощении было бы несправедливо.

Хант опустил руку и шагнул к комнате Джонни. Дверь была открыта, и желтый кружок света от небольшой лампы падал на аккуратно застеленную кровать. Обычная комната, ничем не отличающаяся от комнат других подростков. Пустая. Ни игрушек, ни игр, ни постеров на стенах. На кровати лежала раскрытая книга. Еще несколько стояли на комод. Фотография матери, три снимка с Алиссой. Хант поднял тот, что ближе. Сдержанная, затаенная улыбка. Левый глаз скрыт под упавшей челкой, но сколько же света в правом... Казалось, девочка знает что-то особенное и только ждет, разрываясь от нетерпения, чтобы ее спросили об этом. Столько энергии было в ней, что Джонни казался зажатым. Было ли так всегда или мальчишка просто изменился?

Просто.

Хант покачал головой – какой абсурд. В том мальчишке, каким стал Джонни, не было ничего простого. Свидетельства тому – его поступки и поведение, эта пустая комната с голыми стенами, книги... Недетские книги – по истории и древним религиям, визионерским блужданиям и охотничьим ритуалам равнинных индейцев. Одна из них, посвященная друидам, весила фунта три. Еще две были посвящены верованиям чероки. Джонни брал книги в библиотеке – на переплетах белели квадратики с номерами. Хант взял ту, что лежала на кровати. Джонни выписывал ее четырнадцать раз и всегда сдавал вовремя. Ни разу не просрочил. Детектив представил мальчишку на велосипеде: как он крутит педали – восемь миль в одну сторону и восемь миль в другую – только для того, чтобы показать карточку и расписаться там, где скажут.

Хант прочитал название книги – «Иллюстрированная история округа Рейвен», – потом взглянул на страницу, на которой она была открыта. Справа – черно-белая литография пожилого мужчины в мятом костюме. Белая борода до воротника и глаза словно осколки кремня. Под литографией надпись: «Джон Пендлтон Мерримон, хирург и аболиционист^[18]. 1858». Предок Джонни, догадался Хант. Старик был похож на отца Джонни и ни капельки на мальчика.

Детектив перелистал несколько страниц, положил книгу на кровать,

повернулся и лишь тогда увидел, что в коридоре стоит мать Джонни. В одной едва прикрывавшей ее рубашке, с трудом держась на ногах, опираясь рукой о стену, подняв плечи, вырезавшие в воздухе маленькие эллипсы. Ее глаза смотрели на него незабинтованными ранами, но голос прозвучал на удивление спокойно.

– Окажи мне любезность, Джонни. – Она повернула руку, и ладонь поймала желтый свет. – Передай Алиссе, что мне нужно поговорить с ней, когда она придет домой.

– Кэтрин... – Хант не знал, что сказать.

– Не спорь со мной, Джонни. Она уже должна вернуться.

Кэтрин повернулась, провела рукой по стене и закрыла за собой дверь.

Скрипнули пружины, и тишина растеклась кругами по дому.

Прежде чем уйти, Хант включил свет и проверил двери. Во дворе он попытался сосредоточиться. Кроме Кэтрин, была еще Тиффани Шор, ее убитые горем родители, а также великан с облитым воском лицом, который мог уже исчезнуть. Был Кен Холлоуэй. Был сын, которого Хант хотел проверить. Был неведомо куда подевавшийся Джонни. Все это соединялось в один кружащий вихрь, в одну тяжкую ношу, но сейчас он позволил себе отодвинуть все в сторону и оставить один миг для себя. Он стоял под покрывалом ночи и думал о Кэтрин Мерримон, ее темных, как синяки, глазах и ее опустошенности.

Все остальное казалось мелким и неважным.

Глава 14

Менее чем в миле от дома в ночи бушевал костер; оранжевые языки сворачивались и разворачивались, выплевывая в небо искры. Мальчик сидел рядом на корточках, без рубашки и обуви. Желтые полосы плясали на груди, сажа уродовала лицо черными пятнами в тех местах, где его коснулись испачканные в пепле пальцы, и громадная, наклонившаяся вперед тень дрожала на стене амбара.

Под рукой у Джонни лежал синий мешок, все еще сохранявший запах птичьей крови, плесени и сухой травы. Пряжки заржавели и плохо поддавались пальцам, одна из лямок уже расплзлась. Он открыл мешок и достал стопку мятых бумажек. Страницы были исписаны с обеих сторон, но слова его не интересовали. Джонни отложил их в сторонку, на потом, и придавил камнем размером с перепелиное яйцо. За бумажками последовал темный кожаный ремень с погремушкой гремучей змеи и череп медноголового щитомордника. Погремушку удалось купить у одного парнишки в школе, а змею Джонни убил сам. Четыре дня искал ее в лесу, а нашел греющейся под солнышком на старой банке, в сотне шагов от собственной задней двери. Так тому и быть, решил он. Змея сама хотела, чтобы ее нашли. Джонни убил ее палкой, а потом отрезал голову ножом, который отец подарил ему на десятый день рождения.

На втором кожаном ремне висели еще пять орлиных перьев, каждое вдвое больше того, что было на велосипеде: три золотисто-коричневых с крыльев и два идеально белых, с жесткими заостренными кончиками и толщиной с указательный палец. Они еще пахли птицей, и на трех бурым инеем темнела засохшая кровь – орла и его собственная.

Джонни закрыл глаза и натянул ремни на голову. Перья зашуршали. Змеиные кольца щелкнули, коснувшись кожи.

Он вынул из мешка Библию.

Книга была черная, захватанная пальцами, с сияющим золотым тиснением и именем самого Джонни на обложке. Библию, в обтянутой атласом коробке, ему подарил в детстве священник баптистской церкви, сказавший, что слова в этой книге – дар Бога.

«Дар, молодой человек».

«Произнеси это со мной».

Тот же самый священник пришел после исчезновения Алиссы. Голос его не дрогнул, когда он заверил Джонни, что да, Бог любит своих детей,

надо только молиться. Молись усердно, и Господь вернет ее домой. И Джонни молился. Так усердно, как только мог, вкладывая в молитву все силы и всю душу. Он поклялся посвятить жизнь Богу, если только тот вернет сестру домой.

Он поклялся всем, чем только мог.

Джонни помнил те долгие ночи молитв. Помнил, как сжимали его руку горячие пальцы матери. Помнил ее голос, когда силы были уже на исходе.

«Молись со мной, Джонни».

Отчаянная, бесплодная вера.

Придя в следующий раз, священник с толстыми пальцами и жирным, лоснящимся лицом упрекнул Джонни в том, что тот молился недостаточно усердно.

– Молиться надо лучше. А верить – крепче.

Передвигая ноги по сырой земле, Джонни придвинулся ближе к огню и оторвал обложку Библии. Складывавшиеся в его имя золоченые буквы вспыхнули в свете костра. На мгновение он замер, скованный суеверным страхом, потом положил обложку в огонь и подождал, пока она загорится. Когда все обратилось в пепел, Джонни поднял одной рукой мешок и вытряхнул содержимое на землю. Сухие листья просыпались дождем вместе с сучками и веточками. Кедр и сосна, ель и лавр.

Изображение ребенка, вырезанное из коры березы.

Принадлежавшая Алиссе красная ленточка.

Джонни повязал ленточку на запястье и перевел взгляд с кучек сухих листьев на Библию, которую все еще держал в руке. Покачал ее на ладони, потом положил на землю, и страницы всколыхнулись от волны жара, затрепетали, словно зная, что и им тоже суждено сгореть.

Джонни мрачно ухмыльнулся.

Ему требовались другие, более древние боги.

* * *

Потребность в них зародилась несколько месяцев назад и началась с молитвы. Стояла зима, печь сломалась, тепло ушло из дома, и когда Джонни молился за то, чтобы сестра вернулась домой, холод превращал слова в дымки. Однажды он проснулся в четыре часа ночи от того, что ледяные лезвия чиркали по голой спине, и помолился за мать. Чтобы она покончила с таблетками, чтобы к ней вернулся отец. Помолится за медленную мучительную смерть Кена. Только это и придавало ему сил:

мысли о спасении и прошлом, горячие, сладкие мольбы о мести.

Часом позже, когда солнце растянуло дальний край горизонта, Холлоуэй избил мать Джонни. Избил жестоко, до крови, непонятно за что. Джонни попытался помешать ему – и в результате попал под раздачу следующим. С этого все и началось: с беспомощности и крови, с неудавшейся молитвы и книги с золоченым тиснением на обложке, говорившей о покорности и подчинении.

Ни то ни другое не давало ему силы.

Ни то ни другое не давало ему могущества.

* * *

Сначала Джонни положил в огонь кедр, потом сосну, ель и лавр. Встал ближе к костру, с той стороны, куда тянулся дым. К глазам подкатились слезы, легкие сжались от жара, но он всасывал и выталкивал из себя дым – сначала в небо, затем в землю и, наконец, во все четыре стороны невидимого горизонта. Он ловил дым в пригоршни и гнал его в лицо. Произносил слова, которые узнал из книг. Давил ладонями ягоды можжевельника и размазывал по груди сок. Рассовав по карманам цветы змеевика, поднял вырезанную из березовой коры фигурку ребенка и тоже положил на огонь. Фигурка ярко полыхнула и испустила клуб жидкого белого дыма, но мальчик не отвел глаз, пока и дымок не поднялся в небо. А потом в костер отправилось и то, что осталось от Библии. Джонни уловил тот миг, когда ее еще можно было спасти, вырвать из жадных пальцев пламени и вернуться домой маменькиным сынком, так и не обретшим сил, – но он перетерпел этот миг, дал ему уйти. Страницы скрючились, черная роза расцвела, и все кончилось.

Он был готов.

* * *

Машина все еще стояла в темном дворе пожилой пары, жившей ниже по улице. Джонни увидел ее, когда пересекал соседский участок. Запах дыма цеплялся за мокрую кожу, потемневшую от ягодного сока и золы. Он перепрыгнул через заборчик и, оказавшись около свежей грядки с хрупкими зелеными кустиками, повернул к машине, но вдруг замер как вкопанный – в заднем окне дома загорелся свет. Старушка вошла в ванную,

остановилась, положив пронизанные сеточкой вен руки на желтую раковину, наклонила голову, и слезы потекли по одной, а потом по другой морщине. Подошедший сзади муж погладил ее по шее и сказал что-то негромко на ухо. Лицо ее просветлело на секунду, на нем мелькнуло что-то похожее на улыбку, она прислонилась спиной к его тщедушной груди, и они, умиротворенные, застыли в этой позе.

Джонни коснулся своей груди, ощутил пот и золу под пальцами и глубокое биение сердца. Из-за чего плакала старушка и что такое сказал ей муж, что она улыбнулась? Мысль мелькнула и ушла, и он подумал о своем отце, который всегда знал, что сделать и что сказать. Глядя на стариков, Джонни ощутил внутри себя какой-то горький комок, но тут же раздавил его усилием воли. Зубы блеснули в темноте белизной, и он, крадучись, пробрался мимо окна.

Старики не увидели Джонни.

Редко кто его видел.

* * *

Воздух в машине был сперт, несвеж. Продвигаясь по жесткому кожаному сиденью, Джонни выгнулся и просунул руку в карман. Листки смялись, их запах напоминал запах сосновой смолы и костра. Он разгладил бумажки на коленке и включил фонарик. Имена и адреса были написаны его рукой. На полях теснились примечания и даты.

Шесть человек. Шесть адресов. Шесть зарегистрированных насильников. Люди они были плохие, и Джонни побаивался их, но после исчезновения Тиффани Шор не прошло и одного дня, и он считал, что ее похитил тот же человек, который забрал Алиссу. Эти были худшие из всех найденных, и Джонни присматривался к ним внимательнее, чем к другим. Он знал их распорядок дня, знал, где они работают, что смотрят по телевизору и когда ложатся спать. Если кто-то поведет себя необычно, это будет заметно.

Джонни выгнал из себя страх и взялся за ключ. В зеркале отразились глаза – покрасневшие, с черными веками.

Он – неприкасаемый. Воин.

Мотор заурчал, и Джонни включил передачу.

Он – индейский вождь.

Глава 15

Хант позвонил Йокаму из машины. Была глубокая ночь, и выскобленные дождем дороги пустовали.

Два гудка. Третий.

Перетерпев миг слабости, Хант отогнал мысли о Кэтрин Мерримон. В ее дворе он простоял меньше минуты, но все равно чувствовал себя виноватым. С Тиффани по-прежнему никакого продвижения, а значит, надо полностью сосредоточиться на деле: поставить вопросы, наметить план действий. Что они упускают? Что еще нужно предпринять?

Очередной гудок.

Ну же, Йокам.

Едва ответив, тот первым делом извинился.

– Здесь сумасшедший дом. – Он имел в виду полицейский участок.

– Что там происходит?

– Занимаемся тем, чем ты сказал заниматься.

– Перечисли.

– Проверяем по системе отпечаток, который сняли с века Дэвида Уилсона. Пока совпадений нет, но мы только начали. Четыре машины прочесывают местные дороги, ищут «Лендкрузер» Уилсона, который, как ты и предположил, зарегистрирован на колледж. Составляем список друзей и родственников, всех, кто мог бы сообщить, где он был сегодня и что делал. С коллегами по работе в колледже уже потолковали, но они ничего не знают. Пока что нам не удалось обнаружить с полдюжины известных личностей, но этим занимаются несколько групп. Двое из этой категории, похоже, уехали из города. Двери на замке, света нет, газеты лежат на крыльце. Одного вроде бы задержали в Уилмингтоне, и я сейчас ожидаю подтверждения этой информации. Пара ребят из вспомогательных подразделений готовят план поисков на утро.

– Насчет этого плана...

– Как ты и сказал. Отработаем по той же схеме, которую применяли при поисках Алиссы Мерримон. Логика та же. Нам просто не хватает людей. – Йокам помолчал. – Послушай, Клайд. Ты все это знаешь. Распоряжения отданы. Почему бы тебе не поехать домой и не поспать немного? Сколько сейчас? Два часа ночи? Ты хоть парня своего проверил?

Ответа не последовало.

– Господи, Хант... Ты хотя бы звонил ему?

– Я еду сейчас к тебе.

– Послушай, говорю тебе как другу. Поезжай домой. Поспи.

– Это шутка такая?

– Вообще-то нет. Ты уже утром выглядел не лучшим образом, и я сильно сомневаюсь, что сейчас тебе легче. Здесь идет обычная полицейская работа, а с ней мы прекрасно справимся без тебя. Так что отправляйся домой и поспи. Завтра ты будешь нужен нам со свежей, ясной головой. Ты нужен Тиффани.

Хант помолчал, прислушиваясь к шороху покрышек. За окном, на границе видимости, пролетали черные деревья.

– Может быть, отлучусь на часок...

– Может быть, на два, – вставил Йокам. – Да черт возьми, на все три. Если что-то случится, я позвоню.

– О'кей. Договорились.

Хант уже хотел отключиться, но тут Йокам сказал:

– Послушай, Клайд. Ты хорош в этом деле. Я про работу. Но тебе надо держаться.

– Что ты имеешь в виду?

Йокам вздохнул, и этот вздох говорил сам за себя.

– Просто держись, брат.

Он дал отбой, и Хант повернул машину к дому. Зная, что все равно не уснет, но также понимая, что Йокам прав. Надо попробовать. К тому же сын...

Будь оно проклято.

Но это уже совсем другое дело.

Хант припарковался на подъездной дорожке и выключил мотор. Квартал спал, так что музыку он услышал еще до того, как открыл входную дверь. Приглушенная пульсация. Скорбный стон тяжелых струн. Он вошел и, коснувшись плечом бледных, гладких обоев, повернул к ведущей вверх лестнице. У двери в комнату сына остановился и постучал, хотя и сомневался, что его услышат из-за музыки. Потом открыл дверь.

Первое впечатление: бледная кожа, легкое движение, клок блондинистых волос и глаза, так похожие на его собственные. Через две недели восемнадцать. Высокий, спортивный. Всегда хорошо учился. И вообще был хороший парень. Но все изменилось за прошлый год. Грубость, дерзость, нетерпимость – откуда что взялось? Сейчас он сидел на краю кровати – в спортивных носках, желтых шортах и футболке с надписью «Нет лучше радости, чем сладости, зато от секса зубы не гниют» и, держа в руке автомобильный журнал, притопывал в такт грохочущему ритму.

Хант пересек комнату и выключил проигрыватель. Юноша поднял голову, и то, что мелькнуло в его глазах, вполне могло сойти за ненависть.

– Мог бы и постучать.

– Я стучал.

Аллен отвел взгляд и перевернул страницу.

– Что тебе надо?

– Знаешь, что сегодня случилось?

– Да. Слышал. Но не от тебя, слава богу. Слышал, как и все остальные.

Хант прошел в комнату.

– Где ты был? На реке? – Сын не ответил. Перевернул страницу. – Опять пропустил уроки? Мы уже говорили об этом.

– Оставь меня в покое.

Разговор не клеился.

– Я же сказал, оставь меня в покое.

Хант колебался, и сын встал. Под кожей проступали и перекатывались мышцы. В какой-то момент детектив ощутил жаркий прилив ярости. Вся поза сына выражала открытый вызов. Но впечатление длилось недолго. Хант моргнул и увидел сына таким, каким не видел раньше. Нескладный подросток, любознательный и невинный. В шесть лет он уже сам готовил себе завтрак, мастерил воздушных змеев из бальзы и оберточной бумаги. Хант расслабился.

– Буду внизу. Нам нужно поговорить, так что подумай, что ты хочешь сказать.

Сын как будто и не слышал. Прошел к проигрывателю, добавил звук, и музыка ударила Ханту в спину.

Спустившись по лестнице, он прошел в кухню, сел на стул возле стола и позвонил Йокаму.

– Что нового?

– Мы же только-только разговаривали.

– Да. И я хочу знать, изменилось ли что-то с тех пор.

– Ничего. Как сын?

Хант потянулся за бутылкой скотча.

– Думаю, он хочет меня убить.

– Ему нужно алиби? Скажи, чтобы позвонил мне.

Хант плеснул в стакан на два пальца и откинулся на спинку стула.

– Ему нужна мать. Я общаться с ним больше не могу. – Он сделал глоток. – Ему бы уйти вместе с ней.

– У него не было выбора, Клайд. Она ушла и, насколько мне помнится, с собой его не позвала.

– Я мог бы настоять.
– Ничего, это пройдет.
– Слушает какой-то гранж и уже готов наброситься на собственного отца.

– Гранж. Ничего себе... Кто-нибудь, позвоните в вечерние новости.
– Ха-ха. Не смешно.
– Побудь дома, – посоветовал Йокам. – Займись ребенком.
– Время уходит, Джон. Буду через десять минут.
– Не начинай.
– Не начинать что? – Хант услышал злость в собственном голосе. Йокам тоже ее услышал.

– Мало потерял, Клайд? Нет, правда.
– Ты о чем?
– Господи, старик... Хотя бы раз позаботься сначала о сыне, а не о работе.

Хант хотел ответить. Хотел сказать что-нибудь злое, язвительное, но Йокам дал отбой. Детектив положил трубку, сделал еще глоток и вылил остаток в раковину. Йокам старался сделать как лучше. Как надо. Проблема не в этом. Работа стала для него наркотиком, но и это еще не все. Сидя в темной, притихшей кухне, Хант впервые признал очевидное: ему не очень-то нравится собственный сын. Да, конечно, он любил Аллена, но не понимал и не принимал его взгляды, мнения, решения.

Парень изменился.

Хант ополоснул стакан, а когда повернулся, Аллен стоял у двери.

Секунду-другую они непримиримо смотрели друг на друга, и младший первым отвел глаза.

– Ну да, пропустил уроки. И что с того?
– Для начала: это нарушение правил.
– Ты хоть раз можешь переключиться? – Аллен провел ладонью по подлокотнику стула. – Тебе обязательно надо все время быть копом? Неужели нельзя побыть нормальным отцом?

– Нормальным отцам наплевать, что их дети прогуливают школу?

Аллен отвернулся.

– Ты же понимаешь, о чем я.
– На мосту убили человека. Ты это знаешь. Убили ровно там, где был ты.

– Но только несколько часов спустя.

– А если бы что-то случилось с тобой? Что я сказал бы матери тогда?

– Но ничего же не случилось, так что ты соскочил.

– Ты видел там Джонни Мерримона? Джека Кросса?
– Сам знаешь, что видел, иначе не спрашивал бы. Копы ведь этим занимаются, да? Допрашивают подозреваемых...
– Кроме как сегодня, ты Джонни Мерримона раньше видел?
– Он – в младшей средней. Я – в старшей.
– Знаю. Но ты вообще его видишь? Разговариваешь с ним?
– С ним никто не разговаривает. Он же фрик.
Хант выпрямился. Где-то в пустоте, за глазами, вспыхнул уголек злости.
– Что значит фрик?
– Ну ни с кем не разговаривает. И глаза у него такие... мертвые. – Аллен пожал плечами. – Он сам не свой. В смысле... они же близняшки. Как такое пережить?
– А Тиффани Шор? – спросил Хант. – Ее ты знаешь?
Сын повернулся и посмотрел на него, как смотрят на врага.
– У тебя ведь только это на уме, да?
– Что?
– Чертова работа, – зло бросил сын. – Твоя долбаная работа!
– Послушай...
– Мне осточертело слышать про Алиссу и Джонни, про то, какая это жуткая трагедия. Осточертело видеть тебя с этими бумажками, как ты снова и снова смотришь на ее фотографию, день за днем, ночь за ночью. – Аллен указал пальцем на кабинет, где в запертом ящике стола давно обосновалась на постоянной основе папка с делом Алиссы Мерримон. – Ты не слышишь, что говорю я, но я слышу, как ты ходишь по комнате в три часа ночи – и бормочешь, бормочешь... Ты чувствуешь себя виноватым, ты готовишь мне завтрак и стираешь мою одежду, и я сыт этим по горло. Ты – одержимый, и из-за этой одержимости мама и ушла от тебя.
– Подожди минутку...
– Разве я неправильно это назвал?
– Твоя мать понимала трудности моей работы.
– Я говорю не о работе. Я говорю о том, с чем ты каждый вечер приходишь домой. О твоей одержимости матерью Джонни.
Хант почувствовал, как заколотилось сердце.
– Поэтому она и ушла.
– Ты ошибаешься.
– Ушла, потому что ты одержим мамочкой этого парня!
Хант шагнул вперед и остановился, поймав себя на том, что сжал кулаки. Сын увидел то же самое и, расправив плечи, поднял руки. Детектив

вдруг понял, что перед ним далеко не мальчишка, а юноша, способный дать отпор.

– Ударишь? – Аллен утер кулаком губы. – Давай. Ударь. Попробуй.

Хант отступил и разжал пальцы.

– Никто никого бить не будет.

– Тебе только они и дороги. Алисса. Джонни. Та женщина. А теперь еще и Тиффани Шор. Снова все то же самое.

– Эти дети...

– Да знаю я все про этих детей! Только о них и слышу! Как началось, так и не остановится...

Аллен сказал это негромко, с усталой обреченностью, но его слова били по больному. Секунду-другую они смотрели друг на друга, отец и сын, а потом в тишине зазвонил телефон. Определитель показал номер Йокама. Хант поднял палец.

– Мне надо ответить. – Он откинул крышку. – Ну что еще? Не дай бог...

Йокам обошелся без вступлений.

– Есть результат по отпечатку на веке Дэвида Уилсона.

– Личность установлена?

– Да, и даже кое-что получше.

– Насколько получше?

– Ты не поверишь.

Хант посмотрел на часы, повернулся к сыну и произнес ненавистные слова:

– Буду через десять минут. – Он закрыл телефон и поднял руку. – Аллен...

Но сын уже не слушал – протопав по лестнице, взбежал наверх. Хлопнула дверь.

Хант посмотрел в потолок, выругался шепотом и вышел из дома под грохот той же песни.

Глава 16

Полицейский участок находился в одном из переулков в центре города – чисто функциональное двухэтажное здание из красного кирпича. Распахнув двери, Хант прошел на второй этаж, где и обнаружил Йокама склонившимся над картой города.

– Рассказывай.

– Совпадение полное. Ливай Фримантл. Сорок три года. Чернокожий. Рост шесть футов и пять дюймов. Вес – триста фунтов^[19].

– Черт... Я, признаться, думал, что парнишка преувеличивает.

– А вот и нет. Тот еще громила.

– Что-то мне его фамилия кажется знакомой... С чего бы?

– Фримантл? – Йокам откинулся на спинку стула. – Не знаю, никогда прежде не слышал.

– Фотография есть?

– Не из транспортного отдела. Водительских прав у него нет. И кредитной карточки нет. И банковского счета. По крайней мере, я не нашел.

– Но Дэвида Уилсона с моста сбросил автомобиль.

– Права ему могли выписать и в другом штате. А может, он и без них прекрасно обходится.

– Что еще нам известно?

Йокам порылся в бумагах.

– В поле зрения попал несколько лет назад. До того никаких сведений. Ни арестов, ни выписок из банковских счетов, ни данных об оплате коммунальных услуг или телефонной связи. Не человек, а призрак. Возможно, перешел под другую юрисдикцию. С момента появления у нас несколько раз арестовывался и привлекался к суду. Ничего серьезного, но свое отсидел. Там месяц, здесь два. Но вот что интересно: неделю назад ушел из рабочего отряда.

– Так он беглый заключенный? Почему я об этом ничего не слышал?

– В газете писали, но сообщение поместили где-то на девятой странице. Большого значения этому делу не придали – посчитали, что раз уж насильственных преступлений не совершал, то и угрозы не представляет. К тому же это проблема округа.

– А что за рабочий отряд?

– Общий режим. Дорожные работы за пределами города. Уборка мусора. Прополка сорняков. Он просто ушел в лес.

– Невероятно.

Йокам улыбнулся, показав такие ровные и белые зубы, что они казались крашеными.

– Готов выслушать главную новость?

– Какую?

– Свой срок он каждый раз отсиживал. Выходил, снова садился. И вот смотри. В прошлом году он вышел после очередной отсидки за три дня до похищения Алиссы Мерримон.

Хант вскинул голову.

– Не шути со мной так, Йокам.

– У нас есть адрес. Местный.

– Что с ордером?

– Я отправил Кросса – пусть вытащит судью из постели.

– Но еще не подписал?

– Подпишет.

– Уверен?

– Она – белая. У нее богатые родители. – Йокам пожал плечами. – Дело лишь во времени.

Хант огляделся, отмечая лица присутствующих.

– Перестань, Джон. Нельзя говорить такие вещи. Мы это уже обсуждали.

Йокам пожал плечами, и его голос прозвучал на удивление твердо.

– Мир таков, каков есть. Несправедлив, трагичен и полон того, чего стоит стыдиться. Не надо винить в этом меня.

– В один прекрасный день язык доведет тебя до неприятностей. Так что держи его на замке.

Йокам хлопнул жевательной резинкой и отвернулся. Хант начал просматривать полученную информацию. Ливай Фримантл жил на Гурон-стрит с Рондой Джеффрис, белой женщиной тридцати двух лет. Детектив ввел ее имя в строку поиска. Арестовывалась дважды – за приставание к мужчинам на улице. До суда дело не доходило. Одно задержание за владение наркотиком класса «А». Признана судом виновной. Из восемнадцати месяцев отсидела семь. Выпущена за хорошее поведение. Еще одна судимость – за публичное совершение непристойного действия. Нападение без отягчающих.

– Ронда Джеффрис. Какие у нее отношения с Фримантлом?

– Мы знаем только, что они проживают по одному адресу. Может, соседи. Может, что-то большее.

Хант просмотрел список задержаний Ливая Фримантла. Документ

показался ему неполным.

– Какая-то чушь. Вторжение в чужое владение. Бродяжничество. Кража в магазине. Курам на смех. Ни насилия, ни секса.

– Да вот так уж...

Список ничем не отличался от сотен других, ничем не примечательных и не интересных, и Ханту показалось даже, что он знает Ливая Фримантла, как знает тысячу других таких же: но, с другой стороны, парня ростом в шесть футов пять дюймов и весом в триста фунтов забыть не просто. Он еще раз проверил даты и убедился – да, Фримантл вышел на свободу за три дня до исчезновения Алиссы Мерримон. Из команды заключенных, занятой на дорожных работах, он сбежал за неделю до похищения Тиффани Шор. Если это и было совпадение, то уж очень примечательное. И, наконец, был еще Дэвид Уилсон, убитый, но успевший сообщить, что нашел пропавшую девочку. На теле мертвеца обнаружился отпечаток пальца Фримантла. Описание, которое дал Джонни, совпадало с описанием беглеца. Время соответствовало событиям на мосту. Изгиб реки.

Хант отложил бумаги.

– Позвони Кроссу, узнай, как там у него.

– Кросс сам знает, что делать.

– Ты все-таки позвони.

Йокам набрал на сотовом номер Кросса и спросил, сколько еще ждать ордер.

Выслушав ответ, он дал отбой и бесстрастным тоном сказал:

– Говорит, что не знает. Судью не поторопишь.

– Чтоб его... – Хант поднялся. – Давай прокатимся.

Йокам схватил пиджак и на ходу, догоняя шефа, сунул руки в рукава.

– Мы же не пойдем без ордера, да?

– Это было бы глупо.

– Ты не ответил.

Ничего не говоря, Хант свернул на лестницу, и его шаги громко простучали по ступенькам.

– Черт возьми, Клайд, – повысил голос Йокам, – ты так и не ответил.

* * *

Гурон-стрит ответвлялась влево от одной из главных улиц города и заканчивалась по другую сторону железнодорожной ветки, в бедном районе и в четырех милях от центральной площади. Именно эта часть

города была ближе всего к песчаным холмам, на что указывала и температура воздуха, и растительность. Песок сохранял жар, и воздух, соответственно, был теплее. Деревья на скудной почве вырастали невысокими. Дорога, узкая и короткая, местами спряталась под сорняками и укрылась грязью, и по обе ее стороны хватало псов на крепкой цепи. Хант знал эти места достаточно неплохо и легкой прогулки не ждал. Два года назад он работал на месте преступления в третьем квартале, где женщину зарезали в собственной ванне. Несчастную, как оказалось, убил собственный сын, которому она отказалась дать денег. Погибла из-за пятидесяти баксов.

Люди здесь жили суровые.

И улица была им под стать – жестокая улица.

Хант повернул налево и, проехав два дома, сбросил газ. Потом погасил фары, прокатился по разбитой бутылке и остановился. Дорога тянулась дальше, река тьмы и бедности, иссыхающая у серебристых рельсов, ведущих в лучшие места. За шторами домика слева тускло светился голубой огонек. В траве трещали сверчки.

– Плохая идея, – сказал Йокам.

– Последний квартал. Справа. – Хант сопроводил слова кивком.

Его спутник покрутил головой и, взглядевшись в темень, поджал губы.

– Господи...

Хант тоже окинул улицу изучающим взглядом – унылые дворы с грунтовыми дорожками, сбегаящими от крыльца с высокими ступеньками к улице, матрас на бордюре, диванчики на верандах, автомобили на колодках. Даже небо здесь было как будто тяжелее, чем должно бы.

Чуть дальше, через два дома, расхаживал, поглядывая на них, посаженный на цепь питбуль.

– Ненавижу это дерьмо, – проворчал Йокам.

– Давай чуточку дальше.

– Зачем?

– Хочу посмотреть, есть ли машина у дома Фримантла. Или огни в доме.

Не включая фары, Хант включил передачу и проехал футов двадцать вперед. Питбуль перестал расхаживать и остановился. Йокам еще глубже вжался в спинку сиденья.

– Плохая идея, – повторил он, и пес рванулся вперед, натянув до предела цепь и лая с такой яростью и злобой, что казалось, он уже в машине. Вдоль по улице загревели другие цепи, и другие псы присоединились к питбулю. В окнах двух домов зажегся свет.

– Плохая, – согласился Хант и, дав задний ход, свернул за угол.

– Тут может быть проблема, – сказал Йокам после минутного молчания.

– Собаки?

– Он услышит нас за четыре квартала.

Хант взглянул на часы.

– Может быть, и нет.

– Как это?

– Положись на меня.

Йокам посмотрел в окно. Хант раскрыл свой сотовый и набрал номер Кросса, который ответил после первого гудка.

– Мне нужен ордер. Через двадцать минут.

– Это все судья. – В голосе Кросса проскользнули нотки отчаяния. – Он уже в третий раз пересматривает affidavit^[20].

– Что? Документ предельно ясен. Оснований для выдачи ордера предостаточно. Надави на него.

– Уже пытался.

– О каком судье идет речь? – спросил Хант.

Кросс назвал фамилию.

– Пригласи его к телефону.

– Не подойдет.

– Пригласи.

Хант ждал. Йокам взглянул на него искоса.

– Надавишь на судью?

– Пригрожу.

Судья взял трубку.

– Вы совершенно некстати, детектив.

– С выдачей ордера есть какая-то проблема? – спросил Хант.

– Ваш affidavit у меня, и я приму решение, как только получу полную возможность...

– Двенадцатилетняя девочка умирает, пока судья тянет резину с ордера. Такой заголовок вы увидите в газете, если мы опоздаем. У меня есть связи в редакции, есть люди, которые мне обязаны. Я позабочусь, чтобы все так и получилось.

– Не посмеете.

– Хотите попробовать?

Тридцать минут спустя полицейские собрались на пустом участке за одним из местных банков. Ордер уже был у них на руках. Часы показывали десять минут четвертого ночи. Уличный фонарь щелкнул, зашипел и с треском погас. Копов было шестеро, считая Ханта. Детектив натянул через голову бронежилет, застегнул «липучки» и во второй раз проверил оружие. Йокам встретил его возле темно-синего грузовичка с небольшим золотым щитом на задней двери.

– Готов?

– Надо подождать, – с озабоченным видом сказал Йокам.

– Нет.

– Заходить в темноте – ненужный риск. Незнакомый дом, враждебная улица... Он услышит собак, когда мы будем за четыре квартала.

– Выступаем сейчас.

Йокам покачал головой.

– Боюсь, из-за тебя кто-нибудь пострадает.

– Здесь все понимают, на что подписались. Мы не в бойскаутов играем.

– Тут ты имеешь дело не с трусоватым судьей, имевшим несчастье погладить тебя против шерсти. Это улица. Ты подвергаешь опасности хороших ребят, не желая подождать несколько часов, хотя за это время ситуация может кардинально измениться. Шеф лишь ищет причину, чтобы поджарить тебе задницу, и ты сам преподнесешь ему подарок, если кто-то пострадает. Пораскинь мозгами, Клайд, хотя бы для разнообразия. Посмотри на это объективно.

Хант схватил друга за руку и сжал так, что почувствовал под пальцами кость.

– А если б речь шла о *твоей* дочери? *Твоей* сестре?

Он отпустил Йокама и попытался отвернуться, но тот еще не закончил.

– Ты руководишься эмоциями.

Хант задумчиво посмотрел на друга; черные, как ночь, глаза темнели на бледном, напрягшемся лице.

– Не надо, Джон. Не противься мне в этом. Я найду девочку. Найду живой.

– Если кто-то пострадает, тебе отвечать головой.

– Тебе тоже достанется, если она умрет, пока мы жуем сопли на этой парковке. Ну, закончил?

Лицо Йокама подобралось, решительность заострила черты. Он хрустнул суставами и кивнул:

– Да. В любом случае надоело трепаться попусту.

Хант щелкнул пальцами, и остальные окружили его плотным кольцом: двое детективов, Йокам и Кросс, и трое в полном защитном облачении.

– Вот кто нам нужен. – Он показал плохенькую копию фотографии из полицейского досье, сделанную после одного из арестов и взятую в одном из старых файлов. – Правая сторона лица в шрамах. Парень, который дал его описание, сказал, что кожа напоминает расплавленный воск. Рост – шесть с половиной футов, весит три сотни фунтов. Не думаю, что таких здесь найдется больше одного, так что проблем не возникнет.

Кто-то из слушающих нервно рассмеялся. Хант не стал обращать внимание.

– Последний квартал перед рельсами и последний дом справа. Стоит на некотором удалении от дороги, за пустой лужайкой. Рельсы с одной стороны, жилой дом с другой. Эти три стороны нужно прикрыть заранее, до входа. Фонари по большей части не горят, так что будет темно. Во дворах не только трава да песок, но еще корни и мусор. Так что осторожнее, посматривайте под ноги. Фургон останавливается, первым идет Йокам. С собой он берет вас двоих. – Хант указал на двух полицейских в форме. – Вы прикрываете тыл и фланги – на случай, если сорвется. Остальные идут со мной. Входим через переднюю дверь. Штурмовой молот у Кросса, но первым иду я. Парень – настоящий громила, так что никаких сюсюканий. Валим, и побыстрее. Где-то там и девчонка, так с оружием повнимательнее. Он нужен нам живым, и чтобы говорил.

– Что делать с собаками? – спросил Йокам.

Хант посмотрел на часы.

– К черту собак. – Он открыл заднюю дверь фургона. Один из полицейских сел за руль. В салоне пахло потом и машинным маслом. Мужчины устроились плечом к плечу.

– Терпеть не могу это дерьмо, – проворчал Йокам, и полицейские улыбнулись – он всегда это говорил.

Заработал мотор. Фургон резко развернулся, проехал вперед и свернул в пустой переулок. Черный, сияющий под луной дегтебетон больше походил на вулканическое стекло.

– Остановись за квартал до поворота, – проинструктировал водителя Хант. – Там дежурный магазин, но он сейчас закрыт.

Через полторы минуты фургон вкатился на пустынную площадку и остановился в десяти футах от ржавого мусорного контейнера. Хант снова посмотрел на часы.

– Три минуты.

– Зачем ждать? – спросил Йокам.

Детектив оставил вопрос без ответа.

– Три минуты.

Мужчины сжимали и разжимали пальцы. Смотрели на мыски ботинок. Кросс водил ладонью по рукояти штурмового молота.

– Бьешь справа от замка, – напомнил Хант. – И сразу же отступаешь в сторону.

Кросс кивнул. Через две минуты Йокам ткнул Ханта локтем в бок.

– Жесть, да?

– Не сейчас.

Прошла еще минута. Первый намек на поезд пришел едва уловимой волной.

– Чувствуешь? – спросил Йокам.

Хант огляделся.

– Пошли. – Он похлопал водителя по плечу. – Когда скажу.

Водитель кивнул, и ночной воздух начал вдруг набухать. С юга, нарастая, расширяясь и сгущаясь, катился грохот. Вибрация накрыла лавиной звука, и когда ее пронзил вскрик гудка, один из полицейских поежился.

– Да ты ж гребаный гений! – восхитился Йокам.

Хант тронул водителя за плечо.

– Жми.

Фургон вылетел с парковки, повернул влево и снова влево, выскочил в самом центре Гурон-стрит и помчался по ней под злобный лай и вой рвущихся с цепи и задыхающихся в жестких ошейниках собак.

Вот и оно. На подъездной дорожке Хант увидел легковушку со светящимся салоном. Фургон остановился, качнулся и замер. Дверцы распахнулись, и копы высыпались на улицу. Йокам и его люди заняли назначенные позиции – с оружием наготове, в черных, потерявшихся на темном фоне ботинках, отчего казалось, что полицейские парят в воздухе.

В тридцати футах от дома, с грохотом, сотрясающим землю, поезд прорвался сквозь ночь. Хант выждал еще секунду – водитель подтянулся последним – и рванул к двери. Воздух царапнул горло. Кросс бежал рядом, сбоку. По жухлой траве и голой земле они промчались через двор и взлетели по ступенькам на просевшее под ними крыльцо. Хант наметил место для удара между дверной ручкой и рамой и отступил – с фонариком в одной руке и служебным оружием в другой. Удара он даже не слышал. Дверь как будто взорвалась, разметав щепки и полыхнув искореженным металлом. В кухне что-то звякнуло, но Хант уже пронесся дальше. В

комнате, над креслом с рваными подушками, горела лампа. В дальнем конце коридора неясный источник разливал туманный белый свет. Хант бросил взгляд вправо, повел стволом влево. Темные провалы в стене открывались в черные комнаты с горбами мебели. Слева что-то зашипело – щелчки из динамика, глухой соскок иглы с длинной виниловой дорожки. Хант отступил в сторону, и Кросс ввалился вслед за ним, потом водитель. В комнате было жарко и тесно. На табачного цвета стенах танцевали тени, но ничто не двигалось.

Первым это почувствовал Хант – в пазухи носа вторгся запах горелого масла. Кросс перехватил его взгляд, а водитель, содрогнувшись в конвульсиях, уткнулся носом в изгиб локтя.

– Спокойно, – прошептал Хант и, показав на темную комнату слева, отправил туда полицейских. Потом, посветив в узкий коридор фонариком, осторожно шагнул к двери и ступил в вонючий мрак. Коридор был узкий, но, по ощущениям, длиннее, чем должен бы. Впереди отчетливый край белого света вырезал треугольник на ковре.

– Полиция! – крикнул Хант. – У нас есть ордер.

Тишина. Неподвижность. Продвинувшись по коридору, он вышел в кухню справа. Над раковиной с горкой посуды моргала длинная трубка дневного света. Хант осмотрелся, заметил пустую бутылку из-под спиртного. На открытом окне – разорванные жалюзи. Он повернулся, шагнул глубже в темноту и увидел пятно крови на стене. Детектив прошел в открытую дверь, посветил в комнату – и мухи с жужжанием сорвались с тел.

* * *

Женщина была белая, за тридцать. Возможно, Ронда Джеффрис. Сказать точнее было трудно, поскольку от лица почти ничего не осталось. На легкой полупрозрачной сорочке – запекшаяся коркой кровь. Одна грудь вывалилась; кожа казалась скорее серой, чем белой. Лицо выглядело смятым, нижняя челюсть сломана в двух или более местах, распухший левый глаз выполз из разбитой глазницы. Тело вытянулось в направлении коридора, ноги лежали у кровати. Правая рука с двумя определенно сломанными пальцами вывернулась над головой.

Чернокожий мужчина пострадал меньше. При жизни он, наверное, был здоровяком, но теперь вовсе не казался таким. Живот раздулся от скопившихся и не нашедших выхода газов, отчего руки и ноги выглядели

неестественно маленькими. Голова склонилась на правую сторону, придав лицу незаконченный вид. Совершенно голый, мужчина сидел в мягком кресле, словно просто решил отдохнуть.

Протянув руку, Хант нащупал на стене выключатель и включил верхний свет. Картина изменилась в худшую сторону: детали прояснились, и жестокость убийства проявилась в более полной мере. Хант услышал шаги за спиной.

– Никому не входить, – предупредил он и, осторожно опустившись на колени, внимательно, с ног до головы, осмотрел тело. Отметил педикюр с акриловыми бусинками в ярко-красном лаке. Мозоли на подошвах. Выбритые до колен ноги. Накладные ногти едва ли не в дюйм длиной, из-за которых каждый палец напоминал пику. Ни шрамов, ни татуировок не видно. Возраст, пожалуй, около тридцати двух.

Хант перешел к мужчине, присел на корточки возле кресла и тоже осмотрел жертву снизу доверху.

Чернокожий. Сорок с лишним. Крепкий. Рост примерно шесть футов и два дюйма. На обеих коленях старые хирургические шрамы. Никаких украшений. Золотые коронки. Небритый.

Хант выпрямился и окинул беглым взглядом комнату. Рабочие ботинки у двери кладовки, джинсы, атласные трусы цвета засахаренного яблока. Возле кровати – шлакобетонный блок.

– Йокам. – Жестом подозвав коллегу, он указал на застывшее пятно крови на боковой стороне блока. – Думаю, это и есть орудие убийства.

– Похоже на то.

Хант выпрямился.

– Подожди. – Он обошел ногу мертвеца, перешагнул через руку женщины и, не обращая внимания на сгрудившихся у открытой двери полицейских, опустился на колени и пробежал пальцами по двум параллельным вмятинам, равным длине стороны блока. Поднявшись, посмотрел на стоящего у двери Кросса.

– Что надо сделать? – спросил тот.

– Оградить лентой двор и улицу. Вызвать сюда криминалистов и судмедэксперта. И... найди мне диетическую колу. – Хант потер лицо и схватил за рукав уже шагнувшего к выходу Кросса. – Но только не из холодильника в этом доме. И освободите коридор.

Коридор опустел. Словно почувствовав присутствие Йокама, Хант повернулся к нему. Здесь, в обрамлении смерти и насилия, его друг разругнулся и прибодрился.

– Знаю, еще рано говорить, – глядя мимо него, негромко сказал детектив, – но, по-моему, убийство не было преднамеренным.

– Потому что?..

Хант указал на отметины у двери.

– Следы на ковре. Похоже, они припирали этой штукой дверь. Убийца, у которого есть план, обычно берет с собой оружие.

– Может быть. Или он знал, что здесь будет блок.

– Да, ты прав. Выводы делать рано.

– Какой у нас план?

– Комнату нужно опечатать до прибытия криминалистов. Перекрывать улицу. На всякий случай пусть пришлют разыскную собаку. И... – Хант остановился и повернулся к коридору. – Черт! – Проклятие вырвалось, словно осколок какого-то взрыва внутри. Он врезал кулаком во входную дверь и протопал в гостиную.

Войдя туда следом, Йокам увидел, что его друг стоит у двери, опершись на нее обеими ладонями, и бьет в дерево головой. Звук получался глухой и тяжелый.

– Черт. – Очередной удар получился сильнее.

– Если хочешь пустить кровь, есть способы получше, – заметил Йокам.

Хант повернулся к пострадавшей двери спиной.

– Все не так.

– С убийством по-другому не бывает.

– Она должна была быть здесь. – Хант вдруг понял, что ему нужно на воздух, и, рванув переднюю дверь, со злостью и даже ненавистью бросил через плечо: – Это должно было закончиться здесь.

– Ты о Тиффани?

– Обо всем. Вообще.

Не сразу, но Йокам понял.

Ад, в котором жил его друг.

Только такую жизнь он и мог вести.

Глава 17

Универсал остановился на повороте узкой дороги. Пустынная и темная, она протянулась за окраиной города, зажата между лесом и тишью. В одном из окон дома, на который смотрел Джонни, тускло светилось окно. Две недели прошло с тех пор, когда он был здесь в последний раз, но картина не изменилась: под теми же деревьями ржавели те же автомобили, и на почтовом ящике балансировала все та же банка из-под пива. Сам дом обозначал себя намеком: желтоватым светом и комплектом расположенных не вполне симметрично углов. Со стороны находящейся в миле отсюда мусорной свалки доносился тошнотворный запах гнили. Днем там кружили вороны, и время от времени вдалеке хлопал выстрел, когда уборщик палил по крысам и банкам. Мир как будто закрыл вдруг рот. Джонни всегда замирал в этой тишине, а воздух воспринимал как нечто холодное и не предназначенное для дыхания. Это ощущение посещало его даже во сне, но он все равно приходил сюда.

В полночь. На рассвете.

Шесть раз.

Десять.

Бертон Джарвис попал в список как рецидивист. Это было самое большое из известных Джонни слов, и означало оно вот что: *больной ублюдок, скорее всего, сделает это снова*. Состоящий на учете преступник зарабатывал на жизнь набивкой чучел подстреленных ланей и вывозом мусора, для чего пользовался грузовичком с прицепом. Знакомые называли его Джар: «Посмотри-ка на этого бычка, Джар. Как думаешь, сможешь набить из него чучелко?»

Друзей, в понимании Джонни, у него не было, но несколько человек приходили к нему не раз и не два. Они передавали из рук в руки компьютерные диски и обменивались мнениями о Таиланде, который оставался самым лучшим местом, чтобы потрахать. Этим гостей Джонни тоже нашел. Выяснил, где они живут. Где работают.

Теперь они тоже значились в его списке.

Один парень приходил чаще других. Иногда с ружьем, иногда без. Высокий, жилистый, в годах, с живыми, сияющими глазами и длинными пальцами. Они с жаром пили из одной бутылки и вспоминали свои похождения в какой-то деревушке во Вьетнаме. Глаза у них туманились, когда речь заходила о девушке, которую они называли Желтая Малышка.

Три дня они пробыли с ней в хижине, где лежали тела ее мертвых родных. *Желтая Малышка*, говорили они и, качая головой, передавали друг другу бутылку. *Жаль-то как, твою ж мать.*

Они смеялись, и смех этот звучал нехорошо. Неприятно.

Только после второго визита у Джонни появились подозрения в отношении гаража позади дома Джара. Гараж стоял в конце узкой, пробегавшей между густыми деревьями тропинки, скрытой и от дома, и от дороги. Стены были сложены из шлакобетонных блоков, окна замурованы розовой изоляцией и черным пластиком и наглухо забиты досками. Заглянуть внутрь Джонни не мог. Свет оттуда не шел. А на двери висел замок размером с полголовы парнишки.

Туда он наведлся в первую очередь.

В гараж.

Глава 18

К шести часам тела упаковали. Стоя на крыльце, Хант наблюдал за тем, как носилки с черными гладкими виниловыми мешками заталкивают через задние двери. Взгляд его скользнул по двору и улице, казавшимся бесцветными под угрюмым темным небом. Солнце еще не встало, но серый свет уже коснулся верхушек деревьев за рельсами, и небо на востоке несмело намекало на приближение чего-то нового. Повсюду, приткнувшись к бордюру и блокировав улицу, стояли полицейские машины. Фургон службы судмедэкспертизы устроился в конце двора, распахнув в затаяншемся зевке задние дверцы. За желтой оградительной лентой стояли несколько репортеров, но внимание детектива привлекли не столько они, сколько соседи. Участки здесь были небольшие, и дома теснились друг к другу. Кто-то что-то знал. Должен был знать. Его взгляд останавливался то на пожилom белом мужчине в желтой рубашке, то на чернокожем мальчишке с бегающими глазами, эмблемами местной банды и самодельными татуировками, то на широколицей женщине с отвислыми грудями и ребенком на каждой руке. Жила она рядом, но утверждала, что ничего не знает. «Ничего не слышала». Глаза, полные ненависти. «Ничего не видела».

Из-за угла дома появился присланный из управления кинолог – в перепачканной одежде и с вытянутым лицом. Прижавшаяся к его ноге черная дворняга смотрела на виниловые мешки немигающим взглядом и высунув язык.

Кинолог покачал головой.

– Ни в погребке, ни наверху – ничего. Если и есть еще одно тело, то оно в каком-то другом месте.

– Уверен?

– На все сто. – Кинолог погладил собаку по голове.

Хант ощутил что-то похожее на облегчение, но в доверии этому чувству отказал. Тот факт, что Тиффани Шор не было здесь, еще не значил, что она жива. Окровавленные тела в доме не давали забыть о себе.

– А это не могло его отвлечь? – Он кивнул на черные мешки.

– Ни малейшего шанса.

Хант кивнул.

– Хорошо, Майк. Спасибо за помощь.

Проводник щелкнул языком, и дворняга последовала за ним.

Ничего. Они остались с пустыми руками. Ханту вспомнился Джонни Мерримон с рассказом о девочке, которую нашли в Колорадо и которая провела целый год в подвальной нише с матрасом, помойным ведром и свечкой. Отвращение стало новым органом в животе, и чем больше он думал об этом, тем сильнее раздражался этот орган. Оказавшись на месте того полицейского, который первым нашел девочку, что бы он сделал в первую очередь? Поднял ее с грязного матраса и всадил все шесть пуль в рожу ублюдку? Смог бы, позабыв о семнадцати годах службы, взять и просто спустить курок?

Может быть.

И даже очень.

Некоторое время Хант наблюдал за тем, как Трентон Мур закрепляет тела в фургоне. Выглядел судмедэксперт примерно так же, как чувствовал себя Хант: посеревшим и усталым. Когда он снова поднялся на крыльцо, от него пахло запахом кофе и формальдегида, типичным запахом морга.

– Извини, что так быстро подбросил этих двоих, – сказал детектив.

Мур отмахнулся.

– Я все равно собирался тебе позвонить. Готов предварительный отчет по Дэвиду Уилсону.

– Оперативно.

– Что я могу сказать? Люблю свою работу.

Хант отошел в угол крыльца, подальше от двери и ступенек. Мур потянулся за ним.

– Рассказывай.

– Он был еще жив, когда упал с моста. Показания мальчика и мои выводы в этом отношении совпадают. Большинство явных повреждений ты видел сам. Сломанная нога, сломанная рука, многочисленные трещины. Все подробности будут приведены в итоговом отчете. Далее. Многочисленные ссадины от контакта с бетоном и камнями. Трещина глазной впадины с левой стороны. Семь сломанных ребер, тоже с левой стороны. Массивное повреждение внутренних органов. Внутреннее кровотечение. Пробитое легкое. Так вот, ничто из перечисленного его не убило.

– Объясни.

– Я обнаружил большой ушиб на горле. – Место ушиба, над ключицей, Мур показал на собственном горле. – Пострадали гортань и пищевод. Дыхательный путь подвергся воздействию значительного веса, что привело к полной его закупорке. – Судмедэксперт помолчал. – Так что, детектив, он задохнулся.

– Но Джонни оставил его еще живым. Дышащим и способным говорить.

– Ушиб на горле оставил след. Крайне неясный, заметный лишь под увеличением. Ни для снятия гипсового слепка, ни для сравнения с чем-то он не годится, но тем не менее определенно присутствует.

– След?

Мур болезненно скривился.

– След подошвы.

Хант ощутил холодок на потной шее.

– Кто-то наступил ему на горло. Наступил и стоял, пока Уилсон не умер.

* * *

Отчет Мура сказался на утреннем настроении Ханта. В деле зазвучала нота злобности, особой, ледяной жестокости, в которой проступало что-то личное.

Выбитый из колеи и сердитый, Хант вернулся в дом. Тела унесли, но черный рассвет только прибавил темных красок. В двадцать пять минут седьмого зазвонил телефон. Хант узнал номер – звонил сын – и поежился. Дел навалилось столько, что он и думать о нем забыл.

– Привет, Аллен.

– Ты не пришел.

Хант снова вышел на крыльцо. Посмотрел в серое небо, представил лицо сына.

– Знаю. Извини.

– На завтрак придешь?

Чувство вины только усилилось. Сын старался сделать как лучше, поправить отношения.

– Не могу.

Молчание. Потом...

– Ну конечно.

Хант сжал телефон. Сын ускользал, а он совершенно не представлял, что делать.

– Насчет прошлого вечера...

– Да.

– Я бы тебя не ударил.

Вздых и... связь оборвалась. *Черт.* Хант опустил телефон в карман и

перевел взгляд на зевак. Сейчас они с мрачным интересом смотрели на фургон с телами. Все, кроме одного. Старик в грязной рубашке стоял на рельсах, придерживая одной рукой рваные штаны. Дряблые нижние веки покраснели, левая рука с зажатой в ней сырой сигаретой заметно дрожала. Несколько секунд он смотрел на Ханта, потом поманил скрюченными пальцами.

– Джон. – Йокам высунул голову. – Я сейчас вернусь. – Хант кивнул в сторону старика.

– Поддержка требуется?

– Отвали.

Подняться по песчаной насыпи к рельсам оказалось не так-то просто. Под багровым носом любителя выпить вилял дымок, и Хант, подойдя ближе, заметил, что паралич затронул не только руку, но и большую часть тела. Ростом под шесть футов, с поникшими плечами и слегка кривясь вправо, как будто одна нога у него была короче другой, старик протянул руку. Серые волосы трепал ветер, а голос, когда он заговорил, вызвал у детектива ассоциацию с крекером.

– Можно доллар?

Хант посмотрел на руку. На обратной стороне ладони проступала размытая татуировка.

– Как насчет пятерки?

Старик сам вытащил банкноту из бумажника, сунул себе в карман и, облизав бледные, почти бескровные губы, зыркнул глазами вниз по насыпи с другой стороны рельсов. Проследив за его взглядом, Хант увидел рваный кусок зеленого брезента, засунутый под куст кудзу и почти невидимый. Увидел кучку пустых банок и круг почерневшей земли. Старик был бездомным.

Внезапно в глазах бродяги полыхнул страх. Тревога и напряжение прорубили на впавших щеках новые складки.

– Всё в порядке, – сказал Хант. – Никаких проблем. – Он достал еще одну бумажку. Старик закудаhtал, голова его затряслась, в груди захрипело, а закончилось все сухим, надсадным кашлем. Что-то буро-коричневое ударило в сияющий рельс. Хант повернулся и увидел разбросанные под насыпью бутылки. Из-под дешевого вина, пивные на сорок унций^[21], и большие, объемом в пинту^[22], от недорогого бурбона.

– Видели, что здесь произошло? – спросил Хант, указывая на дом.

Взгляд у старика ушел в сторону, в глазах мелькнул страх. Он отвернулся, но детектив схватил за тонкую, как тростинка, руку и, не

повышая голоса, сказал:

– Сэр, вы сами меня позвали. Помните?

Старик переступил с ноги на ногу. Кончики его скрюченных пальцев пожелтели от никотина.

– А... а... Ей нравилось разгуливать голой. – Он показал на окно ванной. – Смеялась надо мной. – Левый глаз у него дернулся. – Гребаная шлюха.

– Вы говорите о Ронде Джеффрис? – осторожно спросил Хант.

Подбородок у старика затрясся, но вопроса он, кажется, так и не понял.

– У вас все хорошо?

Бродяга вскинул руки вверх.

– Разве я не повелитель мира? – Он снова попытался уйти, и детектив положил два пальца на высохшее плечо.

– Можете сказать, что здесь случилось?

– Что тебе надо? – Старик отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и, стоя на одной ноге, почесал мыском ботинка икру другой. Левый глаз закрылся. – Только лопату и видел. – Он кивком указал на гараж. – Вон оттуда и взял.

– Вы имеете в виду Ливая Фримантла? Чернокожего мужчину? Под триста фунтов? – Хант посмотрел на гараж, а когда снова обратился к бродяге, тот уже ушел в себя. – Вы что-то говорили?

– Что тебе надо? – Старик опять помахал рукой. – Я тебя не знаю. – Он отвернулся и побрел по рельсам, не оглядываясь, время от времени отмахиваясь от воображаемых насекомых.

Хант вздохнул.

– Кросс! Поднимитесь сюда.

Детектив вскарабкался по насыпи.

– Да, сэр?

– Пойдите за ним. Он, возможно, что-то видел. А возможно, и не видел. Попробуйте вытащить что-нибудь, но полегче. Когда закончите, позвоните в соцобеспечение и ветеранский госпиталь. Пусть приедут и помогут старику.

– Ветеранский госпиталь?

Хант показал на его правую руку.

– У него татуировка. Морская. Старик служил на флоте. Проявите немного уважения к моряку.

Едва детектив поднялся на крыльцо, как Йокам снова высунул за дверь голову.

– Думаю, тебе надо это увидеть.

– Что?

– Помнишь пустую комнату в юго-западном углу?

– Спальню? – Хант порылся в памяти. Комната была маленькая и совершенно пустая. На окне желтая штора. На стене отметины от клейкой ленты. Ничего примечательного, кроме пустоты. – И что там такое?

– Ты просто посмотри, – сказал вполголоса Йокам.

Хант прошел за ним по дому, миновав снимавших отпечатки криминалистов и фотографа в куртке. Возле комнаты двое полицейских в форме постороились, пропуская детективов.

– В кладовке. – Йокам открыл дверь и щелкнул выключателем. Свет мгновенно заполнил тесное пространство, и белые стены стали как будто еще белее. Нарисованная цветными мелками на задней стене картина достигала примерно семи футов в высоту, имела искаженные пропорции и выдавала детскую руку. Мужчина – обведенный черным силуэтом, красные губы и громадные, с пальцами-палочками, руки, одет в широкие багровые штаны. Идеально ровные коричневые кружки – возможно, их получили, обведя дно стеклянной банки, – изображали глаза. Несколько проведенных поперек правой щеки волнистых линий отнюдь не выглядели пугающими. Одной рукой мужчина прижимал к груди маленькую девочку, другой как будто махал далекому другу. У девочки были овальные глаза, ленточка в волосах – розовое пятнышко, почти терявшееся на широкой груди мужчины, – и желтая юбочка. Одну руку она подняла, а ее рот напоминал рваную кровавую рану.

– Какого черта?

– Вот именно, – поддакнул Йокам. – Именно так я и сказал.

Хант огляделся.

– Других рисунков нет?

– Нет.

– Кто-то же должен что-то знать.

– Соседи отмалчиваются, не хотят говорить с полицейскими. По крайней мере, на этой улице.

– Что-нибудь указывает на то, что в доме держали девочку?

– В комнате убрали. Что странно само по себе, потому что в других грязи по колено.

Хант пробежал глазами по голым стенам, отмечая места, с которых сорвали клейкую ленту. Судя по расположению, лентой приклеивали листы бумаги. Начав с угла, Хант медленно прошел вдоль всех стен. Осмотрел заляпанную стену, пол. Никаких других картин, никаких украшений, ни

даже пятнышек от цветных мелков. Только несколько коротких черточек, как будто кто-то отрывал бумажные уголки. Он заглянул за желтую штору, потом наклонился, увидев что-то в дальнем углу, и осторожно поднял.

– Пуговица? – спросил, подойдя ближе, Йокам.

Хант повертел находку, прищурился.

– От мягкой игрушки. От какого-то животного.

– Что?

– Думаю, это глаз. – Хант протянул руку. – Дай пакет.

Йокам протянул ему пластиковый пакетик. Хант опустил в него пуговицу-глаз и запечатал.

– Пусть поищут здесь отпечатки. – Он выпрямился.

– Куда теперь? – спросил Йокам.

– Устал я от этого дерьма.

Хант вышел из дома на крыльцо. Люди все еще стояли тут и там тесными группками, с любопытством наблюдая за копами, не представлявшими реальной угрозы. Глядя на эти самодовольные, равнодушные лица, Хант почувствовал, как в нем закипает гнев. Повысив голос, чтобы все слышали, детектив сказал:

– Я хочу поговорить с теми, кто знает, что происходило в этом доме. – Слушатели замерли. Лица как будто замкнулись. Он видел такое миллион раз. – Здесь убили людей. Пропала девочка. Кто-нибудь может рассказать, что творилось в этом доме?

Хант отыскал взглядом сердитую женщину с малышами на руках. Он выбрал ее, потому что она была матерью и потому что жила по соседству.

– Помочь может любая мелочь.

Лицо женщины оставалось холодным, отстраненным. Хант снова прошел взглядом по толпе, но увидел только злобу и недоверие.

– Пропала девочка!

Призыв не нашел отклика. Он был копом, а на этой улице копам не верили. На глаза ему попала стоящая на углу крыльца банка с краской. Этикетка давно выгорела и побелела, крышка заржавела. С удивившей его самого яростью Хант пнул ее ногой. Описав в воздухе дугу, банка шлепнулась на землю, изрыгнув что-то серое.

Несколько секунд Хант смотрел на разлетевшиеся брызги, а когда поднял голову, увидел у бордюра шефа. Тот только что появился и даже не выключил мотор. Сложив на груди руки, он стоял возле открытой дверцы и хмуро смотрел на детектива. Их глаза встретились, и после долгой паузы шеф покачал головой. Медленно.

Хант выждал два удара сердца и повернулся к открытой двери. Из

дома на него накатил запах смерти.

Глава 19

Бертон Джарвис вышел из гаража в двадцать минут седьмого. Он не спал всю ночь, держался на текиле и амфетамине, и теперь в черепушке горел запал, что-то жаркое и яркое. Что-то похожее на страх. Злой и недовольный, он был преисполнен сожалений, не имеющих никакого отношения к добру и злу. Голова шла кругом от мыслей о риске и последствиях того, что, по всей вероятности, делать бы не следовало. Того, за что его могли схватить.

Но все же...

Он пошатнулся, остановившись на сырой серой прогалине между деревьями; чувствуя, как расползается по лицу ухмылка.

Но все же...

Улыбка завяла, пока Джарвис возился с замком, и умерла насовсем, когда на коже выступил пот. Пошатываясь, он побрел по тропинке к дому. Глазные яблоки чесались, в нос как будто залили расплавленный воск.

Джар не был милым и приятным человеком, знал это, но ничуть не переживал. Мало того, он даже испытывал своего рода извращенную гордость, видя, как молоденькие мамочки тащат детишек через дорогу, рискуя попасть под колеса, только чтобы избежать встречи с ним на тротуаре. После девяти арестов и тринадцати лет заключения забота о собственных потребностях стала его религией. Шестьдесят восемь, щетинистые волосы, два шатающихся зуба и глаза цвета сырых устриц. Три пачки сигарет в день помогали поддерживать форму и не расплываться, наркотики и выпивка не давали попасть в тюрьму, притупляли зуд, ослабляли тягу к местам, куда его влекло воображение. При наличии достаточной дозы ему вполне удавалось продержаться с утра до вечера.

Обычно.

Жил Джар на окраине города, в обветшалом домишке, расположившемся на участке в двенадцать акров. Рядом с участком пробегала, по пути к городской свалке, двухполосная дорога. Передний двор – деревца и лужайка, девятнадцатилетний «Понтиак» и грузовичок, изрыгавший при работе черный дым. На заднем стояли бочки с пустыми бутылками и пролегал канава, заполненная мусором.

А еще у него был гараж. Объект этот находился ближе к задней границе участка, в такой густой и темной роще, какую Джар мог бы вырастить сам с одной-единственной целью: спрятать в ней гараж. Ни на

каких картах и планах этой постройки не было. Никакого разрешения на нее никто не выдавал. Но гараж был, и была роща, и была река.

Мальчишку Джар видел, разумеется, и раньше: тень за окном, цветное пятнышко в угрюмых зарослях. Чего хотел паршивец, он, конечно, не знал, но однажды почти поймал его. Увидел говнюка в заднем окне, выскользнул тихонько через переднюю дверь, осторожно свернул за угол и даже схватил за волосы, но чертенок вырвался прежде, чем Джару удалось зацепиться поосновательнее. Егохватило на четверть мили погони, а потом взбунтовались легкие. Джар помнил, как упал на колени, как, собрав оставшийся воздух, крикнул мальчонке вслед: «Вернешься – убью. Убью, гаденыш». И что? Сопляк вернулся. Джар знал по крайней мере о двух случаях. Чего он никак не ожидал, так это того, что щенок зайвится среди белого дня.

Сначала его внимание привлекла машина. Она стояла на обочине, едва не съехав левыми колесами в канаву. Заметив тусклый блеск хрома между деревьями, Джар вышел на крыльцо. Вышел в одном нижнем белье, растянутом, обвисшем и сильно поношенном, но кому какое дело? Улица не самая многолюдная, до ближайшего соседа больше четверти мили. Проезжали здесь только юнцы, любившие оторваться на пустынной дороге, да мусоровозы по пути на свалку. Не окраина, а кусочек рая, где Джар делал все, чего только душа пожелает. К тому же было еще рано, и солнце даже не тронуло деревья.

Так что, черт возьми, делает эта машина, припарковавшись у его дома?

Большинство людей в чужие дела соваться не стали бы.

Джар опустил руку, нащупал и взял стоявшую у дверной ручки бейсбольную битую. Старая, с вмятинами и царапинами, оставшимися с того случая, когда он, после неудачи любимой команды в игре на вылет, забил до смерти телевизор. Джар пошатнулся, шагнув на нижнюю ступеньку, – внизу спины обосновалась тупая боль, к которой время от времени добавлялись острые иголочные уколы, – и зашагал к дороге. Деревья потянулись к нему. Ветка хлестнула по щеке, содрав полоску кожи.

Чтоб тебя.

Джар отмахнулся битой и едва не упал.

Машина оказалась старым желтым универсалом с деревянными панелями. Лысые покрышки, торчащие из окон кусочки герметика. Вроде бы пустая. Джар остановился в конце своей подъездной дорожки и бросил затуманенный взгляд сначала в одну, потом в другую сторону улицы. Никого. И ничего, кроме универсала. Горячий и ровный асфальтобетон, шершавая бита, уже успевшая загнать в ногу несколько заноз. Он

остановился и увидел на белой безволосой икре яркие, как леденцы, капельки крови.

Чтоб тебя.

Стекла были опущены. На переднем сиденье лежал, свернувшись калачиком, мальчишка. В грязных джинсах и рваных кроссовках, с какими-то дурацкими перьями на шее. Чудно. Голые плечи и грудь вымазаны чем-то вроде сажи. Физиономия та же самая, которая мелькала в его окне. Сам весь грязный и тощий. Мальчишка лежал на боку и спал, и Джар уже чувствовал, как пальцы сжимают худосочную шею.

Тот самый сопляк. Говнюк, из-за которого Джар оглядывался теперь по ночам. Взгляд влево, взгляд вправо и снова в машину. На полу валялся бинокль, наполовину пустая бутылка с водой и камера. На кой черт ему камера? В руке нож, складной нож, открытый.

Джар наверняка рассмеялся бы, если б не занимался прикидками да расчетами.

Никого не видно. Тридцать секунд на то, чтобы вытащить мальчишку из машины, еще минута – уволочь его за дом.

Задача выполняемая.

Но он пьян, несобран, устал. В тюрьме таким, как он, приходится тяжело. Да еще нужно сделать что-то с машиной... Избавиться от нее поскорее и сделать это так, чтобы не нашли. Если мальчишка будет сопротивляться, получится нехорошо. Нрав у Джара горячий, он сам это признавал. Оставалась еще и вероятность появления на дороге случайного водителя. Дорога неподалеку отсюда поворачивала, и посторонняя машина могла выскочить быстро и неожиданно. Любой, кто увидит, как взрослый мужчина вытаскивает из универсала мальчишку, обязательно позвонит в полицию. А копы и без того на взводе из-за пропавшей девочки.

Рассчитывать только на удачу опасно.

В мозгу у Джара бушевала настоящая битва. Вот мальчишка, и он что-то знает. Должен знать. Иначе зачем ему приходить сюда снова и снова? От одного вида этого проныры у Джара начиналась чесотка. Было в нем что-то такое...

С другой стороны, дела идут неплохо. Есть выпивка, есть дом. Есть долгие ночи для воспоминаний о былых деньках. Есть гараж, и время от времени возникают кое-какие возможности. Есть две мили свободного от посторонних леса.

Но чтобы сохранить все это, требуется осторожность.

Джар покачнулся на ровном месте и вдруг почувствовал, что страх понемногу берет верх. Слишком много всего навалилось. Он пьян и едва

держится на ногах.

Но мальчонка ведь тот самый.

Джар понял, что уже с минуту таращится на парнишку. Что стоит на общественной дороге, в одном белье, возле чужой машины. Что мысли текут слишком медленно, а это всегда к неприятностям. Он постиг эту истину на собственном опыте и заплатил высокую цену. Девять арестов и тринадцать лет за решеткой, а все из-за глупых ошибок. Забыть. Записать номер машины, а пацана найти потом.

Но мальчишка открыл глаза. Моргнул. И закричал.

И Джар полез в окно, как крыса в дырку.

Глава 20

Джонни проснулся – и оказался в кошмаре с пятнами серого. Через стекло он сначала увидел серое небо, а потом – помойного цвета глаза с кровавыми прожилками и пальцы, испачканные желтой штукатуркой. Что это кошмар, Джонни понял потому, что уже видел и это лицо, и эти пальцы с неровными ногтями. Он моргнул, но ничего не изменилось. Грязнуля никуда не подевался, пальцы напряглись, и до Джонни дошло наконец, где он находится. Крик вырвался из горла, и Бертон Джарвис ринулся в окно так быстро, что Джонни едва успел оттолкнуться ногой от дверцы. Поздно. Цепкие, крепкие, как кости, пальцы сжали лодыжку. Джонни снова закричал, Джар хрюкнул, и это прозвучало так, словно звук пришел из того, самого глубокого, вонючего места в снах Джонни. Другая рука сомкнулась на другой лодыжке, и в следующую секунду его протащили по сиденью.

Он отмахнулся ножиком, полоснул по одной, потом по второй руке и увидел красные полосы. Третья попытка не удалась – его дернули так сильно, что голова ударилась о руль. Звякнула дверца, Джонни вылетел на дорогу и стукнулся головой о бордюр. Босая нога врезалась в руку, и нож отлетел в сторону.

Джонни попытался закатиться под машину, но Джар схватил его за шею и перевернул на спину, прижав затылком к гравию. Пальцы сдавили горло, и по груди пробежал ледяной след. Еще секунду полоса оставалась холодной, потом накатили жар и боль, и Джонни понял, что его режут его же собственным ножом. Джар орал ему в лицо – грязные безумные слова вперемешку со слюной. За первым следом пролегал второй, лед снова обернулся пламенем, и Джонни понял, что умирает. Старый ублюдок убивал его прямо на улице.

Снова блеснул нож.

– Нравится?

Джар полоснул его по груди.

Раз.

И еще.

– Нравится, гаденьш?

Безумец впал в раж, но небо вдруг громыхнуло, и его отбросило назад, а на груди расцвел красный цветок. От грома заложило уши, а в следующий момент тело влажно шлепнулось на тротуар. Джонни закрыл глаза и увидел, как старик вскочил с земли – хлестко, оставив в воздухе ниточку

слюны. Полнейшая бессмыслица, но картинка отпечаталась в мозгу свежей краской, а потом ударила боль. Джонни сел, и боль сжала грудь. Поднял испачканную кровью руку. Он посмотрел на пальцы, отвернулся и увидел подошвы ног Джара. Одна нога дергалась.

Что случилось?

За спиной хрустнул камешек. Сначала он увидел револьвер, большой, черный, дрожащий в побелевших от напряжения пальцах. Пальцы были маленькие, с полосками грязи под ногтями. Руки – худенькие, мышцы натянуты до предела, но сил едва хватало на то, чтобы держать оружие.

Дуло ходило ходуном. Грязная голубая рубашка свисала ей до колен. На заплате над карманом значилось имя Джара. На груди темнело масляное пятно, внизу недоставало одной пуговицы. На запястьях звякали наручники. Покусанные губы кровоточили.

Не глядя на Джонни, она прошла мимо и посмотрела на Бертон Джарвиса, все еще сучившего ногой и царапавшего пальцами землю.

Джонни наконец понял.

– Тиффани.

Девочка как будто не слышала. На ее ногах виднелись рубцы, под кандалами горели красные порезы.

– Тиффани, не надо.

Большие пальцы нашли курок. Металл щелкнул дважды, и нога Джара замерла. Поднявшись, Джонни увидел его лицо и глаза, широко открытые, цвета серебра. Старик поднял руку.

– Не...

Но она уже потянула спусковой крючок. Пуля разорвала поднятую ладонь и прошла через зубы. Голова подпрыгнула. Нога не шевельнулась.

Тиффани опустилась на дорогу и уставилась в пространство. Револьвер она положила рядом. У ее ноги собиралась в лужу кровь Джара. Джонни подбежал к нему, упал на колени и схватил простреленную голову так, словно хотел удержать все, что уходило из нее вместе с кровью, но глаза уже были пусты, и серебро превратилось в свинец. На секунду мир перед Джонни потемнел, а потом он закричал:

– Где она?

Он кричал и кричал, снова и снова повторяя вопрос, а потом принялся бить Джара головой о дорогу, пока сам звук не изменился с жесткого на мягкий, глухой и влажный. В конце концов остановился и Джонни.

Он опоздал.

Глава 21

Очнувшись, Ливай не сразу сообразил, где находится. В глазах туманилось, а разбудил его выстрел. Стреляли вроде бы далеко, но на реке со звуком творятся всякие чудеса. Стрелять могли где угодно.

Ливай поморгал, пока туман в глазах не рассеялся. В памяти осталось воспоминание о боли, и когда он попытался сесть, боль тоже очнулась. Что-то пилило живот. Ливай потрогал больное место и увидел на пальцах кровь. Опустил голову – из живота торчал сломанный сук толщиной с бильярдный кий. Зазубренная деревяшка воткнулась справа, под нижним ребром. Приложив в деревяшке палец, он ощутил шевеление глубоко внутри себя. Сморгнул слезы и попытался вытащить сук.

Придя в себя в следующий раз, он уже знал, что к чему, и оставил все как есть. Двигаться было больно, но не настолько сильно, чтобы не двигаться совсем. Надо только не думать о боли – и он думал о том, чтобы не думать. Ливай поднялся на колени, уткнулся лбом в черный ящик, развел руки и обратился к Богу с просьбой дать сил, чтобы продержаться еще один день и сделать то, что нужно. Он не сомневался, что Бог ответит, поговорит с ним, но когда открыл глаза, увидел на ветке ворону. Черноглазая, неподвижная, птица смотрела на ящик, и Ливай ощутил укол страха. Он не доверял этим птицам. Слишком безмолвные, слишком внимательные к делам людей. А еще о воронах рассказывали всякие истории, и эти истории шли от бабушкиной бабушки, истории о воронах и душах недавно умерших.

Истории о душах, которые скручиваются и сторают в долгом падении.

Ливай развел руки и склонился над ящиком, укрывая его от птиц. Долгую секунду ворона молча смотрела на него, потом взмахнула крыльями и перелетела на соседнее дерево. Ствол его обуглился и почернел от удара молнии, а развилка на обращенной к реке стороне осталась мертвенно-белой. Птица нашла место в компании из дюжины себе подобных, каркнула и умолкла. Ни перышка не шелохнулось. Вся стая молча взирала на Ливая, и в какой-то момент холодок коснулся его сердца. Пропасть ворон на вершине мертвого дерева.

«Пропасть ворон».

Голос обескуражил его. Он не был голосом Бога. Маслянисто-гладкий и вкрадчиво-сладкий, он наполнил голову Ливая и влил ему в рот сахарный вкус. Ливай попытался подняться, но лодыжка подвернулась, и боль снова

прошла через все тело судорогой. Он закусил губу и перекатился на спину. Вокруг него от земли поднимался горячий воздух. Ливай посмотрел вверх и увидел, что птицы снялись с насиженного места и кружат, хлопая и шелестя крыльями и исторгая стоны из мертвого леса. Он пощупал лодыжку – под пальцами как будто каталась дыня распухшей плоти. Растяжение или даже перелом, а случилось это, должно быть, когда он прыгнул в реку. Тогда даже не почувствовал, но чувствовал теперь. Ливай оперся на ногу, и нервы как будто полоснуло лезвием, так резко и сильно, что он даже вскрикнул.

Посмотрел на серое, с металлическим отливом небо и услышал тот же странный шепот.

«Пропасть ворон».

Теперь голос напугал его.

– Где Ты? – взмолился он, обращаясь к Богу.

Но никто не ответил. Небо опустело, и мертвый лес еще долго двигался – вниз и вверх, из стороны в сторону – после того, как птицы улетели.

Только через час Ливай собрался с силами и предпринял еще одну попытку встать и пойти. Лодыжка отозвалась выстрелом боли, и тогда он решил ползти. И пополз – по берегу, вверх по течению реки, роняя тихие слезы и волоча за собой ящик.

Глава 22

С таким наплывом фургонов медийных служб больничная автостоянка не справилась. Парковались они так плотно, что Чарли едва ли не с боем отстоял свободную полосу – на тот случай, если потребуется «Скорая» для доставки пациента. Служебные обязанности Чарли в том и заключались, чтобы охранять парковку, стоять у двери и не пускать посторонних. Он стоял под портиком, моргая от слепящих вспышек.

Это интервью было его пятым.

Чарли поднял руку и, игнорируя шумную толпу, подарил все свое внимание репортерше с Четвертого канала. В реальной жизни она была так же мила и красива, как и в телевизоре. Как кинозвезда на афише.

– Прямо вон туда. – Чарли протянул руку. – Влетела через тот въезд. Вихлялась, будто пьяный сидел за рулем. Из стороны в сторону. Наскочила вон на тот бетонный блок, отскочила и остановилась уже вот здесь. – Чарли снова поднял руку и указал на то место, где стоял. – К счастью, я парень проворный.

Репортерша кивнула, ничем не выдав своих сомнений. Живота Чарли хватило бы на троих.

– Продолжайте, – попросила она.

Чарли почесал лысеющую макушку.

– Ну, в общем-то, всё.

Репортерша мило улыбнулась.

– За рулем был Джонни Мерримон?

– Точно, он самый. Я его с прошлого года помню. Такое трудно забыть. Тогда повсюду были фотографии его сестры-близняшки. Они так похожи... Но сегодня мальчишка был весь изрезан, грязный. А машина полна крови.

Репортерша бросила взгляд на камеру.

– Джонни тринадцать лет...

– Ему нельзя садиться за руль...

– Но девочка с ним была, Тиффани Шор.

Чарли кивнул.

– Та самая, которая пропала. Да, она. О ней тоже в газетах писали.

– Вам не показалось, что Тиффани ранена? Пострадала? – В глазах женщины мелькнул огонек. За накрашенными губами блеснули идеальные зубы.

– Вот насчет этого ничего сказать не могу. Наручники были. Плакала, а

когда мы попытались забрать ее из машины, принялась кричать. Ухватилась за руку Джонни и не отпускала.

– Что можете сказать о Джонни Мерримоне? В каком он был состоянии?

– В каком состоянии? Да уж... Он был похож на дикого индейца.

– На дикого индейца?

Репортерша придвинула микрофон. Чарли сглотнул и отвел глаза от ее губ.

– Да. Черные, как смоль, волосы, и глаза тоже черные. Худой, как хорек, без рубашки. На шее перья и кости – я даже череп видел, ей-ей, череп, – да еще и физиономия разрисована... типа красными и черными полосами.

Репортерша оживилась.

– Боевая раскраска?

– Ну мне-то он просто грязным показался. Грязный, с сумасшедшими глазами, не в себе. И дышал так, словно десять миль пробежал.

– Он был ранен?

– Порезан. Вроде как ножом. Порезан и весь в крови и грязи. В руль вцепился, мы едва его из машины вытащили. Там такое было... – Он покачал головой. – Месиво.

Она подсунула микрофон еще ближе.

– Вы полагаете, что Джонни Мерримон спас Тиффани Шор от похитителя?

– Насчет этого не знаю. – Чарли помедлил, позволив себе заглянуть в вырез ее платья. – Я так скажу: какими-то больно уж спасенными ни он, ни она мне не показались.

* * *

Хант стоял в ярко освещенном коридоре с вымытым до блеска полом, в котором, пусть и в искаженном виде, отражался он сам. На виске пульсировала жилка, от груди к лицу по коже разлился горячий кислотный румянец. Разговор с шефом полиции шел трудно, и Хант с трудом сдерживался, чтобы не задушить босса на месте.

– Как же ты его пропустил? – Шеф, невысокий мужчина с покатыми плечами и растекшейся линией талии, имел репутацию человека нетерпимого и отличался инстинктом выживания, свойственным в наибольшей степени политикам. Обычно ему хватало благоразумия не

мешать Ханту, но этот день обычным не был. – Господи, Хант, он же отъявленный педофил и состоит на особом учете.

Детектив мысленно посчитал до трех. Мимо прошел доктор, потом худенькая медсестра с пустой каталкой.

– Мы допрашивали его дважды. Он разрешил обыскать дом. Мы обыскали. Все было чисто. И он не единственный состоящий на учете педофил. Были и другие. Людей на всех не хватает.

– Это не объяснение.

– Последний раз он нарушил закон девятнадцать лет назад. Из них шестнадцать находился под надзором полиции. У нас есть нарушители с куда более худшими показателями. К тому мы ничего не знали о гараже. Никаких разрешений ему никто не давал, коммуникации не проложены. На налоговых картах ничего. Другими словами, его как бы не существует официально. Таких построек в округе, может быть, тысяч десять, и мы ничего о них не знаем. Далее. У нас есть Ливай Фримантл. Все вроде бы указывало на него. Дэвид Уилсон сказал, что нашел девочку, и Фримантл оставил на его теле отпечаток...

– Меня там распинают, – перебил его шеф и ткнул пальцем в сторону больницы. – На общенациональном новостном канале.

– Телевидение я не контролирую.

Шеф прищурился и заговорил уже другим, более сдержанным и более опасным тоном:

– Тебе это нравится, да?

– Чепуха.

– Они хотят знать, как получилось, что мальчишка нашел Тиффани Шор, а мы не смогли. Ему тринадцать лет! И из него хотят сделать героя.

– Мы еще не знаем, что именно там случилось.

– Я выгляжу идиотом! И, раз уж мы вспомнили мальчишку, спасибо за то, что дал Кену Холлоуэю повод разговаривать со мной на повышенных тонах. Мне уже четыре раза звонили из мэрии. Четыре раза, включая два звонка от самого мэра. Холлоуэй выдвигает серьезные обвинения. Грозит подать в суд.

Злость вспыхнула, словно к ней поднесли спичку.

– Он напал на вашего служащего. Вам бы лучше об этом подумать.

– Ты еще поплачь, Хант. Он ткнул тебя пальцем в грудь.

– Он препятствовал проведению расследования.

– Препятствовал, только не знаю чему. – Шеф состроил гримасу, ясно давая понять, что ему есть что еще сказать по этому делу.

Хант расправил плечи.

– Вы что имеете в виду?

– Холлоуэй утверждает, что у тебя личный интерес в отношении Кэтрин Мерримон. Что у тебя к ней чувства.

– Какая нелепость.

– Неужели? А вот он говорит, что ты его преследуешь. Что относишься к нему враждебно.

– Холлоуэй повел себя агрессивно, а я действовал так, как считал нужным.

– Патрульная Тейлор подтверждает правоту Холлоуэя.

– Она бы никогда этого не сказала.

– Ей и не надо ничего говорить, тупица! Она же элементарно не в состоянии скрыть свои эмоции. С ней ответ не нужен – достаточно вопроса.

Хант отвернулся, а шеф продолжал:

– Для меня важно одно – как твои поступки отражаются на мне; поэтому спрошу напрямик. У тебя к ней что-то есть?

– Вы просто скажите, чего от меня хотите.

– Я хочу, чтобы ты, черт возьми, ответил на мой вопрос.

– На такие вопросы не отвечают.

Выждав несколько секунд, шеф шумно засопел.

– Может, тебе стоит отдохнуть?

– Забудьте.

Шеф устало выдохнул, и в какой-то момент на его лице проступило нечто похожее на сочувствие.

– Послушай, Клайд, Алиссу мы так и не нашли. И, видя, как идет это расследование, люди начинают задавать вопросы.

– Насчет чего?

– Они сомневаются в твоей компетентности. Я ведь и раньше говорил, что ты принимаешь эти дела слишком близко к сердцу.

– Не ближе, чем любой другой коп.

– Сегодня утром ты кричал на людей на улице. Отфутболил банку с краской на месте преступления. – Шеф отвернулся и покачал головой. – Год был долгий. Полагаю, тебе нужен перерыв.

– Увольняете?

– Прошу. Уйди на несколько недель в отпуск. На месяц.

– Нет.

– Вот так, значит?

– Значит.

Все сочувствие испарилось в один миг, а злость закипела еще сильнее.

– Тогда позволь сказать, что ты будешь делать. Прежде всего ты возьмешь на себя последствия этого недоразумения. Если прессе потребуется мальчик для битья, я намерен отдать им тебя. Тебе придется отвечать перед городскими властями. И перед родителями Тиффани Шор.

– А почему вы думаете, что я на все это соглашусь?

– Потому что я прикрывал тебя целый год.

– Чепуха.

– Во-вторых. – Шеф повысил голос и ударил двумя пальцами о ладонь. – Я хочу, чтобы ты отстал от Кена Холлоуэя. У него прорва денег и столько друзей наверху, что нам и не снилось. Мне такая головная боль не нужна. Никаких злодеяний, кроме того, что спит с женщиной, которая, по-видимому, в какой-то степени интересуется и тебя, он, насколько мне известно, не совершал. Не арестовывался. Никаких обвинений ему не предъявлялось. Так что если ему вздумается ткнуть тебя пальцем в грудь, отнесись к этому по-мужски. А если он пожелает поселиться у Кэтрин Мерримон, – тут шеф ткнул детектива пальцем в грудь, – ты не станешь ему мешать.

* * *

Хант проводил шефа взглядом. Мелкий человечиска, и приоритеты у него мелкие, а вот у Ханта заботы совсем другого калибра. Так что поговорили и разошлись. Забудь.

Вот же дерьмо. Кого он обманывает?

Поблуждав по петляющим коридорам, детектив добрался наконец до педиатрического отделения, куда определили Джонни. К мальчику его не допустили, но детектив надеялся, что доктор сжалится над ним и позволит войти. Однако вместо доктора он обнаружил сурового вида женщину, сидевшую со сжатыми коленями на скамеечке в коридоре напротив палаты Джонни. Тронутые сединой волосы зачесаны назад, костюм строгого покроя. Знакомое лицо.

Служба соцобеспечения.

Плохо дело.

Женщина перехватила его взгляд и начала подниматься, но Хант отвернулся раньше, чем она успела что-то сказать. Он уже направился в вестибюль и тут услышал голос Кэтрин:

– Детектив Хант?

Она стояла возле лифта и выглядела так, словно сбежала из ада.

Детектив подошел к ней, и они вдруг как будто оказались одни в заполненном людьми помещении.

– Кэтрин? Как Джонни?

Кэтрин потерла руку, откинула упавшие на глаза волосы, и Хант понял, что женщина на грани нервного срыва и держится из последних сил.

– Не очень хорошо. У него семь резаных ран, две из которых довольно глубокие. – Она провела пальцем сначала под одним глазом, потом под другим. – Ему наложили двести шесть швов. Рубцы останутся на всю жизнь.

Хант посмотрел ей за спину.

– Он не спит?

– Просыпался ненадолго, но сейчас снова спит.

– Что-нибудь сказал?

– Спросил об Алиссе. Нашли ли мы ее.

Хант отвернулся, но Кэтрин тронула его за руку.

– Это тот же человек?

Она спрашивала о Бертоне Джарвисе. Он ли забрал у нее дочь.

– Пока говорить рано.

– Правда? – Кэтрин сжала его руку, и Хант увидел в ее глазах и надежду, и страх.

– Не знаю. Мы сейчас выясняем это. Проверяем. Когда узнаю что-нибудь, сразу же сообщу вам. Обещаю.

Она кивнула.

– Мне нужно вернуться... вдруг он очнется.

Хант остановил ее:

– Кэтрин...

– Да?

– Здесь женщина из соцобеспечения. Наверное, захочет поговорить с вами.

– Из соцобеспечения? Не понимаю.

– Джонни целую ночь не было дома. Он брал вашу машину. И едва не погиб от рук педофила. – Хант помолчал. – Не думаю, что они позволят Джонни остаться с вами.

– Не понимаю, – повторила Кэтрин и торопливо добавила: – Я не соглашусь.

– Он носил перья, погремушку гремучей змеи и какой-то череп на шнурке вокруг шеи. Ни один судья не разрешит, чтобы он жил с вами. Вы видели сегодняшние газеты? Смотрели телевизор? Си-эн-эн? «Фокс»? Его называют Маленьким вождем, Диким индейцем. Об этом все теперь

говорят, так что вопрос стал политическим. Служба соцобеспечения обязана принять какие-то меры, ничего другого им не остается.

Она поникла.

– Что я могу сделать?

– Не знаю.

– Пожалуйста. – Кэтрин вцепилась ему в руку. – Пожалуйста.

Хант посмотрел влево, потом вправо. За семнадцать лет службы он ни разу не переступал черту, но сейчас, видя эту черту так же ясно, как и любую другую, и полностью контролируя себя, сделал это без раздумий. Почему? Потому что есть на свете вещи поважнее.

– Они проведут полное обследование. Начнут с того, что заявятся к вам домой без всякого предупреждения.

– Я не...

– Вам необходимо поехать сейчас домой. Убраться. Привести все в порядок.

Она машинально подняла руку, коснулась пряди засаленных волос.

Хант помолчал, понимая, что в любом случае должен сказать то, что будет больно.

– Нужно избавиться от наркотиков.

– У меня нет...

Хант покачал головой.

– Не надо, Кэтрин. Не лгите мне. Сейчас я ваш друг, а не коп. И как друг пытаюсь вам помочь.

Она долго смотрела ему в глаза, потом все же опустила голову.

– Посмотрите на меня, Кэтрин. – Детектив взял ее за подбородок. – Доверьтесь мне.

Она сморгнула слезы и с усилием выговорила:

– Мне надо ехать.

Хант посмотрел сквозь стеклянную дверь. Толпа репортеров. Камеры. Он взял Кэтрин за руку.

– Сюда. – Провел ее по казавшимся бесконечными коридорам к грузоподъемнику, а потом к двойной двери с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ДОСТАВОК». – Машина здесь.

– А где моя?

– Задержана как вещественная улика.

Сделав двадцать шагов под жарким солнцем, Кэтрин высвободила руку.

– Сама справлюсь.

Но без него у нее получалось плохо, и Хант понял это, когда они

подошли к машине. Щеки ее горели, сжатые в кулаки пальцы побелели от напряжения. Прислонившись к дверце, она опустила голову.

Доставив ее домой, Хант припарковался как можно ближе к двери.

– У вас есть деньги на такси? Чтобы вернуться в больницу? – Кэтрин кивнула. – Номер моего телефона?

Она смахнула с лица волосы, встретила его вопросительный взгляд и с какой-то несмелой гордостью сказала:

– У меня несколько ваших карточек. – Открыла дверцу, и снаружи дохнуло жаром. Перед ним мелькнули ее ноги, ее рука легла на дверцу. Она наклонилась, и ее голос прозвучал негромко и сдавленно: – Я люблю своего сына, детектив.

– Знаю.

– И я хорошая мать.

Кэтрин пыталась убедить себя, но пустоты в ее глазах говорили о другом. Джонни лежал в больнице, а она все еще была под кайфом.

– Знаю, – сказал Хант, хотя согласиться с этим не мог.

Была, да.

И, надеюсь, станешь снова.

Он дал задний ход.

Кэтрин стояла и смотрела ему вслед.

* * *

Тридцать минут спустя Хант уже работал в гараже вместе с Йокамом и несколькими криминалистами.

– Внимание, – сказал Йокам.

– Что?

– Шеф.

Хант посмотрел на тропинку и увидел продирающегося через кусты начальника полиции. За ним тащились два помощника. Идущий впереди полицейский в форме отводил ветки.

– Вижу.

– Хорошего чем больше, тем лучше.

Хант сложил руки на груди. Если шеф решил проверить, что ж, пусть проверяет, но изображать радость по этому поводу он не собирался.

Шеф остановился в пятнадцати футах от гаража и, подбоченясь и задрав голову, оглядел место преступления.

– Из кино, что ли, копирует? – шепотом спросил Йокам.

– Помолчи, Джон.

– Как будто кадры из «Паттона»... Черт. Он кем себя считает? Джорджем К. Скоттом?^[23]

Попозировав, шеф резко сорвался с места и преодолел последние ярды; сопровождающие кучкой последовали за ним. Кивнув Йокаму, он с серьезным видом посмотрел на Ханта.

– Пойдем со мной.

Хант развел руками, заключив в этот жест и стоящие плотной стеной деревья, и густой кустарник.

– Куда?

Шеф огляделся.

– Оставьте нас на минутку. – Сопровождающие послушно рассеялись. – И ты, Йокам, тоже.

– Я? – Тот приложил руку к груди, изобразив изумление.

– Исчезни.

Отступив шефу за спину, Йокам изобразил гусиную походку, но Хант был не в том настроении, чтобы шутить. Он молча смотрел на шефа, и шеф так же молча смотрел на него. Напряжение нарастало, но первым не выдержал шеф.

– Насчет нашего сегодняшнего разговора. Я, может быть, вышел за рамки.

– Может быть.

– А может быть, и не вышел.

Шеф скользнул взглядом по окружавшей их высоченной стене леса. В море зелени гараж был крохотным пятнышком.

– Если скажешь, что ты не принял это дело слишком близко к сердцу, я приму такой ответ.

Хант выдержал его взгляд.

– Для меня это всего лишь очередное расследование.

– Ладно. – Шеф сдержанно кивнул. – Так и будем считать. Но имей в виду, что это твой последний гребаный шанс. А теперь, пока я не передумал и не выгнал тебя за полнейшее неумение соврать, расскажи, что вы здесь узнали.

Хант указал на скрытый за деревьями дом.

– Мы выяснили, где Джарвис подключился к сети. Кабель закопан на глубине в два дюйма. Гараж нигде не обозначен. По тропинке вы сами шли. С улицы или из дома ее совершенно не видно. Никаких разрешений на строительство не выдавалось. Никаких разрешений на подключения тоже. Мертвая зона.

– Как чувствуют себя дети?

– Им дали снотворное. Доктор не пустил меня к ним.

Шеф прошел в сарай, и Хант, перешагнув порог, невольно поежился.

– Стены, как видите, обиты матрасами. Возможно, для звукоизоляции.

Окна заложены стеклопластиком и заклеены. Опять-таки для звуко- и светопоглощения. Посмотрите. – Хант шагнул к дальней стороне и указал на маленькую рваную дыру. – Здесь был крюк, на котором держались наручники и который вырвала Тиффани. – Сам крюк уже положили в пакет для вещественных улик и снабдили соответствующим номером. Хант взял его и ощутил под гладким пластиком холодок металла. Затем протянул пакет шефу, который коротко дотронулся до него, а потом опустился на колени и провел пальцем по дырке в стене. Она была неглубокая. Бетон высох и крошился.

– Крепкая девочка.

– Как же она все-таки выбралась отсюда?

Хант подвел шефа к двери, вышел за порог и показал на замок. Большой, крепкий цилиндрический замок висел в закрытом положении на прочной стальной скобе.

– Замок он закрыл, а вот дверь запереть позабыл.

– Случайность? – Шеф поднял замок, осмотрел его и отпустил. – Или самоуверенность?

– Разве это важно?

Шеф пожал плечами.

– Револьвер?

– Пока неясно. Возможно, лежал все время где-то в гараже. Возможно, она нашла оружие в доме. Там дверь тоже была не заперта. – Они оба повернулись к дому и, конечно, ничего не увидели. Впрочем, на рассвете, когда в окнах горел свет, Тиффани могла что-то заметить. – Думаю, он был пьян. Мы нашли и спиртное, и наркотики. Вскрытие покажет.

– Есть свидетельства того, что здесь могли быть другие дети? – деловито спросил шеф.

– Вы имеете в виду Алиссу Мерримон?

– Не обязательно.

Шеф смотрел на него твердо, в упор, даже не мигая, и Хант отвел глаза.

– Нужна собака. Если она похоронена где-то здесь, я хочу найти ее.

– Темновато.

– Я уже позвонил, – хмуро сказал Хант.

Глава 23

За тонкими стенами дома, который не принадлежал ей, Кэтрин Мерримон стояла перед зеркалом в ванной. Что полицейский солгал, она поняла сразу, поняла по его лицу, и эта ложь жгла, как пощечина. Вот почему Кэтрин задала себе самый трудный вопрос.

А была ли она хорошей матерью?

Натянутая на кости лица, кожа казалась линиялой и выглядела слишком бледной. Волосы свисали безжизненными прядями, пальцы дрожали, даже когда она просто подносила их к щеке. Ногти потрескались, под глазами залегли темные круги. Кэтрин искала что-нибудь знакомое, но ничего не видела. Перед ней, словно отпечатавшись в мозгу, стоял образ сына – бледного, в бинтах. Придя в себя, он первым делом спросил о сестре.

Алисса.

Произнесенное безмолвно имя лишило сил. Ей даже пришлось схватиться рукой за край раковины. Кэтрин потянулась к шкафчику, открыла дверцу. На трех полках выстроились пузырьки с таблетками. Оранжевый пластик. Белые наклейки. Она взяла наугад первую попавшуюся бутылочку. Викодин. Сняла колпачок, вытряхнула на ладонь три таблетки. Они могли унести все: калейдоскоп воспоминаний, давящее бремя потери.

Пот струйкой побежал по спине. Во рту обострилось болезненное ощущение сухости, и Кэтрин представила, как положит их на язык, как проглотит, морщась, с натугой, как перетерпит горькое ожидание. Она подняла голову, посмотрела в зеркало и увидела ненастоящие, вырезанные из картона глаза, выцветшие, блеклые, как копии копий. Такие же глаза, как у Джонни, и вот так они выглядели не всегда. Ни у него, ни у нее.

Кэтрин повернула руку, таблетки соскользнули с ладони и почти беззвучно упали в фарфоровую раковину. Словно в порыве бешенства, она смела с полки все пузырьки и стала открывать их один за другим и бросать таблетки в туалет. Двадцать пузырьков. Кэтрин спустила воду.

Быстро.

Все надо сделать быстро.

Она собрала пустые пузырьки, отнесла в кухню, бросила в мусорную корзину и вынесла пакет на улицу. Вернувшись, взялась за уборку – скрести, мыть, вытирать. Полы. Холодильник. Окна. Время сгустилось в горячий туман из пота и аммиака. Она снимала и закладывала в

стиральную машину простыни, выливала в траву спиртное, швыряла пустые бутылки в открытую бочку, где они звякали и разбивались, и шла в дом за другими. В самом конце Кэтрин подошла к тому же зеркалу. В ложбинке над ключицами настойчиво пульсировала жилка. Она включила горячую воду и терла-терла лицо, пока оно не заболело, но глаза все равно выглядели не так. Она сорвала одежду и встала под душ, но и этого оказалось недостаточно. Грязь въелась до самого нутра.

* * *

Джонни очнулся в странной, незнакомой комнате. Один. За дверью прозвучали шаги, приглушенный голос. Какого-то доктора вызвали по интеркому, и память стала возвращаться. Кусочками. Он потрогал бинты на груди – больно. Попытался сесть – едва не вырвало. На периферию зрения ворвался цвет: тускло-красный из окна, мутно-белый из-под двери. Джонни поискал взглядом мать, и стены выгнулись, сдвинулись. Он все-таки сел. Под ногтями чернела сажа, на пальцах виднелись следы ягодного сока и пятна крови. Перьев не было, но теперь это уже не имело значения. Он закрыл глаза и почувствовал мертвую хватку Джара, его пальцы у себя на горле, запах дерматина, холод и жар от ударов ножом.

Джонни спрятал руки под простыню, но на пальцах так и осталось ощущение прикосновения к теплой губчатой дыре в затылке Джара. Он слышал биение, сначала быстрое и четкое, а потом медленное и влажное, и вдруг вспомнил, что Джар мертв. Джонни повернулся на бок и закрыл глаза.

Дверь открылась так тихо, что он и не слышал. Только ощутил движение воздуха и присутствие кого-то у кровати. А когда открыл глаза, увидел детектива Ханта, осунувшегося, с натянутой улыбкой.

– Вообще-то мне сюда нельзя. – Хант показал на стул. – Ты не против, если я сяду?

Джонни подтянулся, выпрямился и попытался заговорить, но мир как будто укрылся ватным одеялом.

– Как себя чувствуешь? – спросил детектив.

Взгляд Джонни зацепился за револьвер, рукоятка которого высовывалась из-под пиджака.

– Я в порядке. – Получилось замедленно, неуклюже и фальшиво.

Хант сел.

– Мы можем поговорить? – Не получив ответа, он подался вперед,

опустил локти на колени и сложил пальцы домиком. Пиджак распахнулся, и Джонни увидел потертую кобуру и сталь, покрытую, похоже, черным лаком. – Мне надо знать, что случилось.

Джонни не ответил. Он как будто впал в транс.

– Можешь посмотреть на меня, сынок?

Джонни кивнул, но оторвать взгляд от оружия не смог. Текстурированная рукоятка. Белая скоба предохранителя. Его правая рука сама собой потянулась к оружию, а коп уменьшился и сдвинулся на задний план. Джонни хотел лишь подержать револьвер, удостовериться, что он и вправду такой тяжелый, каким выглядит, но вожделенный предмет вдруг спрятался в шаре мягкого света. Неведомый груз опустился на грудь и прижал его к матрасу, а издали донесся голос детектива:

– Не уходи, Джонни. Остайся со мной.

Но он уже падал, и кто-то втыкал ему в глаза черные пики.

* * *

Кэтрин погладила платье и оделась. Самым трудным оказалось застегнуть пуговицы – они были слишком маленькие, а пальцы, несмотря на все старания, дрожали. Потом высушила волосы, расчесала спутанные пряди и задумалась – стоит ли накладывать макияж. В конце концов она добилась того, что выглядела как нормальная женщина, разве что слишком исхудавшая из-за болезни. Вызывая по телефону такси, Кэтрин не сразу вспомнила номер дома, а вызвав, присела в ожидании машины на краешек дивана.

В кухне тикали часы.

Она сидела, стараясь не сутулиться и держать спину прямой.

Между лопаток появился первый пот. Она представила вкус выпивки и услышала колыбельную еще одного позабытого дня.

Как было бы легко.

Так легко... так легко...

Решение помолиться подкралось незаметно, словно тень. Как будто она моргнула, а когда открыла глаза, света уже не было. Кэтрин даже посмотрела вверх – убедиться, что ей это только причудилось. Искушение шло из скрытого в глубине души места, некогда обжигавшего жаром, а теперь сдавленного, сжатого в нечто черное и холодное. Она боролась с соблазном, но проиграла и, когда опустилась на колени, почувствовала себя лгуней и мошенницей, путешественницей, заблудившейся в долгую

дождливую ночь.

Слова поначалу не шли, будто сам Господь запечатал ей горло, но она опустила голову и изо всех сил стала вспоминать, что ощущала при этом. Вера и полная открытость. Смирение и готовность просить. И она просила. Просила дать ей сил. Молила, чтобы выздоровел сын. Просила у Бога помощи – молча, страстно, исступленно. Просила сохранить то, что осталось: сына и их обоих, вместе.

Поднявшись, она услышала шорох покрышек по гравию и звук, похожий на дождь. Потом этот звук прекратился.

У двери ее встретил Кен Холлоуэй – в мятом костюме, с болтающимся на шее шикарным пурпурным галстуком.

Кэтрин замерла на месте, увидев его недовольное лицо и воротничок в пятнах от пота. Опустив глаза, наткнулась взглядом на волосатую руку.

– Что ты делаешь? – Холлоуэй взял ее за подбородок. – Куда нарядилась? – Она не ответила, и он заставил ее поднять голову. – Я спросил, куда ты собралась?

– Еду в больницу, – чуть слышно пробормотала Кэтрин.

Кен посмотрел на часы.

– Время для посещений заканчивается через час. Давай-ка так: ты приготовишь нам по глоточку, а в больницу съездишь завтра. Утром.

– Там будут спрашивать, почему меня нет.

– Кто будет спрашивать?

Она сглотнула.

– Из службы соцобеспечения.

– А, бюрократы... Ничего они тебе не сделают.

Кэтрин подняла голову.

– Мне надо ехать.

– Сделай мне выпить.

– Здесь ничего нет.

– Что?

– Ничего нет. – Кэтрин попыталась пройти мимо, но он не пустил, выставил руку.

– Уже поздно. – Погладил ее ниже спины.

– Не могу.

– Меня всю ночь продержали в полиции. – Он схватил ее за локоть. – Из-за Джонни, понимаешь? Из-за твоего сына. Если б он не бросил камень в окно...

– Ты не знаешь наверняка, что это был он.

– Ты мне возражаешь?

В локте полыхнула боль. Кэтрин посмотрела на его пальцы.

– Убери руку.

Холлоуэй рассмеялся и, шагнув вперед, заполнил собой дверной проем и заставил ее отступить.

– Дай пройти.

Он не ответил, но продолжал давить, вжимать ее в дом. Кэтрин видела перед собой тонкие губы под холодными, безжалостными глазами и вдруг ни с того ни с сего ясно представила сына таким, каким видела не раз: подперев кулачком подбородок, Джонни сидел на ступеньке крыльца и смотрел на холм, ожидая появления там, вдалеке, знакомой фигуры. Она часто ругала его за это, но сейчас чувствовала то же, что, наверное, чувствовал и он: надежду. Оторвавшись от руки Кена, ее взгляд устремился к холму, словно спеша увидеть грузовичок, то выезжающий наверх, то исчезающий внизу. Но холм был пуст, и дорога тянулась вдаль унылой черной лентой. Кен рыкнул, и Кэтрин, повернувшись, увидела, как улыбка рассекает его лицо.

– Завтра. К Джонни завтра. С утра.

Она снова посмотрела на холм, заметила металлический блеск – машина поднялась на вершину, – и на мгновение у нее перехватило дух, но уже в следующую секунду поняла, что это такси.

– Мне нужно ехать.

Такси приближалось, и Кен отступил. Кэтрин высвободила руку, но он все еще оставался на пороге, высокий, массивный, злой.

– Мне нужно ехать, – повторила она и, оттолкнув его, вышла на дорожку – встречать машину.

– Кэтрин. – Кен широко улыбнулся, и кому-то эта улыбка даже показалась бы искренней. – Поговорим завтра.

Она села. В салоне пахло сигаретами, несвежей одеждой и лосьоном для волос.

– Куда? – спросил водитель, обрюзгший мужчина со шрамом цвета влажного жемчуга на шее.

Кэтрин смотрела на Кена.

– Мэм?

Кен все улыбался.

– В больницу.

Таксист посмотрел на нее в зеркале. Она почувствовала его взгляд и повернулась.

– С вами все хорошо? – спросил он.

Ее трясло, пот проступал каплями на коже.

– Будет хорошо.
Она ошибалась.

Глава 24

Джонни стоял спиной к лесу, лицом к узкой просеке. Казалось бы, царапина в лесной чаще, мелкий дефект, – но с того места, где находился паренек, она выглядела зеленой рекой, волнующейся под молчаливым ветром.

С центра просеки на него смотрела сестра. В какой-то момент она подняла руку, и Джонни пошел к ней по траве, которая была сначала по лодыжку, а потом по колено. Выглядела Алисса точно так, как в тот последний раз, когда он видел ее: бледно-желтые шорты, белый топ, чернильно-черные волосы и загорелая кожа. Одну руку она держала за спиной, а голову склонила набок, и черные пряди падали на лицо. Под ногами у нее была какая-то вдавленная в траву ржавая жестянка, и Джонни ощущал запах мятой травы, запах летней спелости.

У ног Алиссы свернулась змея. Та самая, убитый им медноголовый щитомордник. Пять футов в длину, золотисто-коричневая, немая. Высунув язычок, она обнюхивала воздух, а когда он остановился, подняла голову.

Джонни помнил, как змея атаковала его в тот день, когда он убил ее. Как близко подобралась.

Их разделяли дюймы.

Может быть, даже меньше.

Алисса наклонилась и схватила змею, которая тут же обвила хвостом ее руку и, выпрямившись, подняла голову. Теперь они смотрели одна на другую. Змея выстрелила раздвоенным язычком.

– Это не сила.

Щитомордник метнулся к лицу Алиссы, а когда отпрянул, Джонни увидел сначала две дырочки, а потом два пятнышка крови, похожие на крохотные яблоки. Подняв змею повыше, Алисса сделала шаг вперед, и жестянка сдвинулась у нее под ногами.

– Это слабость.

Щитомордник нанес второй удар, на мгновение превратившись в неясное пятно, замедлившееся лишь тогда, когда клыки впилась в лицо. Алисса сбилась с шага, и змея атаковала еще дважды, нанеся удары в лоб и нижнюю губу. Еще два пятнышка. Еще кровь. Алисса остановилась, и глаза ее вдруг вспыхнули и стали такими карими, что могли сойти за черные, такими неподвижными, что могли показаться пустыми. Эти глаза были глазами Джонни, глазами их матери. Пальцы сжали змею, и

Джонни увидел, что сестра не боится. Ее лицо лучилось жестокостью и злобой, губы побледнели. Змея начала сопротивляться. Алисса сдавила ее еще сильнее, а ее голос набрал силу.

– Слабость, – повторила она. Пальцы побелели от напряжения, и змея отчаянно задержалась, жала девочку в руку, лицо, а потом повисла, впившись в шею, извиваясь и изрыгая яд. Алисса, как будто ничего не замечая, подняла руку, которую прежде прятала за спиной. В ней она держала револьвер, черный, сияющий в неумолимо жарящем свете.

– Сила, – сказала Алисса.

И отстрелила змеиную голову.

* * *

Джонни очнулся сразу, словно вынырнул из небытия. Действие лекарств закончилось, но сон не отпускал, и перед глазами стояла его пропавшая сестра с той же улыбкой, что появилась на ее лице, когда он коснулся теплого, сверкающего металла у нее в руке. Джонни дотронулся до повязок на груди и только потом увидел мать. Под глазами у нее темнели пятнышки от туши. Одна нога подрагивала.

– Мам.

Кэтрин повернула голову.

– Джонни... – Голос у нее сорвался. Она торопливо поднялась, пересекла палату и остановилась над ним. Погладила его волосы, наклонилась и обняла. – Мальчик мой.

* * *

Детектив Хант пришел через два часа после завтрака. Появившись в дверях, он сдержанно улыбнулся Джонни и пальцем поманил Кэтрин. Они вышли в коридор, а Джонни наблюдал за ними через стекло. Что бы там ни говорил Хант, его матери это не нравилось. Спорили они горячо. Она покачала головой, дважды заглянула в палату и опустила голову. Детектив коснулся ее плеча, но она тут же сбросила его руку. Когда дверь наконец открылась, Хант вошел первым, мать за ним. Она неуверенно улыбнулась и села на краешек винилового стула в углу. Вид у нее был такой, словно ее могло вот-вот вырвать.

– Привет, Джонни. – Хант пододвинул стул к кровати. – Как

самочувствие?

Джонни посмотрел на мать, потом на черную рукоятку под пиджаком детектива.

– Тиффани в порядке?

Хант поправил пиджак.

– Думаю, у нее все будет хорошо.

Джонни закрыл глаза, и перед ним тут же возникла картина: Тиффани сидит в луже крови, и он, взяв ее за сухую, горячую руку, пытается затащить девочку в машину.

– Она даже не узнала меня. Мы седьмой год учимся в одной школе. – Он покачал головой. – Только на полпути к больнице узнала. Вцепилась и не отпускала. Плакала. Кричала.

– Я узнаю, как она. Сейчас... первым делом. – Хант помолчал, а потом добавил уже серьезно, по-взрослому: – Ты очень смело себя повел.

Джонни моргнул.

– Я никого не спас.

– Точно?

– Они ведь так говорят, да?

– Некоторые говорят, да.

– Он хотел меня убить. Тиффани – молодчина. Им про нее рассказывать надо.

– Это ж телевизионщики. Не принимай их всерьез.

Джонни уперся взглядом в белую стену. Потрогал повязку на груди.

– Он хотел меня убить.

Кэтрин издала звук, похожий на всхлип, и Хант повернулся к ней.

– Вообще-то вам необязательно здесь находиться.

Она поднялась со стула.

– Вы не можете меня выгнать.

– Никто и не...

– Я не уйду. – Голос едва не сорвался на крик, руки задрожали.

Хант повернулся к Джонни с улыбкой, вроде бы искренней, хотя и обеспокоенной.

– Можешь ответить на несколько вопросов?

Тот кивнул.

– Тогда начнем сначала. Опиши мне человека, которого ты видел на мосту и который вел машину, сбившую мотоциклиста. Ты меня понял?

– Да.

– Итак, как выглядел мужчина, напавший на тебя после того, как ты побежал?

– Он на меня не нападал. Просто поднял. Поднял и подержал.

– Подержал тебя?

– Да. Как будто чего-то ждал.

– А это мог быть один и тот же человек? Тот, который был на мосту, и тот, который тебя держал?

– Это разные люди.

– Человека на мосту ты почти и не видел. Только силуэт.

– Они разные. Рост, силуэт – все разное. И между ними была по меньшей мере миля, а может, и две.

Хант рассказал об изгибе реки.

– Возможно, это все-таки был один и тот же человек.

– Я знаю про тот поворот. Там болото. Если вы попытаетесь срезать и пройти коротким путем, то утонете по пояс. Тропинка не зря идет вдоль реки. Поверьте мне, это были разные люди. Тот, что на мосту, вряд ли смог бы нести ящик.

– Какой ящик?

– Большой. Вроде сундучка. Он еще в какой-то пластик был завернут и выглядел тяжелым. Тот великан нес ящик на плече.

– Опиши мне ящик.

– Черный пластик. Серебристая лента. Продолговатый. Плотный. Наподобие сундучка. Меня тот громила схватил одной рукой, а второй придерживал ящик. Просто стоял, а потом заговорил.

– Заговорил? Ты об этом не упоминал. Что он сказал?

– «Бог говорит».

– И что это значит?

– Не знаю.

Хант поднялся, подошел к окну и долго, наверное целую минуту, смотрел сквозь стекло.

– Такое имя – Дэвид Уилсон – тебе что-нибудь говорит?

– Нет.

– А Ливай Фримантл?

– Дэвид Уилсон – тот человек, которого сбросили с моста. Ливай Фримантл – тот, который меня задержал.

– Ты же сказал, что имена ничего тебе не говорят.

Джонни пожал плечами.

– Не говорят. Но Фримантл – имя, которое давали масти; значит, так, видимо, звали второго, большого. И тогда получается, что тот, который умер, это Дэвид Уилсон.

– Масти?

– Да.

– И что такое масти?

– Смесь индейской крови с африканской. – Хант только слушал. – Ламби, сапона, чероки, катоба. Были еще индейские рабы. А вы разве не знали?

Детектив задумчиво посмотрел на мальчика. Верить ему или нет?

– Откуда ты знаешь, что Фримантл – имя масти?

– В округе Рейвен первого освобожденного раба-масти звали Айзек. После освобождения он взял себе фамилию Фримантл. «Покров свободы». Вот такое у этой фамилии значение.

– Что-то я прежде не слышал ни о каких Фримантлах в округе Рейвен. Джонни пожал плечами.

– Они были и есть. А почему вы думаете, что Ливай Фримантл и человек на мосту – одно и то же лицо?

– Давай-ка лучше поговорим о Бертоне Джарвисе.

– Нет.

– Что?

– Разговора не будет, пока не ответите на мой вопрос. Чтобы честно.

– У нас здесь не спортплощадка. И честность здесь ни при чем.

– Вот такой он упрямый, – подала голос Кэтрин.

– Хорошо, – согласился Хант. – По одному вопросу. Джонни вцепился взглядом в детектива.

– Почему вы думаете, что Ливай Фримантл – это человек с моста?

– Фримантл оставил отпечаток на теле Дэвида Уилсона. Поэтому мы и предположили, что он и столкнул Уилсона с моста. Если б ты сказал, что человек на мосту и Фримантл – одно и то же лицо, ситуация значительно прояснилась бы. – Хант не стал упоминать ни про тела в доме Фримантла, ни про рисунок на стене – великан, держащий на руках девочку в желтом платье и с красным ртом.

Джонни подтянулся и сел повыше. Под бинтами что-то натянулось.

– Дэвид Уилсон был еще жив, когда его нашел Фримантл?

– Неизвестно.

– Но возможно.

Хант представил кровавые отпечатки на веках мертвеца.

– Сомневаюсь.

– Может быть, он сказал Фримантлу, где она.

– Я бы на это не рассчитывал.

– А если он говорил об Алиссе? Может быть, он сказал Фримантлу, где нашел Алиссу?

– Нет.

– Но ведь может быть.

– Сомнительно, что Уилсон вообще говорил об Алиссе. И также сомнительно, что он был еще жив, когда его нашел Фримантл. – Хант понаблюдал за мальчиком, который, похоже, замышлял что-то. – Даже не думай.

– О чем не думать?

Джонни смотрел на детектива такими невинными глазами, что кто-то другой на его месте мог бы и купиться.

– Хватит играть в сыщика, Джонни. Все, конец. Больше никаких карт. Никаких приключений. Я ясно выразился?

Джонни отвернулся.

– Вы спрашивали про Бертон Джарвиса. Что вы хотите знать?

– Начнем с самого начала. Как ты нашел его дом? Почему оказался там? Что видел? Что случилось? В общем, всё. Без утайки.

Джонни подробно рассказал про свои первые поездки: про тьму и гараж, про то, каким казался дом из-за деревьев, про звуки в лесной чаще. Он думал о пальцах, испачканных штукатуркой, и ночных кошмарах, о страшном приятеле Джарвиса и их разговорах о Желтой Малышке, о смехе, от которого у него тряслись коленки. Скрыть волнение и страх не получилось, и мать, почувствовав неладное, поднялась со стула и принялась ходить по палате, чем вызвала недовольство Ханта.

– Вы не могли бы сесть? Пожалуйста, Кэтрин.

Она пропустила его слова мимо ушей.

– Кэтрин...

– Хотите, чтобы я сидела как ни в чем не бывало? Вы так это представляете? – Глаза у нее заблестели. – Служба соцобеспечения. – Она метнула в Ханта сердитый взгляд. – Я этого не допущу!

Детектив понизил голос:

– Я так не выдержу.

– Мы же договорились не втягивать в это дело Джонни.

– Успокойтесь. Я делаю, что могу. Вы должны мне верить.

– Вы обещали привести Алиссу домой. И тоже говорили, что я должна вам верить.

Хант побледнел.

– Вот это вы зря.

– Вы там о чем? О ней? – Джонни кивнул в сторону коридора. – О женщине из соцслужбы?

– Служба соцобеспечения заботится о твоём благополучии. Учитывая

все случившееся, им потребуется провести полное обследование. А это и беседы, и посещение дома. Поговорят и с учителями в школе. Все это займет какое-то время. И на это время тебя заберут из-под опеки матери. Для обеспечения твоей безопасности.

– Моей безопасности?

– Да. Они считают, что тебе угрожает опасность.

– С моей стороны, – вставила Кэтрин.

– Никто так не говорит! – Хант потерял терпение.

– Это неправда, – сказал Джонни.

– Полегче, сынок. – Детектив посмотрел на Кэтрин, в глазах которой уже поблескивали слезы, и снова повернулся к ее сыну. – Я собираюсь поговорить с твоим дядей Стивом. Думаю, нам удастся устроить так, чтобы ты, пока решается вопрос, пожил у него.

– Стив – придурок.

– Джонни!

– Но это же правда, мам.

Хант наклонился к мальчику.

– Или Стив, или назначенный судом опекун. При варианте со Стивом твоя мать сможет видаться с тобой, когда захочет. И по крайней мере до принятия окончательного решения ты останешься с семьей. Если дело дойдет до суда, ничего поправить я уже не смогу. Судья делает звонок, и ты получаешь то, что получаешь. И не всегда хорошее.

Джонни посмотрел на мать, но Кэтрин закрыла лицо руками.

– Мам?

Она покачала головой.

– Мне очень жаль, – сказал Хант. – Но все давно к тому шло. В конце концов, так будет лучше.

– Надо найти моего папу.

Джонни не слышал ее шагов, а она вдруг оказалась у кровати и посмотрела на него большими, темными и печальными глазами.

– Никто не знает, где его искать.

– Но ты же сама сказала, что он писал. Говорила, что он в Чикаго или, может быть, в Калифорнии.

– Он не писал.

– Но...

– Я солгала. – Она повернула руку, и ладонь сверкнула белым. – Он ни разу не написал.

В глазах у Джонни помутилось.

– Я хочу домой, – сказал он.

Но и Хант держался твердо.

– Этого не будет.

Кэтрин встала рядом с сыном, вскинула голову, и детектив увидел в этом жесте не только желание защитить сына, но и, пусть крохотную, долю гордости.

– Пожалуйста. – Она взяла Джонни за руку.

– Я хочу домой, – повторил мальчик.

На минуту-другую Хант из доброты, может быть, и отвел бы глаза, но здесь речь шла о работе. Он восхищался парнишкой, но в каком бы выдуманном мире ни жил Джонни, этот мир следовало как можно скорее разбить, пока кто-то другой не сделал ему по-настоящему больно или он сам не свернул себе шею.

Хант встал, пересек комнату и поднял с пола бумажный пакет с птичьими перьями, змеиной погремушкой и желтоватым черепом. Достав ожерелья, потряс ими перед мальчишкой.

– Про это не хочешь рассказать?

– Что это такое? – забеспокоилась Кэтрин.

– Они были на Джонни, когда тот приехал в больницу. Полуодетый, разрисованный золой и ягодным соком, карманы набиты чем-то очень похожим на цветы змеевика. Та женщина из соцобеспечения будет задавать тебе вопросы. Обо всем. Они не отстанут, так что пора бы тебе для начала рассказать все мне.

Джонни посмотрел на перья и увидел, что одно из них Джар разрезал практически надвое. Ничего не изменилось, подумал он. Коп оставался копом, а значит, представлял собой угрозу. Мать все так же слаба. Никто ничего не поймет.

– Это же ненормально, – сказал Хант.

– Я не хочу об этом говорить.

– Тогда расскажи о Бертоне Джарвисе.

– Нет.

– Как ты нашел его? Сколько раз побывал там?

Джонни уставился в окно.

Хант отложил ожерелья и подобрал стопку листков с заметками.

– Здесь все правильно написано? Если судить по ним, ты был там раз десять или даже больше. И здесь не только Джарвис, но и другие. Ты и к ним ходил?

Джонни едва взглянул на бумажки.

– Они не настоящие.

– Что?

- Там все придуманное. Как в игре.
- Джонни... – Хант разочарованно покачал головой.

Джонни и глазом не моргнул.

- Вчера я был там в первый раз.

– Понимаю, сынок, ты не хочешь признаваться, но мне нужно знать, что ты видел. В твоих записках имена пяти человек, людей, которые известны нам и состоят на учете. Мы присматриваем за ними. Но есть еще один, шестой, много раз бывавший у Бертона Джарвиса. – Детектив пробежал глазами записи. – У тебя ему целая страница посвящена. Есть общее описание: рост, вес, цвет волос. Есть модель автомобиля и три разных регистрационных номера, которые значатся как украденные в течение прошлого года. Мне нужно знать, кто этот человек. И, я думаю, ты можешь мне помочь.

- Нет.

- Что такое «желтая малышка»? Что это значит?

- Вы работаете на тех же людей, что и соцслужбы.

– Тьфу ты! – Терпение Ханта наконец лопнуло, и Кэтрин поспешила встать между сыном и детективом и подняла руки, выставив ладони с разведенными пальцами.

- Хватит. – Голос прозвучал на удивление твердо и уверенно.

– Половину этих записей не разобрать, а между тем здесь может быть важная информация, значение которой ваш сын не понимает в полной мере. Нужно, чтобы он поговорил со мной.

Кэтрин взяла листки с записями сына, просмотрела, потом стала читать более внимательно. Время шло, но Хант ждал. Закончив, она испуганно взглянула на него.

– Если он ответит на ваши вопросы, это поможет нам с соцслужбой? Или только навредит?

- Вы должны довериться мне.

- Оставить сына для меня сейчас важнее всего.

- Важнее даже, чем вернуть Алиссу?

- Хотите сказать, что это еще возможно?

– Ваш сын, как мне представляется, обнаружил неизвестного прежде педофила. Умного. Осторожного. Здесь может быть связь.

- Считаете, шансы есть? – с некоторым сомнением спросила она.

- Не знаю.

– В таком случае я должна в первую очередь думать о том ребенке, который у меня есть.

- Я беспокоюсь о вашем сыне.

Кэтрин выдержала его взгляд.

– Хотите, чтобы мы доверились вам? – спросила она резким, звенящим голосом.

– Да.

– Доверились полиции?

– Да.

Кэтрин шагнула к Ханту, сунула ему в руку листки.

– Вы хотите поговорить о некоем неизвестном педофиле. Умном. Осторожном. Общавшемся с человеком, едва не убившим моего сына... – Она ткнула ногтем в чернильные каракули, разобрать которые могла только мать. Хант наклонился и прищурился. Ее бледное лицо превратилось в маску гнева и страха. – Вот это слово. Видите? Это не «кон» и не «код». Ничего подобного. Это «коп». Человек, который приходил к Бертону Джарвису, – коп. – Оттолкнув руку детектива с зажатым в ней листком, Кэтрин отступила к сыну. – Разговор окончен.

* * *

Хант ушел. Оставшись с сыном, Кэтрин долго смотрела на него, но не спрашивала ни о перьях, ни о записках, ни о вещах, о которых говорил детектив. И хотя румянец сошел с ее щек, выглядела она спокойной и собранной.

– Помолись со мной, Джонни.

Глядя, как мать опускается на колени, Джонни ощутил вспыхнувший глубоко в груди огонек злости. Только что она на мгновение стала сильной; еще секунда, и он проникся бы гордостью за нее...

– Ты молишься?

– Да.

– С каких это пор?

Она потеряла ладони о джинсы.

– Думаю, я уже позабыла, как это хорошо.

Джонни слушал, и ему казалось, что эти слова произносит кто-то другой. Как легко у нее получалось: свернуть в сторону, поднять руки и устроиться так, чтобы стало легче...

– Он не слушает, – сказал Джонни.

– Может, надо дать ему еще один шанс?

Джонни посмотрел на мать с отвращением и нескрываемым разочарованием. Пальцы сжали бортик кровати с такой силой, словно

могли согнуть металл.

– Знаешь, о чем молился я? Каждую ночь, пока не понял, что Богу нет до меня никакого дела? Знаешь?

Это прозвучало жестоко и безжалостно, и Кэтрин, застигнутая врасплох неожиданным вопросом, покачала головой.

– О трех вещах. Я молился о том, чтобы вся наша семья собралась дома. Я молился о том, чтобы ты перестала принимать таблетки. – Мать попыталась возразить, но Джонни не дал ей такой возможности и холодно, без запинки добавил: – Я молился о том, чтобы Кен умер.

– Джонни!

– Я молился об этом каждую ночь. За семью и дом. За то, чтоб не было таблеток. И чтобы Кен Холлоуэй умер медленной и мучительной смертью.

– Пожалуйста, не говори так.

– О чем не говорить? О Кене Холлоуэе? О том, что я хочу его медленной и мучительной смерти?

– Не надо.

– Я хочу, чтобы он умер со страхом в сердце. Чтобы на себе испытал, каково быть беззащитным и запуганным. Я хочу, чтобы он отправился куда-то, откуда уже никогда больше не сможет нас тронуть. – Кэтрин несмело дотронулась до его волос – ее печальные глаза повлажнели, – и Джонни оттолкнул ее руку. – Но Бог ведь не об этом, да? Молитва не вернет домой Алиссу. – Он сел повыше. Злость распалилась в гнев, а гнев быстро вызвал слезы. – И папу не вернет. Молитвой не согреешь дом и не остановишь Кена. Бог отвернулся от нас. Ты сама так говорила. Помнишь?

Кэтрин помнила. Холодной ночью, когда лежала на полу в опустевшем доме с разбитыми в кровь губами, а в другой комнате Кен наливал себе выпить.

– Может быть, я была не права.

– И ты можешь так говорить? После всего, что мы потеряли?

– То, что дает нам Бог, не может быть абсолютным. Он не дает всего, чего мы хотим. У Бога устроено по-другому, иначе было бы слишком легко.

– У нас ничего не было легко!

– Неужели ты не понимаешь? Всегда есть что терять. – Она с мольбой в глазах потянулась к его руке, но Джонни отдернул руку, и ее пальцы сжали бортик кровати. Свет полыхнул у нее на волосах. – Помолись со мной, Джонни.

– О чем?

– Чтобы мы остались вместе. Чтобы отпустили прошлое. – Кэтрин так сжала бортик, что побелели костяшки пальцев. – Помолимся о прощении.

Она долго всматривалась в его глаза, но ждать ответа не стала. Голова ее склонилась, и губы произнесли тихие слова. Не раз и не два она оглядывалась на Джонни – посмотреть, закрыл ли он глаза и присоединился ли к ней в молитве. Но в лице сына не было и намека на прощение.

Ничего похожего на желание отпустить прошлое.

Глава 25

Одолеваемый смятением и сомнением – что же такого прочитала Кэтрин в записках Джонни? – злостью и отчаянием – упрямец таки отказался разговаривать с ним! – но испытывая и огромное облегчение – дети все же остались живы, – Хант вышел из палаты. Прижавшись лопатками к холодной стене, он просто стоял какое-то время, не обращая внимания на проходивших мимо людей, не замечая их взглядов. Сил почти не осталось, тревога еще не улеглась, но детектив надеялся, что смерть Бертон Джарвиса станет началом конца этой трагической истории – и вместе с тем первым шагом в распутывании загадки исчезновения Алиссы. Он пытался убедить себя в том, что мерзкий старик творил свои грязные дела в одиночку, но гадкий и скользкий червяк беспокойства упрямо шевелился в темном уголке сознания.

Кон?

Да возможно ли такое?

Хант предпринял еще одну попытку разобраться в закорючках Джонни. Некоторые карандашные записи стерлись. Другие расплылись от воды. Третьи пострадали от золы и хвойного сока. Кое-где бумага просто порвалась. Судя по уже прочитанному, было ясно, что это далеко не всё, и детективом не раз овладевало желание выбить дверь и вытрясти из мальчишки нужные ответы.

Черт бы его побрал!

А знал Джонни немало. В этом Хант не сомневался. Он снова, как и много раз до этого, представил черные настороженные глаза, в глубине которых таились неведомые мысли. Джонни путался в одних фундаментальных понятиях, имел искаженное представление о других, но некоторые вещи понимал с поразительной ясностью...

Преданность. Неукротимость. Решимость.

Эти качества могли быть помехой, но они же вызывали уважение, гордость и желание защитить парнишку. Джонни следовало бы знать, сколь редки такие вещи в наше время и как высоко они ценятся в мире. Иногда у Ханта возникало желание обнять мальчишку за плечи и объяснить кое-что. И все же лучше бы ему остановиться...

Детектив вышел к автомобильной стоянке. Яркое солнце, чистый воздух и зеленая трава, да только что от них толку в такой вот день... Он прошелся взглядом по окнам шестого этажа. Палата Джонни находилась в

одном конце, палата Тиффани – в другом. Белые стены здания сияли под солнечными лучами, и окна отдавали синевой.

Хант уже подходил к машине, когда заметил мужчину в костюме. Сухой, как щепка, сутулый, он появился из-за дальнего угла здания, проскользнул между двумя автомобилями и возник справа от детектива. Руки на виду, доброжелательная улыбка, сложенные бумажки в руке – все это Хант отметил машинально. Больничный администратор? Родственник, навещавший пациента?

– Детектив Хант?

Возраст за тридцать, легкие, как пух, волосы, кожа в едва заметных оспинках. Ровные белые зубы.

– Да.

Улыбка растянулась еще больше. Незнакомец поднял палец, словно, пытался связать знакомое лицо с именем.

– Детектив Клайд Лафайет Хант?

– Да.

Незнакомец протянул сложенные вдвое листы, и как только Хант взял их, доброжелательная улыбка мгновенно испарилась.

– Повестка вручена.

Проводив незнакомца взглядом, детектив развернул листы. Так и есть, Кен Холлоуэй подал на него в суд.

Вот же дерьмо.

* * *

Инспектор по надзору, за коим числился Ливай Фримантл, работал в офисном отделе, втиснутом в самый конец третьего этажа здания окружного суда. Ободранный линолеум едва держался на полу в коридоре, на оштукатуренных стенах размещалась собранная за восемьдесят лет коллекцию никотиновых пятен. Двери офиса имели цвет темного дуба, оконные рамы держались на латунных петлях. Из-за дверей доносились звуки: споры, извинения, слезы. Все это он слышал и раньше. Сотни, нет, тысячи раз. Ложь лилась здесь потоком, так что каждый опытный сотрудник надзорной службы поневоле становился проницательным знатоком человеческой натуры.

Детектив нашел его в закутке номер девять. Дверь была открыта, и на табличке значилось имя – Кэлвин Тремонт. На стульях и на полу высились стопки папок. Вентилятор гнал теплый воздух в сторону поцарапанного

металлического шкафа. Сидевшего за столом мужчину Хант узнал – лет шестидесяти, среднего роста, расплывшийся посередине, с тронутыми сединой волосами и почти черными морщинами, врезанными в темную кожу.

Хант постучал.

Тремонт поднял голову с уже заготовленным заранее выражением мрачной озабоченности на лице, но продержалось оно недолго. С Хантом у него давно сложились крепкие рабочие отношения.

– Привет, детектив. Какими ветрами?

– Насчет одного твоего подопечного.

– Предложил бы сесть, но... – Он развел руками, включив в жест и оба занятых папками стула.

– Я ненадолго. – Хант переступил порог. – Оставил вчера сообщение. Сегодня по тому же делу.

– У меня первый день после отпуска. – Тремонт повторил жест. – Еще не разобрался со своей почтой.

– Хорошо отдохнул?

– Съездил с семьей на побережье. – Он произнес это с интонацией, которая могла означать почти все, что угодно.

Хант кивнул и тему оставил. Сотрудники службы надзора, как и полицейские, о личном предпочитали не распространяться.

– Хотел поговорить насчет Ливая Фримантла.

Едва ли не впервые за время знакомства Хант увидел на лице Тремонта неподдельную улыбку.

– Насчет Ливая? И как там мой малыш?

– Твой малыш?

– Он хороший парень.

– Ему сорок три.

– Поверь мне, Ливай – ребенок.

– Мы думаем, что твой малыш убил двоих. Может, троих.

Голова у Тремонта двигалась так, словно шейный сустав только что смазали маслом.

– По-моему, ты сильно ошибаешься.

– Ты так уверен?

– Ливай Фримантл может показаться кому-то самым задиристым говнюком в районе, которому ничего не стоит убить за пятак, что не так уж и плохо, когда в кармане совсем пусто. Но скажу прямо, детектив: Ливай никого убить не может. Ни в коем разе. Ты ошибся.

– У тебя есть его адрес? – спросил Хант.

Тремонт кивнул и назвал адрес, никуда не заглядывая.

– Он там три года как живет.

– Мы нашли по этому адресу два тела. Белая женщина лет тридцати с небольшим. Черный мужчина, около сорока пяти. Нашли их вчера, но мертвы они уже с неделю. – Хант помолчал, дав Тремонту время, чтобы усвоить информацию. – Знаешь Клинтона Родса?

– Это его убили?

Хант кивнул.

– Не мой подопечный, но под надзор пару раз попадал. Нехороший тип. Жестокий. Склонен к насилию. Вот он мог бы убить. Но не Ливай. – Тремонт поерзал на стуле. – Он получил три месяца за нарушение режима. Выпустят его только через девять недель.

– К твоему сведению, из рабочей команды он сбежал восемь дней назад.

– Поверить не могу...

– Ушел с дорожных работ, и никто его с тех пор не видел, кроме старичка-пьянчужки, который и имя-то свое плохо помнит, и парнишки, оказавшегося вблизи еще одного места преступления, тоже убийства. Было это два дня назад. Так что, как видишь, у меня на руках три трупа. И каждый так или иначе связан с твоим малышом.

Тремонт вытащил папку с делом Фримантла и раскрыл ее.

– Ливая ни разу не признавали виновным в преступлении насильственного характера. Да что там – ему даже обвинений, связанных с насилием, не предъявляли. Нарушение прав владения – да, кражи в магазинах – да. – Он захлопнул папку. – Послушай, Ливай, как говорится, не самый острый нож в комплекте. Большинство его преступлений... Если, допустим, сказать ему: «Эй, сходи вон туда да принеси бутылочку вина», он пойдет в магазин, возьмет с полки и принесет. Парень не способен осознать последствия своих действий.

– Как и большинство убийц.

– Нет, не так. Ливай... – Тремонт покачал головой. – Он как ребенок.

– Имеем мертвую белую женщину. Тридцать с небольшим. Какие соображения?

– Парень путался с Рондой Джеффрис. Белая, любительница погулять, развлечься на стороне. Особенно ее тянет к большим плохим парням. Тем более к черным. Она и с Ливаем потому связалась, что приняла его за крутейшего парня в районе. Держит беднягу при себе, потому что им легко командовать и он делает все, что она ему скажет. Те гроши, что зарабатывает, Ливай отдает ей. О доме заботится. И ей статус повышает.

Когда требуется перерыв или появляется другой, Ронда обычно устраивает так, чтобы Ливая прихватили за какую-то мелочь и на пару месяцев отправили за решетку. Как я уже сказал, он во всем ее слушает. Первый раз его арестовали за магазинную кражу. Ронда взяла с витрины флакон с духами и отдала ему, а сама прошла мимо охранников на улицу.

– Они женаты?

– Нет. Но Ливай считает, что да.

– Почему?

Тремонт улыбнулся.

– Потому что они спят вместе, и... – Он не договорил. – А, черт.

– Что?

– Кто позаботился о ребенке?

Холодок пробежал у Ханта по спине.

– Об их ребенке?

– Девочка. Маленькая. Два годика.

Хант сунул руку в карман – за телефоном.

– Малышка улыбается так, что сердце тает.

Глава 26

В девять вечера больничное начальство все же заставило Кэтрин покинуть палату сына. Жестокая в некотором смысле мера стала для нее благословением в другом. Кен Холлоуэй звонил в палату четыре раза и отказывался класть трубку, пока она не согласится с ним встретиться. Он упорствовал, она стояла на своем, объясняя, что должна наконец позаботиться и о сыне. В конце концов прекратить разговор пришлось ей. И не один раз, а два. После этого Кэтрин вздрагивала от страха каждый раз, когда открывалась дверь или из коридора доносился внезапный шум.

А еще ее мучила сухость. Она старалась держаться, сопротивляться, быть сильной, но жажда жила в каждой клеточке ее тела.

Потребность. Желание. Нужда.

До самого последнего момента Кэтрин оставалась у кровати. Сын уснул, и его лицо, как всегда, сделалось еще более похожим на лицо сестры. Тот же рот. Те же линии. Она поцеловала его и вышла из больницы встретить подъехавшее к задней двери такси.

Поездка домой измотала вконец. Они миновали три магазина с рекламой пива и вина и два бара. Кэтрин сцепила зубы, сжала в кулаки пальцы и позволила себе немного расслабиться, лишь когда огни центральной части города остались позади. Темная дорога, ровное шуршание покрышек по черному асфальту. «Всё в порядке, – повторяла она. – Я в порядке».

Такси начало спуск с последнего холма, и Кэтрин увидела в полумиле дом. Из всех окон струился свет, деля двор на черные и желтые прямоугольники.

Уезжая, она выключила свет везде.

Выбравшись из машины, Кэтрин направилась к двери, но остановилась в нерешительности и, раскрыв сумочку, потянулась за телефоном. Она уже поднялась на крыльцо, но потом передумала и сошла со ступенек. Все вокруг застыло в тишине: двор, лес, улица.

Вот тогда Кэтрин и увидела машину, припаркованную в двухстах футах вниз по улице и въехавшую далеко на обочину. Разобрать ее цвет в темноте было трудно. Может быть, черная. Большой, незнакомый ей седан. Кэтрин присмотрелась, сделала шаг вперед и вроде бы услышала звук работающего мотора.

Она шагнула дальше, и фары вдруг включились. Разбрасывая грязь и

гравий, автомобиль сорвался с места, резко, скрипнув покрывками, развернулся и помчался по улице. Задние огни уменьшились и пропали – дорога ушла вниз.

Кэтрин постаралась отдышаться и успокоиться. Всего лишь машина. Просто сосед. Она повернулась к дому и увидела, что входная дверь приоткрылась. Желтая щель расширилась, стоило ей тронуть ручку.

В доме играла музыка.

«Устрой себе веселое Рождество...»

На дворе конец мая.

Кэтрин выключила музыку и осторожно двинулась по коридору. Дом казался пустым, но музыка напугала ее. Одна и та же песня звучала снова и снова. Первым делом Кэтрин проверила спальни – все на месте, все, как было. Та же картина и в ванной.

Таблетки она нашла в кухне.

Оранжевый пузырек стоял в центре стола, на дешевой пластиковой столешнице с отколотым уголком. Яркий, сияющий, с идеально белой этикеткой. Кэтрин смотрела на него, чувствуя, как набухает язык. Таблетки звонко застучали по стеклу, когда она взяла пузырек, чтобы прочесть этикетку. Ее имя, сегодняшняя дата.

Семьдесят пять штук.

Оксиконтин^[24].

В порыве злости Кэтрин распахнула дверь, швырнула пузырек во двор и захлопнула дверь. Потом проверила все окна, двери и села на софу у окна. Она сидела, выпрямившись, настороженно, ощущая присутствие пузырька где-то там, в темноте. Сцепив зубы, прокляла Кена Холлоуэя.

Нет, легко не получится.

* * *

Джонни выпустили из больницы на следующий день, около двенадцати. Его вывезли на каталке, и он осторожно поднялся.

– Все хорошо? – спросила медсестра.

– Вроде бы да.

– Не торопись.

В сторонке, футах в тридцати, защелкали камеры. Репортеры выкрикивали вопросы, но полицейские держали их на расстоянии. Опершись рукой о крышу фургона дяди Стива, Джонни огляделся. К прежним, местным, добавились новые фургоны – из Шарлотт и Роли.

– Я готов.

Медсестра помогла ему забраться в машину.

– Никаких стрессов, постарайся не волноваться. Два пореза довольно глубокие. – Она улыбнулась на прощание и закрыла дверь.

Сидевший за рулем дядя Стив оглядел толпу репортеров. Рядом с ним мать Джонни прикрыла ладонью лицо. Подошедший к заднему окну Хант объяснил условия сделки, заключенной им со службой соцобеспечения.

– Все это сработает лишь при условии, что вы будете играть по правилам. – Он посмотрел по очереди на каждого и остановился на Стиве. – Мне нужно знать, что вы справитесь.

Тот бросил взгляд в зеркало заднего вида.

– Справлюсь. Если он будет делать то, что ему говорят.

Хант повернулся к Джонни.

– Считаю, что получил подарок. Учитывая все случившееся.

– Когда ему разрешат вернуться домой? – спросила Кэтрин.

– Теперь все зависит от соцслужбы.

– Чушь, – пробормотал Джонни.

– Что ты сказал?

Он пнул резиновый коврик.

– Ничего.

Хант кивнул.

– Я так и подумал. – Отступил от машины. – Следуйте за мной, Стив. До конца.

На дорогу ушло двенадцать минут. Ехали молча. Возле дома Хант припарковался на траве. Джонни с матерью выбрались из фургона. Кэтрин посмотрела на уличный фонарь, коснулась рукой горла и вошла в дом. Джонни последовал за ней в свою комнату. На кровати, аккуратно сложенная, лежала его одежда.

– Я приготовила вчера вечером, – извиняющимся голосом сказала Кэтрин. – Не знала, что ты захочешь взять.

– Сам соберу.

– Справишься? – Она посмотрела на его повязки.

– Справлюсь.

– Джонни...

Он посмотрел на мать, увидел, как она напряжена. Раньше мать была сильной, но после похищения все переменилось. Лицо стало другим. Теперь оно выглядело так, словно две его половины сошлись в жестокой схватке.

– Не надо было мне тебе лгать. Не надо было говорить, что он писал.

– Понимаю.

– Я не хотела, чтобы ты знал, что мы остались одни. Думала...

– Говорю же, понял.

Она провела ладонью по его волосам.

– Ты такой сильный... Такой самостоятельный, независимый...

Джонни напрягся. Когда-то именно так мать охарактеризовала отца. Он, что случалось редко, вступил с ней в спор, причина которого так и осталась неизвестной. Вот тогда она и произнесла эти слова: «Вовсе не обязательно быть таким независимым!» Отец только улыбнулся и поцеловал ее – на том спор и закончился. В этом он был хорош. Стоило ему улыбнуться, и уже никто не мог на него злиться. Для Джонни даже теперь сила и самостоятельность были одним и тем же. Не жалуйся. Делай дело. И того и другого ему было отмерено полной мерой. Чего ему не хватало, так это беззаботной улыбки. То ли ее и не было у него никогда, то ли он позабыл, что это такое, – сказать трудно. Жизнь, в понимании Джонни, стала вопросом самодостаточности.

Он взял джинсы, засунул их в сумку.

– Давай просто сделаем все как надо.

Мать вышла из комнаты, и Джонни услышал, как щелкнул замок, как скрипнули коротко пружины. Он не знал, какая ее сторона взяла верх, мягкость или сила, но опыт подсказывал, что она лежит под простыней, с закрытыми глазами. Ее внезапное, через считанные секунды, появление в двери застало его врасплох. Мать держала фотографию в рамке – цветной снимок со дня свадьбы. Ей было тогда двадцать, и солнце заливало ее лицо чудесным светом. Отец стоял рядом со своей беззаботной, залихватской улыбкой. Джонни помнил эту фотографию, но думал, что мать сожгла ее вместе с остальными.

– Возьми с собой.

– Я вернусь.

– Возьми.

И Джонни взял.

Мать нежно обняла его, а когда вернулась в комнату, дверь осталась закрытой.

Джонни остановился за сетчатым экраном; сумка была тяжелая, и ремень резал плечо. Листья во дворе дрожали под ветром. Хант стоял неподалеку, опустив голову и засунув руки в карманы. Глубоко посаженные глаза смотрели на дом, но Джонни он не видел – взгляд его коснулся одного окна, потом другого. Голова оставалась неподвижной, в середине лба залегли морщины. Джонни толкнул ногой дверь, и детектив повернулся.

– Тебе нельзя носить тяжелое. – Он снял сумку с плеча Джонни. – Швы могут разойтись.

– По-моему, всё в порядке. – Джонни сошел с крыльца, и Хант шагнул к нему.

– Пока не уехали...

– Да?

– Когда ты увидел Ливая Фримантла... – Хант помолчал. – С ним кто-нибудь был?

Джонни задумался – нет ли в вопросе какого-то подвоха. Отвечать на вопросы копа он отказался, но этот неприятностей с соцслужбой вроде бы не обещал. В глазах детектива теплилась надежда, но она потухла, когда он покачал головой.

– Только ящик.

– И никого? – сдавленным голосом спросил Хант, оставив при себе остальное: *«Никакого ребенка? Маленькой девочки, улыбка которой могла растопить сердце?»*

Джонни покачал головой.

Хант помолчал. Откашлялся.

– Держи. – Он протянул свою карточку, и мальчик взял ее. – Можешь звонить мне в любое время. – Джонни сунул карточку в задний карман. Детектив в последний раз посмотрел на дом и, вымученно улыбнувшись, тронул Джонни за плечо. – Веди себя хорошо. – Он забросил сумку в багажник.

Проводив взглядом машину полицейского, Джонни повернулся к фургону и открыл дверцу. Она скрипнула. Стив встретил его с принужденным радушием.

– Ну вот, теперь только мы вдвоем.

– Чушь, – сказал Джонни.

Стив нахмурился, повернул ключ, и машина тронулась с места. Он облизал губы и, скосив глаза вправо, спросил:

– Можешь рассказать, что случилось?

Он имел в виду Тиффани Шор.

– Я никого не спас, – машинально и сухо ответил Джонни, отводя глаза от дома. Там, в этой скорлупе, в пустоте, обернутой в отшелушивающуюся краску и гниющее дерево, оставалась мать, и он боялся собственной реакции, если посмотрит на дом еще раз.

Стив добавил газу.

– Отец гордился бы тобой.

– Может быть.

Джонни все же рискнул и оглянулся – дом уже отступил и съежился. Просевшая крыша как будто выпрямилась, дефекты смазались, и на мгновение дом сверкнул, как новенький дайм.

– Тебя это устраивает? – спросил он. – Ну что я останусь с тобой? Ты же знаешь, это не я так решил.

– Ты только держись подальше от моих вещей. – Фургон забрался на вершину холма, и Стив выпятил подбородок, как будто тот вдруг вывихнулся. Дорога нырнула в тень. – Хочешь купить что-нибудь? Леденец, комиксы или еще что?

– Леденец?

– Дети же любят сладкое, разве нет?

Джонни промолчал.

– Я же вроде как должен.

– Ничего ты не должен.

Немного расслабившись, Стив кивком указал на «бардачок».

– Открой, достань мое курево.

В «бардачке» лежали какие-то бумаги и прочий хлам. Пачки сигарет. Квитанции. Лотерейные билеты. Джонни вытащил мятую, наполовину пустую пачку «Лаки страйк» и протянул дяде. А потом наткнулся на револьвер. Засунутый в дальний угол, под руководство пользователя и заляпанную кофейными пятнами карту Миртл-бич. Отделанная коричневым деревом, с насечками, рукоятка. Отливающая синим сталь, серебристый блеск курка. Трещинки на сухой кожаной кобуре. Рядом с револьвером лежала выгоревшая под солнцем коробка с патронами: калибр 32, экспансивные^[25].

– Не трогай, – предупредил Стив.

Джонни закрыл «бардачок». За окном проносились деревья, и пространства между ними наводили на мысль о великанах цвета дыма.

– Научишь меня стрелять?

– Это нетрудно.

– Так научишь?

Стив бросил на него оценивающий взгляд, стряхнул за окно пепел.

Джонни и бровью не повел, но испытал прилив гордости, потому что на душе у него было далеко не спокойно. Он думал о сестре и здоровяке с расплавленным лицом и необычной фамилией.

– Зачем? – спросил Стив, и Джонни изобразил полнейшую невинность.

– Так, на всякий случай.

Глава 27

Стив выбрал маршрут через город – за окном мелькали витрины магазинов и особняки с колоннами, напоминающая парк городская площадь под сенью кривых дубов и статуя, возведенная больше ста лет назад в честь погибших конфедератов округа. Заметив на дереве веточку омелы, Джонни подумал о девочке, которую однажды осмелился поцеловать и чье лицо теперь едва смог вспомнить.

Другая жизнь.

Проехав площадь и кампус местного колледжа, Стив свернул на четырехполосную дорогу к торговому центру. Центр принадлежал Кену.

– Куда мы? – спросил Джонни.

– Надо заглянуть на работу. Это ненадолго.

Джонни нахохлился, и Стив почувствовал это.

– Мистера Холлоуэя не будет. Он туда не приходит.

– Я Кена не боюсь.

– Могу отвезти тебя к себе.

– Я же сказал, что не боюсь.

Стив хохотнул.

– Как знаешь.

Джонни заставил себя выпрямиться.

– Почему он так заботится о моей матери?

– Мистер Холлоуэй?

– Обращается с ней как с дерьмом.

– Она самая красивая женщина в этой части штата, если ты еще не заметил.

– Есть что-то еще.

Стив пожал плечами.

– Мистер Холлоуэй не любит проигрывать.

– Проигрывать в чем?

– Во всем.

Джонни не нашелся что сказать. Видя его замешательство, Стив прищурился и выдохнул струйку дыма.

– Не знаешь, да? – Он покачал головой. – Боже мой...

– Что?

– Твоя мать встречалась когда-то с Кеном Холлоуэем.

– Не верю.

– А стоит. – Затягивая с объяснением, Стив еще раз затянулся. – Ей было то ли восемнадцать, то ли девятнадцать. Совсем еще девчонка. – Он покачал головой, поджал губы. – Горяча была твоя мамочка. Горячее дешевого револьвера. Могла бы, наверное, и в Голливуд податься. А уж в Нью-Йорк наверняка. Никуда, конечно, не поехала, но могла бы.

– И все равно не верю.

– Он был постарше, но уже тогда считался в здешних местах самым богатым парнем. Не таким, конечно, как сейчас, но вполне себе. Любой симпатичной девчонке трудно устоять, когда ей оказывают такое внимание, какое мог позволить Кен, и в этом смысле твоя мать ничем от большинства не отличалась. Цветы, подарки, шикарные обеды... Все, что он мог выдумать, чтобы она почувствовала себя особенной.

– Она не такая. – Джонни уже сердился.

– Сейчас – да. Но в молодости людям нравится ощущать себя более значимыми, чем то место, откуда они вышли. Продолжалось это, по-моему, несколько месяцев. Но потом в город вернулся твой отец.

– Вернулся? Откуда?

– Со службы. Четыре года. Он на сколько, лет на шесть старше? Или семь? Так или иначе, когда он уходил, Кэтрин была еще девчонкой, а когда вернулся, все изменилось. – Стив рассмеялся и негромко свистнул. – Да еще как изменилось. – Джонни уставился в окно, а он продолжал: – В общем, твой старик втюхался в нее по уши.

– Не он в нее, а она в него. Ты ведь это хочешь сказать?

– Твоя мама что та бабочка. Яркая, легкая, хрупкая. И твоему отцу это нравилось. Он с ней и мягок был, и терпелив. Делал все, что нужно, чтобы бабочка села на ладонь.

– А Холлоуэй?

Стив потушил сигарету, сплюнул в окно.

– Холлоуэй хотел одного: посадить ее в клетку.

– И она это поняла?

– Ты бы видел его, когда она сказала, что уходит к твоему отцу.

– Разозлился?

– И разозлился, и взревновал. Преследовал ее, пытался как-то повлиять, чтобы она передумала, но прошло всего три месяца, и твои предки поженились. А еще через год появились вы. Я еще не видел, чтобы кого-то так отставляли. Не представляю, как Холлоуэй это все пережил.

– Но отец же работал на Холлоуэя. Столько домов построил, и всегда начальником у него был Холлоуэй...

– Твой отец видит добро во всех людях. Это качество часть его

обаяния. Но Холлоуэй только и ждал подходящего случая, чтобы его закопать.

– А отец ничего не знал?

– Я много раз его предупреждал, но он думал, что всегда справится с Кеном. Гордый.

– Уверенный в себе, – не согласился Джонни.

– Самоуверенный.

Дорога скользнула черной лентой под колеса. Вентиляторный ремень пронзительно скрипнул.

– Ты сам работаешь на Холлоуэя.

– Не все из нас могут выбирать. Это тебе урок жизни. Бесплатный.

Стив остановился на красный свет. Вдалеке, похожий на линкор, высился торговый центр Холлоуэя. Некоторое время Джонни внимательно смотрел на Стива, потом спросил:

– А ты хотел с ней встречаться?

Глаза у Стива остались бесстрастными, как у змеи.

– Черт возьми, сынок. – Свет сменился на зеленый. – Все хотели.

* * *

Автомобильная стоянка была забита до отказа. Суббота, вспомнил Джонни. Стив припарковался с тыльной стороны здания, неподалеку от служебного входа. Когда он открыл дверцу, зеркало брызнуло в лицо Джонни солнечным светом.

– Идем.

– Можно я подожду здесь?

– Здесь слишком опасно. Бездомные шляются. Наркоманы. Бог знает кто еще. – Стив проверил, всё ли на месте на ремне: газовый баллончик «Мейс», рация, наручники. – Идем. Покажу кое-что клевое.

Открыв ключ-картой узкую дверь, они поднялись по металлическим ступенькам на третий этаж и прошли по коридору к офису с табличкой «ОХРАНА». Стив снова воспользовался карточкой и толкнул плечом дверь.

– Дети такое не видят.

В просторном помещении целую стену занимали видеомониторы. Двое дежурных в черных вращающихся креслах то и дело меняли изображения на экранах с помощью клавиатур и джойстиков. Один из них, толстяк лет двадцати с небольшим, с коротко постриженными волосами и сыпью на лице, улыбнулся – одновременно уважительно и

пренебрежительно.

– Этот парнишка?

Стив легонько подтолкнул Джонни в спину.

– Типа мой племянник.

Толстяк протянул гостю мясистую руку, которую тот не сразу и с некоторой опаской пожал.

– Отличная работа, приятель. Хотел бы я быть на твоём месте.

Джонни недоуменно взглянул на дядю.

– Тиффани Шор, – объяснил Стив.

Охранник изобразил пальцами пистолет.

– Бум.

– Не хочу об этом говорить. – Джонни покачал головой.

Охранник не унимался.

– Видишь? – Он смахнул со стола газету. – На первой странице. Всё так?

На сделанном через окно снимке Джонни сидел в машине матери, вцепившись обеими руками в руль. Рот открыт, лицо застывшее, пустое. Повсюду кровь – темная там, где высохла, яркая там, где только что вытекла из раны на груди. Перья и змеиная погремушка отсвечивают черным. Желтоватый череп похож на вымоченный в меду камень. Рядом, на соседнем сиденье, Тиффани. Солнце бьет ей в лицо с такой силой, что рассыпается осколками в ее глазах. Мужчины в чистых одеждах пытаются вытащить девочку, но она отбивается и, стиснув зубы, цепляется за руку Джонни.

Подпись под снимком: *«Похищенный ребенок найден. Педофил убит».*

– Откуда у них эта фотография? – прерывистым шепотом спросил Джонни.

– Больничный охранник щелкнул на сотовый. Эту же фотографию уже использует Си-эн-эн. – Толстяк покачал головой. – Должно быть, отвалили ему кучу баксов.

Стив оттолкнул газету.

– Не надо ему это видеть.

Охранник посмотрел на мальчика и, увидев разбежавшиеся по лицу тени, неловко заерзал в кресле.

– Я ж ничего такого не хотел.

– Босс здесь? – перебил его Стив.

Толстяк ткнул большим пальцем за спину, но глаз с юного героя не спустил. Проследив за взглядом дяди, Джонни увидел окно с пыльными белыми жалюзи. В просвете между ламелями появился глаз, и жалюзи

закрылись.

– Чтоб тебя, – пробормотал Стив. – Меня искал?

– А должен был?

Он нервно пожал плечами.

– Что-нибудь случилось?

– Один воришка. Два эпизода Пид.

– Пьянство и дебош, – объяснил Стив и, похлопав мальчика по плечу, пересек комнату. – Иди сюда.

Джонни проскользнул мимо мониторов и оказался у другой стены, стеклянной, размером примерно девять на восемнадцать футов и с видом на фуд-корт. Стив постучал по стеклу.

– Зеркальное.

Теперь Джонни видел все, что находилось внизу: витрины, закулочные киоски, эскалаторы, людей. Толстяк тяжело поднялся с кресла, сложил чашечкой ладони и глубоко вздохнул.

– Так, должно быть, чувствует себя Бог.

Джонни едва не рассмеялся – какое нелепое, бессмысленное замечание, – но вдруг увидел Джека.

Раскрасневшегося, униженного, растерянного Джека.

Он стоял перед толпой юнцов, маленький загорелый мальчишка с сухой рукой. Стоял покорно, принимая унижения, потому что сопротивляться было бесполезно, а уйти означало бы, что летящие в его адрес насмешки и оскорбления попадают в цель. Его обидчиками были ребята постарше, подтянутые, крепкие, с самодовольными ухмылками.

Джонни вздрогнул, когда кто-то плюнул сзади на рубашку Джека, и задрожал от злости, увидев, что брат Джека стоит в сторонке, не далее чем в десяти футах, и ничего не делает, чтобы остановить издевательство. Его окружали улыбающиеся девушки, по меньшей мере четверо.

– Ты это видишь? – спросил Джонни, поворачиваясь к дяде.

Стив подошел ближе.

– Джеральд Кросс? Да, вижу. С тех пор, как парень подписался за Клемсон, девчонки ему проходу не дают. Через год перейдет в профессионалы. Контракт будет миллионов на десять. Как минимум.

– Я не о нем.

– Тогда о чем?

– Мне можно спуститься?

Стив пожал плечами.

– Решай сам. Я же тебе не папочка.

Джонни сбежал по лестнице и через запасную дверь выскочил в зал. В нос ударил запах пиццы и подгоревшей говядины, горячих потных тел и несвежего подгузника. Он повернул к Джеку и тут же услышал, как кто-то прошептал его имя. Еще кто-то указал на него пальцем.

Тот парень.

Не сразу, но, может быть, через минуту он понял.

Новость уже разлетелась, и теперь его узнавали.

Джонни еще не пересек фуд-корт, а на него уже обратили внимание с десятков посетителей. Вот только ему самому не было до них никакого дела. Один из обидчиков ударил Джека по больной руке, метя в то место, где полая кость имела наименьшую защиту. Джек пытался укрыть руку, но Джонни видел, что друг вот-вот расплачется.

С ходу врезавшись в толпу, он врезал сразу, со всей силы. Под кулак попали усики, зубы и мягкая плоть губ. Верхняя лопнула, как перезрелая ягода. Парень отшатнулся влево, собрался и вскинул руки. Он даже успел размахнуться, но в последний момент узнал Джонни.

– Что за...

Только теперь Джонни увидел перед собой испуганные карие глаза, испачканные кровью зубы и торчащие шипы склеенных гелем волос. Незадачливый противник сплюнул кровь и отступил.

– Чертов урод.

Джонни трясло от ярости, от всего, что накопилось за долгий год молчания, всего, что он удерживал в себе с той минуты, как очнулся, измазанный кровью, в больничной палате. Парень с «ирокезом» ухмыльнулся, посчитав, что его обидчик дрожит от страха, и посмотрел через голову Джонни на притихшую вдруг компанию приятелей. Опустив руки, попытался отделаться шуткой.

– Успокойся, Покахонтас^[26].

Никто не засмеялся. Джонни был знаменитостью, темным героем, странным, отвязным малым со свирепыми, черными глазами. Он видел то, что не предназначено для обычных мальчишек. Он потерял сестру-близняшку, спас Тиффани Шор и, может быть, убил человека.

Он носил боевую раскраску.

Сумасшедший.

Джонни поднял палец, но потом посмотрел в наполненные слезами, сияющие глаза друга.

– Пойдем отсюда.

Он уже повернулся к выходу, когда увидел Джеральда, стоящего в третьем ряду зрителей, высокого и широкоплечего, с песочными волосами и кожей цвета обожженной глины. Джонни потащил за собой Джека, и толпа молча расступилась. Он остановился перед Джеральдом и увидел, как отступили девушки и каким одиноким и беззащитным выглядит их кумир.

Джонни выдернул из-за спины Джека и положил руку ему на плечо. Он не видел, как друг опустил глаза и сгорбился, не видел его стыда, страха и нервной дрожи. Рядом с Джонни Джеральд казался великаном – на десять дюймов выше и на сотню фунтов тяжелее. Он был почти готовым героем летнего пота и зеленой травы, но у тех, кто наблюдал за ними, не возникало сомнений насчет того, кто здесь главный.

Выставив тот же палец, Джонни ткнул Джеральда в грудь.

– Ты, хрен собачий, он же твой брат. Да что с тобой не так?

* * *

Толпа пропустила их молча. Джонни смотрел прямо перед собой, избегая зрительного контакта с кем бы то ни было, но еще одного старшеклассника, высокого парня с блондинистыми волосами и широко расставленными глазами, все же заметил и узнал. Аллен. Сын детектива Ханта. Тот, что был на реке. В джинсовой куртке и туфлях со стальными носами, он стоял один, позади остальных, прислонившись плечом к колонне и зажав в зубах зубочистку. Когда Джонни посмотрел на него, Аллен не моргнул, не пошевелился. Только перекатил зубочистку. Туда-сюда.

Ключ-карта от Стива открыл служебную дверь, и Джонни вывалился в просторное прохладное помещение с бетонным полом и запахом сырости. Ступеньки справа уходили вверх, а под ними оставалось низенькое серое пространство. Джек шлепнулся на пол, прислонился спиной к стене и подтянул ноги. На полу остались темные пятна от жевательной резинки. Шнурок на одной кроссовке развязался, на джинсах, у коленей, виднелись зеленые полосы от травы.

– Полный отстой, – выдохнул Джонни.

Джек прижался лицом к коленям. Джонни посмотрел на него, потрогал заклепку, прошелся пальцами по сварному шву. Когда Джек поднял голову, Джонни заметил, что зеленые полосы на коленях потемнели.

– Как мы сюда попали?

– Дядя Стив дал карточку.

Джек шмыгнул носом и вытер сопли тыльной стороной ладони больной руки.

– Те парни – хрены собачьи, – сказал Джонни.

– Говножуи. – Джек фыркнул.

– Ага. Жопошники.

Джек рассмеялся, немного нервно, но уже свободнее, и Джонни расслабился.

– С чего это он на тебя наехал?

– Хотел, чтобы я сказал кое-что, а я отказался. – Джонни вопросительно посмотрел на друга, и Джек пожал плечами. – «Здоровяки жгут, хляки сопли жуют».

– Джеральд – мудак. Как твоя рука?

Джек подвигал рукой, потом прижал ее к груди и посмотрел на грудь Джонни. Под рубашкой виднелись повязки.

– У тебя там кровь.

– Швы, наверное, порвал.

Джек уставился на бинты.

– Это с той ночи?

На бинтах темнели пятна. Джонни плотнее запахнул рубашку.

– Мне надо было пойти с тобой. Когда ты попросил помощи, мне надо было пойти с тобой.

– Ничего от этого не изменилось бы.

Джек стукнул себя кулаком по колену.

– Я плохой друг. – Звук от удара кулаком о колено получился такой же, как от удара кухонным молотком по куску мяса. – Я... – пауза, удар, – плохой друг.

– Перестань.

– Я ничего не сделал для Алиссы.

– Ты и не смог бы.

– Я видел, как ее похитили.

– Ты ничем не помог бы.

Но Джек не слушал.

– Я и для тебя ничего не сделал. – Снова удар, сильнее.

– Хватит, Джек.

Тот наконец остановился.

– Так это правда? То, что о тебе говорят? – Он посмотрел на Джонни и покрутил пальцами. – Ну знаешь...

Джонни знал, что имеет в виду Джек.

– Что-то, наверное, правда.

– Так какого черта?

Глядя на друга, Джонни совершенно точно знал, что Джек никогда не поймет отчаянной потребности верить во что-то более могущественное, чем две собственных руки. Джек не знал чувства потери или страха. Он никогда не жил в кошмаре, которым стала жизнь Джонни, но при этом не был и глуп.

Ему нужно было что-то сказать.

– Помнишь ту книжку, которую мы читали на английском? «Повелитель мух»? Про мальчишек на необитаемом острове, про то, как они одичали без взрослых, потому что их некому было направить. Они там делали копья и раскрашивали себя кровью. Носились по джунглям, охотились на кабанов, били в барабаны... Помнишь?

– Ну да. И что?

– Вчера они были нормальные, а сегодня правила уже ничего больше не значат. Они придумывают свои правила, свои верования... – Джонни помолчал. – Иногда я чувствую себя как те ребята.

– Они же пытались убить друг друга. Они там спятили.

– Спятили?

– Да.

Джонни пожал плечами.

– Мне эта книжка нравится.

– Ты – придурок.

– Может быть.

Джек снял нитку с брючины, посмотрел на лестницу, обвел взглядом бетонный пол.

– Ты же вроде своего дядю Стива терпеть не можешь.

Джонни объяснил ситуацию со службой соцобеспечения и детективом Хантом.

– Вот потому и пришлось.

– Я для этого копа ничего такого делать не стал бы, – сказал Джек.

– Ты о чем?

Джек помахал рукой.

– Слышал кое-что от отца. Ну о чем копы между собой треплются.

– И о чем же?

– Ну вроде того, что ему нравится твоя мама. Что они были... ну знаешь...

– Чепуха.

– Так мой отец говорит.

– Твой отец – лжец.

– Может быть.

Мальчики замолчали. Впервые обоим стало неуютно вместе.

– Хочешь остаться на ночь? – спросил Джонни. – У Стива...

– Мне с тобой водиться отец не разрешает.

– Почему?

– «Повелитель мух», старик. Он считает, что ты опасен. – Джек прислонился к стене головой. Джонни сделал то же самое. – Опасен. Это круто.

– Чего ж крутого, если нам и потусоваться нельзя?

Они снова замолчали.

– А мне твой отец нравился, – сказал Джек. – Я с ним даже про руку забывал, как будто это и неважно вовсе.

– Так и есть, неважно.

– Я свою семью ненавижу.

– Нет, не ненавидишь.

Джек обхватил руками колени и крепко, так, что побелели костяшки, сжал пальцы.

– Помнишь, я в прошлом году сломал руку?

Рука была слабая и ломалась легко. Джонни помнил по меньшей мере три раза, когда видел Джека в гипсе. Но случай в прошлом году был самый тяжелый – кость сломалась тогда в четырех местах. Чтобы собрать ее, потребовались операции: винты, скобы и прочие железки.

– Помню.

– Это Джеральд сделал. – Голос Джека звучал как будто из колодца. – Поэтому отец и купил мне новый велосипед.

– Джек...

– И поэтому я на нем не катался.

– Вот же хрень.

– Я своих ненавижу.

Глава 28

Хант стоял в кабинете шефа полиции. По углам красовались флаги, на одной стене висели фотографии босса с высокопоставленными функционерами штата: вице-губернатором, бывшим сенатором, актером, лицо которого показалось детективу смутно знакомым. Снимки с детьми расположились на боковой тумбе. На письменном столе лежала местная газета, а рядом с ней – газеты из Уилмингтона, Шарлотт и Роли. Все их объединяла одна деталь: фотография Джонни на первой странице. Боевая раскраска и перья, кровь и кость.

Дикий индеец.

Заполнив собой кресло, шеф отклонился назад и скрестил руки на животе. Вырезанные гневом, в уголках глаз залегли глубокие бороздки. Вид у него был усталый, засаленные волосы тускло блестели на лбу. У стены маячил шериф округа, сухощавый мужчина за шестьдесят, с потрескавшейся кожей на костяшках пальцев и тяжелыми мешками под глазами. Должность шерифа он занимал почти тридцать лет; люди побаивались его крутого нрава и уважали как человека, знающего свое дело. Как и шеф полиции, шериф выглядел не лучшим образом, а детектива встретил изучающим взглядом темных, непроницаемых глаз.

Хант, однако, не дрогнул.

– Ты представляешь, сколько народу работает в департаменте? Сколько уже на службе и сколько готовятся?

– Очень даже представляю.

Шеф кивком указал на шерифа.

– А в службе шерифа? Представляешь?

– Полагаю, тоже немало.

– И как, по-твоему, будут чувствовать себя все эти люди, если мы разрешим тебе копаться в их личных делах? В конфиденциальных документах?

– У меня есть основания...

– Мы видели ваши основания, – режущим голосом перебил его шериф, меняя позу. Плечом он по-прежнему подпирал стену, но большие пальцы сунул за тяжелый черный ремень. – И ни один из нас так и не смог определить, что это за слово. Может, «коп», а может, что-то еще. Может, мальчишка ошибается.

Шеф подался вперед.

– Или озорничает.

– Или спятил и сам не понимает, что делает.

Хант посмотрел на шерифа.

– При всем уважении, согласиться с вами не могу.

– А ты что, экспертом заделался? – Шеф постучал пальцем по газетам. – Посмотри на него.

Одного взгляда на фотографию было достаточно, чтобы согласиться с уже готовым решением: перья, растрепанные волосы, застывшая в ужасе Тиффани и пустые от шока глаза.

– Понимаю, как это выглядит со стороны, но мальчишка сообразительный. Если он думает, что видел копа, то для этого есть причина.

– Мальчишка утверждает, что все придумал, – снова перебил детектива шериф. – Вы сами это сказали. И с меня достаточно. Ничего больше я и слышать не хочу.

– Джонни опасается, что соцслужба отнимет его у матери, единственного родного человека. Он думает, что с Бертоном Джарвисом был связан какой-то полицейский. – Хант уже не мог скрыть отчаяния. – Он напуган, понимаете? И защищается.

– Кроме предположений этого мальчишки, у тебя есть какие-либо другие основания полагать, что полицейский, один из наших, может быть замешан в эту грязную историю?

– Наручники, которые были на Тиффани Шор, того же образца, которым пользуется полиция.

– Такие можно найти на любой приличной распродаже, – возразил шериф.

– Это сильная косвенная улика, особенно если рассматривать ее в связке с наблюдениями Джонни.

– С *наблюдениями*, как ты выражаешься, мы закончили, – заявил шеф.

– Наручники Тиффани Шор можно связать с каким-то департаментом? – спросил шериф. – Серийный номер? Что-то еще?

– Нет.

– С местом преступления? С прошлым Джарвиса? С его участком?

– Нет. Но ведь мальчик уже установил опасного преступника, успешно скрывавшегося до сих пор. Личные дела – следующий логичный ход. Если он прав, мы избавим общество от еще одного плохого парня. Если ошибается, никто не пострадает.

– Никто не пострадает? Побойся бога, Хант. – Шеф положил руки на стол. – Разрешить тебе доступ к личным делам значит вызвать общее

недовольство, не говоря уже о том, что я, вероятно, нарушу уйму статей трудового законодательства. А если случится утечка и пойдут слухи, то нас ждет еще и проблема имиджа.

– Так оно и будет, – согласился шериф.

– Мало того что из-за мальчишки я выгляжу полной задницей на национальном телевидении, так ты – мой ведущий детектив, моя правая рука, как мне, по крайней мере, говорили – втянул департамент в судебную тяжбу с одним из самых уважаемых в городе бизнесменов.

– Эта тяжба – полная чушь, о чем вам прекрасно известно.

– Полицейская жестокость. – Шеф начал загибать пальцы. – Оскорбление. Умышленное причинение эмоциональных страданий. Противоправный арест. Что еще? У меня пальцев не хватит.

– В округе, вполне возможно, разгуливает на свободе педофил. Вот настоящая проблема, и она должна беспокоить вас обоих. Оставляя ее без внимания, вы, – Хант подчеркнул и повторил это слово, – вы подвергаете детей дальнейшему риску.

Шеф выбрался из кресла.

– Повторишь нечто в таком духе за стенами этого кабинета, и я поджарю твою задницу.

– Можно закрыть глаза, но проблема от этого не исчезнет.

– Хватит.

– Если в округе из-за забот о ложно понимаемой чести мундира пропадет еще один ребенок...

– Ты почему слушаешь этого сукиного сына? – бесцеремонно вмешался шериф. – Если мы потеряем еще одного ребенка, то только из-за его некомпетентности. Вот определяющий фактор, и все это понимают. Господи, ты только посмотри на него.

Хант ощетинился, и шеф попытался сгладить углы.

– Джарвис мертв. Тиффани спасена. Вот что самое главное.

Шериф отрывисто, как пролаял, рассмеялся.

– И благодарить за это стоит двенадцатилетнюю девочку и тринадцатилетнего панка.

– Со своими людьми я разберусь, – окоротил шерифа шеф. – Это ясно?

Шериф вернулся на свой пост к стене и нацелил на Ханта указательный палец.

– И скажи своему суперкопу, чтобы занимался делом и не отвлекался. А то, как мне представляется, он хочет показать себя чистеньким, извозив в грязи других копов. Моих людей. Твоих. Нас с тобой, насколько я могу судить.

Шеф поднял руку и, наливаясь жаром, повернулся к Ханту.

– По вопросу насчет копа-педофила все ясно? Потому что я об этом и слышать больше не хочу.

– Думаю, ваша позиция вполне ясна.

– Вот и хорошо. Потому что тебе нужно заняться расследованием обстоятельств смерти Дэвида Уилсона, а также поиском Ливая Фримантла, известного сообщника Бертон Джарвиса. И никаких вымыслов. Никаких *может быть. Известного*, и это установленный факт. Если с Джарвисом и связан кто-то еще, то найти его можно только так. Я хочу, чтобы ты подчистил все хвосты, закрыл все пустые клетки. Что касается твоей просьбы о допуске к личным делам, то мы рассмотрим ее, когда Джонни Мерримон пожелает рассказать, что именно он видел.

– Если что-то видел, – добавил шериф.

– Если видел, – согласился шеф. – Что и как случилось. То, что мы, копы, хотели бы услышать, прежде чем мчаться куда-то сломя голову. Ясно, детектив?

– Да.

– Тогда проваливай к чертям.

Хант остался на месте.

– Думаю, есть кое-что еще.

– Думаешь? – Шериф презрительно ухмыльнулся.

– По делу Фримантла.

– Ты его нашел? – спросил шеф.

– Еще нет.

– Тогда что?

– Мы провели идентификацию тел. Подружка Фримантла и парень, который, возможно, спал с ней. Скорее всего, убийства – дело рук Фримантла. Признаков проникновения со взломом не обнаружено. Судя по всему, убийство непредумышленное. Возможно, на почве страсти. Мы считаем, что он их застукал.

– Непредумышленное, – протянул шериф. – Большое слово.

– В то утро Фримантл ушел из рабочей команды. Возможно, направился напрямик домой и застал их на месте преступления. Сотрудник службы надзора говорит, что женщина вела себя очень свободно.

– Хорошо. Дело ясное. Мне нравится.

Хант вздохнул.

– У них дочь.

– И?..

– Девочка пропала.

– Нет. – Шеф поднялся. – Не пропала.

– Что?

– Заявление об исчезновении нам никто не подавал. – Он говорил спокойно и ровно, но под спокойствием уже клокотала ярость. – Никто не звонил и не просил о помощи.

– Но это не значит, что девочка не пропала.

– Возможно, она с родственниками, с бабушкой, с тетей. Или с Ливаем Фримантлом. Он ведь отец, да? И родительских прав его не лишили?

– Так вы что, просто сделаете вид, будто ничего не случилось? – сердито спросил Хант.

– А что случилось? – Шеф положил ладони ладонями на стол. – Никакого дела нет.

– Я понял.

– Понял? – В голосе уже проскочила нотка угрозы.

– Никому еще один пропавший ребенок не нужен, а раз так, спрячем голову в песок и притворимся, что никакой проблемы и вовсе нет.

– Еще одно слово о пропавшем ребенке...

– Я сыт по горло вашими угрозами.

Шеф выпрямился и расправил плечи.

– Тебе еще мало?

– Советую подумать как следует, – сказал Хант.

– А иначе что?

Детектив посмотрел на одного, потом на другого.

– А иначе плохо будет нам всем.

Глава 29

Дядя Стив жил в квартире с двумя спальнями. Сырость здесь ощущалась даже снаружи.

– Ну как? Устроит? – смущенно спросил он, открывая дверь.

В нос ударил несвежий запах пива и грязной одежды.

– Конечно.

Стив показал племяннику комнату и, когда Джонни попросил, закрыл дверь. Ничего лишнего в комнате не было: кровать, стол, лампа. Встроенный шкаф. Комод. И больше ничего. Джонни бросил на кровать сумку. Раскрыл. Поставил на стол фотографию родителей, потом расстегнул рубашку и проверил повязки. На диагональной белой полосе в восемь дюймов длиной проступили красные пятна. Рана под ней была самая глубокая, но кровь уже засохла, и Джонни, решив, что всё в порядке, застегнул пуговицы.

Вечером Стив заказал пиццу, и они поели перед телевизором, глядя какую-то образовательную, по его словам, программу. После ужина он сложил руки на коленях и, водя пальцем по рисунку на модных брюках, признался, что ждет подругу.

– Я буду в своей комнате. А если хочешь выйти, иди. Не обращай на меня внимания.

– Ты не против, если я выйду?

– Нет, конечно.

– А как же соцслужба?

– Если они заявятся, я просто не открою. Скажем, что ходили обедать.

Стив посмотрел на телефон, на дверь. Джонни предложил удобный выход.

– Не беспокойся. Я много раз оставался дома один.

Стив заметно смягчился.

– Я ненадолго, всего-то на пару-тройку часиков.

– Мне тринадцать лет.

Стив поднялся и наставительно выставил палец с пожелтевшим, обломанным ногтем.

– Не трогай мои вещи.

– Конечно.

– И никого не впускай.

Джонни с серьезным видом кивнул и, посмотрев на Стива, понял, что

тому все же требуется еще помощь.

– Я, наверное, почитаю. Домашнее задание.

– Домашнее задание... Хорошая мысль.

Стив ушел, и Джонни наблюдал за ним до самого тротуара. А потом обыскал всю квартиру. Тщательно. Методично. Осторожно. Никакой вины он за собой не чувствовал, угрызениями совести не терзался. Джонни хотел знать, что тут и как. Есть ли у Стива наркотики и выпивка. Есть ли в доме оружие, огнестрельное и холодное, и бейсбольные биты.

А если есть, то где они.

И заряжено ли оружие.

Водка нашлась в холодильнике, пакетик с «травкой» – в толстостенной кастрюле. Вход в компьютер охранял пароль, каталожный шкаф был заперт на ключ. В шкафу в спальне обнаружили охотничий нож на полу и руководство по техникам секса на полке. Дверь из кухни вела в гараж с пикапом на лысых крышках и занесенной серой пылью приборной панелью. Стоя под ярким светом, Джонни провел ладонью по капоту, забрызганному грязью крылу. Пикап был старенький, выдавший виды, но колеса не просели, а стрелка, когда Джонни повернул ключ, чтобы проверить бензин, качнулась вправо. С минуту он стоял, вдыхая гаражный запах и думая о вещах, думать о которых ему, наверное, не полагалось, а еще через пару минут уже сидел за кухонным столом, положив перед собой ключ от машины и телефонный справочник.

Ливай Фримантл был только один.

Улицу Джонни знал.

Он уже взял ключ, но вздрогнул, когда зазвонил телефон.

Звонила мать, и голос у нее был смущенный.

– Ты хорошо себя ведешь?

Джонни взял ключ, повертел его в руке.

– Да.

– Это временно, милый. Ты должен верить мне.

Джонни услышал какой-то шум, глухой удар.

– Я верю.

– Люблю тебя, малыш.

– Я тебя тоже.

Снова тот же шум.

– Мне нужно идти, – сказала она.

– Ты в порядке?

– Будь хорошим мальчиком. – Мать положила трубку.

Джонни посмотрел на телефон и тоже положил трубку. Ключ уже

согрелся в руке.

Никто не должен знать.

Глава 30

Она положила телефон на пол, рядом с ногой, и прислонилась спиной к жесткой и холодной двери. Снаружи в дверь ударили кулаком. Кэтрин не отстранилась.

– Уходи, Кен!

Задвижка держала надежно. Еще удар, теперь уже внизу. Ногой.

– Ты моя подружка. И дом этот мой.

– Я сменила замки.

– Открой чертову дверь!

– Я позвоню в полицию. Клянусь.

Дверь задрожала под градом ударов, ручка повернулась, но выдержала.

– Я только хочу поговорить!

– Набираю номер, – соврала она.

Тишина. Внезапная и полная. Кэтрин затаила дыхание и прислушалась. Представила, как он стоит там, приложив ухо к двери, белые пальцы на грязной краске. Прошло десять секунд. Минута. Она вскрикнула, когда он в последний раз пнул дверь, и ощутила вибрацию под ногами, когда он спустился с крыльца. Заурчал мотор. Фары вспыхнули, прорезав лучами застиранные кружевные занавески, машина развернулась во дворе и умчалась к дороге.

Кэтрин бессильно привалилась к двери. Ее трясло. Трясло так сильно, что заболела челюсть. Кен, должно быть, пьян или под кайфом. Но решение принято. Джонни прежде всего. Никакой выпивки, никаких таблеток. А значит, никакого Кена Холлоуэя.

Она прикусила ребро ладони. По крайней мере, Джонни здесь не было. Сын в безопасности.

Кэтрин подождала, пока успокоится сердце и придет в норму дыхание. Пять минут. Может быть, десять. Она уже собралась подняться, когда услышала осторожные, крадущиеся шаги во дворе, хруст гравия под ногой. Страх парализовал ее, сковал намертво, так что она и вздохнуть не могла. Старая доска прогнулась вместе с шумом ветра, пронесшегося через сухое, мертвое дерево. Беззвучный стон крыльца. Чуть слышный стук в дверь. Скрип нижней ступеньки и снова тишина.

Полная, пугающая тишина.

Телефон лежал у нее под рукой, но Кэтрин решила, что на 911 полагаться не стоит. Ей был нужен Хант, только ему она доверяла.

Пригнувшись, прошмыгнула в кухню. Его карточка нашлась в верхнем ящике. Хант ответил после первого же гудка. Кэтрин говорила шепотом.

– Не открывайте дверь. Ни в коем случае. Я скоро буду.

Их разъединили. Держа телефон в руке, она подобралась к окну и осторожно выглянула. Тени и деревья. Проблеск и снова тьма, восходящую луну накрыли бегущие низко тучи. Пустынная дорога. Пустынный двор. Кэтрин наклонилась вправо, прижалась щекой к стеклу, но увидела только самый край крыльца. Она вернулась к двери, прислушалась и услышала скребущий звук, как будто кто-то возил вилкой по воценой бумаге. Царапнули два раза, после чего кто-то едва слышно вскрикнул. Звук почему-то показался ей знакомым.

Потом он повторился. Уже ближе. За дверью, на крыльце.

Кэтрин посмотрела на телефон и снова услышала вскрик. На секунду в голову ей залетела шальная мысль – плачет ребенок. Кто-то оставил ребенка на ее крыльце. Она понимала, что это безумие, что этого не может быть, но звук раздался снова, и ее пальцы оказались вдруг на задвижке.

А если Кен?

Кэтрин замерла.

Издали донесся рокот мотора. Сначала он приближался, потом стал уходить к югу. И опять этот звук... Кэтрин вдруг ощутила движение воздуха у щеки – дверь открылась на длину цепочки. Неужели это сделала она сама? Когда?

Перевязанная серебристой лентой, на крыльце стояла картонная коробка. Сверху на ней лежал конверт. Коробка сдвинулась, и из нее донесся знакомый звук. На конверте было имя Джонни.

– Господи...

Она пробежала взглядом по двору – никого – и переступила порог. Конверт не был заклеен, и в нем лежал один-единственный листок. Сообщение отпечатано и без подписи.

«Ты никого не видел. Ничего не слышал. Держи свой поганый рот на замке».

Объятая страхом, Кэтрин смотрела на коробку. Потом опустилась на колено и содрала серебристую ленту. В коробке был котенок. Живой.

Со сломанной спиной.

Она отшатнулась, ввалилась в дом и замерла – в голове стучала одна только мысль.

Джонни.

Кэтрин набрала домашний номер Стива, но ошиблась, нажав не ту кнопку. Пальцы словно одеревенели и слушались плохо. Она повторила

попытку.

– Пожалуйста, Господи.

Шесть гудков... десять... Никто не ответил. Холодея от мертвящего страха, Кэтрин дала отбой и снова позвонила Ханту.

Глава 31

Джонни открыл гаражную дверь и завел мотор. Пикап затарахтел и вычихнул клуб сизого дыма, но с места сдвинулся. Поначалу Джонни держался боковых улочек, но, выехав на четырехполосное шоссе, нажал педаль газа, и грузовичок затрясся под ним. Приближаясь к Мейн-стрит, Джонни поубавил прыти и свернул вправо, в переулок с односторонним движением.

Теперь он ехал медленно. Чем ближе к железной дороге, тем беднее выглядели кварталы. То с одной, то с другой стороны слышались резкие голоса, музыка, стук просевших дверей. Джонни обнаружил Гурон-стрит и повернул налево. На узкой улочке теснились припаркованные машины, в сточной канаве поблескивало стекло. Из трещин в бордюре лезла высокая трава, откуда-то из темноты на него вдруг кинулась собака – коричневое пятно на черном, зазубренный силуэт; она так же резко остановилась на конце цепи.

Джонни не останавливался, но псов хватало и в других дворах. Воображение рисовало тонкие пальцы на занавесках и людей, замаранных голубыми телевизионными пятнами, приникших к грязным окнам. И это было не только воображение. Слева какой-то мужчина, распахнув дверь, вышел на крыльцо. Бледные ноги, джинсы, голая грудь и повисшая меж губами сигарета, которой он успел затянуться.

Дом Фримантла проявился в темноте справа темной массой на погруженном в сумрак участке. Позади него бледнел гравий, сползший с железнодорожной насыпи. Джонни уловил запах креозота, каменной пыли и машинного масла. Он прижался к бордюру и заглушил двигатель. Сзади, в доме цвета горчицы, плакал ребенок.

Джонни выбрался из пикапа, и ребенок умолк. Успокоились собаки. Пройдя во двор Фримантла, он увидел желтую ленту, протянутую между столбами, поддерживавшими крышу веранду. Поднырнув под ленту, прикрыл лицо с обеих сторон ладонями и попытался заглянуть внутрь. Ничего. Только еще более густая тьма. Он легонько толкнул дверь, и та открылась. Джонни переступил порог. Никого. Он щелкнул выключателем и увидел кровь на стене.

Увидел и испугался.

Кровь была настоящая.

Черные потеки. На выключателях и дверных ручках лежал серый

порошок. В задней комнате картина была еще хуже. К крови здесь добавлялся запах. Лента отмечала места, где упали тела.

Два тела.

Пустыня смерти.

Джонни повернулся и бросился к передней двери. Коридор сжался, и его тень запрыгала по стенам. Дверь осталась открытой, черный прямоугольник пустоты с желтой лентой, которая хлестнула его по рукам. Он спрыгнул с крыльца и, неудачно приземлившись, ободрал кожу на ладонях. Споткнувшись еще раз, ввалился в пикап, врубил мотор и дал газу – к чертям, прочь. Собаки, очнувшись, проводили гостя лаем.

* * *

Хант мчался через город. На последний холм он влетел на восьмидесяти, а когда, вдавив в пол педаль газа, устремился вниз, стрелка клонилась к девяти. Свернув на дорожку к дому Кэтрин, детектив ударил по тормозам и остановился.

В доме горел свет. Тьма собралась у деревьев.

Патрульной машины не было. Хант вышел, оставив включенными фары за радиаторной решеткой. Держа руку на кобуре, пробежал взглядом по деревьям и двору. Тихо и спокойно. Доски крыльца прогнулись под ногами. Детектив постучал кулаком в дверь, уловил движение внутри и, отступив на шаг, оглянулся. Замок щелкнул, дверь приоткрылась, а потом распахнулась. Худенькая и заплаканная, сжимая побелевшими от напряжения пальцами рукоятку восьмидюймового разделочного ножа, в круге света стояла Кэтрин Мерримон.

– Кэтрин...

– Что-нибудь известно о Джонни?

Хант прошел в дверь.

– Я отправил машину к дому Стива. Они, наверное, уже на месте. – Он протянул руку. – Можно?

– Извините. – Она подала нож, и детектив положил его на стол.

– Вы в порядке? Уверен, у Джонни тоже все хорошо.

– Нет, не хорошо.

– Этого мы пока не знаем.

– Мне нужно к Стиву.

– Мы поедем к нему, обещаю. Но пока присядьте на минутку. – Хант подвел ее к софе и остановился, увидев на столе коробку. – Та самая?

Кэтрин кивнула:

– Да. Мне кажется, он уже умер.

Детектив подошел к столу. Коробка, разорванная серебристая лента, конверт, листок бумаги...

– Не могла оставить на улице.

Хант достал из кармана ручку, подцепил и поднял крышку. Глаза котенка уже остекленели. Изо рта высовывался язык.

– Мергв. – Хант опустил крышку и перевел взгляд на записку: *«Ты никого не видел. Ничего не слышал. Держи свой поганый рот на замке».*

Кэтрин прошла через комнату, остановилась рядом с ним, посмотрела вниз и поежилась.

– Думаете, это сделал Кен? Коробка появилась минут через десять после того, как он уехал.

– Сомневаюсь.

– Вы, похоже, уверены.

– Нет, но здесь что-то не так. Зачем уезжать и возвращаться? Зачем заявлять о себе таким вот образом? И зачем вообще это делать?

– Так что это означает?

Хант перечитал послание.

– Думаю, записка имеет какое-то отношение к Бертону Джарвису.

– Что?

– Всю эту историю подробно описали в газетах. – Он посмотрел на Кэтрин. – Вы видели заметки Джонни?

– Конечно.

– Ваш сын был там, возле дома Джарвиса. В чем бы Джонни ни хотел убедить меня, ясно, что он бывал там. И не раз.

– И кто-то думает, что Джонни его видел?

– Джонни опознал пятерых из шести регулярно бывавших там мужчин. Только пятерых.

– А шестой?

– Шестой был осторожен и по крайней мере трижды менял номера на машине. Теперь он опасается, что Джонни может узнать и его.

– Вы говорите о полицейском?

– Мы не знаем, полицейский ли он.

– Джонни так считает.

– Он ошибается. Скорее всего, ошибается.

– А если нет?

Ответа у Ханга не было, и он просто подал ей руку.

– Давайте поищем вашего сына.

К району, где жил Стив, Джонни подъехал, когда было уже поздно. Проскользнув между зданиями, он в последний раз повернул налево и остановился в сотне ярдов от дома. На улице, перед входом, стояли патрульные машины и автомобиль Ханта. А значит, приехали и из службы соцобеспечения.

Джонни выругался. Надо было возвращаться побыстрее. И вообще не стоило туда ездить. Теперь его уж точно заберут. Ясен пень.

Он выключил мотор и открыл дверцу. Справа от дороги, на полпути к дому, темнела сосновая роца. Пробравшись между припаркованными машинами, Джонни метнулся к укрытию, нырнул на подстилку из сосновых иголок, поднялся и перебежал в знакомую ложбинку.

Джек уже был там.

– Черт, Джонни! Ну ты и напугал меня!

Джонни уловил запах бурбона и, присмотревшись, увидел, что Джек прижимает к груди бутылку.

– Ты почему здесь?

Друг подтянулся, прислонился спиной к дереву.

– А где еще мне быть?

– Знаешь, что тут происходит?

– Когда пришел, они, – Джек указал на полицейские машины, – уже были здесь.

– Пришел? Пешком?

– Ну да, пешком.

– Четыре мили!

Джек пожал плечами.

– Ты пьяный?

– А ты что, проповедь читать будешь?

– Не буду.

– А говоришь так, будто собираешься.

Джонни оставил выпад без внимания.

– Моя мама там?

– Видел ее вроде бы, но, по правде говоря, не знаю. Я просто ждал тебя. – Джонни пробрался к краю роци, и Джек зашипел ему в спину: – Не надо. Не рискуй. По-моему, мой старик тоже там.

– Твой отец?

– Ну да. Старается выслужиться, произвести впечатление. На

сверхурочные соглашается и все такое. Хочет стать детективом первого класса, когда Джеральд пойдет в профессионалы. – Он приложился к бутылке. – Как будто это важно.

Джонни снова сполз в ложбину. Джек уже путал слова, с трудом держался прямо и кренился то в одну, то в другую сторону.

– Да что с тобой? – не выдержал Джонни.

– Ничего, – угрюмо проворчал Джек. Джонни отвернулся и попытался рассмотреть, что происходит возле дома. – Если хочешь знать... – громко заговорил он.

– Тихо ты!

Джек послушно понизил голос:

– Я, чтоб ты знал, со своим стариком поцапался. Ему позвонил кто-то, рассказал про тот случай в торговом центре.

– Дай-ка угадаю... Он встал на сторону Джеральда.

Джек покачал головой.

– Я и сам этого ждал. Но все дело в тебе. Он сказал, что запрещает мне с тобой дружить, что это, мол, официальное предупреждение. Последнее. – Джек помахал рукой и, пошатываясь, поднялся. – Но ты не беспокойся. Я послал его куда подальше.

– Не заливай.

Джек отхлебнул из бутылки.

– Ну почти что послал.

Какое-то время Джонни присматривался к окну.

– Если вернусь, они точно меня заберут.

– Кто?

– Соцслужба. Заберут меня у Стива и отдадут какому-нибудь зануде, который будет гонять мыться три раза на день и из дома никуда не выпустит.

– Может, так, а может, возьмет тебя кто-то, кому нужен чек от штата. Посадят на хлеб и воду, и спать будешь на полу. Сделают своим рабом.

– Заткнись.

– Я серьезно.

– Хватит.

Джек, спотыкаясь, подошел ближе и, прищурившись, уставился на окна.

– А они ведь, наверное, волнуются. – Теперь он говорил по-настоящему серьезно. – И твоя мама, и все...

– Не могу сейчас об этом думать.

– Почему?

Джонни схватил Джека за рубашку и потащил за собой.

– Пойдем.

– Куда?

– Просто пойдем.

Они подошли к фургону.

– Жди здесь.

– Дружище...

Но Джонни не слушал. Не обращая внимания на стоящие неподалеку полицейские машины, он попытался открыть дверцу, но не смог. Осмотрелся, сделал несколько шагов в сторону, вытащил из тротуара расшатавшийся камень и вернулся к машине. Стекло с правой стороны разлетелось после первого же удара. Джонни просунул руку и открыл «бардачок».

В пикапе он выхватил у Джека бутылку, запустил ее в темноту и сунул ему в руки коробку с патронами.

– Держи.

– Что тут?

– И это. – Он передал револьвер.

– Ни фиги себе...

Джонни открыл дверцу и в упор посмотрел на друга.

– Идешь сегодня со мной?

– Ну ты даешь, – сказал Джек, и Джонни повернул ключ.

* * *

Он гнал пикап на пределе. Наконец остановился на вершине холма. Внизу прямой лентой тянулась дорога к дому. Джонни подъехал ближе и заглушил мотор. Тихая ночь окружила тихий домик.

– Вроде бы никого. – Он вышел и попытался открыть ключом переднюю дверь. – Не получается.

– Ты ключ не перепутал?

Джонни попробовал еще раз.

– Похоже, мать сменила замки.

– Что будем делать?

– Надо захватить кое-что.

– Как думаешь, там есть кто-нибудь?

– Заодно и узнаем.

Грузовичок скатился с холма, и дом вынырнул из темноты справа. Кое-

где еще горел свет. На подъездной дорожке ничего не было.

– Почему?

– Из-за Холлоуэя, наверное.

– Это же хорошо, да?

– Если оно так и есть.

– Ну... – Джек огляделся, а Джонни поднял с земли камень и запустил в окно.

– Господи! Ты что? Предупреждай в следующий раз.

– Извини.

– И на кой черт бросать камень в собственное окно?

Джонни повернулся к другу.

– Ты что, не понял? – Он кивнул в сторону дороги, по которой они приехали. – Копы знают, что я сбежал от Стива, а значит, наверняка сообщат в соцобеспечение. Упрячут меня в такое место, о котором даже думать не хочется. Посадят под замок, и всё. Делу конец.

– А? – пробормотал Джек.

Джонни схватил его за плечо и крепко сжал.

– Это мой последний шанс найти ее. Думаешь, мне есть дело до разбитого окна в доме Кена? Или до фургона Стива? Это всё мелочи. – Он отпустил друга – тот от неожиданности покачнулся – и, вооружившись веткой, убрал из рамы торчащие осколки стекла. Потом бросил ветку на землю и, повернувшись к Джеку, твердо, чтобы было ясно, кто здесь главный, сказал: – Жди здесь. Смотри в оба.

Забравшись в дом через разбитое окно, Джонни включил верхний свет. Все выглядело как обычно, но ощущалось по-другому. Боль потери кольнула в сердце, но этим дело и кончилось. Джонни прошел в комнату матери, вытащил ящик прикроватного столика и выгреб все деньги, что там были. Набралось около двух сотен долларов. Он взял две двадчатки, остальное вернул на место. У себя в комнате засунул в рюкзак одежду и одеяло. Из шкафа достал две куртки, джинсовую и парусиновую. Потом взял лежавшую на кровати «Иллюстрированную историю округа Рейвен». Книга открылась на странице, посвященной Джону Пендлтону Мерримону, хирургу и аболиционисту. Мимолетно коснувшись портрета тезки, Джонни перевернул страницу. Заголовок гласил: «Покров Свободы: первый освобожденный раб округа Рейвен». История Айзека Фримантла дополнялась картой.

На ней присутствовали река и тропа.

Тропа вела к некоему месту.

Джонни захлопнул книгу и убрал ее в рюкзак.

Сверху на нее лег револьвер. Поиски на кухне принесли банку консервов и ореховое масло, большой фонарик и коробок спичек. Полка рассталась с хлебом, холодильник попрощался с двумя банками виноградной содовой. На секунду Джонни задумался – стоит ли написать матери записку, – но мгновение миновало без последствий. Узнав, что он планирует, она лишь еще больше расстроилась бы.

Выйдя на улицу, Джонни бросил Джеку парусиновую куртку.

– Держи.

Сам он надел джинсовую.

Джек немного протрезвел. Джонни понял это по его влажному, несчастному лицу, по той настороженности, с которой друг посматривал на уходящую в тьму пустынную дорогу.

– Ты не обязан идти со мной. Я и сам справлюсь.

– Джонни, друг, я ведь даже не знаю, что ты собираешься делать.

Джонни посмотрел на темнеющий за домом лес. Подумал о лежащем в рюкзаке револьвере.

– Скажу, когда проветришься. Если хочешь пойти, идем.

– Куда?

– Устроим лагерь.

Джек никак не отреагировал на это заявление, и Джонни положил руку ему на плечо. Глаза его блеснули.

– Считай, что это приключение.

Глава 32

Хант стоял у камина, снова и снова настороженно поглядывая на Кэтрин Мерримон. Нервная, с нездоровым румянцем на щеках, она сидела на софе в гостиной Стива, но каждые несколько минут поднималась и смотрела в окно. Йокам был на кухне. Как и Кросс. Стив расхаживал по комнате, бросая испуганные взгляды на Ханта. Попытка заговорить с Кэтрин закончилась тем, что она отвесила ему пощечину.

– Это ты во всем виноват.

– Чертов мальчишка...

Она ударила его еще раз.

– Я выйду, – сказал Стив. – Мне надо покурить.

– И не возвращайся. – Кэтрин даже не посмотрела на него.

– Послушай...

Она уставилась в темноту.

– Идите, Стив, покурите, – сказал Хант. – Дайте нам пару минут.

– Ладно. – Тот открыл дверь. – Как хотите.

Хант подождал, пока дверь откроется, и, взяв Кэтрин за руку, отвел ее к софе.

– Мы найдем его.

– Вы этого не знаете.

– Я сделаю все возможное, чтобы вернуть вашего сына домой.

Обещаю.

Они оба понимали, сколь пусты эти обещания. Кэтрин сложила руки на коленях.

– Для меня сейчас нет дела важнее. Верите?

– Не знаю.

– Я обещаю, Кэтрин. Клянусь.

Она кивнула.

– Думаете, его кто-то похитил?

Хант едва услышал ее.

– Нет. Конечно, нет.

– Может быть, кто-то решил, что просто угрозы недостаточно...

Он повернулся к ней.

– Признаков взлома нет, следов борьбы тоже. Отсутствует пикап Стива, а Джонни умеет водить. И доступ к ключу у него был.

– Мне нужно, чтобы он вернулся. Нужно, понимаете?

– Да.

– Мне нужно, чтобы мой сын был дома.

Кэтрин смотрела в ночь, а Хант наблюдал за ней. В двери из кухни появился Йокам.

– Клайд. – Он поманил его пальцем.

Хант прошел в кухню.

– Что такое?

Йокам подвел старшего коллегу к небольшому столику.

– Видишь здесь что-нибудь особенное? Что-то, что тебя цепляет? – Хант оглядел стол. Несколько журналов и писем. Вчерашняя газета. Раскрытый телефонный справочник. Он уже хотел покачать головой, когда Йокам сказал: – Телефонная книга.

А секундой позже Хант увидел сам. Ливай Фримантл, Гурон-стрит, 713.

– Вот же дерьмо...

– Какое ему дело до Ливая Фримантла?

– Думает, что Фримантл знает, где Алисса.

– Почему он так думает?

– Предполагает, что Дэвид Уилсон мог что-то сказать ему перед смертью. – Хант закрыл книгу. – Мой прокол.

– Кто бы мог предположить, что он сделает нечто в этом духе...

– Я мог. – Хант потер ладонями лицо. – Мальчишка способен едва ли не на все. Глупо было с моей стороны поверить, что он ничего в этом направлении не предпримет.

– Я буду там через восемь минут.

– Нет. Джонни вроде как доверяет мне. Так что я и поеду.

– Тогда поторопись.

Они вернулись в гостиную, но не успели сделать и нескольких шагов, как в комнату ворвался Стив. Для начала нацелив указательный палец на Кэтрин, он сжал затем руку в кулак. Лицо его покраснелось, губы стянулись в тонкую линию. Сжав и разжав несколько раз кулак, он как будто немного успокоился.

– Что случилось? – спросил Хант.

Стив взглянул на него и отрывисто, тыча пальцем теперь уже в сторону улицы, сказал:

– Этот говнюк еще и мой револьвер украл.

Через десять минут Хант позвонил Йокаму из гостиной дома Фримантла. К этому времени он уже прошел по всем комнатам.

– Я с ним разминулся.

– А он там побывал? Следы есть?

Хант вышел на крыльцо, потрогал желтую ленту. Дальше по улице заливались лаем собаки.

– Оградительная лента оборвана. Дверь открыта.

– Объявить в розыск грузовик?

Детектив задумался.

– А что, если Джонни был прав? Что, если шестой – полицейский?

– Не представляю, как такое возможно.

– И все-таки? Что, если мы объявим розыск, а найдет его тот самый плохой коп?

– Думаешь, лучше пока не распространяться?

– Не знаю. Как ни думай, ошибиться можно везде.

– В любом случае я с тобой. Так, подожди секунду... Что? – Трубку прикрыли, и Хант слышал только приглушенные голоса. Потом Йокам выругался. – А, черт...

– Что такое?

– Кросс говорит, он уже объявил машину в розыск.

– Ему никто такого распоряжения не давал.

– Говорит, ситуация ясная: подросток сбежал из-под опеки на угнанном грузовике и с украденным оружием. Тут и думать нечего. Честно говоря, не могу не согласиться, тем более что...

Йокам не договорил, и Хант представил, как он отходит подальше от Кэтрин.

– Тем более?..

Закрылась дверь.

– Тем более что он пустился на поиски хладнокровного убийцы, – шепотом добавил Йокам.

* * *

Джонни пришлось проехать по двум дорогам, прежде чем он нашел въезд на заброшенную табачную фабрику. Ворота были не заперты, колея заросла травой и невысоким кустарником. Джек выскочил из кабины, закрыл ворота и вернулся. На ферме он еще не бывал.

– Куда дальше?

– Увидишь.

Свет фар врезался в темноту. Из мрака вынырнули ветки сосен, из черных превратившись в зеленые. На узловатых стволах блеснула смола, и все снова погрузилось в ночь.

Какое-то время грузовик трясся и подпрыгивал на выбоинах и рытвинах, оставшихся после весенних дождей, а когда они выбрались наконец из леса на заброшенное поле, над ними раскрылось во всю ширь небо: высокое, полное звезд, с луной за тонкой паутиной облаков.

– Тут раньше плантация была, – сказал Джонни. – Потом только фермы остались. – Проселок ушел вправо, выпрямился, разветвился. Джонни выбрал левую колею. – Еще и сейчас видно, где сгорел дом. – Он дернул головой. – Там. Камни от печей так и лежат кучами. И старая колодезная скважина.

– Да?

– Она уже заросла теперь. Я нашел ее месяцев шесть назад.

Впереди проступили очертания сарая, стена из посеревших бревен на фундаменте из тесаного гранита. Вдоль заднего угла расползлись щупальца плюща и болотного молочая. Мох, которым конопатили стены, местами истлел в труху, и щели сочились чернотой. Джонни заехал с другой стороны и остановился. Дверной проем зиял бездонным провалом. Обугленное дерево и зола обозначали костровую чашу. Джонни припарковал пикап.

– Дай рюкзак. – Джек сбросил мешок с плеча. – Не выключай мотор, пока я не скажу.

Он достал фонарик, вошел в сарай, где отыскал свой заплесневевший синий рюкзак с тремя огрызками свечей.

– Порядок.

Джек повернул ключ, и фары погасли. Остался только дрожащий лучик света, а в нем – полоски белой кожи, раскрытые широко глаза и грязная одежда.

– Дом Кена там. – Джонни повернул фонарик. – За теми деревьями. Не так уж и далеко.

– Ты как нашел это место?

Джонни опустил на корточки и выудил из мешка коробок спичек.

– Ушел как-то из дома, когда там все плохо стало. Решил поискать змей.

– Насчет змей...

– Держи. – Джонни передал Джеку фонарик, поставил свечи на обломок гранита и чиркнул спичкой. Тот наблюдал и ничего не говорил, но

Джонни ощущал его присутствие. – Спал здесь несколько раз. Не так уж тут и плохо. Внутри полно пауков, а здесь москиты, это еще хуже.

– Я предпочитаю москитов.

– Я тоже.

Джек осветил на синий рюкзак.

– А это что?

– Давай разведем костер.

Джонни поднялся и принялся собирать хворост. Через какое-то время к нему подключился друг. Костер еще и не разгорелся толком, когда Джек наткнулся на обрывок Библии, обуглившийся кусок черной зерненой кожи, часть переплета в два дюйма длиной. При желании еще можно было разобрать золоченые буквы. Джек держал находку целую минуту, и Джонни видел – тот понимает, что это такое. Крохотные пальцы коснулись букв, и тогда Джонни поднялся, забрал обрывок и бросил в огонь. Сидя на корточках, он наблюдал за другом. Большинство знавших Джека не назвали бы его примерным мальчиком, но Джонни точно знал, что он верит в дьявола.

– В аду гореть не собираюсь, если ты об этом думаешь.

Джек пошевелил больной рукой, показал на огонь.

– Ты что делаешь? – Он повернулся, и в глазах вспыхнули красные огоньки. – Я никому не говорил, молчал. Насчет всего этого. – Он снова поводил пальцами по лицу. – Про то, что в газетах пишут. Про то, что ты от меня скрывал. Змеи там, амулеты, вуду и прочая ерунда. – Пауза. – Но это неправильно. Как бы там ни было, нельзя сжигать Библию. Даже я это знаю.

– Это только книга.

– Забери назад.

– Это только книга, и она не действует. – Джонни повысил голос. – От нее никакого толку. – Джек открыл рот, но друг еще не закончил. – Проповедник говорил, что толк будет, но он и сам оказался просто мешком с дерьмом.

– По-моему, меня сейчас вырвет.

– Ну тогда отойди вон туда. – Джонни показал пальцем в темноту. – Я собираюсь пообедать, и нюхать твою блевотину мне без надобности.

Джек зажмурился, а когда открыл глаза, цвет лица изменился к лучшему, зеленоватый оттенок ушел.

– Что это? – спросил он, показав взглядом на мешок, и Джонни понял – друг решил не упираться.

На Джонни пахнуло дымком от костра. Он прищурился.

– Ты на самом деле хочешь знать?

– Ну если я спрашиваю?

Джонни развязал шнурок и вывалил содержимое мешка на землю. Разделил зеленые пучки. Их было четыре, каждый перевязан шнурком. Положив рядком и перехватив взгляд Джека, он дотронулся до каждого по очереди.

– Кедр. Сосна. Ель. Лавр.

– Ну. И что?

– Они считаются священными. – Джонни снова коснулся каждого пучка. – Мудрость. Сила. Смелость. Упорство. Их полагается сжечь.

– Индейские штучки?

– Индейские. Есть и другие. – Джонни подобрал пучки и бросил их в темноту, за костром. Они упали с легким хрустом, и он сплюнул на землю. – Есть хочешь? Я проголодался.

Они съели сэндвичи с ореховым маслом, выпили содовой. Джек не спускал глаз с друга, а когда тот перехватил его взгляд, отвернулся. Джонни решил не обращать на это внимания. Говорить о том, что сделал, он не хотел и позволять Джеку судить его уж точно не собирался. Вытерев испачканные пальцы о джинсы, Джонни взял револьвер. Тяжелый. Гладкий. Он нажал на защелку, открыл барабан и увидел в гнездах патроны.

– Предохранителя в этой штуке нет, – сказал Джек. – Смотри, куда целишься.

Джонни захлопнул барабан.

– Разбираешься в оружии?

Джек пожал плечами:

– Отец же коп.

– Стрелять умеешь?

– Вроде бы.

Джонни убрал револьвер в кобуру. Мальчики замолчали, и в окружавшей их тишине стали слышнее ночные звуки. Мошки закружились в танце у пламени свечей, и их тени заскользили по земле. Джек бросил банку в костер – посмотреть, будет ли она гореть, – и краска запузырилась и стала лопаться.

– Джонни?

– Да.

– Как думаешь, трусость – грех? – спросил он, глядя на огонь.

– Ты боишься?

– Думаешь, грех? – упрямо, сжав зубы, повторил Джек.

Джонни тоже швырнул банку в костер. Несколько долгих секунд он не

мигал, пока не почувствовал, что глаза высыхают до кости.

– Тот человек у реки, Дэвид Уилсон. Он знал, где моя сестра. Знал. А я убежал, и он не успел ничего мне сказать. – Джонни посмотрел на друга. – Так что да. Думаю, трусость – грех.

– И неважно, есть Бог или нет Бога. – Джек уставился в темноту неподвижными глазами.

– Точно.

Джек обнял колени.

– Что мы тут делаем, а?

Джонни поворошил прутиком угли.

– Я скажу, но ты тогда не хнычь и не трусь. На попятный не пойдешь. Так что решай сейчас, со мной ты или нет.

– Трудно решить, когда я не знаю, о чем мы говорим.

Джонни пожал плечами.

– Захочешь уйти – прямо сейчас отвезу тебя домой. Но если узнаешь, что я собираюсь сделать, останешься.

– Да не скажу я никому.

– Остаешься или уходишь?

По другую сторону костра, за пеленой дыма и раскаленного воздуха, Джек потер предплечьем нос. Оранжевый отблеск застеклил глаза, но он повернул голову, цвет ушел, и Джек снова стал просто грязным мальчишкой с облезшим загаром и торчащими во все стороны волосами.

– Кроме тебя, хорошего у меня, считай, ничего нет. Не пойду на попятный. – Он повернулся, и глаза у него были такие простодушные и карие, что Джонни представил на его месте собаку. – Можешь сказать.

– Иди сюда. – Джонни сунул руку в мешок, который принес из дома, достал книгу об округе Рейвен, но открывать ее не стал. Джек обошел костер, сел рядом на траву, и Джонни взялся объяснять сначала: как упал с моста Дэвид Уилсон и что он сказал, как Ливай схватил Джонни у реки и сколько крови было в доме Фримантла.

Джек кивнул.

– Об этом писали в газетах. В тот же день, когда и про тебя. Имя не называли, но про то, что тела нашли, было. Двое, с разбитыми головами.

– Я так и понял, что кого-то убили, когда увидел кровь.

Джек поморщился.

– Много было?

– Везде. Как будто краску разлили.

На минуту мальчики притихли.

Краску разлили.

– Не понимаю, – Джек покачал головой. – Мы-то здесь с какого боку?

Джонни щелкнул фонариком и, раскрыв книгу на странице, посвященной Айзеку Фримантлу, указал на карту.

– Вот город. – Он протянул палец вверх, на север, и обвел кружок. – Здесь в основном болото. – Палец чуть сдвинулся в сторону. – А там – гранитные выходы и лес со старыми шахтами. Помнишь?

– Помню. В четвертом классе на экскурсию туда ездили. Нас еще заставили взяться за руки, чтобы никто не забрел куда-нибудь и не провалился в шахту. – Джонни знал, что вспоминать тот поход Джеку неприятно – желающих держаться за его больную руку не нашлось. Какая-то девочка даже сказала, что ей противно.

Он провел палец вниз, на юг, к тропе, проходившей вдоль реки.

– Вот здесь я на него наткнулся. А дальше, тут, – мост.

– Понял.

Палец пробежал по тропе и остановился у края болота, там, где на карте стояли два слова: «Хаш Арбор».

– Вот куда он шел. И вот где мы найдем его.

– Давай, убеждай меня.

Джонни закрыл книгу.

– Ладно. Началось это давно. Во времена рабов.

– Что?

– Во времена рабов. Соберись. Понимаешь, рабов привозили сюда вместе с их религиями. Африканскими. Племенными. Боги-животные, водные духи, фетиши, заклинания. Магия корней, так это у них называется. Худу. Но белых людей это вполне устраивало, потому что никто здесь не хотел, чтобы чужаки узнали про Бога, Иисуса и все прочее. Они не хотели, чтобы какие-то рабы считали себя равными им в глазах Бога. Понимаешь? Если ты равный, то никто не должен тобой владеть. Если у тебя есть рабы, такие мысли у них опасны.

– То есть белые не хотели, чтобы рабы учились.

– Но они учились. И африканцы, и индейцы. Учились читать и знакомились с Библией, но только делали это втайне, потому что понимали, какая опасность им грозит. Рабы были умнее, чем думали их хозяева. Знали, что за веру их накажут. Продадут. Может быть, даже убьют. Вот почему они поклонялись Богу в лесах и болотах. В тайных местах. Понимаешь?

– Нет.

– Эти тайные места были их церковью. И назывались они «хаш арбор»^[27]. Туда рабы приходили для поклонения, там прятали веру от

белых, которые не хотели делиться с ними своей религией.

– Хаш арбор? Как то место на карте.

Джонни кивнул.

– Они не строили церкви – знали, что их кто-нибудь найдет. А лес – это просто лес, болото – просто грязь, вода, змеи и дерьмо. Поэтому они собирались в тех тайных местах. Пели свои песни, обращенные к Богу, танцевали и являли свою новую веру.

– Это всё в книге?

Джонни отвел глаза.

– Что-то есть. Но не всё.

– А что еще?

– Был один раб по имени Айзек. Типа проповедник. Учил тех, кто не мог читать. Распространял знание, хотя и знал, как это опасно. – Джонни смахнул с шеи москита и раздавил двумя пальцами. – В конце концов их накрыли; трех рабов линчевали на месте – повесили на деревьях, которые и были их церковью. Собирались повесить и Айзека, но вмешался его хозяин. Он усмирил толпу, держа в одной руке револьвер, а в другой – Библию. В книге написано, что он призвал Бога спуститься с небес и пригрозил застрелить каждого, кто сделает шаг вперед. Рискнуть никто не пожелал – смелости не хватило. И он спас раба от смерти.

Джека рассказ явно захватил.

– И что было дальше?

– Хозяин забрал Айзека домой и спрятал на три недели. Ждал, пока толпа остынет и в ком-то, может быть, проснется стыд. Потом отпустил того раба и даже дал ему землю. Ту, где люди Айзека поклонялись Богу.

– Где их линчевали.

– И это тоже.

– Значит, ты хочешь найти того парня там?

– Айзек Фримантл прожил на той земле всю свою жизнь. Может быть, Фримантлы живут там до сих пор. Тропа прямо туда и ведет. Может, они ходят по ней в город и обратно.

Джек нахмурился.

– Как ты это узнал? Сам же говоришь, что в книге этого нет.

– Моего прапрадедушку звали Джон Пендлтон Мерримон. Как и меня.

– Ну и что?

– Это он был там с револьвером и Библией. – Джонни бросил прутик в огонь. – И освободил Айзека.

– Отпустил.

– Точно.

– То есть ты хочешь пойти на болото, найти того правнука или как его там, убийцу, и спросить насчет Алиссы?

Джонни не задумываясь кивнул, а Джек покачал головой.

– Думаешь, он тебе обязан?

– Вряд ли он знает, кто я такой.

– Тогда ты точно дурак. В смысле, из гребаной резервации вырвался.

– Из резервации. – Джонни покачал головой. – Забавно.

– Я не шучу. Это же глупо. Полное безумие.

– Отступить поздно. Ты сам сказал.

Джек поднялся, и костер выстрелил искрами.

– Господи, Джонни, он уже убил двоих. И нас убьет. Как пить дать.

Джонни тоже встал.

– Я потому вот это и взял. – Он вынул из кобуры револьвер Стива, и на стальном корпусе завертелись огненные дьяволы.

– У тебя с головой не в порядке.

– И ты пойдешь со мной.

Джек огляделся по сторонам, словно надеялся на чью-то помощь, но никого не увидел. Свет отодвигал тьму, и небо давило сверху. Он сложил руки в просительном жесте и жалобно посмотрел на друга.

– Ведь прошел уже год.

– Не говори так!

Джек сглотнул и бросил отчаянный взгляд на кусты за костром, а потом произнес:

– Да мертва она, чтоб тебя.

Джонни вложил в удар всю силу. Кулак угодил Джеку в скулу, и тот свалился на землю. Джонни стоял над ним, и дыхание резало горло, как стекло, а револьвер оттягивал руку мертвым грузом. На какое-то мгновение его самый давний друг перестал быть другом и сделался врагом, и Джонни спрашивал себя, почему он вообще думал, что этот парень может быть чем-то большим. Но потом увидел в лице поверженного страх.

Жар схлынул, и Джонни увидел небо, внезапно потемневшее и огромное. Он увидел себя глазами Джека и понял, что и в самом деле безумен. Но это ничего не меняло.

– Мне надо идти.

Кулак разжался. Джек подался назад.

– Пожалуйста, не заставляй меня идти в одиночку.

Глава 33

Хант отвез Кэтрин Мерримон в домик на краю города. По дороге детектив пытался завести разговор, но женщина отмалчивалась. Остановившись на подъездной дорожке, он посмотрел в окно и, нахмурившись, спросил:

– Когда вы прошлым вечером видели ту незнакомую машину, где именно она стояла?

Кэтрин показала, и Хант окинул взглядом темную улицу.

– Она просто стояла там. С работающим двигателем. Раньше я никогда ее не видела.

– Что это была за машина?

– Мне показалось, что полицейская.

– Полицейская? Почему вы так подумали?

– Ну она так выглядела. Большой седан. Обычно такими бывают полицейские машины.

– Мигалка на крыше?

– Нет. Просто она была такая... – Кэтрин показала руками. – Как вот эта, в которой мы сидим.

– «Краун Виктория»? [\[28\]](#)

– Похожая. Большая. Американская. Не знаю. Темная. Я не интересуюсь машинами и ничего о них не знаю.

– И когда она уехала?

– Как только я к ней направилась.

– В каком направлении?

Кэтрин показала, и Хант снова нахмурился.

– Думаю, после всего случившегося вам здесь оставаться не стоит.

– И куда же мне идти? – Она подождала ответа. – К вам?

– Я не такой.

– Все мужчины одинаковы, – с нескрываемой горечью заметила Кэтрин. Их глаза встретились, и детектива поразила пронзительность ее взгляда, выдававшего крайнюю усталость и обреченность.

Будь ты проклят, Кен Холлоуэй. Будь ты проклят за то, что сделал с ней.

– Я имел в виду отель. Что-нибудь неприметное.

Она, должно быть, поняла, что сделала ему больно.

– Извините. Я несправедлива к вам. Вы всегда были честны и

откровенны.

– Так что, поедете в отель?

– Джонни может вернуться домой. Мне нужно быть здесь.

– Кэтрин...

– Нет.

– Тогда я пришлю сюда патрульную машину.

– Нет, не нужно.

– Здесь небезопасно. Что-то происходит, но мы не вполне понимаем, что именно.

– Полицейская машина только отпугнет Джонни. Если он убежал, то пусть знает, что может вернуться. А как он может это знать, если перед домом будет стоять патрульная машина? – Она открыла дверь. – Спасибо, что подвезли. Дальше справлюсь сама.

Хант вышел, положил руки на крышу и огляделся.

– Я хотел бы проверить дом.

– Мне нужно побыть одной.

Детектив еще скользнул взглядом по улице. Его убивала ее боль. Он знал, какой смелой может быть Кэтрин, и знал, что смелость ей не помогла. Тяжело видеть, как падает красное дерево или высыхает река. Хант повернулся к темному дому.

– Пожалуйста.

– Раз уж вы настаиваете...

Через три секунды он уже нашел разбитое окно.

– Вернитесь в машину. – Хант достал служебный револьвер. – И закройте дверцы.

Она метнулась к двери.

– Кэтрин!

– Я сменила замки. Не понимаете? Это Джонни.

Он догнал ее на крыльце, удержал и оттащил назад.

– Подождите. Просто подождите.

Дверь открылась легко, с первой же попытки.

– Джонни! Это детектив Хант и твоя мать. – Никто не ответил. Он поднял руку. – Оставайтесь здесь.

Переступив порог, Хант щелкнул выключателем. На ковре блеснули осколки стекла. Он проверил задние комнаты, включил везде свет, а когда вернулся в коридор, Кэтрин уже стояла в гостиной.

– Никого. – Детектив убрал револьвер в кобуру.

Она опустилась на софу и как будто замерла.

– Всё на месте? – Не получив ответа, Хант подошел ближе. – Ничего

не пропало?

Кэтрин подняла голову. Глаза у нее были мокрые, взгляд отрешенный.

– Я проверю двор, – продолжал детектив. – А вы пока осмотритесь и потом скажете мне, что и как.

– Бесплезно. Я жила здесь, ничего не замечая, и не смогу определить, пропало что-то или нет.

Хант оставил это признание без комментариев.

– Проверьте комнату Джонни. Начните оттуда.

– Ладно.

Кэтрин вышла в коридор. В комнате сына горел свет. Услышав, как закрылась дверь, она переступила порог и сразу же поняла, что все здесь незнакомое. Сколько раз она вообще заходила сюда? Три? Пять? Или ни разу? Прожитый год остался позади размытым пятном дней. Она ела. Спала. Кен Холлоуэй приходил и уходил. Комната сына казалась ей чужой.

Он сам, ее сын, стал чужаком.

Кэтрин проверила шкаф, не зная, что должно там быть. Точно так же заглянула в ящики и на полки. Покупала ли она какую-то одежду? Стирала ли белье? Нет, это все делал Джонни. Готовил. Мыл посуду. Убирал.

Чтобы не закричать, Кэтрин накрыла ладонью рот.

Где сын?

Под кроватью обнаружился чемодан. Старый, потертый, смутно знакомый. Она вытянула его и втащила на кровать. Откинула крышку и замерла.

Лицо Алиссы.

Джонни. Ее мужа.

Фотографии покрывали всю внутреннюю сторону крышки, образуя коллаж из солнца, улыбок и ее детей. Коллаж жизни как обещания. В глазах горело, горло сжалось. Она протянула руку и несмело коснулась одной из фотографий.

Алисса.

Одной рукой дочь обнимала брата за шею. Оба ухмылялись, как два проказливых чертенка.

Джонни.

Нашла Кэтрин и фотографию мужа. Восемь на десять. В синей футболке и с поясом для инструментов, он стоял вполборота к камере, мосластый, сильный мужчина с широкой, открытой улыбкой и черными до блеска волосами. Глаза прятались за темными очками, но она знала, какие они – голубые, пронзительные, смелые. На мгновение ее переполнило сожаление за то бремя вины, которое она взвалила на него, за те страшные

слова, которые сказала ему. И тут же злость пронзила ее иглой. Во всем виноват он! Алисса не должна была идти домой одна.

Но и злости хватило ненадолго.

– Где ты, Спенсер?

Ответа не было. Муж ушел.

Пальцы нащупали в чемодане что-то еще. Вещи Алиссы. Ее мягкие игрушки, дневник.

Как же так?

Она сама сожгла все это. Сожгла в те три недели наркотического безумия.

Кэтрин вытащила снизу мягкую овечку и прижала ее к лицу, пытаясь найти сохранившийся, может быть, след запаха.

– Кэтрин?

Голос Ханта прозвучал как будто издалека. Она опустила мокрую от слез игрушку.

– Уходите.

– Все чисто. – Детектив был в коридоре. Половицы завибрировали под его шагами, и эта вибрация отдалась в ее коленях.

– Не входите.

Он остановился у двери.

– Не входите. – Что-то сломалось внутри, где-то глубоко, и таким сильным, таким ясным был поток нахлынувших воспоминаний, что возведенные ею стены не устояли. Без наркотиков она чувствовала себя голой в этой реке.

– Оставьте меня. – Пальцы сжали мягкую, покорную овечку. – Прошу вас.

Хант отступил. Передняя дверь закрылась. Кэтрин посмотрела на игрушку: блестящие, черные глаза, флис такой белый, как облачко в солнечный день. Она снова прижала овечку к лицу и глубоко вдохнула, но запаха дочери уже не осталось. Только запах старого чемодана и несвежего пространства под пустой кроватью.

Подождав, пока Хант уедет, Кэтрин поднялась на окоченевших ногах и открыла дверь. Ночной воздух принес туман, налитанный запахом зелени и роста. Она прошла через дорожку до конца двора, туда, где в последний раз видела в высокой траве стеклянный, белый с оранжевым, блеск. Потратив несколько минут на поиски пузырька с оксиконтинем, вернулась в дом. Заперла дверь. Пальцы дрожали, и несколько таблеток выкатились на ладонь. Кэтрин отсчитала четыре, положила на язык и проглотила не запивая. Потом прошла в комнату сына, взяла игрушку и легла на кровать.

Десять долгих минут она смотрела на фотографии, терпя боль; потом мягкая и тяжелая рука вдавила ее в матрас и унесла в то место, где можно было без слез и муки трогать фотографии, которые так долго и хорошо прятал Джонни. Там она произносила их имена и даже видела их мысленным взором, живых.

* * *

Хант ехал медленно, проверяя боковые улочки и дорожки, но ничего необычного не заметил. Дома были тихи; на подъездных дорожках теснились пикапы, фургоны и усталые легковушки. Ни одного большого седана с работающим мотором. Ни одного силуэта за стеклом.

Сделав круг, детектив вернулся на улицу Кэтрин и тщательно выбрал место для парковки: достаточно далеко, чтобы оставаться незамеченным, и достаточно близко, чтобы видеть входную дверь. От полицейской машины она отказалась. Ладно. Но и оставить ее одну, здесь, на темной стороне всей этой истории, Хант не мог. Съехав с дороги, он опустил стекло и выключил мотор. Посмотрел на часы. Поздно. Чувствуя вину перед сыном, детектив набрал его номер и сказал запереть дверь и включить сигнализацию.

– Так ты сегодня домой не придешь?

– Извини, Аллен. Сегодня никак. Ты пообедал?

– Я не голоден.

Хант еще раз посмотрел на часы и вспомнил нехорошим словом жену. Если б она не ушла... Из памяти всплыли упреки сына. Может быть, вина лежит на нем самом? Вот и опять, из-за работы еще один вечер вне дома...

Он одернул себя.

Не из-за работы.

Не только.

Хант посмотрел туда, где на теплый асфальтобетон просыпался гравий с дорожки, и увидел за деревьями свет. Если б он был там... если б речь шла о другой жертве... если б только там жила не она...

– Послушай, Аллен...

Но его никто уже не слышал. Не было даже гудков.

Хант закрыл телефон и опустил его чуточку ниже. Он ждал незнакомую машину. Ждал Холлоуэя. И думал о ней, одной в этом ветхом домишке, а когда через несколько часов задремал, ему приснилось, что он забирает ее оттуда. Они были в его машине, с опущенными окнами, и он видел ее

такой, какой она была раньше. Ветер трепал ее волосы. Она погладила его по щеке, назвала по имени, и в ее глазах блеснули ясные, счастливые слезы. Хороший сон. Но проснулся Хант разбитый и несчастный. Солнце еще только вставало, и сон казался такой же обманкой, как игра света. Звонил телефон.

– Да. – Детектив протер глаза и сел повыше.

– Это Йокам.

Солнечный луч нещадно резанул по глазам, и Хант опустил козырек.

– Что случилось, Джон? – Он бросил взгляд на часы – 7.21.

– Я на участке Бертона Джарвиса. – Йокам сделал паузу, и в трубке послышался чей-то голос. Дважды тявкнула собака. – Тебе надо бы приехать.

Хант повернул ключ зажигания.

– Рассказывай.

– У нас тут тело.

– Алиссы Мерримон?

Йокам откашлялся.

– Думаю, тут много тел.

* * *

Дом Джарвиса, когда он свернул с улицы на участок, выглядел темным и угрюмым. Полицейских машин Хант не увидел. Других детективов тоже. Его встретил Йокам, бледный и небритый, с коробкой мятных конфет, в облепленных грязью туфлях и мокрых по колени брюках. Рядом с ним стоял Майк Колфилд, один из немногих сотрудников, приписанных к кинологическому отделу. Ветеран с тридцатилетним стажем, высокий и сутулый, с большими, мозолистыми руками и такой черной прядью волос, что она казалась крашеной. На нем был защитный комбинезон, тоже мокрый и грязный. У ноги сидела на поводке та же дворняга, с которой они обыскивали участок Фримантла.

– Джон. – Хант кивнул и посмотрел на кинолога. – Майк. – Вид у обоих полицейских был подавленный. Пес не шевелился и даже не моргал, но не сводил глаз с Колфилда. – Подмогу еще не вызвали?

Йокам захлопнул коробку с леденцами.

– Хотел, чтобы ты первым это увидел. – Они двинулись к темнеющему за домом лесу. – Расскажи ему, Майк.

Колфилд отрывисто кивнул.

– Проснулся сегодня рано. Обычно, когда так случается, люблю поохотиться, а тут решил еще разок по этому местечку пройтись. – Он показал рукой вперед. – Понимаешь, я работал по квадратам, от сарая, но сегодня подумал: а пошло́ оно всё, разомну ноги. Здесь я был в пять – и пошел по прямой к реке. Это примерно две мили.

Они миновали гараж, все еще обтянутый желтой лентой. Майк шел уверенно, ныряя под ветками и рассказывая на ходу.

– Где-то через милю Том оживился. А еще через сотню ярдов так разъярился – только что дерьмом не кидался. – Кинолог пригнулся и смущенно покачал головой. – Фигурально выражаясь.

– Я в участок рано приехал, – добавил Йокам. – Вот и принял звонок.

За роццей они преодолели узкий быстрый ручеек, легко бежавший по обнажившемуся граниту. Солнце уже выглядывало в просветы между серыми стволами, и температура постепенно повышалась. Йокам поскользнулся и упал на колено.

– Что за запах? – спросил Хант, морщась от тошнотворно-сладковатой вони. В следующий момент она исчезла, но тут же вернулась.

– Там свалка. – Майк показал рукой. – Мили полторы-две отсюда. Ветер приносит.

Хант вдруг заметил, что пес наострил уши, поднял голову и принюхался, а потом ткнулся носом в землю и рванул вперед, натягивая поводок. Кинолог перехватил вопросительный взгляд и кивнул.

– Видишь, о чем я говорил?

За еще одной, последней, роццицей открылась широкая мелкая низина. Могучие деревья стояли здесь надежно и прочно, как монументы. Землю укрывала подстилка из опавших, сырых и гниющих листьев. Из нее торчали три оранжевых флажка на тонкой, жесткой проволоке. И никаких следов раскопок.

– Уверены, что это тела? – спросил Хант.

Майк сделал какой-то жест, и пес сел, внимательно наблюдая за людьми. Ноздри его раздулись, но во всех прочих отношениях он оставался неподвижен.

– Служу тридцать лет, и этот пес у меня лучший из всех. Тела найдете под теми флажками.

Хант кивнул и посмотрел на флажки, яркие и такие маленькие на фоне широкой низины. Стояли они на расстоянии футов, может быть, в пятьдесят один от другого.

– Еще трое... Будь оно проклято. – Майк и Йокам переглянулись. Хант заметил. – Что?

– У меня было только три флажка, – сказал кинолог.

– И что?

Майк потрепал дворнягу.

– Здесь нужно больше.

Детектив посмотрел на жилистого кинолога с обветренным лицом. Уши – обвисшие, завязанные узлом хрящи; нос – длинный, с горбинкой. Детектив знал, что он ждет очевидного вопроса.

– Хочешь сказать, есть еще?

Майк высморкался в шейный платок, кивнул, и кожа на его шее сложилась складками.

– Думаю, да.

Хант посмотрел на Йокама.

– Давно у Джарвиса этот участок?

– Двадцать четыре года, – хмуро ответил тот.

– Господи...

– Что будем делать? – спросил Йокам.

Хант поднял голову и увидел дрожащие листья и зазубренные голубые трещины между ними.

– Звони. Вызывай всех.

Помощник отошел в сторонку и открыл телефон. Майк еще раз шумно высморкался и сунул платок в задний карман брюк.

– Как насчет меня?

– Поработай с собакой. С флажками что-нибудь придумаем.

– Ясно. – Майк поднял руку, и пес сразу, без колебания, пришел в движение. Нос к земле, хвост вверх – уверенно, вперед, по прямой.

Хант почувствовал, как ветерок коснулся шеи.

Потянуло воню со свалки.

Глава 34

Небо за деревьями едва посветлело, когда Джонни толкнул Джека ногой. Костер потух, съежился серой кучкой золы, одеяло потяжелело от росы.

– Пора.

Джек, моргая, посмотрел на друга, который уже оделся и был готов выступить.

– Меня будто съели заживо.

– Меня тоже. – Джонни протянул руку и помог Джеку подняться. – Завтракать будешь?

– А что у нас есть?

– Консервированные сосиски и ореховое масло. Хлеб кончился.

– А содовая?

– Нет.

Джек покачал головой.

– Обойдусь.

Джонни отряхнул одеяло и отошел к сараю отлить. Руки перепачкались золой от костра. Он думал о священных вещах, которые оказались вовсе не священными, и о револьвере под курткой. Вечером засиделся допоздна: крутил барабан, смотрел на свет в дуло, водил пальцем по мушке, целился в костер и пытался удержать револьвер, чтобы не дрожали руки. Думая о Ливае Фримантле, Джонни сказал себе, что знает, как поведет себя, но потом решил, что это не важно. В конце концов, выбор был только у Джека.

– Тебе идти необязательно.

Джек накинул на плечи куртку.

– Ты – мой лучший друг.

– Я серьезно.

– Я тоже.

Джонни положил в мешок одеяло, подтянул лямки.

– Спасибо, дружище.

– Давай, не робей.

– Я просто хочу сказать...

– Да знаю.

Джонни открыл дверцу пикапа.

– Готов?

– Давай отождзем.

Через сжатое поле, через лес и знакомые ворота, потом по двухполосной дороге на север, к границе округа. Сначала Джонни держался знакомых мест, потом взял к востоку, через трейлерный парк, к незнакомой дороге, неторопливо, по широкой дуге, уходившей от города и окружавшей его суеты. Они проезжали мимо небольших виноградников и каменных стен, забираясь все глубже в сельскую местность, все еще помеченную довоенными особняками, вознесшимися над холмистыми полями. Один раз Джонни остановился – сравнить карту в книге с картой дорог округа Рейвен.

– Знаешь, где мы? – поинтересовался Джек.

Джонни не ответил. Он посмотрел на дорогу, сдал назад, дважды сверился с дорожными знаками и свернул влево, на однопутку, которая резко ушла вправо через несколько миль и закончилась гравийной дорогой. Здесь остановился. Не считая нескольких сидящих на проводах ворон, все остальное вокруг застыло в неподвижности.

– Чувствуешь? – спросил он, принюхиваясь.

– Нет.

– Река. Сразу за городом она поворачивает на восток, а потом снова на запад. Думаю, мы сейчас милях в двенадцати к северу от города. Может, чуть восточнее. – Он показал на гравийную дорогу. – Думаю, это оно и есть.

Джек огляделся – деревья, поля и открытая ветру тишина.

– Оно – что?

– Давай посмотрим.

Резко, так что из-под колес полетел гравий, Джонни повернул направо. Через полмили они проехали мимо простреленного желтого знака «ГРАНИЦА ЗОНЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ШТАТА». И сразу же подступил лес. Запах реки усилился. Дорога снова повернула к северу. Джонни показал вправо.

– Река там. Мы едем параллельно. – Через полмили они проехали первые ворота. Они были открыты, но знак предупреждал: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ПРОЕЗД ВОСПРЕЩЕН».

Джонни предупреждение не остановило.

Вторые ворота были закрыты, но не заперты. Грязные, из алюминиевых пластин, вдавленные посередине, они выглядели так, словно в них врезался грузовик. Ворота висели на столбе из кедра, цепляясь нижней частью за землю.

– Открой.

Джек вылез из машины и оттащил створку. Джонни проехал. Джек закрыл ворота. Сразу за ними началась пойма, а потом показалась и сама река – неторопливый черный и маслянистый поток. Джонни показал на широкую полосу примятой травы в том месте, где река вышла из берегов при последнем разливе.

– Здесь будет топь.

Дорога отвернула от реки и пошла узкой полосой вверх, возвышаясь на несколько футов над болотом и мелькающей в просветах между деревьями темной водой. На изгибе Джонни едва не переехал каймановую черепаху, гревшуюся на середине дороги. Панцирь шириной в два фута казался черным от налипших и высохших водорослей. Джонни объехал ее, и она раскрыла свой крючковатый клюв.

Дорога в последний раз пошла под уклон, потом поднялась на дамбу, пересекавшую широкий участок стоячей воды. Спуск в низинку, въезд на бугорок. На мелководье, по обе стороны от дамбы, лежали полузатопленные поваленные деревья, а там, где дно повышалось, из-под воды выступали пучки травы. Поперек дамбы образовался своего рода островок, вырванный у болота участок сухой земли в милю шириной, поросший листовными деревьями. Джонни остановился. Гравийная дорога впереди постепенно исчезала, уступая место разъезженной полосе чернозема, пересекавшей болото и исчезающей в лесу. Громадные ветви подметали землю, и корни вытягивались тут и там на человеческий рост, прежде чем уйти в глубину.

Проехав дамбу, Джонни остановился на последнем солнечном пятнышке и заглушил мотор. Воздух повис в молчании, но потом болотные звуки стали возвращаться. Сначала послышалось что-то, напоминающее извлеченные из флейты ноты. У края воды цапля ткнула клювом в слякотную жижу и вынула его пустым. Сделав несколько шагов, птица застыла, кося одним глазом в воду. Мальчики вышли из пикапа. Впереди, футах в десяти, Джонни увидел знак. Скрытый наполовину кустом жимолости и ползучими побегами, он казался таким же старым, как и все прочее, и представлял собой прибитые к дереву потрескавшиеся доски. Джонни развел кусты. Вырезанные на досках слова почернели внизу и казались выжженными.

«ХАШ АРБОР, 1853».

- Вот оно. – Джонни отступил назад.
- Место, где повесили тех людей.
- Это было давно.
- Место смерти. Нам здесь нечего делать.

– Не выдумывай лишнего.

– Дело давнее и забытое.

Ответ последовал не скоро. Жимолость наполняла воздух сладковатым ароматом. Джонни провел пальцами по грубо вырезанным словам.

– Место как место, – соврал он. Цапля ухватила лягушку и вырвала ее из топи. – Самое обычное.

Джек бросил камень, и по смолистой воде разбежались круги. Цапля взмахнула крыльями и улетела, унося с собой дергающуюся в клюве лягушку.

– Ты действительно думаешь, что здесь кто-то живет?

Джонни повертел головой.

– Электрических линий нет. Телефонной связи тоже. Скорее всего.

– Самая лучшая новость за весь день.

Джонни посмотрел под деревья, нырнул под ветви и сразу же почувствовал, как понизилась температура. Кроны уходили вверх, в торжественную кафедральную тишину.

– Как быть с пикапом?

Джонни оглянулся. Джек стоял под солнцем, положив руку на горячий металл.

– Слишком шумно. Оставим.

– Точно?

– Точно.

Джек шагнул в тень.

– А теперь тихо, – предупредил Джонни.

И лес поглотил их.

* * *

На участок Джарвиса слетелись все: городские полицейские, люди из службы шерифа. Кто-то заикнулся насчет полиции штата, но Хант добро не дал. За семнадцать лет службы он не раз убеждался, что когда к пирогу тянется слишком много рук, ничего, кроме споров и раздоров, из этого не получается. Не распространяйся. Держи рот на замке. С другой стороны, у них было уже семь флажков – слишком много для местного судмедэксперта. Обычно веселый и добродушный, доктор Мур подошел к Ханту с печальными глазами, в испачканных чем-то темным латексных перчатках. Последние два часа он провозился на одном из помеченных флажком участков и нашел кость, зубы и несколько истлевших клочков

одежды. К самим участкам Хант никого, кроме Йокама, не подпускал, и люди толпились у края низины, негромко переговариваясь. Между тем солнце поднималось все выше.

– Док. – Хант вопросительно посмотрел на медэксперта.

Мур покачал головой и вытер лицо грязным носовым платком.

– Ребенок. Женского пола. Возраст, насколько я могу судить, от девяти до двенадцати.

Хант поймал беспокойный взгляд Йокама.

– Давно?

– Ты имеешь в виду, давно ли умерла? По крайней мере, несколько лет назад. Точнее не скажу. Рано.

– Причина смерти?

Доктор как будто поник.

– В черепе отверстие. – Он коснулся своей головы за ухом. – Сказать большего пока не могу.

– Пулевое отверстие? – спросил Йокам. – Или тупая травма?

– Любой вариант возможен. А может, что-то другое... Судить слишком рано.

– Что на других участках?

Мур оглянулся, скользнул печальным взглядом по флажкам.

– Мне потребуется помощь. Я уже позвонил главному судмедэксперту в Чейпел-Хилл. Он пришлет людей.

– Что еще мы можем для тебя сделать? – спросил Хант.

Мур кивнул в сторону толпившихся в сторонке полицейских.

– Уберите их.

– Мешают?

– Не помогают.

Хант кивнул. Доктор был прав.

– Хорошо. Так и сделаю.

– Спасибо. – Мур поднял руку в знак благодарности, повернулся и устало потащился к неглубокой могиле.

– Хочешь, чтобы я их отослал? – спросил Йокам, поглядывая на шефа полиции.

Хант сдержанно улыбнулся.

– Думаешь, я не справлюсь?

– Думаю, он ждет предлога, чтобы отстранить тебя и привлечь к делу полицию штата. Для него важно остаться чистеньким, выйти из-под удара самому и снять давление с департамента. – Йокам посмотрел на украшенную флажками низину. – Винить его никто не станет. Дело

большое. Может быть, слишком большое, чтобы оставить его на местном уровне. Ты – его ведущий детектив. Твое отстранение дает ему законный повод умыть руки и привлечь бюро расследований штата. Политика, Клайд. Гадкий бизнес. Дай мне поговорить с ним.

– Нет. – Хант кивнул вслед доктору Муру. – Оставайся здесь. Позаботься, чтобы у него было все необходимое.

– Что ж, это твои похороны, брат.

Оставив Йокама с останками неустановленной жертвы, Хант направился к группке полицейских. Вид у шефа был помятый и возбужденный. Здесь, в лесу, вблизи захоронений, он чувствовал себя явно неуютно и сильнее, чем обычно, походил не на полицейского, а на политикана. Когда Хант подошел ближе, люди в форме расступились, открыв проход. Шеф заговорил первым, спеша опередить детектива:

– Что там у медэксперта?

Хант перевел взгляд с шефа на шерифа. Оба выглядели подавленными, и детектив подумал, что и его лицо выражает такое же состояние. Воспоминание об их последней встрече было еще свежо и отравляло воздух.

– Доктор Мур хочет, чтобы этих людей убрали отсюда.

– Я спрашиваю об останках. Что он сказал об этом?

– Девочка. Лет девяти-двенадцати. Время и род смерти пока не определены.

– Это Алисса Мерримон?

Хант покачал головой.

– Тело пролежало в земле несколько лет.

Шеф окинул взглядом низину. Складки кожи под глазами набухли и обвисли, показав ярко-розовые полумесяцы.

– Там еще шесть. Может, повезет.

– Я бы не назвал это везением, – возразил Хант.

Уголки губ у шерифа пошли вниз.

– Все еще рассчитываешь найти ее живой?

Детектив посмотрел ему в глаза.

– Может быть.

– Ей-ей, Хант, ты такой бойскаут...

– Я сыт по горло вашими...

– Хватит, – оборвал его шеф. – Успокойтесь. Оба.

Усилием воли детектив заставил себя расслабиться.

– Вы разрешите мне удалить отсюда посторонних?

Шеф кивнул.

– Оставь тех, кто вам нужен, остальных отправь домой.

– Из офиса шерифа мне не нужен никто.

Теперь оставалось дожидаться реакции шерифа. Дом Джарвиса находился в пределах городской черты, но здесь, в лесу, его участок в некоторой части выходил за границу. При желании шериф мог предъявить права на отправление правосудия. Однако настаивать он не стал.

– Перкинс. – Шериф щелкнул пальцами, и к нему тут же поспешил один из помощников. – Собери наших ребят и увези их отсюда. – Он улыбнулся Ханту, сдвинул на затылок шляпу и, понизив голос, добавил: – Когда ты облажаешься и сто лет как будешь отстранен, править в округе все еще буду я.

– Не торопитесь до осени считать цыплят.

Шериф одарил Ханта еще одной ледяной улыбочкой.

– Всего хорошего, детектив.

Тот проводил шерифа долгим взглядом. Шеф подождал, пока он повернется, но лицо его, вопреки ожиданиям Ханта, не выразило ни малейшей враждебности. Только беспокойство и уныние. Сняв шляпу, он вытер лоб рукавом рубашки, кивнул в сторону флажков и негромко и мягко сказал:

– Если там дети... Да поможет нам Бог.

– Может быть, уже помог. Джарвис мертв.

– Думаешь, все это – дело рук Джарвиса? – Шеф снова кивнул. – Все они?

– Может быть. – Хант помолчал, наблюдая за доктором Муром, который перешел ко второму флажку. – А может быть, ему помогли.

– Не отказался от мысли о причастности полицейского?

– Вы уже слышали о мертвом котенке? О предупреждении Джонни Мерримону?

– Знаю.

– Его мать говорит, что, вернувшись из больницы, видела неподалеку от дома автомобиль. Поздно вечером. Стоял с работающим мотором.

– Ничего противозаконного.

– Там ничего особенного нет. Несколько домов, пустынная дорога. Зачем бы кому-то там стоять? Когда она направилась к машине, та быстро уехала. Это было сразу после того, как Джонни назвали участником истории с Бертоном Джарвисом. Его имя было во всех газетах, о нем говорили на всех телеканалах. Показывали фотографии. Найти мальчика не составляло труда.

Шеф раздраженно потер ладонью о ладонь.

– И что?

– Она говорит, что машина напоминала полицейскую. – Шеф побагровел, но Хант предпочел не заметить. – Кого бы Джонни ни видел с Джарвисом...

– Если он вообще кого-то видел.

Детектив повысил голос.

– Человеку, которого видел там Джонни, достало ума поставить на машину краденые номера. Если полицейскому было что скрывать, то именно это.

– Так поступил бы каждый.

– Мне нужен доступ к личным делам сотрудников.

– Я не могу сделать это.

– Пересмотрите свое решение.

Шеф заколебался.

– Подумаю.

– Когда я узнаю?

– Дай мне день-другой. Хорошо? День покоя.

– Нужно кое-что еще. Если под флажками действительно тела и все они дети...

– Продолжай.

– Невозможно, чтобы все они были местными, из округа Рейвен. Даже за двадцать лет... – Хант покачал головой. – Мы бы знали.

– Согласен.

– Кому-то нужно связаться с соседними округами.

Шеф уже кивал.

– Да, нужно искать других пропавших детей.

Мужчины замолчали, каждый наедине со своими мыслями. Хант представлял скорбящих родителей в превращенных в музеи спальнях, окруженных розовыми животными, нарядами, фотографиями в рамочках, заботливо протираемых от пыли. Он надеялся принести им облегчение, толику успокоения. Хотел вернуть домой останки детей, сказать безутешным родителям, что злодей понес наказание и мертв, выслан из этого мира не временем, не болезнью, не полицией, но одной из жертв, девочкой, у которой хватило сил спустить курок. Хант видел в этом некую поэзию. Может быть, и они тоже ее увидят...

Шеф размышлял о вещах более основательных.

– Пресса и телевидение скоро будут здесь. Полагаю, ты справишься. Никаких утечек. Никаких неназванных источников. Пусть твои люди помалкивают. Держи дерьмо под крышкой.

– Оставьте здесь Йокама и двух ребят в форме. Поставьте несколько экипажей на дорогу – пусть разворачивают репортеров и всяких любопытных.

Шеф нахмурился и вытер ладонью лоб.

– Вот будет цирк...

– Еще одна причина отправить отсюда всех лишних.

Хант услышал приближающиеся шаги и, обернувшись, увидел быстро спускающегося по склону Кросса. Взглянув на огражденную лентой территорию, тот сменил направление движения и устремился к Ханту и шефу. Лицо его горело, воротник рубашки потемнел от пота. Явно чем-то взволнованный, он коротко поздоровался и остановился.

– Что вы здесь делаете? – спросил Хант.

– Ищу вас.

– Ладно, нашли. В чем дело?

– Установлено местонахождение машины Дэвида Уилсона.

– Где?

– Севернее. Брошена в овраге.

– Показывайте.

Начальник полиции остался один – в лучах желтого света, со склоненной головой и шляпой в руках. Хант дважды оглянулся – шеф стоял в одной и той же позе, только становился меньше и меньше. А потом его закрыли деревья.

Выйдя из леса, мужчины миновали сарай и пустой дом. Ни на тот, ни на другой Хант не взглянул.

– Как мы ее нашли?

– Кто-то позвонил.

– Кто?

– Не назвался. Сказал, что нашел сегодня, рано утром, может быть, за час до рассвета. Голос нетрезвый. Когда я спросил, признался, что выезжал погонять ланей на шоссе. Сказал, что заметил машину в свете фар.

– Там кто-то есть?

– Я сразу к вам. Знал, что вы хотели его найти.

– Машина точно Уилсона?

– Звонивший записал номер. Зарегистрирована на колледж. Должен быть его.

– Номер звонившего определили?

– Платный телефон в дежурном магазине.

– Досадно... По-вашему, он притрагивался к машине? Пьяный, отправился браконьерствовать в пять часов утра... Сомневаюсь, что он

удержался и ничего не прихватил.

– Трудно сказать. Назвал место и практически сразу же повесил трубку.

Они вышли на залитую утренним светом опушку. Хант остановился у дороги.

– Надо было позвонить мне.

– Надеюсь, что возьмете меня с собой.

Хант оценивающе посмотрел на подчиненного. Решительный, целеустремленный.

– Рассчитываете на повышение?

– Ваша рекомендация дорогого стоит.

Детектив ненадолго задумался.

– Я не выспался. Поведете вы.

Глава 35

Шли мальчишки медленно. Дорога под ногами была мягкая, в кронах деревьев порхали и щебетали птицы и мелькали тени. Вьющиеся стебли свисали к земле – серые, гладкие, толщиной в запястье взрослого мужчины. Где-то неподалеку неумоимо долбил дерево дятел, добывая себе завтрак.

– Жутковатое место, – признался Джек. – Аж мурашки по спине.

– Просто не закрывай глаза.

Лес потемнел, и вместе с солнцем скрылись звуки.

– Жуть, обделаться можно...

– Заткнись, Джек.

Они шли уже минут двадцать. Оставленные колесами следы не выглядели свежими, но это ничего не значило. Фримантл, когда Джонни видел его в последний раз, шел пешком. Лес постепенно начал расширяться, дорога раздалась вширь и выровнялась. В стороне остался разросшийся сад с утопающими в белом цвету яблонями. Над упавшими решетками расползались лозы мускатного винограда.

– Приближаемся, – сказал Джонни.

– К чему?

– К тому, что здесь.

Дорога привела к рассыпавшимся воротам, потом повернула вправо и потерялась за густыми кустами ежевики. Выскользнувший из кобуры револьвер неудобно обосновался в руке Джонни.

– У него предохранитель есть?

– Нет. Я же тебе говорил... Господи, да смотри ж ты, куда его направляешь!

– Извини. – Джонни опустил оружие дулом к земле.

Налетевший ветер расшевелил, подбросил листья, показывая их нижнюю, бледную, с серебристым оттенком сторону. На очередном повороте дороги два гранитных столба отмечали место, где стояли ворота. Сами ворота лежали на земле, потихоньку истлевая посреди проросшей через щели травы. Кое-где еще виднелись чешуйки белой краски.

Джонни высунул голову за гранитный столб.

– Что там? – спросил Джек.

– Ничего. Идем.

Они прошли между столбами. Лес уходил в сторону. Мальчики увидели развалины строений, сторевший до основания дом, от которого

остались почерневшие столбы, торчавшую костью печную трубу. На месте входной двери лежала гранитная ступенька. В стороне валялась на боку ванна с ножками, из которой выползали зеленые побеги какого-то дикого растения. Из груды мусора выступала рама железной кровати. Тут и там виднелись неподатливые для огня предметы: куски разбитой посуды, кухонный котел, ржавая стальная ручка колодезного насоса. Джонни поднял дверную петлю со следами молотка на металле.

– Ну и разгром, – выразил общее мнение Джек.

Лучше всего прочего сохранились амбар и коптильня с распахнутой дверью и стальными крюками, висевшими на изъеденных рыжей ржавчиной цепях. На двери сарая Джонни заметил висячий замок. Рядом стояло еще одно строение – с обыкновенной одностворчатой дверью, узкими окнами и двумя небольшими дымоходами. Как и в главном доме, ступенькой у двери служил стертый посередине каменный блок. Прикинув к стеклу, мальчики увидели камин и сложенную из кирпича печь, непритязательный стол и металлическую утварь.

– Здесь была кухня, – сказал Джонни. – Их строили обычно отдельно от дома, чтобы уменьшить риск пожара.

– Даже не смешно.

Джонни отошел на пару шагов и посмотрел на сгоревший дом.

– Электричества нет; значит, это могла быть свечка.

– Или молния.

– Может, и так.

– Смотри. – Джек поднял руку.

Джонни повернулся и увидел столб футов восьми высотой, с позеленевшим латунным колоколом.

– Странно.

– Что?

Джонни продрался через высокий, по пояс, бурьян.

– Рабский колокол. Я видел похожий в музее гражданских прав в Уилмингтоне. В него звонили, чтобы призвать рабов с поля.

– Тогда почему освобожденные рабы сохранили рабский колокол?

Джонни заглянул под колокол.

– Не знаю... Как напоминание?

– Что-то мне не по себе, – прошептал Джек.

Джонни зашел в амбар. Не считая сельскохозяйственного инвентаря – все давно покрылось пылью, – ничего больше там не было. Он тронул замок и заглянул в трещину в двери.

– Мусор.

– Пойдем?

Джонни огляделся. В ярком солнечном свете все вокруг представало четко и ясно, как на ладони. Деревья окружали вырубку плотной стеной.

– Нет еще. – Он протянул руку в сторону дальнего края поляны, где виднелась узкая просека. – Туда.

Шли осторожно. Примерно через пятьдесят ярдов тропинка привела к другой вырубке. В конце ее виднелась невысокая каменная стена, а за ней – зеленая трава. В стену была встроена деревянная калитка, пребывавшая в состоянии, близком к идеальному, и блестящая аккуратно положенной белой краской.

– Никогда меня так не огорчал вид свежей краски, – прошептал Джек.

Подойдя ближе, они слышали, как вспорхнула и сорвалась с ветки птица. Под ногами пружинили опавшие листья.

– Что это?

Влажный, чмокающий звук.

Джонни покачал головой:

– Не знаю.

Пригнувшись, они пробежали последние ярды и укрылись под стеной. Камень был теплый, звук стал ближе. И доносился из-за стены. Джонни приник к щели между планками калитки. Подстриженная трава, ряды обтесанного камня.

– Это кладбище.

– Что?

Джонни прижал к груди револьвер и почувствовал, как сердце бьется о сталь.

Дыхание застряло в горле.

– Чертово кладбище.

– Он там?

Джонни кивнул и еле слышно прошептал:

– Да.

Джек облизал белые, как мел, губы.

– Надо сваливать отсюда.

– Он просто сидит.

– А что делает?

Джонни приподнялся.

Кладбище было маленькое, надгробий сорок. В центре высился громадный дуб, в задних углах – магнолии. Надгробия тянулись рядами – серые, черные, все обросшие лишайником и мхом.

Ливай сидел в центре, вытянув перед собой ноги. Грязная, рваная

одежда. На коленях и на руках пятна крови. Еще одно пятно на правой стороне рубашки и брюк. Одна туфля свалилась и лежала на чистенькой зеленой травке. Стопа и лодыжка распухли так, что казались единым сросшимся придатком. На пальце виднелась воспаленная от укуса Джонни рана, перевязанная тряпкой, на которой проступали желтые пятна. Кожа натянулась так сильно, что уже блестела. На колене лежала лопата. Рядом – гроб.

– Что он делает?

Джонни ответил не сразу. Яркий, чистый свет позволял рассмотреть все детали: полоски посеревшей серебристой ленты, высохшую грязь на гробе, выбоины в дереве, пятна от сырости. Колени Фримантл ободрал едва ли не до кости. На изуродованном лице поблескивали капельки пота. Из бока торчало что-то непонятное. Джонни сполз по стене и прижался спиной к камню.

– Хоронит кого-то.

– А, черт...

– И плачет, как пятиклассница.

Джек закрыл глаза. Джонни поднял револьвер так, что барабан прижался ко лбу. Он вдыхал запах ружейного масла, и губы беззвучно шевелились, повторяя слова: «Оружие – сила. Я вооружен. Оружие – сила. Я вооружен».

Он начал подниматься, но Джек потянул его вниз.

– Не надо, – умоляюще прошептал он. – Не делай этого, друг.

– Да что с тобой не так? – Джонни вырвал руку. – Думаешь, это игра? Думаешь, весь этот год была игра? Мы для того сюда и пришли.

Даже грязь на лице Джека не могла скрыть проступивший на нем ужас. От страха его трясло, но он все же кивнул и разжал пальцы.

– О'кей, Джонни.

– У меня нет выбора.

– Сказал же, о'кей.

Еще секунду Джонни удерживала абсолютная, безъязыкая паника на лице друга, потом он заставил себя встать и поднял револьвер, держа его так, как держат в кино: двумя руками и по возможности ровно и твердо.

Ливай Фримантл поднялся с лопатой в руке, но мальчика даже не заметил. Наклонив голову, он смотрел на мелкое углубление, которое сумел сделать в земле. Слезы катились по лицу, а Джонни стоял и смотрел, как он пытается выкопать яму для гроба. Фримантл опирался на одну, здоровую ногу, а второй старался вонзить штык лопаты, но боль перекашивала лицо. Он перенес вес на другую ногу, но лодыжка подвернулась.

Он упал.

Поднялся.

Снова попытался копать.

Джонни открыл калитку и вошел на кладбище. Пятнадцать футов... двенадцать... Фримантл ничего не замечал. Собравшись с духом, Джонни взглянул на гроб. Маленький, детский. Он подошел ближе, и Ливай поднял голову. Взгляд влажных глаз метнулся с лица Джонни на углубление. Фримантл неуклюже шагнул вперед, поднял и тут же опустил лопату. Джонни видел печаль и боль, грязь и кровь, а еще что-то похожее на кусок дерева у него в боку.

– Стойте, – сказал он.

Фримантл послушно остановился и поднял руку ладонью вперед. Кивнул на то, что сумел нацарапать лопатой на земле, и только потом посмотрел на револьвер. Он смотрел долго, как будто не вполне понимал, что это и почему оно направлено ему в грудь.

– Ты пришел помочь мне? – спросил Фримантл охрипшим голосом, едва ворочая языком.

– Что?

– Я просил помощи, но Он не желает говорить со мной.

– Кто?

– Он говорит с тобой?

– Не понимаю, о чем вы.

Шрам на лице дернулся. В центре одного глаза белел молочный хрусталик.

– Не могу выкопать яму.

Джонни отважился оглянуться. Джек покачал головой. Джонни посмотрел на гроб.

– Вы помните меня?

Кивок.

– Ты бежал, а я тебя схватил.

– Зачем?

– Так сказал Бог.

– Бог сказал схватить меня? – Снова кивок. – Зачем?

– Он не объяснил.

– Джонни...

Голос подал Джек, но Джонни не обернулся.

– Что еще сказал вам Бог?

– Она – моя малышка. – Фримантл показал на гроб. По обезображенному лицу стекали слезы. – Я не могу выкопать яму.

Джонни взглянул на Джека.
Потом опустил револьвер.

Глава 36

Уверенно проехав через окраины, Кросс повернул на север. Глядя в окно, Хант видел пронесившиеся один за другим жилые кварталы, сменившиеся потом мелкими предприятиями. Ни о найденном фургоне, ни о Дэвиде Уилсоне он не думал, а думал о семи флажках в низине и об Алиссе Мерримон. Мысль о том, что она лежит там, в сырой земле, не выходила из головы, и отделаться от нее никак не получалось. Ее юная жизнь оборвалась, ее семья разрушилась. За этими мыслями потянулись другие, касавшиеся его собственной, превратившейся в ад жизни: о растянувшихся на весь год бессонных ночах и гнетущей муке, двенадцати месяцах неудач, крахе собственной семьи. За все это время он так и не смог отступить, расслабиться. Чем была работа? Чем была личная жизнь?

Зазвонил телефон. Хант посмотрел на экран – вот и ответ.

– Привет, Кэтрин.

– Есть новости о Джонни?

Дело плохо.

– Нет. Ничего.

– Он уже должен был бы позвонить. Джонни позвонил бы.

– Мы ищем его. Джонни – парень смысленый. Найдем. – Он помолчал, остро ощущая присутствие в машине Кросса. – Извините, что не зашел обсудить этот вопрос лично. Я бы заглянул, но...

– Он должен был позвонить.

– Кэтрин?

Она уловила в его голосе обеспокоенность.

– Плохая была ночь.

– Вы в порядке?

– Сейчас лучше, но мне нужно, чтобы сын был дома.

– Мы его найдем.

Она как будто замялась, а потом добавила мягко:

– Если обещаете, я вам поверю.

Хант понял, какое отчаяние заключено в этих словах. Он закрыл глаза и представил ее в доме, как она сидит на кровати Джонни, закусив нижнюю губу фарфоровыми зубами. Как ждет, затаив дыхание и сжав кулачки, и какие длинные и черные у нее ресницы.

– Обещаю.

– Поклянитесь.

– Мы его найдем.

– Спасибо, детектив. – Ее дыхание долетело до него по линии связи. – Спасибо, Клайд.

Кэтрин дала отбой. Хант закрыл телефон, потер глаза и почувствовал под веками песок.

Кросс обошел какую-то машину и принял вправо.

– Мать Джонни?

– Да.

Позади осталась деловая часть города, дальше шла открытая сельская местность. Кросс уверенно вел машину. В какой-то момент он прокашлялся.

– Вам, наверное, стоит знать... ходят слухи... – Хант посмотрел на него. – В участке, – продолжал Кросс. – Люди говорят всякое.

– Какие слухи?

– Будто вы думаете, что с Бертоном Джарвисом связан кто-то из полиции. В смысле, вот с этим делом с мертвыми детьми. Может быть, и с делом Алиссы Мерримон.

– Слухи – вещь опасная.

– Я лишь хочу сказать...

– Я понимаю, что вы хотите сказать.

Еще сотня ярдов пролетела под колесами, и Кросс заговорил снова, но уже с большей осторожностью.

– Шеф предупредил в отделе, чтобы вас и близко к личным делам не подпускали. Именно вас. Вот отсюда слухи и пошли. Я просто подумал, что вам стоит знать.

Глядя на траву и небо за окном, Хант придумывал способы наказания для шефа.

– У машины Дэвида Уилсона есть кто-нибудь из наших?

– Она под юрисдикцией округа, так что пришлось привлечь службу шерифа. Сейчас там один из его помощников. Трогать ничего не станет.

– Надеюсь, вы правы.

– Уже недалеко.

* * *

Машина оказалась последней модификацией «Лендкрузера» черного цвета. Внедорожник стоял накренившись, носом вниз, на склоне каменистого, заросшего кустарником оврага глубиной в тридцать футов. На

месте был и прицеп, который, съехав вбок, опрокинулся на крышу.

– Кто-нибудь спускался?

Помощник шерифа покачал головой.

– Шериф сказал сотрудничать с полицией, вот я и стою. Внизу никого не было.

Хант оглядел склон – каменистый, едва прикрытый тонким слоем почвы. Вдоль верхней кромки росли деревья, кусты и сорняки.

– Веревка в машине есть? – спросил он у Кросса.

– Есть.

– Доставай.

Веревку закрепили вверху и бросили в овраг, после чего оба полицейских спустились, скользя подошвами по голому сланцу. Хант был первым. Под машиной протекал струившийся по дну оврага ручеек. Крыша прогнулась под тяжестью прицепа. Больше всего пострадал перед, краска с обеих сторон была ободрана. По ветровому стеклу разбежалась паутина трещин.

– Ни к чему не прикасаться.

Кросс заглянул внутрь через окно.

– Ключ в зажигании. Во включенном положении.

Воспользовавшись носовым платком, Хант открыл дверцу со стороны пассажира, и из салона дохнуло жаром и спертым воздухом. Кожаное сиденье с левой стороны поблескивало потертостями. Спинки задних сидений были опущены, все багажное отделение завалено альпинистским снаряжением. Хант увидел куртку для мотокросса и перепачканные в грязи ботинки. За водительским креслом стояла канистра с бензином. Ни крови, ни каких-либо других признаков аварии.

– Похоже, его сюда столкнули.

– Подходящее местечко, – согласился Кросс.

Обернув пальцы тем же платком, Хант открыл «бардачок». Потыкал ручкой в бумаги, закрыл отделение. Осмотрел пол, потом заглянул под сиденья.

– Привет.

– Что там?

Детектив сунул руку с ручкой под кресло и, повозившись, выгреб гильзу. Кросс наклонился поближе.

– Сорок пятый.

Хант опустил гильзу в пакет для вещественных улик, который достал из кармана, и поднял к проникавшему внутрь внедорожника свету.

– Давайте вызывайте людей.

В ожидании приезда криминалистов Хант и Кросс стояли на посыпанной гравием обочине, глядя сверху на разбитую машину. Два фургона с четырьмя экспертами прибыли минут через двадцать.

– Поработайте с ним там, внизу. Отпечатки, ткани. Сделайте все, что можете сделать здесь и сейчас. Главное для нас – время. Когда закончите, вытащите ее оттуда и доставьте на стоянку.

Один из криминалистов с сомнением посмотрел на склон, на внедорожник и перевел взгляд на детектива.

– Вы серьезно?

– Трос есть. Справитесь. – Хант взглянул на небо. С юга ползли темные тучи. – Поднимите до начала дождя. Не хотелось бы повторения вчерашнего. – Он подождал, пока криминалисты приступят к работе, после чего позвонил Йокаму и ввел его в курс дела.

– Прорыв.

– Что у тебя там?

– Доктор Мур закончил со вторым телом.

– И?..

– Еще одна девочка. Но не Алисса Мерримон.

Хант разжал кулак.

– Дождь надвигается.

– Знаю. Говорят, у нас часа три-четыре.

– Репортеры?

– Пока нет.

Хант еще раз посмотрел на разбитую «Тойоту», прикидывая, где от него будет больше пользы. Криминалисты уже занялись машиной. Судмедэксперта ждали пять могил.

– У меня такое чувство, будто мы что-то упускаем.

– Seriously?

– Что-то очевидное.

– Какие у тебя планы? – спросил Йокам.

– Оставайся на месте. Я сейчас приеду. – Хант закрыл телефон.

– Детектив, – донесся голос из оврага.

Один из криминалистов стоял возле открытой водительской двери.

– Да? – отозвался Хант.

– Похоже, здесь всё вытерли. Руль чистый, дверная ручка тоже, рычаг передачи... Все чисто. – Эксперт пожал плечами. – Вывод может быть

один: отпечатки стерли.

– Как насчет гильзы?

Криминалист показал пальцем на фургон.

– Гильза у Майклса.

Хант повернулся. Задняя дверь первого фургона была открыта. За привинченным к стене откидным столиком сидел один из экспертов. Гильза лежала перед ним на чистом листке белой бумаги.

– Майклс?

– Секундочку. – Тот произвел с гильзой какие-то манипуляции, выпрямился и повернулся к двери. – Есть отпечаток.

* * *

Оставив Кросса, Хант вернулся на участок Джарвиса, где судмедэксперт как раз откапывал третье тело. В сторонке, подбоченясь и поджав губы, стоял Йокам. Высокий и плотный, в сырой болотистой низине он выглядел маленьким и несчастным.

– Третий.

Хант посмотрел на два мешка, лежащих неподалеку, готовых к транспортировке и кажущихся почти пустыми.

– Пойдем отсюда. – Он повернулся, но Йокам за ним не последовал, а перевел взгляд с мешков на отмеченные флажками могилы, которые еще только предстояло раскопать.

– Кто-то должен заплатить за это жизнью.

Хант остановился. За все годы, что они работали вместе, он никогда не видел друга в таком состоянии, с трещиной в броне. Йокам был настоящим профессионалом. Он мог пошутить, но никогда не выказывал чувств.

– Кое-кто уже заплатил, – сказал Хант.

Расчерченное полосами света лицо Йокама казалось сложенным из углов.

– Думаешь, Джарвис действовал в одиночку?

– Не знаю.

– Они же дети...

– Пойдем, Джон. Давай займемся делом.

Йокам покачал головой, и Хант понял, о чем он думает.

Кто-то должен заплатить за это жизнью.

Поднявшись по склону, они выбрались из леса. На дороге, рядом с полицейскими машинами и фургоном судмедэксперта, стояли два фургона

службы новостей с работающими вхолостую моторами. Йокам увидел их первым.

– Телевизионщики.

– Дрянь дело.

Двое оставленных шефом патрульных сдерживали репортеров, разведя руки и стараясь не обращать внимания на камеры и микрофоны. Увидев Ханта, телевизионщики переключились на него.

– Это правда, что обнаружены еще тела?

– Без комментариев.

– Почему здесь судмедэксперт?

Детективы прошли мимо полицейских.

– Никого не пропускать, – повысив голос, напомнил Хант.

– Детектив! – окликнула его репортер с Четвертого канала. – Детектив...

Хант не остановился и сразу направился к своей машине. Репортер, сопровождаемая операторами, устремилась за ним.

– Вы действительно ищете Джонни Мерримона? – На Ханта накатила вдруг волна злости. Сжав кулаки, он обернулся, и она тут же подсунула ему микрофон. Камера поймала в профиль ее лицо с живыми, блестящими глазами. – Это правда, что он пропал?

Хант посмотрел на дорогу за ее плечом и увидел приближающийся к ним еще один телевизионный фургон.

– Без комментариев. – Он взялся за ручку дверцы.

– Как насчет утверждений о причастности полиции к преступлениям Бертон Джарвиса?

– Что вы сказали? – Она повторила вопрос, и Хант почувствовал, как от лица отхлынула кровь. – Вызови сюда еще патрульных, – сказал он Йокаму и, повернувшись к репортеру, добавил: – А вы, пойдете со мной.

Не дожидаясь ответа, Хант прошел футов двадцать по дороге и повернулся. Она отстала на три шага и выглядела безукоризненно – с модной прической и в облегающем красном свитере. За спиной у нее только что прибывшая третья группа уже готовилась к съемкам.

– Почему вы задали этот вопрос?

Она не пошла на попятный.

– Так это правда?

– Я не могу комментировать текущее расследование. Почему вы задали этот вопрос?

– Мои источники защищены. – Она привычно вскинула идеальной формы подбородок и подбоченилась.

Хант шагнул к ней.

– На вашем месте я не распространял бы такого рода слухи. – Он посмотрел в упор в ее дерзкие голубые глаза. – Это контрпродуктивно.

– То есть вы отрицаете?

Записи Джонни Мерримона. Распоряжение шефа насчет личных дел. Наручники полицейского образца на запястьях Тиффани Шор. Темный седан на улице у дома Кэтрин. Котенок со сломанным позвоночником. Записка-предупреждение, адресованная Джонни.

– Ваш источник ошибается.

– Я могу это процитировать?

– Можете даже вытатуировать это себе на лбу.

Хант отвернулся и зашагал прочь. Репортер не отставала. Не успел детектив добраться до Йокама, как у обочины остановился фургон службы судебно-медицинской экспертизы из Чейпел-Хилл. Репортеры тут же окружили его, наперебой выкрикивая вопросы.

Хант сел за руль своей машины – Йокам развалился рядом, – повернул ключ, подождал, пока репортеры отступят, и дал газу.

– Что такое? – спросил Йокам, заметив, что друг не в настроении.

– Они знают про Джонни.

– Откуда?

– Знают, что в дело может быть замешан коп.

– Что за чертовщина?

Хант вцепился взглядом в дорогу.

– Кто-то разболтался.

Глава 37

В участок вошли вместе. На этаже их встретили недобрым молчанием и откровенно враждебными взглядами. Хант шел первым, Йокам следовал за ним. Войдя за другом в кабинет, закрыл дверь.

– Неудобно как-то получается.

– Они не виноваты. Телестудия рядом, на Мейн-стрит.

Йокам уставился на улицу в замызганное окно. В сочащемся через грязное стекло солнечном свете его эспаньолка казалась желтовато-белой.

– Дело не в этом.

– Нет? У нас из похищения за несколько часов выросло массовое убийство. У нас жертвы – дети. У нас национальное телевидение. Все только об этом и говорят, и, разумеется, люди напуганы. И в самой гуще всего этого мы с тобой. Почему бы им на нас не смотреть?

– Проблема лишь в двух моментах.

– Неужели? – Хант был не в духе и злился, но и Йокам отступить не стал.

– Во-первых, ты копаешь под копа, кого-то из них, а во-вторых, дал слабину.

– Дал слабину в чем?

– Отпустил Джонни Мерримона.

Теперь уже Хант отвернулся.

– Насчет Джонни никаких разговоров не было.

– Будут, если мальчишка не появится в ближайшее время. Джонни теперь на виду и у прессы, и у телевидения, и репортеры знают, что он пропал. Рано или поздно они пронюхают, что ты не дал службе соцобеспечения сделать свое дело, а про тебя и его мать и без того все знают.

– Нечего там знать.

– Ты, может, в это и веришь, а я – нет... Ну да неважно. Решение по Джонни принимал ты, и, если с парнишкой что-то случится, в причинах никто разбираться не будет. Тебя просто распнут.

– Думаю, ты не прав.

– Ты так думаешь, потому что знаешь мальчишку. Другие его не знают. Зато всем известно, что жизнь у парня паршивая. Что он потерял сестру и отца. Что мать не в себе. А еще они знают, что пишут в газетах. Ты сам видел фотографии. Любой скажет, что Джонни надо сажать под замок ради

его собственной безопасности.

– А другой вариант?

– А другой – отдать под опеку туповатому охраннику, который и свою-то жизнь устроить не может... Черт возьми, Клайд, неужели ты не понимаешь? Если с ним случится что-то плохое, винить за принятые решения будут тебя. Уж Кен Холлоуэй об этом наверняка позаботится. И шеф тоже, и пресса, и генеральный прокурор. – Йокам выставил заскорузлый, мозолистый палец. – Тебе надо молиться, чтобы мальчишка объявился целым и невредимым.

Хант задумчиво посмотрел на друга, выдохшегося и как-то внезапно постаревшего.

– Не волнуйся так, Джон. Тебе это на пользу не идет.

– Я всегда ожидаю худшего, и обычно так оно и выходит. Сам знаешь. Вот почему за все тридцать лет это дерьмо меня не задело.

– А сейчас? – Хант чувствовал перемену, чувствовал за словами друга едва сдерживаемую злость.

Йокам помолчал, потом сказал:

– Сейчас дело другое.

– Потому что здесь дети?

– Потому что, все вместе, они никак не сводятся к одному. И потому что все это творилось годами у нас под носом. Я так тебе скажу, Клайд: никогда в себе этого не чувствовал.

– Чего этого?

– Что кто-то должен заплатить жизнью. За это... – Йокам ткнул пальцем в стол и, повысив голос, повторил: – Кто-то должен заплатить жизнью.

– Потише.

– Так должно быть.

– Насколько мне известно, в Северной Каролине смертную казнь не отменяли.

– Адвокаты... – Йокам произнес это так, словно выругался.

Некоторое время оба молчали. Первым после паузы заговорил Хант.

– А если Джонни прав? – негромко сказал он. – Если у Бертона Джарвиса был сообщник, коп? Если он прикрывал Джарвиса? Помогал ему?

– Исключено.

– Семеро детишек...

– Я просто не представляю.

– Кто-то же сливает репортерам информацию. Если б я был «грязным»

копом и хотел помешать расследованию, то начал бы с этого: распустил бы слухи, поднял шум, отвлек внимание тех, кто меня ищет.

Йокам ненадолго задумался.

– Предположим, есть второй. Кто-то, кто действовал заодно с Джарвисом, кто-то, замешанный в это дело с детьми. Джонни мог бы его опознать?

– Может быть. Со мной он разговаривать не хочет.

– А Тиффани Шор?

– У нас нет оснований думать, что к ее похищению причастен кто-то еще, но такой вариант не исключен. Ее сейчас держат на успокоительных, в более или менее кататоническом состоянии. Но доктора надеются на лучшее. Может быть, завтра.

– Ее охраняют?

– Нет.

– Пожалуй, стоило бы. Если замешан коп.

– Пожалуй.

Хант посмотрел на стол. Дело Алиссы Мерримон лежало рядом с делом Тиффани Шор. Он открыл первый файл и увидел фотографию Алиссы, глаза, волосы и лицо которой были словно списаны с ее брата.

– Возможно ли такое? Один из наших?

– Тьма, Клайд, ест сердца, как рак. Я в этом убежден.

Хант открыл вторую папку и несколько секунд пристально всматривался в тонкие, изящные черты Тиффани Шор. Потом коснулся пальцами обеих фотографий.

– Не могу просто сидеть на месте.

– Что?

– Тебе в этом участвовать необязательно.

– В чем? – спросил Йокам, но Хант оставил вопрос без ответа.

Выйдя из кабинета, он повернул в узкий коридорчик, который вел в заднюю часть здания. На него смотрели и отворачивались. Пройдя по опустевшему коридору, детектив распахнул пожарную дверь и торопливо, перепрыгивая через ступеньки, сбегал вниз. На подвальном уровне его ждали бетонный пол и металлическая дверь. Склад вещественных доказательств. Дальше по коридору, в небольшой комнатухе, лежали личные дела сотрудников департамента полиции. Полицейских. Обслуживающего и вспомогательного персонала. Архивные материалы держали в запертых шкафчиках за незапертой дверью. К ней и направился Хант. По пути он задержался на секунду, чтобы снять со скоб огнетушитель. Нужный шкафчик находился в самом центре задней стены.

Хант осмотрел замок на верхнем ящике. Дешевый. Такой поддастся легко.

Хант поднял огнетушитель, но остановился, когда в комнату вошел Йокам.

– Я же сказал, чтобы ты не вмешивался.

– Нет. – Йокам закрыл дверь. – Ты не так сказал.

Детектив снова посмотрел ящик и как будто заколебался.

– Ну давай, – сказал Йокам. – Бей.

Хант чуть повернул голову и скосил глаз на напарника – щеки его лихорадочно горели, в глазах, отражая свет флуоресцентных ламп, вспыхнули крошечные огоньки.

– Бей, – повторил Йокам. – К черту шефа. К черту субординацию.

Хант опустил огнетушитель, и Йокам шагнул к нему сзади.

– Ради Алиссы.

– Ты на меня давишь?

– Сделай это. Ради Джонни. Ради его матери.

– Что ты делаешь, Джон?

Йокам подошел еще ближе.

– Напоминаю тебе, что есть разница между служебным и личным.

– Иногда работа может быть личным делом. – Хант посмотрел на Йокама в упор и отвел глаза только после того, как напарник отступил. – Не пытайся мной манипулировать.

Ответить Йокам не успел – дверь из коридора открылась, и в комнату вошла дежурная, молодая женщина. Вошла и остановилась, увидев двух мужчин. Бросив быстрый взгляд на огнетушитель в руках Ханта и уловив висящее в воздухе напряжение, она торопливо пробормотала: «Я вернусь позже» – и выскользнула в коридор.

В наступившей внезапно тишине Йокам поднял руку, разведя на дюйм большой и указательный пальцы.

– Иногда бывает нужно вот столечко.

– Чтобы?..

– Чтобы вылететь со службы из-за какой-то глупости.

Еще несколько долгих секунд они стояли друг против друга; потом Хант, еще не остыв, вышел из комнаты и повесил на место огнетушитель, а когда повернулся, Йокам уже ждал.

– Таких красавцев, как я, нельзя ненавидеть, – пошутил он, и у Ханта гора свалилась с плеч.

– Почему Джонни мог подумать, что это коп?

– Потому что это и был коп?

– Почему мальчишка может принять кого-то за копа? Что толкает его к

такому выводу? Жетон? Что-то, что он сказал? Что-то, что он сделал? – Хант тронул ремень. – Наручники? Оружие?

– Форма?

Они стояли, вдыхая запах сырого бетона, думая об одном и том же. Джонни был странным, чудным пареньком, но сообразительным и с хорошим чутьем. Именно этого никто, похоже, не понимал. Если Джонни считал, что в дело был замешан коп, значит, у него была на то какая-то причина. Хант попытался представить: темный вечер, двое мужчин в доме, Джонни у окна...

– Ты читал отчеты по краденым номерам?

– Что?

– Отчеты по регистрационным номерам.

– Читал. А что?

– Тот, кого Джонни видел в доме Джарвиса, ставил на свою машину краденые номера. Владелец одного набора из трех украденных не представляет ни где, ни когда он его лишился. В отличие от двух других.

В голове у Ханта что-то сдвинулось, и это отразилось на его лице.

– Что? – спросил Йокам.

– Два из трех пропали с машин, парковавшихся у торгового центра.

Подходящее для такого дела место...

– Как и аэропорт, больница и с десятков других торговых центров.

Они посмотрели друг на друга и подумали об одном и том же.

Наручники. Оружие. Форма.

Охранник.

Глава 38

Джонни копал. Он чувствовал, как напрягаются швы, но пересиливал боль. Копать он взялся не просто так, на то была причина. Так он сказал себе. И повторил потом. И еще раз. Фримантл сидел, положив одну руку на сколоченный из сосновых досок гроб и пристально наблюдая за мальчиком и растущей горкой земли рядом с ямой. Когда лопата ударила о камень и Джонни выковырнул его и поднял, Ливай кивнул.

– Спасибо тебе.

Джонни едва услышал слова благодарности, но это не имело значения. За то время, что он работал, эти слова прозвучали уже раз двадцать. Так что он тоже кивал и копал. Жарило солнце, и грозовые тучи сбивались в кучу на юге. Джонни посмотрел на Джека и поднял лопату.

– Не хочешь подменить?

– Спасибо, мне и так хорошо.

Поначалу Джек минут десять стоял, держа револьвер в поднятых руках, а когда опустил оружие, то заметил это только Джонни. Теперь Джек уже сидел на кирпичной стене, со скучающим видом отмахиваясь от moskitov, и револьвер лежал у него на коленях.

В каком-то смысле Джонни даже обрадовался, что друг отказался копать. Джонни ничего не знал ни о Ливае, ни о том, как умерла его дочь, но понимал понесенную им потерю так, как никогда не понял бы ее Джек.

Вот почему он копал и терпел боль. Вот почему думал о сказанном Дэвидом Уилсоном у моста: *«Я нашел ее. Ту девочку, которую похитили»*. Тогда Джонни убежал в панике и страхе, прежде чем Уилсон успел объяснить, что имел в виду. Но потом появился Фримантл. Джонни посмотрел на великана, вогнал лопату в землю и, собравшись с силами, поднял.

Фримантл появился позже, и если застал Уилсона живым, тот, может быть, сказал ему, где нашел девочку. Может быть, Фримантл знал.

Джонни копнул еще раз, и Ливай в очередной раз кивнул.

Может быть.

Джонни копал, и в ушах звучали два этих слова.

Через час с небольшим на нижнюю ветку стоящего в центре кладбища дуба сели две вороны. Джонни заметил их лишь потому, что Фримантл вдруг затих, склонился над гробом и уставился на черных птиц с ненавистью и страхом. Потом одна из ворон слетела на могильный камень – черный комок, раскинувший в последний момент крылья. Склонив набок голову, уставилась на гроб, потом распушила блестящие, словно смазанные маслом перья и принялась охорашиваться. Внезапно Фримантл вскочил и, хромая, с криком устремился к вороне. Джек дернулся от неожиданности, и револьвер выстрелил.

В крике звучали какие-то слова; в этом Джонни мог бы поклясться, но разобрать их не было никакой возможности. Птица сорвалась с надгробия и перелетела на другое дерево, и Фримантл вернулся на прежнее место и сел у гроба. Какое-то время он таращился на ворону, потом закрыл глаза и перекрестился.

Джонни посмотрел на побледневшего от испуга Джека, который молча покачал головой и изо всех сил вцепился в револьвер. Неподалеку одна за другой слетели на деревья еще две вороны. Потом еще три. Джонни снова взялся за работу. Потянулись минуты. Копать мягкую землю было легко, но Джонни хотел сделать яму поглубже и не обращал внимания ни на боль в руках, ни на стертую в лохмотья кожу, из-под которой сочилась прозрачная, со сладковатым запахом жидкость, ни на ломоту в спине, ни на тянущие швы, ни на щиплющий глаза пот. Он мог потратить целый день на то, чтобы получить желаемое, и потому спланировал все заранее, выработал наилучший подход и продумал вопросы, которые собирался задать, как только гроб с дочерью Фримантла ляжет в землю.

Джонни взглянул на великана.

Штык вошел в землю.

Над усыпанными воронами деревьями сбивались темные грозовые тучи, а паренек все копал и копал горячий песок.

* * *

Когда он выбрался из ямы, солнце едва просвечивало сквозь край надвигающейся тучи. Ветер трепал верхушки деревьев. В воздухе висел сильный запах озона.

– Гроза идет, – сказал Джек.

Размерами и формой яма получилась правильная, хотя могла бы быть и поглубже.

- Вот так вот, – сказал Джонни. – Все, что могу.
- У меня есть веревка. – Фримантл показал на гроб.
- Хорошо.

Они передвинули гроб к краю могилы, протянули веревки через металлические ручки и опустили гроб. На дне свежевыкопанной, неровной ямы он выглядел жалким и нелепым. Царапнув по днищу, веревки вытащили наверх, и Фримантл ловко, хотя и медленно и аккуратно, сложил их.

– Остальное я хотел бы сделать сам. В сарае сухо. Если хочешь отдохнуть. – Он кивнул и посмотрел на низкое, багровое небо. Листья на деревьях отливали серебром. – Она не любила грозу. – Повернулся и поднял лопату. В подбрюшье туч блеснула желтая вспышка.

- Молния, – сказал Джонни.

Но Фримантл не торопился. Собрав пригоршню земли, он бросил ее в могилу. Ветер набирал силу, и листья дрожали и шумели.

– Молния. – Фримантл бросил на гроб дочери еще одну пригоршню земли. Джек уже стоял за калиткой, но Джонни не спешил. Ливай застыл над могилой, не отводя глаз от гроба дочери. – Господь шумит, как мой отец.

- Правда?

Великан кивнул.

- Не то что другой голос.

- Другой голос?

– Мягкий, как шоколад на солнце. Тягучий и сладкий. Глотать трудно. – Он снова посмотрел на грозное небо. – Я слышу его, когда вороны подлетают ближе.

Фримантл подобрал камень и бросил в ворон, рассеявшихся на нижних ветках дуба. Потом подошел ближе, остановился и долго стоял не двигаясь. Джонни не торопил его, потому что уже понял – у парня не всё в порядке с головой. Он поискал глазами Джека, но не нашел.

– Боюсь молний. – Ливай повернулся лицом к ветру, но вид у него был вовсе не испуганный. – Господь не говорит больше со мной. – Его горе можно было, казалось, пощупать пальцами.

– Подождите. – Джонни забрал у великана лопату и подошел к дереву. Вороны встретили его хриплым карканьем, но все же вспорхнули и улетели. Штыком лопаты Джонни изобразил круг на коре дерева. – Это должно защитить тебя от молнии. Но действует только на дубе. На других деревьях бесполезно.

Чернокожий великан выпрямился и расправил плечо. Взгляд здорового

глаза переместился с покоренной коры на белого мальчика.

– Черная магия.

– Нет.

– Кто так говорит?

– Кельты. Их уже нет. Умерли все. Давно.

– Откуда ты знаешь, что этот знак защищает, если все кельты мертвы?

– Читал где-то. Неважно.

Фримантл покачал головой, и на его изуродованном лице проступило сомнение.

– Молния бьет. И можно только молить Бога, чтобы она не ударила в тебя. – Он посмотрел на горку земли у края могилы. – Когда бросаешь землю, надо говорить слова. – В его глазах, обращенных к Джонни, зажглась надежда. – У тебя есть Библия?

– Нет, – смутился вдруг Джонни. – Но некоторые слова я знаю. – Он не собирался делиться своими мыслями и верованиями с этим странным человеком, боящимся ворон, молний и сахарных голосов. – Я произнесу их за тебя.

Порыв дождя прошелестел по верхушкам деревьев. Джонни подошел к могиле и встал рядом с великаном, тревогу на лице которого стерла гримаса облегчения. Вблизи его шрамы казались серыми морщинами. Снова полыхнула желтая вспышка, и невидящий глаз заиграл цветами радуги. Джонни попытался вспомнить долгие ночи, проведенные за чтением Библии, лихорадочные молитвы матери и свои собственные поиски смысла. Несколько долгих секунд память не отзывалась, но потом он произнес те единственные слова, которые смог запомнить.

– Отче наш, сущий на небесах...

Холодный дождь пошел сильнее.

– Да святится имя Твое.

Ливай плакал, закапывая дочь.

Джонни стоял под дождем и ждал, когда ударит молния.

Глава 39

Хант и Йокам задержались на первом этаже, в вестибюле большого здания в центре города. Кабинет Кена Холлоуэя находился на пятом этаже, но секретарша, женщина за пятьдесят с каменным лицом, упорно отказывалась их пропустить. За окном быстро темнело. Разбросанный мусор носился по бетонному тротуару, а потом, подхваченный ветром, закружился и взлетел.

– Нам не нужна предварительная договоренность. – Хант показал полицейский жетон.

Женщина стояла за массивной деревянной стойкой с телефонным коммутатором, на котором мигали красная и зеленая лампочки. Компания Холлоуэя занимала целое здание, о ее масштабе говорил указатель на стене: отдел продажи недвижимости, отдел строительства, консалтинговый отдел, отдел управления недвижимым имуществом. Холлоуэй владел торговым центром, несколькими крупными зданиями в центре города, тремя кинотеатрами, двумя полями для гольфа – и это только здесь, в городе. Вообще же его деловые интересы распространялись за пределы штата.

– Мы ведем уголовное расследование, – продолжал Хант. – Я могу вернуться через двадцать минут с повесткой и ордером.

На столе зазвонил телефон. Секретарша сняла трубку, ответила, выслушала какие-то распоряжения и, положив трубку, заговорила холодно и резко, сохранив на лице непреклонное выражение:

– Мистер Холлоуэй – один из благороднейших людей в этом городе, и все находящиеся здесь являются свидетелями чинимого вами произвола. И если это продолжится, многие из присутствующих будут готовы свидетельствовать против вас в суде. – В следующий момент маска соскользнула, и она улыбнулась и протянула руку. – Мистер Холлоуэй примет вас. Лифт там, справа.

Они прошли по мраморному полу и вошли в кабину лифта. Йокам нажал кнопки, и створки сошлись.

– Восхитительная.

– Секретарша?

– Роскошная женщина.

Офис Холлоуэя занимал едва ли не целый этаж. Хант успел заметить зал для совещаний и несколько подсобных кабинетов, но все остальное пространство занимало помещение с открытой планировкой. Кен стоял за

своим столом в компании расположившихся по обе стороны от него адвоката и вооруженного охранника. Три стены из листового стекла позволяли любоваться едва ли не всей центральной частью города, включая полицейский участок, выглядевший отсюда неряшливым и обшарпанным. Зато быстро приближавшийся грозовой фронт представал внушительным багрово-черным валом.

– Детективы...

Хант первым ступил на восточный ковер, прошел мимо стола для совещаний, стоившего, наверное, больше его автомобиля, и остановился перед письменным столом. Холлоуэй принужденно улыбнулся, а вот кончики пальцев, которыми он опирался на стол, побелели от напряжения.

– Моего адвоката вы помните. – Он указал на охранника. – А это Брюс.

Хант смерил охранника взглядом. За сорок, высокий, чернокожий, в свежей синей форме с золотым значком на груди и соответствующей полоской на плече. Лицо охранника никаких эмоций не выражало. В кобуре – полуавтоматический пистолет.

– Разрешение на ношение имеется?

– У него есть разрешение, – сказал Холлоуэй.

– Брюс может ответить за себя?

– Нет.

– Но ведь он взрослый мужчина.

– Нет, пока работает на меня.

Глядя на Брюса, Хант вопросительно вскинул бровь, склонил голову набок и пожал плечами.

– Мы расследуем возможную причастность одного из ваших служащих к уголовному преступлению. Нам нужны имена и личные данные на всех ваших охранников. В первую очередь тех, которые работают в торговом центре.

– О каком именно уголовном расследовании идет речь?

– Нам нужны имена.

Стоявший справа от Холлоуэя адвокат наклонился вперед.

– Я рекомендовал моему клиенту не отвечать ни на какие вопросы при отсутствии судебного приказа.

Холлоуэй развел руками, показывая, что никакого выбора у него нет, и Хант посмотрел на адвоката.

– Это ваше последнее слово?

– Да.

– Вы рекомендуете клиенту не вмешиваться в наше расследование?

– Конечно.

– Он не должен сообщать кому-либо о нашем разговоре. Расследование продолжается.

Холлоуэй сдержанно улыбнулся.

– Нам нечего обсуждать вне судебного разбирательства, детектив. Ни моих служащих, ни ваше расследование, ни ваши достойные жалости предпочтения. Ни Кэтрин Мерримон или ее ублюдочного сыночка.

Хант выдержал до конца его взгляд и резко повернулся.

– Да, кстати, – добавил Кен. – Вам, пожалуй, стоит знать, что Кэтрин Мерримон отказалась видеться со мной. Сменила замки. У нее истерика. Как обычно.

Хант остановился. Вернулся к столу.

– Это правда?

– Сегодня утром мы составили требование о выселении арендатора. Через тридцать дней ее выставят на улицу.

– Ничего, переживет.

– Неужели?

Поле зрения странным образом сузилось, так что Хант видел только масляную ухмылку Холлоуэя. Кто-то потянул его за пиджак.

– Идем, Клайд, – сказал Йокам и повернулся, но Хант остался на месте.

– Все ваши охранники носят оружие? – спросил он.

– Я не стану отвечать на ваши вопросы. И уже, по-моему, выразился на этот счет достаточно ясно. – Заметив, что детектив смотрит на охранника, Холлоуэй добавил: – И он тоже ничего вам не скажет.

Брюс молчал, стоял вытянувшись, но как только Хант отвернулся, положил палец на рукоятку пистолета.

– Всего хорошего, детективы, – кивнул адвокат. – Секретарь внизу отметит вашу парковку.

Они прошли к выходу – сначала по мягкому ковру, потом по звонкому дереву. Створки лифта разошлись и снова сошлись.

– Милый офис, – заметил Йокам. Хант промолчал, только стиснул кулаки так, что ногти вонзились в ладонь. – Приятный вид.

Детективы миновали секретаршу, которая проводила их сердитым взглядом, но ответного внимания не удостоилась. Выйдя на тротуар, они остановились перед нависшим над ними темным высоким зданием. Воздух был заряжен электричеством, и его энергия, казалось, передавалась голосу Ханта.

– Видел?

– Видел.

- У охранников есть.
- Не у всех.
- Но у этого...
- Да.
- У этого есть.

Детективы повернули к парковке, и ветер набросился на них, дергая за рукава и хлопая штанинами. Форма, значок, оружие. Тринадцатилетний мальчишка вполне мог принять охранника за полицейского. Легко.

Как нечего делать.

* * *

Йокам положил руки на крышу машины. Хант остановился у дверцы на другой стороне, спиной к пустынной улице.

- Хочу кое-что сказать. И не хочу, чтобы ты лез из-за этого в бутылку.
- Что?
- Нам необязательно смотреть личные дела.
- Это может оказаться нелишним.
- Но острой необходимости нет.

Детектив пожал плечами.

- Я хотел увидеть его. И хотел, чтобы он знал, что я делаю.
- Это недостаточная причина.
- Возможно, ты прав.

– Тогда зачем вообще приезжать сюда? Зачем втягивать Холлоуэя, если это не нужно? Ты же знал, что он не станет отвечать на твои вопросы. Знал, что он ненавидит тебя.

Хант посмотрел на друга пустыми, будто спрятавшимися за шторами глазами.

- А, черт...
- Садись, – сказал Хант.

Оба сели, оставив за окном шум ветра.

– Он обзвонит своих людей, – продолжал Йокам. – Уже сейчас, наверное, сидит на телефоне.

– Может быть. – Хант повернул ключ, посмотрел влево-вправо и отъехал от тротуара.

– Ты его подставил. Он обзвонит своих людей, а ты предъявишь ему обвинение в препятствовании расследованию.

Хант промолчал.

Он ехал к торговому центру.

* * *

Прямоугольное и унылое, поднимающееся на фоне потемневшего неба сооружение из оштукатуренного бетона – вот что представлял собой этот центр. Стеклопакеты сдвигались и раздвигались, отсвечивая всеми цветами от серого до фиолетового и выпуская посетителей, спешивших вернуться и переждать грозу дома. Проложив путь в потоке движения, Хант подъехал к торговому центру с тыльной стороны. Он едва свернул за угол, как на ветровое стекло упали первые крупные капли. Контейнеры для мусора, погрузочно-разгрузочные платформы, старые автомобили... Они проехали половину задней стены, как вдруг Хант ударил по тормозам. Дверца распахнулась, и он выскочил прежде, чем Йокам успел окликнуть напарника:

– Ты что делаешь?

Детектив словно не услышал его.

– Мэм? – обратился он к женщине, стоявшей у ближайшей платформы. – Мэм?

Женщине было за шестьдесят, но привлекательности она не утратила. Коротко постриженные седые волосы лежали на воротнике дорогого платья.

Хант одарил ее улыбкой и показал жетон.

– Здравствуйте. Детектив Хант. Извините за беспокойство.

– Чем могу помочь? – Она повернулась к нему – изящная и элегантная, с бриллиантом у горла не меньше чем в два карата, очень похожим на настоящий.

Небо упустило пригоршню крупных тяжелых капель.

– Обратил внимание... – Хант выразительно посмотрел на то, что она держала в руке.

– Тунец. – Женщина смущенно наклонила банку. Крышки не было, и тунец испортился. Она указала на край платформы, где уже поставила свежую банку. – Здесь есть кошечка, такая милая... Не шастать же ей по помойкам.

– И что, кошке надоел тунец? – Хант кивком показал на банку с протухшей рыбой.

– Не видела ее уже несколько дней.

– А кошка-то какая? – Заметив, что женщина в замешательстве и,

похоже, растерялась, Хант снова улыбнулся. – Извините, что спрашиваю. Я сам большой кошатник.

Она мгновенно успокоилась и даже подошла ближе.

– Бурая, полосатая, с золотистыми глазами и двумя белыми «носочками». Милая непоседа... – Женщина сверкнула улыбкой.

Хант шагнул на платформу.

– Можно пройти через ваш магазин?

– Не знаю... я...

– Боюсь, я настаиваю.

В магазине продавали одежду. Детективы прошли через склад, потом мимо примерочных. Застигнутые врасплох женщины удивленно смотрели на них, но Хант, словно никого не замечая, направился к лифтам.

– Клайд, притормози.

Несмотря на приближающуюся грозу, покупателей было много, и среди них преобладали семьи с детьми, добавлявшие красок и шума.

– Клайд!

Хант пробивался сквозь толпу, и Йокам едва поспевал за ним.

– Это тот самый парень.

– Кто? Ты о ком?

– Я про кошку из дома Джонни. Коричневые полоски, белые лапки... Это наш парень.

– Который?

– Любой, который с оружием.

– Тот, кого Джонни принял за копа?

Хант взбежал по эскалатору и оказался в фуд-корте. Протолкавшись мимо группы покупателей, он решительно направился к двери с надписью «ОХРАНА» и подергал за ручку. Закрыто. Он нажал на кнопку звонка.

– Слушаю.

Голос был знакомый.

– Стив, это детектив Хант. Откройте.

– Какая-то проблема?

Хант хлопнул ладонью по холодному металлу.

– Открой гребаную дверь.

Дверь загудела, и Хант рванул вверх по лестнице. За ним по бетонным ступенькам затопал Йокам. На площадке детективы выхватили оружие. Стив ждал их на самом верху лестницы, у приоткрытой двери.

– В сторону, Стив. Отступи.

– Эй, полегче. – Увидев револьверы, Стив вскинул руки.

Они ворвались в комнату. Один охранник, толстяк, сидел за

мониторами, другой стоял перед широким окном с видом на фуд-корт. Оба испуганно обернулись. Оружия ни у первого, ни у второго не было.

– Кабинет, – сказал Хант и, бросив взгляд по сторонам, увидел закрытую дверь с зашторенным окошечком. – Ты. – Он ткнул пальцем в стоящего охранника. – Сядь. – Охранник поспешил к ближайшему стулу. Хант показал на закрытую дверь, и Йокам встал к стене, сбоку от нее. Стив наблюдал за происходящим в полном оцепенении.

– Там кто-нибудь есть? – спросил детектив.

– Мистер Мичум. Он ушел.

– Кто такой мистер Мичум?

– Босс.

Хант жестом убрал Стива от двери, посмотрел на Йокама, показал три пальца и начал отсчет. Дверь распахнулась легко, без сопротивления, открыв им пустой офис.

– Я же сказал... – Стив заполнил собой проход. – Мистер Мичум только что ушел.

– Когда?

– Минут, может быть, пять назад.

– Опиши его.

– Ну не знаю. Шестьдесят пять лет. Худощавый, но сильный. Волосы редкие, нос кривой.

– Оружие при себе имеет? В форме?

– Ходит обычно в джинсах и рубашке с двумя нагрудными карманами.

Да, оружие на ремне. Он у нас единственный, кому оно разрешено.

– Какое?

– А?

– Оружие какое? Калибр?

– По-моему, сорок пятый.

Хант и Йокам переглянулись, и оба подумали об одном: *калибр тот же, что и у гильзы, найденной под сиденьем в машине Дэвида Уилсона.*

– Наручники носит? – спросил Йокам.

– Мы все их носим.

– Джон. – Хант показал взглядом на письменный стол – старый, поцарапанный, ничем не примечательный. Стоявшие на нем мониторы были подключены к системе наблюдения торгового центра. На три из них поступал сигнал с камер, установленных в фуд-корте, и каждый показывал столик, за которым сидели девушки лет четырнадцати или, может быть, меньше. Крупный план позволял рассмотреть детали: скобы на зубах, ямочки на щеках, веселые лица, волосы...

- Наш парень.
Йокам наклонился ближе.
– Вот же сукин сын.
– Почему Мичум ушел? – спросил Хант с ужасной, пугающей уверенностью.
Стив не стал тянуть с ответом.
– Ему позвонил мистер Холлоуэй. О чем говорили, не знаю, но трубку снимал я сам.
– Когда?
– Только что. Прямо перед вами.
– Стив, нам нужен адрес Мичума.
– Адреса у меня нет, но до его дома вы дойдете за пару минут.
– Как так?
– Живет за торговым центром. Пройдете по задворкам и попадете к его задней двери.
– Показывай.
– Сейчас?
– Сию же минуту.
Стив облизал губы и нервно огляделся.
– В самом деле?
– Да. – Хант положил руку ему на плечо. – В самом деле.

* * *

Холодный дождь ударил Ханту в лицо и забарабанил по асфальту, разбиваясь в мелкую пыль и поднимаясь над землей легким туманом. Видимость ухудшилась, как будто свет сам высосал себя из воздуха. Мимо проехал автомобиль с запотевшим ветровым стеклом; «дворники» сметали воду, размеренно елозя по широким дугам.

- Где? – повысив голос, спросил Хант.
Стив показал. Тяжелая дверь захлопнулась за его спиной.
– Там. Между деревьями. – Присмотревшись, детектив увидел два чахлах, низкорослых кедра, растущих в самом конце кювета, на другой стороне автостоянки. – Туда ведет дорожка. Это недалеко.
– Мне нужно, чтобы ты показал.
– Да ты что творишь? – Стив глянул вверх. – Хочешь, чтобы я промок, а потом еще и коленкой под зад получил?
Никто не засмеялся.

– Быстрее, – поторопил его Хант.

Они промчались по затопленной мостовой, проскочили между «Шевроле Субурбан» и потрепанным «Фордом» с заклеенным пластиком окном. Кювет уже заполнился водой. Мутный поток нес обертки от фастфуда, пластиковые пакеты и пустые пачки от сигарет. Возле деревьев начиналась узкая дорожка, пробегавшая через высокую траву, которой заросла бывшая автостоянка. Йокам тронул напарника за плечо.

– Вызвать подмогу? – Он взялся за рацию.

– Нас не ждут.

– Ладно. – Йокам убрал рацию в карман и снял пистолет с предохранителя. – Не люблю ждать.

– Который дом?

Стив наклонился влево, всматриваясь вдаль между двумя кедром. От заросшей сорняками площадки тянулся ряд домишек с узкими патио, позабытыми грилями и брошенными велосипедами.

– Видишь вон тот серый дом с красным велосипедом на заднем дворе? – Стив протянул руку.

– Вижу.

– От него третий слева.

Хант прошел взглядом влево и увидел приземистый домик в стиле ранчо с шелушащейся краской и засохшим остролистом. Ни света. Ни какого-либо движения. Он указал на дом напарнику и повернулся к Стиву:

– Живет один?

– Вроде бы да.

– Оставайся здесь. – Хант посмотрел на Йокама. – Готов?

– На все сто.

Они перепрыгнули через кювет и пошли, пригнувшись и с оружием наголо, через площадку. Высокие, разросшиеся сорняки цепляли детективов длинными мокрыми пальцами. Вверху потрескивал гром. Дорожка превратилась в грязную, скользкую тропу.

На краю площадки полицейские ненадолго остановились – дальше лежал открытый задний двор Мичума. В воздухе висел сильный и неприятный химический запах из непонятного источника.

Они пробежали последние двадцать футов и прижались к стене под самым большим окном. Из забитых сточных канав разливалась грязная вода. Химический запах усилился, что-то горело. Хант приподнялся и заглянул в окно. Шторы были сведены, но в середине между ними оставался просвет. За окном находилась гостиная, унылая комната со старой мебелью и низким потолком. На полу лежал желто-оранжевый

ковер, стены закрывали дешевые сосновые панели. Мичум, каким и описал его Стив, жилистый и с кривым носом, сидел, склонившись, за компьютером, в темной от пота рубашке. В растопленном камине горела стопка компьютерных дисков.

– Уничтожает улики. – Хант пригнулся и шагнул к задней двери. – Передняя дверь твоя. Входим через шестьдесят секунд.

Йокам исчез за углом, и Хант, оставшись один под дождем, рискнул еще раз посмотреть в заднее окно. Мичум, с безумно растрепанными волосами, потыкал пальцем в клавиши и хлопнул по компьютеру сбоку. Потом еще раз. Топор Хант увидел только тогда, когда Мичум потянулся за ним. Оружие стояло у стола – топорище из орешника и ржавый топор с тонкой серебристой полоской вдоль лезвия. Мичум поднял его над головой, и его лицо застыло в гримасе: прищуренные глаза, оскаленные зубы. В следующий момент топор полетел вниз, круша пластик и стекло.

Компьютер.

Черт возьми.

Хант отскочил от окна и метнулся к двери. Покрутил ручку – заперто. Попробовал дверь плечом – дешевая, тонкая, хлипкая – и навалился всем весом. Дерево треснуло, и детектив влетел в кухню, поскользнувшись на линолеуме в грязных туфлях. Уловив движение в гостиной, вскинул револьвер.

– Полиция! Полиция, черт возьми!

Увидев направленное на него оружие, Мичум, с топором в руках, замер над компьютером с вмятиной посередине. В его глазах Хант увидел панику.

– Не надо. – Детектив вошел в комнату, спрямляя линию огня. В нос ударил запах горящего пластика.

Мичум покачал головой и облизал сухие губы.

– Просто опусти топор. – Хант поискал глазами Йокама и услышал, как у передней двери разбилось стекло. – Опusti.

Лицо охранника перекопилось. Черный дым змейкой поднялся в трубу. Мичум глубоко вдохнул, и Хант увидел, как крепнет решимость в его глазах. В дверном проеме что-то мелькнуло, блеснул металл, и в комнату, держа наготове револьвер, проскользнул Йокам.

Мичум напрягся.

– Нет! – крикнул Хант, но было уже поздно.

Охранник замахнулся топором, и Йокам выстрелил ему в сердце.

Тело упало лицом вперед, два согнутых пальца чуть заметно дрогнули. Хант быстро шагнул к камину и, не наклоняясь, ногой выбросил диски из огня. Потом схватил кочергу и, закопавшись глубже, попытался спасти то,

что еще не оплавилось. Через какое-то время на помощь ему пришел Йокам. Пять дисков не пострадали совсем, двенадцать почернели, и еще десять обгорели так, что рассчитывать на их восстановление уже не приходилось.

Хант отступил от камина. Туфли перепачкались в золе, в горле жгло. Он посмотрел на сохранявшего полное спокойствие Йокама.

– А убивать было обязательно?

Йокам посмотрел на тело.

– Он же на тебя с топором пошел.

– Не на меня, а на компьютер.

Ни сожаления, ни извинения Йокам выражать не стал.

– Угол зрения неудачный. Не видел тебя как следует. Когда вошел, он как раз топор поднял. Я подумал, в тебя целит.

– Жаль, что ты его насмерть уложил.

– Так сложились обстоятельства.

Хант помолчал.

– Я ничего другого и не говорю.

– Чисто сработано. – По комнате расплзался запах крови. Йокам убрал оружие в кобуру. Темные, ясные глаза не выдали ни малейших эмоций. – Блеск.

Он отвернулся.

* * *

Подкрепление прибыло через пять минут, и с ним пожаловал шеф с вопросами, среди которых не было ни одного легкого. Копы заполонили дом. Гроза продолжалась. К сумеркам тело увезли, диски сложили в мешки и отправили лучшему компьютерному специалисту департамента полиции. Шеф пригласил Ханта и Йокама на кухню.

– Спрашиваю в последний раз. Это наш парень?

– Мы думаем, что он был сообщником Бертона Джарвиса.

– Почему вы так думаете?

– Краденые регистрационные номера. Мертвый кот из торгового центра. Записи Джонни Мерримона...

– Только не говорите мне о каких-то записях этого мальчишки.

– У него там точное описание, – не согласился Хант. – Возраст, рост, цвет волос. Мы уже трижды это обсуждали.

– Давайте пройдемся еще раз.

Хант прошел еще раз. Все объяснил. Шеф слушал молча, не прерывал. И даже почти не моргал.

– Мы спасли несколько дисков, – подвел итог Хант. – Жесткий диск тоже вроде бы цел и невредим. Уверен, он даст нам кое-что еще.

Шеф посмотрел на одного детектива, потом на другого.

– Явитесь оба в участок. Мне нужны ваши объяснения. Далее. О случившемся здесь никому ни слова. Ни друг другу, ни подружкам, ни другим копам – пока я не положу ваши рапорты в сейф. Все ясно?

– Да.

Шеф указал на дверь.

– Рапорты. Немедленно.

– Я бы выпил пива, – предложил Йокам. – Может, отложим рапорты на завтра?

Шеф легкомысленного тона не принял.

– Рапорты. От обоих. Напишите порознь. Потом отправляйтесь по домам и поспите. Мне завтра еще голову ломать, как эту хрень объяснить.

– Хрень, – повторил Йокам, как будто его задели за живое.

– А ты как назвал бы это? – огрызнулся шеф.

– Правомерное и оправданное применение оружия.

Шеф подбоченился и решительно выпятил мягкий, округлый подбородок.

– Вы застрелили человека в его собственной гостиной. И уж лучше пусть окажется, что за дело.

* * *

Хант отправился домой на своей машине, а вот Йокама повезли на патрульной.

– Не нравится мне это, – сказал он, но оба поняли, в чем дело. Шеф не хотел, чтобы они обсуждали свои рапорты по дороге домой. Ему требовались неотрепетированные и несогласованные объяснения.

Приехав в участок, Хант увидел не Йокама – у двери его встретил сотрудник отдела внутренних расследований по фамилии Мэтьюс. Назначение он получил недавно, так что Хант знал его только наглядно и по отзывам. Парень вроде бы смысленный, вроде бы приличный. Блеклые, линияльные глаза; неодобрительный рот с опущенными уголками; легкое прихрамывание. Вот так, прихрамывая, он и повел Ханта в оказавшуюся временно свободной комнату для совещаний. Начали с обычных,

стандартных вопросов, которые задают после каждого случая применения оружия, и если они требовали более пространных и подробных, чем обычно, ответов, то лишь потому, что в данном случае стрельба закончилась смертью гражданского лица. Хант держался спокойно; все это он уже проходил.

Но прошло минут тридцать, и разговор принял неожиданный оборот.

– Вы ведь друзья с детективом Йокамом, не так ли?

– Мы напарники.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Джон Йокам – мой друг.

– Вы когда-либо видели, чтобы детектив Йокам применял оружие в состоянии гнева или злости?

– Конечно, нет.

– Он применял избыточную силу?

– Какую применять силу в том или ином случае – вопрос субъективный. Детектив Йокам всегда принимал безукоризненно верные решения.

– Это ваше мнение?

– Да.

– Как его друга?

– Как ведущего детектива отдела тяжких преступлений. – Хант почувствовал, что ему становится жарко. – Как офицера полиции с семнадцатилетним опытом. Мы закончили?

– Еще несколько вопросов.

– Давайте.

Мэтьюс побарабанил карандашом по столу и откинулся на спинку стула.

– Детектив Йокам заходил сегодня в ваш кабинет?

– Да.

– Что вы обсуждали?

Терпение у Ханта истощилось.

– В последнее время тем для обсуждения у нас предостаточно.

Губы у Мэтьюса дрогнули, но глаз улыбка не коснулась.

– Разумеется. – Он снова побарабанил по столу. – Тиффани Шор. Убитые дети. – Со стороны могло показаться, что речь идет о наркоторговце или полицейской засаде.

– Я дам вам еще одну минуту, – сказал Хант. – А потом уйду.

Мэтьюс подался вперед.

– Находясь сегодня в вашем кабинете, детектив Йокам говорил, что

кто-то должен ответить жизнью за смерть детей?

Хант промолчал.

– Он говорил это?

– Думаю, мы закончили, – сказал детектив, поднимаясь.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– То, что было или не было сказано в моем кабинете, – сдержанно ответил Хант, – не имеет никакого отношения к случившемуся сегодня. У Мичума был топор. Йокам поступил так, как считал нужным.

– Вы уверены, детектив? – Мэтьюс отставил стул к стене, и радости на его лице Хант не заметил. – Подумайте об этом.

Больше детектив ни с кем не разговаривал. Выходя из участка, посмотрел на часы. Было семь, и дождь лил не переставая. Все еще в оцепенении, Хант направился к машине. В салоне было душно и влажно. Руки сами нашли руль, ключ зажигания. Он огляделся, но ни репортеров, ни телевизионщиков не обнаружил. Может быть, их отпугнула погода.

Кто-то услышал.

Кто-то услышал через закрытую дверь, что говорил Йокам.

Крепко сжав руль, Хант попытался воспроизвести весь эпизод, закончившийся выстрелом Йокама. Мичум держит топор над головой, Йокам входит в комнату, топор начинает движение вниз... Вроде бы все то же самое, но воспринимается сцена иначе.

Или нет?

Через минуту Хант позвонил сыну домой. Семь гудков, потом музыка на заднем фоне. Он попытался скрыть усталость и беспокойство.

– Привет, Аллен.

– Что?

– Ты уже поужинал?

– Нет, курю крэк и смотрю порнуху. Какое тебе дело?

Хант сдержался.

– Я скоро буду дома. Что-нибудь принести?

Из здания полицейского участка вышел Йокам. Посмотрев на Ханта, он поднял руку и изобразил на пальцах револьвер. Детектив включил свет. Йокам «спустил курок» и, не обращая внимания на дождь, направился к своей машине.

– Что-нибудь китайское, – сказал Аллен, – но только через час.

Йокам открыл дверцу и закрыл дверцу.

Они смотрели друг на друга через парковку.

– Почему через час?

– Я делаю домашнюю работу.

Их разделила стена, крепкая и прочная, растущая с каждым днем, и Хант чертовски устал от этого барьера.

Йокам сел наконец в машину и включил мотор.

– Может, посмотрим фильм после ужина? Как бывало раньше?

– Не думаю.

– Вот, значит, как?

– Да. Вот так.

Йокам выехал с площадки, и Аллен дал отбой. Хант закрыл телефон и проводил машину друга глазами. Надо было бы поговорить, но он чувствовал, что пока еще не готов к разговору. Пока. Сейчас у него оставался целый час. Дорога до Кэтрин не займет и десяти минут. Он подумал и повернул ключ. Дорога была мокрая, и Хант ехал на пять миль ниже разрешенной скорости, но по мере удаления от центра города стал, сам того не замечая, понемногу прибавлять и поймал себя на том, что хочет видеть ее. В эту минуту, когда безжалостный дождь превратил дорогу в реку черного тумана, он хотел этого больше, чем когда-либо.

Машина выскочила на вершину холма и понеслась вниз, фары стеганули лучами по растянувшимся внизу домишкам. Расположенные на изрядном удалении друг от друга, они выглядели лужицами пролитого света и тусклых красок, спрятанными между деревьями. И только дом Кэтрин выделялся на общем фоне. Сбросив скорость, Хант подался вперед, пытаясь рассмотреть что-нибудь через запотевшее стекло. Подъездная дорожка пустовала – машину Кэтрин забрали как улику, – но вдоль улицы растянулись машины новостных служб. Девять... двенадцать...

Проезжая мимо, Хант читал названия: Си-эн-эн. «Фокс». 5-й канал... Он свернул на дорожку и покатыл мимо фургонов, из которых уже высыпали под дождь люди с микрофонами и камерами. Двор Кэтрин был для них закрыт, так что вопросы полетели с тротуара, стоило только Ханту выйти.

«Вы уже нашли Джонни?»

«Это правда, что он вывел вас на серийного убийцу детей?»

Камеры были защищены от плохой погоды. Задававшие вопросы юное дарование надело плащ, но тот быстро промок и испачкался. Вопросы не прекращались. Никакой очередности никто не соблюдал. Ни о каких приличиях никто и не думал. Люди ждали ответов, стоя под дождем, а Хант уже направлялся к дому.

«Это правда, что найдено семь тел?»

Вопрос задал знакомый парень с Девятого канала.

«Опознана ли среди мертвых Алисса Мерримон?»

Громче. Еще громче.

«Детектив? Детектив?»

Репортеры заторопились, выкрикивая вопросы вслед, но Хант не остановился.

Кэтрин открыла дверь после второго стука, такая маленькая, бледная и прекрасная.

«Миссис Мерримон...»

Хант встал между ней и камерами. Ее улыбка не была вымученной, как он опасался.

– Можно войти?

Она впустила его и закрыла дверь.

– Джонни?

– Пока ничего.

Кэтрин отступила в сторону, и Хант сбросил с плеч мокрую куртку. Во всем доме свет горел только в одной комнате. Отведя штору, Кэтрин выглянула на улицу. На столике у софы остывала чашка с кофе.

– Правда? – На мгновение она повернулась к нему вполборота и снова приникла к окну. – Что они говорят?

– А что они говорят?

– Что вы нашли массовое захоронение. Что без Джонни вы никогда его не нашли бы.

– Это правда.

– Не решаюсь спросить...

– У нас нет оснований полагать, что среди них есть тело Алиссы. Но...

– Но что? – Кэтрин отступила от окна и посмотрела на него темными, наполненными тревогой и ожиданием глазами.

– Мы раскопали еще не все тела. Пришлось остановить работы из-за дождя.

– Значит, завтра?

– Да, завтра.

Она обхватила себя руками.

– Выпьете кофе? Или чаю? Ничего крепкого у меня нет.

– Кофе был бы кстати. – Хант подумал, что выглядит она ужасно, но держится лучше, чем можно было ожидать. – У меня мало времени. Я лишь на несколько минут.

– Кофе. – Кэтрин повернулась.

– Спасибо.

Она налила кофе и протянула ему чашку.

– Значит, больше ничего? Совсем никаких новостей?

Хант знал, что речь идет о Джонни.

– Нет. Извините. – Кэтрин снова посмотрела в окно, за которым не стихала гроза, и опустила на софу. Он сел рядом. – Джонни – крепкий паренек. С ним ничего не случится. Мы ведем поиски...

– Разве нельзя предпринять что-то еще? Что-нибудь? Объявить тревогу?

– Тревогу объявляют в исключительных случаях, при наличии явных свидетельств похищения. Сейчас все указывает на то, что он сам по себе. Где-то. Учитывая его поведение в прошлом...

Кэтрин закрыла глаза и ударила себя кулачком по колену.

– Джонни... – Она покачала головой. – Черт возьми, Джонни. Где же ты?

Когда Кэтрин открыла глаза, Хант понял по ее застывшему лицу, что она хочет сменить тему.

– Кен приходил сегодня три раза.

Хант отвернулся, пряча внезапно овладевшее им беспокойство.

– Я думал, он оставил вас в покое. Так он мне сказал.

– Кен Холлоуэй не такой. Он вам соврал.

– Угрозы?

– Стучал в дверь, говорил гадости.

– Угрожал? – Ханту нужно было знать, можно ли предъявить Холлоуэю соответствующее обвинение. А если еще добавить препятствование правосудию... Конечно, для такого, как Холлоуэй, это все мелочи, но на какое-то время его удалось бы упрятать за решетку, а Кэтрин получила бы передышку.

– Мы можем просто посидеть? – спросила она. – Просто тихонько посидеть?

Злость, беспокойство, тревоги. Хант отодвинул все в сторону.

– Конечно.

Некоторое время они сидели молча. В чашке стыл кофе. Репортерам надоело ждать, и они вернулись в фургоны. В какой-то момент Хант заметил, что Кэтрин взяла что-то в руки, сжала ладонями и втиснула ладони между коленями.

– Я заходила сегодня в комнату Джонни. Знаете...

Она не договорила, и Хант представил, как она ходит по комнате сына, трогает его вещи и изо всех сил старается подавить страх и сомнения.

– Нашла вот это. – Кэтрин развернула ладони, и детектив увидел с десяток своих карточек. Помятых, стертых, сырых. Она подняла глаза и посмотрела на него. – Их здесь девятнадцать.

Лицо ее разгладилось и как будто озарилось, а Хант ощутил странное, непривычное смущение.

– Хотел, чтобы Джонни знал, что может позвонить... если случится что-то плохое.

Она кивнула, приняв такое объяснение как должное и ничуть не удивившись.

– Потом я поискала по всему дому и нашла те, что вы дали мне. Знаю, я много их выбросила, но с десятков еще осталось.

– Такая у меня работа.

Кэтрин смотрела на него в упор и не отводила глаза.

– Правда?

Хант отвернулся.

– Вы всегда были рядом. Всегда были на нашей стороне.

– Любой коп на моем месте поступил бы...

– Не думаю. – Ее плечо коснулось его плеча, и между ними как будто проскочил заряд, трескучая и жалящая голубая искорка. – Спасибо.

Потом они сидели в наступившей тишине, бок о бок. Кэтрин подтянула ноги, сложила руки на коленях и опустила голову ему на плечо. Хант чувствовал легкое прикосновение узкой руки и тепло ее кожи. За спиной холодный дождь стучал в окно.

– Спасибо, – еще раз сказала она.

И Хант застыл.

Глава 40

Гроза разбушевалась так, что Джонни даже не увидел, как солнце соскользнуло за горизонт. Дождь лил не переставая, холодный и кусачий, и температура падала и падала. Серый воздух сначала посинел, потом сделался почти черным, но Джонни оставался на месте и не пошевелился даже тогда, когда молния ударила с неба раскаленной добела вспышкой, расколовшей воздух с таким звуком, будто треснул камень. Он лишь вжался в себя и в стену, продолжая наблюдать, как Ливай подгрёб на могилу остатки земли, разровнял лопатой и тоже сел. Вода полилась с него ручьями, и земля словно поднялась вокруг. Все казалось нереальным. Мальчишка почти не отреагировал, когда Джек перегнулся через стену и сказал:

– Джонни.

Прошло несколько секунд.

– Ты ушел, – сказал Джонни.

Джек наклонился еще ближе.

– Тебя там зашибет.

– Молния сходит.

– И что это должно значить?

– Ничего. Не знаю. – Небо вспыхнуло. Джонни показал на старый дуб. – Их повесили на том дереве.

Джек посмотрел на кривое, шишковатое дерево с раскидистыми беспокойными ветвями, казавшееся черным при вспышке молнии.

– Откуда ты знаешь?

Джонни пожал плечами.

– А ты разве не чувствуешь?

– Нет.

– Кладбище устроили вокруг него. В основании три могильных камня. – Он показал пальцем. – Видишь, какие они маленькие. Как грубо обтесаны.

– Ни фиги я не вижу.

– Вон там.

– Промокнешь, Джонни.

Он промолчал.

– В сарае есть печь. Я уже растопил.

Джонни взглянул на Фримантла.

– Я не могу уйти.

– Ты здесь уже несколько часов. Он никуда не денется. Сам на него посмотри.

– Не могу рисковать.

– А ты обо всем подумал? Смотри, он хоронит малышку, и, судя по состоянию гроба, хоронит ее не в первый раз. Если так, то получается, что он выкопал ее из какой-то другой могилы. Как она умерла? Почему он принес ее в такую даль и хоронит так, чтобы никто не видел?

– Мы же видели.

– Мы даже не знаем, его ли это ребенок.

Из-за края далекой тучи пролился свет.

– Посмотри на него. – Они оба посмотрели на Фримантла, сломленного и разбитого горем.

– А ты не задавался вопросом, почему он весь в крови? – понизив голос, спросил Джек. – Где он так поранился? И почему вообще схватил тебя тогда?

– Ему Бог велел так сделать.

– Не надо так со мной. Не умничай. Рано или поздно он оттуда выйдет, и тогда нам придется решать, что с ним делать. В одиночку мне решать не хочется.

– У меня к нему один вопрос, и как только он там закончит, – Джонни кивнул в сторону могилы, – я этот вопрос ему задам.

– А если он не захочет ответить?

– Я помог ему похоронить дочку.

– Но если он не ответит? – повторил, повысив голос, Джек.

– Дай мне «ствол», – сказал Джонни.

– Пригрозить – и он убьет нас.

Джонни протянул руку. Джек еще раз посмотрел на великана под дождем и положил револьвер другу на колени. Револьвер был холодный, тяжелый и мокрый.

– Уже скоро, – сказал Джонни.

Но Джек ушел.

С минуту Джонни наблюдал за человеком у земляного холмика, потом сунул руку в карман и вынул перышко. Маленькое, белое, помятое. Дождь лил и лил, и перышко теряло упругость и раскисало под тяжелыми струями. Джонни задумался, не стоит ли выбросить его, но потом просто сжал пальцы. Так он и ждал – с револьвером в одной руке и последним перышком в другой.

Прошел еще час или два, гроза ушла на север, где потеряла силу и утихла. Лес ронял капли. Фримантл посмотрел на бегущие обрывки туч, за которыми пряталась луна, и пошевелился – впервые с той минуты, когда закончил ровнять холмик на могиле дочери. Джека видно не было, никто не призывал выйти из-под дождя и спрятаться. Позади остался неторопливый марш часов с грохотом и вспышками, парад бури, гнавшей на землю холодную воду. И жесткий, неуступчивый камень за спиной у Джонни. Теперь их было только двое, застывших, разделенных двадцатью футами мокрой земли. Это осталось неизменным.

Джонни засунул в карман перо, спрятал под рубашку револьвер.

Фримантл подтянулся и уставился в ту сторону, куда умчалась буря.

– Думал, в меня ударит. – Его глаза в темноте поблескивали, как пролитые чернила; рот казался разрезом, оставленным удивлением и разочарованием. Было за полночь, и за спиной у каждого осталась нелегкая дорога. Фримантл подобрал лопату и свалившуюся туфлю и, опираясь на лопату, как на костыль, прошел мимо Джонни. – Неважно. Все кончено.

– Мне надо поговорить с вами.

– Я устал.

Белая калитка бесшумно повернулась на петлях. Фримантл едва ковылял, и Джонни пристроился за ним.

– Пожалуйста.

– Я устал.

Устал, подумал Джонни. И болен. От великана разило заразой. Подходя к сараю, он споткнулся. Джонни вытянул руку, но с таким же успехом он мог бы попытаться удержать падающее дерево. Пальцы коснулись твердой, горячей кожи. Ливай все же устоял на ногах.

– Устал, – выдохнул он, и они вместе вошли в сарай.

Джонни огляделся и заметил пыль и солому, какие-то металлические предметы, два висящих на цепях больших фонаря. За дверью их накрыла волна тепла. В дальнем углу на кусках сланца стояла железная печка с округлыми боками. За решеткой еще полыхали угли. На кучке соломы, подложив под голову куртку, спал Джек. Увидев Фримантла, он вскочил.

– Всё в порядке, – успокоил его Джонни, подходя ближе. Глаза Джека блеснули, отразив накал печи. – Ты что, плачешь?

– Нет.

Джек соврал, но Джонни не стал цепляться. Тени в тесных стенах

сарая пугающе вытянулись, и Фримантл казался громадным и опасным. Джонни по-прежнему скрывал револьвер под рубашкой.

– Меня зовут Джонни. А это Джек.

Фримантл уставился на мальчиков. Глаза у него были с желтинкой, губы глубоко, до мяса потрескались.

– Ливай. – Он стащил рубашку и повесил ее на гвоздь возле печи. На груди и руках под кожей перекачивались мышцы. Длинные, тонкие шрамы могли остаться от ножевых ран, а затвердевшая морщинистая ямочка – от пулевого ранения. Кусок дерева в боку почернел.

– Выглядит не очень, – заметил Джонни.

– Больно, только если пытаться вытащить.

Сырой, землистый запах становился все сильнее. Капавшая с Ливая вода темнела на камне и испарялась. Веки его опустились.

– Почти на месте, – сказал он.

– Что?

Ливай открыл глаза.

– Забыл, где нахожусь.

Джонни открыл рот, но Джек опередил его:

– Почему вы принесли гроб сюда?

Фримантл посмотрел на него желтоватыми воспаленными глазами.

– Почему принес?

– Я просто спрашиваю.

– Не умею водить. Мама говорила, водить машину – это для других. – Его глаза снова закрылись, тело накренилось влево, и ему пришлось сделать шаг в сторону, чтобы не упасть. – Мама говорила...

– Вы в порядке, мистер?

Глаза снова открылись.

– Кто спрашивает?

– Меня зовут Джонни, помните?

– Не знаю никакого Джонни.

– Вам нужно в больницу. К врачу.

Фримантл пропустил совет мимо ушей и прохромал к полке на дальней стене. Джонни увидел там бутылочку с машинным маслом, коробку с крысиным ядом, какие-то загнутые, похожие на крючки железки и высохшие и одеревеневшие тряпки. Фримантл взял заржавевший резцедержатель и затянутую паутиной пластиковую бутылку, сел около печи и, обрезав обтрепавшиеся штанины, бросил обрезки на пол. Потом открутил крышку на бутылке и полил бурой жидкостью на раны на коленях.

– Эта штука для животных, – прошептал, подобравшись к Джонни, Джек.

– Чепуха.

– Там сказано – только для ветеринарного использования.

Мальчики посмотрели на Фримантла. Похоже, жидкость, которой он поливал колени, сильно жгла.

– Вы в порядке? – спросил наконец Джонни. Фримантл кивнул и наклонил бутылочку над раной в боку. – Вам нужны антибиотики.

Великан не ответил и попытался снять с пальца повязку, но плоть распухла так, что тряпка впилась в нее, словно проволока. Тогда он перерезал ее, и Джонни увидел рваную рану, оставленную его зубами. Фримантл капнул бурой жидкости на палец, и Джонни отвернулся. Вторая капля... третья... Мышцы напряглись... застыли... расслабились. Фримантл лег на каменный пол.

– Вам, ребята, нечего здесь делать.

– Я хочу поговорить.

– Я устал.

– Как умерла ваша дочь?

– Господи, Джек, заткнись, – зашипел Джонни. Наконец-то он добрался до цели, и вот теперь Джек мог все испортить.

– Говорят, вы убили тех людей, – тот гнул свое. – Если у вас была на то веская причина, то и мне будет спокойнее. Значит, нас вы не убьете. – Сам он уже приготовился сорваться и даже повернулся к выходу.

Ливай медленно сел. Глаза его пожелтели еще сильнее, и кожа приобрела пепельный оттенок.

– Убил каких людей?

Он знал каких. Джонни видел это совершенно ясно. В глаза великана вползла тень настороженности, и напряжение сковало плечи. Джонни поудобнее перехватил под рубашкой рукоять револьвера. Фримантл заметил это движение, и их взгляды встретились. Он вспомнил про оружие, и Джонни это понял.

Внезапно напряжение спало. Фримантл обмяк.

– Пусть забирают. Стреляй. Мне все равно.

Джонни убрал руку с револьвера.

– Потому что вы похоронили ее.

– Потому что ее нет.

– Как она умерла?

Фримантл вытащил из переднего кармана брюк мокрый и смятый конверт. Бумага разбухла, и чернила расплылись, но Джонни разобрал

фамилию получателя и адрес – департамент исправительных учреждений. Фримантл бросил конверт, и Джонни поймал его. Внутри лежала вырезка из газеты. Уголки бумаги расползлись у него в пальцах.

– Мне ее прочитали, – сказал великан.

– Что там? – спросил Джек.

Джонни попытался прочитать заметку сам. С заголовком проблем не возникло.

«Малышка умерла в раскаленной машине».

– Дети – это дар небесный. – Фримантл наклонил голову, и его невидящий глаз полыхнул отраженным пламенем. – Последнее, что осталось настоящего.

– Они оставили его дочь в машине. – Джонни прищурился. – Поехали в какой-то бар на берегу и оставили девочку в машине.

– Моя жена, – подтвердил Фримантл. – И ее бойфренд.

– Было проведено расследование. Дело закрыли – несчастный случай.

– Ее похоронили без священника. Просто закопали в том месте, где хоронят людей без имени и семьи. – Он помолчал, а когда снова заговорил, голос его сорвался. – Софию положили в землю, и ее папа не смог с ней попрощаться.

– Кто прислал вам это? – Джонни поднял вырезку. Заметка была из одной местной газеты.

Но взгляд великана снова ушел вдаль, руки вытянулись на коленях.

– Я оставил своей девочке рисунок, чтобы она не скучала без меня. Нарисовал в чулане, чтобы она видела его каждый день и не грустила из-за того, что папы нет. Ей нравилось играть в чулане. У нее там была кукла в крохотных беленьких туфельках. – Он показал два пальца, раздвинув их на дюйм. – И цветные мелки были, и бумага – я из магазина ей принес. Поэтому и рисунок сделал в чулане. Ей там было хорошо. Она всегда там играла. – Великан наклонил свою большую голову. – Но картина ни о ком позаботиться не может. И защитить маленькую девочку не может.

– Жаль. – Джонни действительно было жаль.

– Так кто прислал вырезку? – снова спросил Джек.

Фримантл вытер лицо грязными пальцами.

– Соседка. У нее самой двое малышей. И моя жена никогда ей не нравилась. Она узнала, что случилось, и прислала газету мне в тюрьму. Поэтому я и ушел. Постоять над могилой, убедиться, что все сделано как надо, – а увидел только голую землю. Ни цветов, ни камня. Я сел, положил руки на землю, и тогда Бог сказал мне.

– Сказал что?

– Сказал, чтобы я пошел и убил их.

Мальчики переглянулись, и оба подумали об одном и том же.

Чокнулся.

Больной на всю голову.

– Бог сказал мне принести малышку сюда. – Фримантл поднял голову, и в пустыне его лица шевельнулась новая жизнь. – Дети – это дар небесный. – Он сложил чашечкой свои огромные изуродованные руки. – Последнее, что осталось настоящего. Поэтому Бог и сказал мне поднять тебя.

– Что?

– Жизнь – круг. Вот что Он сказал передать тебе.

– Джонни... – прошептал Джек.

Тот поднял руку.

– Бог сказал тебе передать мне это?

– Теперь я помню.

– Что это значит?

– Джонни... – В голосе Джека зазвучала паника, и Джонни оторвал взгляд от Фримантла. Джек сидел бледный как смерть.

Проследив за его взглядом, Джонни увидел кучку грязных тряпок у печи. Обрезки штанов. Скрученную повязку с распухшего пальца. Джек протянул руку, и Джонни увидел. Именная бирка, пришитая к тряпице, которой Фримантл перевязал палец. Бирка. Имя.

Алисса Мерримон.

Грязная, в крови. Джонни посмотрел на Фримантла, который изображал пальцем что-то в воздухе.

– Круг, – сказал он.

И вынул револьвер.

Глава 41

Домой Хант вернулся поздно. Еда успела остыть, но Аллен промолчал. Поели на кухне молча, в обоюдном напряжении. Уже у двери в комнату сына Хант извинился за опоздание.

– Дела.

– Конечно.

Глядя, как Аллен сбрасывает грязную обувь, Хант добавил:

– Скоро все кончится.

– Колледж через три месяца. – Сын стащил рубашку и бросил вслед за кроссовками. На груди, начиная от ложбинки у основания шеи, курчавились редкие волосы. А ведь почти вырос, понял вдруг Хант. Почти мужчина и при этом еще мальчишка. Он помолчал, зная, что лучше от его слов не станет.

– Аллен...

– Она так и не позвонила.

– Кто?

– Мама, – с детской обидой бросил сын.

– Не знаю, что и сказать.

– Вот и не говори.

Сердитый, обиженный мальчишка.

– Послушай, я...

– Просто закрой дверь.

Хант остался на месте.

– Пожалуйста. – Сын произнес это с таким выражением, что Ханту стало не по себе, как будто его ударили под дых или огрели молотком. Камень лег на сердце грузом миллиона несбывшихся надежд и ожиданий и твердой уверенностью в том, что у сына должно быть по-другому. – Пожалуйста, – повторил Аллен, не оставив Ханту выбора.

– Спокойной ночи.

Он закрыл дверь и спустился вниз. Убрал в мусорный мешок картонные коробки и пакеты и плеснул в стакан скотча, зная, что вряд ли допьет. День выдался тяжелый и не отпускал: смерть, мерзкие люди, дети, чья жизнь оборвалась так рано, и рой оставшихся без ответа вопросов. Принять бы душ да завалиться в постель часов на десять... Он потер ладонями щеки и ощутил под пальцами лицо старика. Потом прошел в кабинет, открыл ящик стола и достал папку с делом Алиссы Мерримон.

Взгляд остановился на фотографии, пробежал по заметкам, подчеркнутым вопросам, но мысли перенеслись на Йокама. Перед глазами снова прошла вся сцена в доме Мичума: выстрел, запах дыма, твердая рука друга и его глаза, застывшие и безмятежные.

Телефон зазвонил в половине первого ночи.

– Не спишь? – спросил Йокам.

– Нет.

– Пьешь?

Хант закрыл папку.

– Нет.

– А я пью.

– В чем дело, Джон? Что у тебя на уме? – Ответ Хант знал.

– Мы ведь давно вместе?

– Давно.

– Напарники?

– И друзья.

Молчание затянулось. В трубке слышалось только дыхание Йокама.

– Что ты рассказал им? – спросил он наконец.

– Рассказал, как было.

– Я не об этом спрашиваю, ты же знаешь.

Хант представил друга – в скромном домике, в гостиной, со стаканом в руке перед давно погасшим камином. Йокаму шел шестьдесят четвертый год. В полиции он прослужил тридцать лет, и ничего другого в жизни у него не было. На вопрос Хант не ответил.

– Ты мой друг, Клайд. Он пошел на тебя с топором. Что еще мне оставалось?

– Ты поэтому выстрелил ему в сердце?

– Конечно.

– А не со злости? Не потому, что хотел посчитаться?

– Посчитаться? За что? – На том конце проснулась злость иного свойства.

– Сам знаешь за что.

– Нет, ты мне скажи, Клайд. Ты скажи за что.

– За тех детей. За семь могил в низине. За то дерьмо, что годами творилось на нашем собственном заднем дворе.

– Нет.

– За все время, Йок, я никогда не видел, чтобы что-то задело тебя лично. До сегодняшнего дня. Сегодня задело.

– На моего напарника напали с топором. На моего друга. Задело?

Можно и так сказать, а можно сказать, что такая у нас работа. Так что ты все-таки сказал им?

Хант замялся.

– Ты сказал, что выстрел был оправданным?

– Мы держались фактов. Они спросили мое мнение, но я не стал отвечать.

– Но ты же скажешь им свое мнение.

– Завтра. Скажу завтра.

– И что ты им скажешь?

Хант потянулся за стаканом. В жидкости на дне низкого хрустального стакана вспыхнул огонек. Мысленно детектив снова проиграл сцену в доме Мичума: занесенный топор, Йокам входит в комнату. Что он увидел? Нужно ли было стрелять на поражение? Компьютер стоял чуть в стороне, но заметил ли его Йокам? Хант поставил себя на место напарника и подумал, что видит все так, как оно и было.

И снова Йокам заговорил раньше.

– Ты заявил на Кена Холлоуэя? Насчет того, что он препятствовал расследованию?

В суете, последовавшей за стрельбой в доме Мичума, Хант почти позабыл о звонке Холлоуэя.

– Нет.

– Но заявишь?

– Да.

На линии снова повисло молчание, тяжелое и неприятное. Хант допил скотч. Он уже знал, что к чему может привести, и молил Бога, что этого не случилось.

– Ничего этого не случилось бы, если б не Холлоуэй, – сказал наконец Йокам. – Мы взяли бы Мичума в торговом центре. Без всякой стрельбы. И диски никто не сжег бы. Это из-за тебя, Клайд. И вот это – *личное*.

Телефон в руке как будто загудел.

– Спокойной ночи, Йокам.

Пауза.

– Спокойной ночи, Клайд.

Трубка замолчала.

Хант налил еще скотча.

Глава 42

Фримантл молча смотрел на револьвер. Руки у Джонни дрожали, и оружие дрожало тоже.

– Где она? – дрожащим голосом спросил мальчишка.

Встревоженный Джек придвинулся ближе.

– Ты что делаешь?

– Где моя сестра?

– Я не знаю твою сестру. – В печи выстрелил уголек. – И тебя не знаю.

Джонни потянулся за клочком одежды с именем Алиссы и показал его Ливаю.

– Вот моя сестра. Ее зовут Алисса Мерримон. Здесь ее имя. – Великан не спускал глаз с лица мальчика. – Посмотрите.

Фримантл пожал плечами.

– Я не умею читать.

– Ее похитили год назад. Это ее имя.

– По-моему, он не знает, – вставил Джек.

– Должен знать.

– Я бы сказал, если б знал. А он не знает.

– Где вы это взяли? – Джонни подтолкнул тряпицу к Фримантлу. – Где? Когда?

Великан пожал плечами, и под кожей проступили мышцы.

– Я взял ее у того поломанного человека. Сразу после того, как ты меня укусил.

– У кого?

– У поломанного человека. – Он произнес эти слова так, словно называл имя. – Взял у него из руки. Он держал ее в руке.

Дуло револьвера нырнуло вниз.

– После того, как вы меня схватили?

– Бог сказал мне узнать, от чего ты бежишь, вот я тебя и схватил.

– Дэвид Уилсон. Он был жив, когда вы его нашли?

Фримантл склонил голову и закрыл глаза, задумавшись.

– Опустит револьвер, – прошептал Джек. Джонни замялся. – Ты взаправду думаешь, что Алисса у него? Из-за тебя тут кого-нибудь убьют.

Мало-помалу ствол опустился и в конце концов устался в пыльный пол.

– Тот человек был жив?

Фримантл сидел все так же, закрыв глаза.

– Река говорила. Шепотом. Слова как одуванчики. – Он поднял руку и как будто загреб под себя воздух. – Я так устал...

– Говорила? – Джонни ухватился за одно это слово. – Поломанный человек что-то сказал? Хоть что-нибудь?

– Не помню.

– Надо вспомнить.

Великан повернул руки ладонями вверх.

– Прилетели вороны. Я испугался. – Их, мужчину и мальчика, разделяло не больше фута. – Я бы сказал, если б мог. – Фримантл лег на теплый камень. – Может, вспомню утром. – Мне жаль твою сестру... Все, с меня хватит.

Джонни молча смотрел на великана. Смотрел, пока не онемели ноги. Смотрел, чувствуя отчаяние, как чувствуют голод. А когда наконец отвернулся, Фримантл уже храпел.

Джонни положил револьвер на полку. В темноте проступали балки и столбы. Он посмотрел вверх, и в груди у него открылась темная яма. И яма была пуста.

Молчание прервал Джек:

– Почему он боится ворон?

– Наверное, когда вороны подлетают близко, он слышит дьявола.

– Дьявола?

– Он слышит голос. Почему бы и не другой?

– А если это все правда? – Джек обхватил руками колени и раскачивался вперед-назад, не глядя Джонни в глаза. – Если он действительно слышит голос Бога? Что, если он слышит... ну знаешь...

– Не слышит.

– Но что, если?

– Никто ничего не слышит.

Джек еще крепче сжал колени.

– Мне вороны тоже не нравятся. Еще маленьким их боялся. Что, если вот поэтому?..

– Перестань.

– Знаешь, как в народе называют стаю ворон? – тихонько, полушепотом спросил Джек.

Джонни знал ответ.

– Пропась.

– Может, не просто так называют. – Джек посмотрел на Фримантла. – Что, если Бог прислал его по какой-то причине?

– Послушай, этот парень убил двоих за то, что его дочь умерла из-за них от духоты в перегретой машине. Если ему легче жить, считая, что так повелел Бог, то пусть так и будет. Вороны, какой-то другой голос... это просто совесть не дает ему покоя, напоминает, что он виноват.

– Ну да?

– Да. – Они оба посмотрели на Фримантла. – Но он что-то знает.

– Мне страшно, Джонни.

Глаза у Джонни блеснули. Ночь близилась к рассвету, а он не спускал глаз с Фримантла.

– Он что-то знает.

* * *

Джек крепко уснул. В щелях вздыхал ветер, и тонкий голосок дважды приносил что-то ужасное. Огонь угасал. Злость Джонни сменилась печалью, а печаль – нежеланным, но глубоким забытьем. Ему приснился вонючий лес и пронзительные желтые глаза, жесткое падение сквозь поломанные ветви и обнадеживающая улыбка сестры. Она сидела на корточках в низком подвале, грязная, в лохмотьях. В подвале горела одна-единственная свеча, и Алисса, вздрогнув от неожиданности, подняла голову. «Это ты?» – спросила она, и Джонни вскинулся с криком, так и не прорвавшимся за решетку сцепленных зубов.

В первое мгновение он не понял, где находится и что случилось, но чувствовал – что-то не так. *Что-то не так* было рядом, висело в жарком воздухе.

Ливай Фримантл сидел, поджав ноги, на полу, в каких-то трех футах от него. Пот катился с него градом, и тени казались серыми на черной коже. Руки лежали на коленях, и в руках он держал револьвер, причем палец уже нашел спусковой крючок.

– Заряжено, – сказал Джонни.

Фримантл поднял голову и посмотрел на него, и Джонни почему-то показалось, что болезнь распространилась дальше по телу и что за пустыми глазами почти не осталось сознания. Великан поднял револьвер и посмотрел в дуло. Секунда растянулась в вечность.

– Можно я возьму? – Джонни протянул руку.

Фримантл как будто не услышал. Рукоятка револьвера утонула в его здоровенной руке.

– В меня однажды стреляли. – Джонни едва расслышал его. Фримантл

коснулся пальцем пулевого шрама на животе. – Маленьким детям нельзя иметь оружие.

– Кто в вас стрелял?

– Моя жена.

– Почему?

Ливай посмотрел на револьвер.

– Просто так.

– Можно мне взять? – Джонни подался вперед, и Фримантл протянул оружие с таким видом, словно это было яблоко. Или стакан с водой. Джонни взял револьвер и прицелился Фримантлу в лицо. Ему было страшно. Сон все еще не отпускал.

– Где моя сестра?

Между дулом и глазами великана было восемнадцать дюймов.

– Где она? – Уже громче. Двенадцать дюймов. Десять. На этот раз револьвер не дрожал, но Фримантл оставался равнодушен, как бык, увидевший перед собой крепезный пистолет.

– Когда она выстрелила, сказала, что я тупой. – Шесть дюймов. Джонни держал револьвер обеими руками и уже положил палец на спусковой крючок.

– Нельзя называть людей тупыми, – продолжал Ливай. – Называть людей тупыми нехорошо.

Джонни колебался, и Фримантл снова лег. Дуло по-прежнему смотрело в то пустое место, где были глаза – с желтушными пятнами, налитые кровью глаза животного на бойне.

Глава 43

Хант проснулся в пять утра, так толком и не отдохнув. Приняв душ и побрившись, он прошел по дому, остановился у двери в комнату сына, постоял, прислушиваясь к его глубокому, ровному дыханию. Ничего хорошего наступающий день не сулил – Хант чувствовал это всеми фибрами души. Чтобы все закончилось хорошо, требовалось чудо.

В кухне было душно и пахло виски. Пил Хант редко и теперь мучился от похмелья и разочарования в себе самом.

Чтоб ты провалился, Йокам.

Со своим чертовым звонком.

Проклиная друга, Хант понимал, что несправедлив. Да, слышать такое неприятно, но Йокам был прав. Он сам запустил цепь событий в ту секунду, когда вышел из кабины лифта и направился в кабинет Холлоуэя. Смерть Мичума – результат его просчета. С таким же успехом он мог и сам спустить курок.

Хант отбросил занавеску и выглянул в окно. Звезд видно не было, но дождя ничто не обещало. Через несколько часов судмедэксперт вернется в лес, и тогда прояснится ситуация с оставшимися телами. Может быть, одно из них – Алисса. А может быть, и нет. Может, Джонни появится. И опять-таки...

Где ты, Джонни?

Хант открыл окно, и прохладный утренний воздух прошелся волной по рукам и ногам. Влажное дыхание коснулось лица; на мгновение похмелье рассеялось, и в голове прояснилось. Он взглянул еще раз на мокрую траву и воду, застывшую зеркальцами мелких луж, потом приготовил кофе и подождал, пока солнце явит себя во встревоженных небесах округа Рейвен.

Когда Хант уходил, сын еще спал.

В черных деревьях собрался бледный туман.

Шеф назначил собрание на девять – поздно для заведенных в полиции порядков, – но ждать так долго Хант не мог. Солнце еще висело за зданием суда, когда он проехал по Мейн-стрит, свернул влево и промчался мимо полицейского участка. Вдоль тротуара уже стояли фургоны новостных служб. Разминались операторы. Репортерши проверяли макияж. Они знали, что полицейские начнут скоро разъезжаться и что их ждет долгая и медленная поездка в черный лес за городской окраиной, где у сырой вязкой

земли отнимут последние тела.

История получит продолжение и развитие.

День сулит новые возможности.

Хант объехал квартал и оказался у небольшой автомобильной стоянки. Еще не было семи, но Йокам уже ждал. Он сидел на бетонном бордюре возле южного конца парковки, прижавшись спиной к проволочной ограде. Позади него пили кофе и перекусывали фастфудом бывалого вида мужчины в строительных касках. Бульдозеры и краны отдыхали поодаль, влажные и серые в таком чахлом утреннем свете, что сама земля казалась застывшей. Наверное, построят банк, решил Хант. Или, может быть, офисное здание. Скорее всего, это дело рук Холлоуэя. И вот тогда колеса коммерции закрутятся на всю катушку.

Выглядел Йокам не лучшим образом и был к тому же небрит; в уголке его рта висела сигарета. Затянувшись в последний раз, он щелчком отправил ее по ту сторону забора. Хант, выйдя из машины, прошел последние двадцать футов пешком.

– Привет, Джон. – Хант держался нейтрально и настороженно. Дружба дружбой, но сомнение встало между ними впервые, и теперь оба ступили на еще незнакомую территорию.

– Привет, Клайд. – Йокам достал еще одну сигарету, покатал ее между пальцами, но закуривать не стал и в глаза Ханту посмотреть не решился. Взгляд его скользнул по крыше полицейского участка и упал на туфли со следами грязи с поля за домом Мичума.

Хант ждал.

– Насчет прошлого вечера, – начал Йокам. – Выпил лишнего. Был не прав.

На лице Ханта ничего не отразилось.

– Так вот все просто?

Йокам все же закурил.

– Ладно, я был не в себе.

Хант промолчал, и напарник сменил тему.

– Это видишь? – Он поднял стопку сложенных газет с бордюра, на котором сидел.

– Что, все плохо?

Йокам пожал плечами и протянул газеты. Хант полистал страницы. Заголовки били с расчетом на сенсацию. На фотографиях были видны машины службы судмедэкспертизы в обрамлении густого леса и мешки для тел перед погрузкой в фургоны. Репортеры высказывали предположения о количестве жертв, намекали на некомпетентность полиции и рассказывали

об охраннике, застреленном неназванным полицейским. Пересказывая заново историю Тиффани Шор, все задавали один и тот же вопрос: «Где Джонни Мерримон?»

– Они знают, что мы всем обязаны Джонни. – Хант покачал головой.

– Мальчишка у них теперь герой. – В голосе Йокама прозвучало что-то – то ли досада, то ли эхо похмелья.

– Парень пропал, – напомнил Хант.

– Да я ж ни на что такое не намекаю. – Напарник похлопал ладонью по газетам. – Просто мы здесь полными придурками выйдем.

– Профессиональный риск.

– Кроме шуток.

– Они уже столпились там, у входа. С десяток машин. Ты их видишь?

– Про меня пока не знают. – Йокам имел в виду Мичума и стрельбу в доме. – Через переднюю дверь я не пойду, даже если ты мне заплатишь.

Хант знал, что будет дальше. Детали выйдут наружу, история разрастется, и его друга прожуют и выплюнут.

– Ждать им недолго, скоро получат свое.

Йокам кивнул и снова посмотрел на заднюю стену здания полицейского участка.

– Поскорей бы уж все это закончилось.

Они вместе пересекли парковочную площадку, но напряжение и настороженность остались как напоминание о ночном звонке и о том, что было и не было сказано. У двери Йокам остановился.

– Я опять про прошлый вечер, – смущенно сказал он. – Нашло что-то, помутнение... Понимаешь? – Хант начал было что-то говорить, но Йокам недослушал, открыл дверь и боком шагнул внутрь. – Делай, как считаешь нужным.

Воздух внутри разве что не трещал от напряжения – Хант видел это в особой порывистости движений, в том, как обратились к ним все взгляды. Йокама встретили как героя. Ему пожимали руку, его хлопали по спине. Полицейские ненавидят педофилов, а в доме Мичума обнаружилась целая сокровищница изобличающих улик, самой пугающей из которых была толстая стопка фотографий, сделанных с записей камер наблюдения торгового центра. Девочкам на них было от десяти до пятнадцати – юные, со свежими лицами, неловкие. Одни сидели за столиками в фуд-корте, другие спускались или поднимались на эскалаторе.

На фотографиях Мичум делал надписи черным маркером: «Рэйчел, Джейн, Кристина». Там, где он сомневался, стояли вопросительные знаки: «Карли? Симона? Эйприл?»

На некоторых снимках в нижнем углу значился адрес. Девочки жили на тихих улицах, далеко от центра. Кое-где под лицами или именами стояли цифры – возраст: «Рэйчел 12. Кристина 11». Хранились фотографии в запортом на ключ нижнем ящике письменного стола Мичума, и Ханту, когда он увидел их, стало не по себе. А еще его обожгла ярость. Правильно или неправильно, но убить мерзавца – доброе дело. И вообще все получилось даже красиво. Бертон Джарвис умер на улице, полуголый и умоляющий сохранить ему жизнь. Умер от руки одной из своих жертв. Мичум застрелен в собственном доме, убит одним из старших детективов департамента полиции.

Красота.

Справедливость.

Большинство копов улыбались и не скрывали радости, но не шеф. Бледный, с лихорадочными ярко-красными пятнами на мясистых щеках, он стоял в дверях своего кабинета, поглядывая то в одну, то в другую сторону. Уже сейчас, в четверть восьмого, на его рубашке проступили пятна пота. За спиной у него мелькали тени. Странные люди в темных костюмах. Люди, похожие на копов.

– Пять минут, – сказал шеф и закрыл дверь.

– Мы сегодня рано, – заметил Хант.

Йокам пожал плечами.

– Я пока покурю.

Проводив его взглядом, из-за своего стола поднялся и подошел к Ханту детектив Кросс.

– К вам можно по личному делу?

Они прошли в офис Ханта. В несвежей, заляпанной кофейными пятнами рубашке, мятый и небритый, Кросс выглядел так, словно не спал всю ночь. Впервые Ханту бросилось в глаза, что на висках у него проглядывает седина.

– В чем дело?

– О мальчишке Мерримонов новостей нет?

– Мы не теряем надежду...

– Но пока ничего не слышно, так?

– Какая-то проблема? – спросил Хант.

– Мой сын, Джек. Не могу его найти.

– Что значит «не можете найти»?

Кросс пригладил волосы толстыми пальцами.

– Мы поругались, и он ушел из дома.

– Когда?

– Прошлой ночью. – Детектив помолчал. – Может быть, позапрошлой.

– Может быть?

– Насчет первой ночи я не уверен. Он мог уйти и тогда, и на следующее утро. Сам я ушел рано и его не видел. Жена волнуется – вы же знаете, что в газетах пишут. А ей волноваться нельзя.

– Она волнуется, а вы – нет.

Кросс переступил с ноги на ногу, и Хант понял, что детектив не просто беспокоится, а всерьез испуган.

– Вы мою жену знаете?

– Встречался как-то несколько лет назад.

Кросс кивнул.

– Она сильно переменялась за последние годы. – Помолчал, будто преодолевая какое-то сопротивление внутри себя. – Стала очень религиозная. Если взять последние часов тридцать, то она и не спала, и не ела по-настоящему. Опасается, что он может быть с мальчишкой Мерримонов. Если б я мог сказать ей...

– А почему она так этого опасается? Почему опасается Джонни?

Кросс озабоченно оглянулся и, понизив голос, сказал:

– Твердит, что у Джонни тьма в душе. Вроде пятна. Знаю, знаю, – тут же добавил он извиняющимся тоном, – но что есть, то есть. Считает, что Джонни плохо влияет на Джека, и это беспокоит ее больше всего. Немного не в себе, понимаете... – Он прищурился и наклонил голову. – Ей нелегко приходится.

– Печально слышать. – Хант помолчал. – А вы переживаете за Джека?

– Ну у него и раньше такое случалось. Обычные мальчишеские закидоны. Но две ночи назад, если это было две ночи назад... Нет, это уже что-то особенное.

– Из-за чего вы поругались?

– Джек преклоняется перед Мерримоном. Серьезно. Относится к нему как к брату. Как к святому. И я ничего не могу с этим поделать.

– Поэтому вы и поругались?

– Джек – слабовольный. Больше похож на мать, чем на брата. Всего боится, его легко увлечь. Пусть даже моя жена не всегда рассуждает здраво, факт остается фактом – Джонни действительно оказывает на него дурное влияние. Правил для него как будто не существует. Знаете, с ним что-то не так. В общем, я велел Джеку держаться от него подальше.

– Джонни – хороший мальчик, но оказался в сложной ситуации и разрывается на части.

– Вот именно. Подвинулся рассудком.

– Он перенес психологическую травму.

– Вот и я про то же самое.

Хант постарался скрыть раздражение. Не все видели Джонни таким, каким видел мальчика он.

– Что я могу для вас сделать? Объявить Джека в розыск?

– Нет. Господи, конечно, нет. Просто когда услышите что-нибудь, дайте мне знать. Жена очень расстроена и не в состоянии рассуждать здраво. Винит во всем меня. Чем быстрее я смогу успокоить ее, сказать, что с ним всё в порядке...

– Понимаю.

– Спасибо, Хант. За мной должок.

Кросс вышел, а Хант, задержавшись у двери, увидел вернувшегося Йокама. Успокоившимся напарник не выглядел. Едва он вошел, как дверь кабинета шефа распахнулась.

– Хант. Йокам.

Не дожидаясь детективов, шеф повернулся, обошел свой письменный стол, но садиться не стал. Хант вошел первым. Справа стояли двое незнакомых мужчин. Обоим за пятьдесят, оба высокие, плотные, с суровыми, неуступчивыми лицами. Волосы у одного полностью седые, у второго – каштановые. Оба подтянутые, крепкие. Большие, сильные, мозолистые руки. Жетоны на поясе. При оружии. Хант прошел дальше и уже внимательнее взглянул на жетоны. Бюро расследований штата. Судя по виду, оба занимали в своей конторе не последние места, оба профессионалы, люди опытные и решительные.

Войдя следом за Хантом, Йокам шагнул вправо, встав между ним и копами из бюро. В офисе было тепло, а теперь стало еще и тесно. Пятеро мужчин, и все высокие и плотные. А еще все пятеро знали: что-то не так. Проблема заключалась в том, что одни знали больше других.

Шеф представил их друг другу.

– Детективы Хант, Йокам. Агенты Барфилд и Оливер.

– Спецагенты, – поправил Оливер.

Обошлись без рукопожатий. На столе лежали копии рапорта Ханта и Йокама о вчерашнем происшествии.

– Спецагенты Барфилд и Оливер прибыли из офиса в Роли сегодня утром.

– Сегодня утром. – Барфилд покачал головой. – Забавно.

– Что ж тут забавного? – холодно поинтересовался Хант.

– Только то, что прибыли мы скорее вчера поздно вечером, чем сегодня утром.

Хант посмотрел на шефа. Если эти двое прикатили из Роли, то выехать должны были задолго до рассвета.

– При чем тут вообще бюро расследований штата?

– Давайте поспокойнее, – сказал шеф. – Вы все. Разберемся как надо. По правилам. – Он посмотрел на детективов. Хант явно воспринимал происходящее с недоверием. Йокам выглядел так, словно ему все надоело. – Мне нужно ваше оружие.

Сказано это было негромко, но эффект произвело не меньший, чем если б в офисе взорвалась граната. В этих четырех словах крылась огромная мощь, способная ломать жизни и причинять сопутствующий ущерб. Никто не пошевелился. Молчание затянулось, и первым его нарушил Йокам.

– Прошу прощения?

– Мне нужно ваше оружие. – Шеф ткнул пальцем в стол. – И оно нужно мне сейчас.

– Чушь. – Притворяться бесстрастным Йокам больше не мог.

– Просто сдайте его.

Глядя шефу в глаза, Хант достал свой служебный «ствол» и положил на стол. Йокам с явной неохотой последовал его примеру и, бросив взгляд на стоически бесстрастных и молчаливых следователей, осведомился:

– Что еще?

Шеф взял оружие и положил его на невысокий комод у дальней стены. Жест был нарочито демонстративный и означал одно: теперь к оружию никто не прикоснется. После этого он повернулся и, всем своим видом выказывая недовольство, сказал:

– Мы ознакомились с вашими рапортами. Все чисто да гладко. Не подкопаешься. Но мне нужно знать, был ли оправданным выстрел на поражение. – Он тяжело посмотрел на Ханта. – И мне нужно, чтобы это сказал ты.

В комнате стало тихо, и детектив вдруг ощутил на себе внимательный взгляд друга.

– Это все в высшей степени необычно. – Он посмотрел на гостей из бюро, потом на шефа. – Так не делается.

– Пожалуйста, – с непривычной для него мягкостью сказал шеф.

Хант постарался собраться с мыслями, вспомнить детали: как и почему все случилось. Но результат получился другой: нахлынувшие воспоминания разбудили чувства к другу. Больше тридцати лет на службе. Четыре года бок о бок. Напарники, коллеги, друзья.

И Мичум заслужил смерть.

Шеф ждал ответа с лицом печальным и несчастным, Йокам как будто не мог оторваться от какой-то точки на стене.

– Выстрел на поражение был оправдан, – сказал Хант.

Йокам моментально расслабился, и уголки губ дрогнули в улыбке.

– Уверен? – спросил шеф. – Вопросов нет?

– Йокам посчитал, что Мичум нападает на меня с топором, и принял соответствующее решение. Правильное решение.

– Тем не менее нам придется это сделать, – сказал спецагент Барфилд.

– О чем это он? – Хант нахмурился.

Шеф покачал головой и на мгновение закрыл глаза. Что бы ни имел в виду агент, шеф был с этим согласен.

– Детектив Йокам, вынужден попросить вас поехать с агентами Барфилдом и Оливером.

– Что? – возмутился тот.

– Поедете в Роли. К вам есть вопросы, и задавать их лучше не здесь, а там.

Йокам сделал шаг назад.

– Я в Роли не поеду.

Барфилд поднял руку.

– Все можно сделать тихо и спокойно. Не привлекая внимания.

– А почему бы тебе тихо и спокойно не пойти в задницу? – огрызнулся Йокам. – Никуда я не поеду, пока кто-нибудь не объяснит мне, что тут происходит.

– Вопросы должен задать кто-то, не имеющий отношения к нашему департаменту. Вот я и обратился за помощью к штату.

– Ловкий поворот, – неприязненно отозвался Хант.

Шеф покачал головой. Барфилд положил руку на плечо Йокаму. Жест не был ни агрессивным, ни угрожающим, но Йокам дернул плечом и сбросил ее.

– Не трогай меня.

– Тебя никто не арестовывает.

– Не арестовывает! Так какого...

– Успокойся, Джон.

– Да пошел ты, Клайд. Какие еще вопросы?

Барфилд снова протянул руку, но дотрагиваться до Йокама не стал и лишь указал на дверь. Тот резко отвел ее.

– Я никуда не пойду, пока не узнаю, что это за вопросы.

Барфилд опустил руку.

– Ваше служебное оружие – «кольт» сорок пятого калибра.

– И что с того?

– Где оно сейчас?

– Не ваше дело.

– Детектив Хант нашел гильзу сорок пятого калибра в машине Дэвида Уилсона.

– И что?

Хант осторожно взглянул на шефа, и в животе у него как будто открылась сосущая пустота.

Между тем лицо Барфилда не выражало ровным счетом никаких эмоций.

– На гильзе ваши отпечатки, детектив. Об этом мы и хотели бы поговорить. – Он снова протянул руку, предлагая Йокаму выйти первым. – Сделаем это по-тихому.

И снова тот ударил по руке, но теперь уже сильнее, чем в первый раз, и звонче.

– Тогда так, – сказал Барфилд, и оба агента, действуя в унисон, схватили детектива с двух сторон, заломили назад руки и, заставив наклониться, ткнули лицом в стол. Хант машинально шагнул вперед, к спецагенту Оливеру...

– Отойди, Хант. – Приказ прозвучал громко и твердо.

Детектив оглянулся и застыл на месте – лицо шефа горело от злости. Барфилд уже доставал наручники, а Оливер, навалившись на Йокама, прижимал его к столу. Браслет защелкнулся на правом запястье, и Йокам дернулся. На верхней губе у него показалась кровь.

– Шеф...

– Помолчи. – Тот повернулся к агентам. – Это действительно так уж необходимо?

– Нападение на представителя властей штата.

Надев наручники, они повернули Йокама к выходу. Хант встал между ними и дверью.

– Что бы ни произошло, всему есть объяснение. Не надо с ним так. Там его коллеги. На улице пресса.

– Отойдите в сторону, детектив. – Лицо у Барфилда горело. Оливер демонстрировал безмятежность. – Мы всего лишь выполняем свою работу. И сюда нас пригласил ваш же шеф.

Йокам выпрямился. Рубашка выбилась из-под ремня, одна пуговица расстегнулась, Его ярость ощущалась на расстоянии.

– Уберите от меня ваши гребаные руки, – процедил он.

Хант посмотрел на шефа.

– И вы позволите, чтобы его вывели в наручниках?
– Ты арестовал Кена Холлоуэя за меньшее.
– Там другое.
– Неужели? – Помогать шеф определенно не собирался.
– У нас есть место для двоих, – пригрозил Оливер.
– Это все чушь, Клайд, – сказал Йокам.
– Отойдите, детектив, – повторил Барфилд. – Больше просить не буду.
– Шеф, черт возьми...
– Отойди, на хрен, в сторону.
Хант повернулся к другу. Йокам мотнул головой и плюнул на пол.
– Не надо, Клайд. – Хант не сдвинулся с места. – Отойди.
– Джон...
– Чудный денек для прогулки, – сказал Йокам, и Хант шагнул влево.
Дверь открылась, и его напарника вытащили в наручниках.
Провели по участку.
И через переднюю дверь вывели наружу.

Глава 44

За восходом солнца Джонни наблюдал с чердака, сидя у дверцы. Ноги его болтались над темной пустотой, пахнувшей землей и мятой травой. Хотелось пить. Болело все – ноги, руки, спина. Бодрствовал он один, остальные спали. Костер давно погас. Солнце появилось вначале розовой линией, потом краем поднявшегося над деревьями желтого круга. Джонни наклонился вперед и посмотрел вниз.

– Только не прыгай, – сказал у него за спиной Джек.

Джонни повернулся.

– Ха-ха.

Джек прошел по чердаку и сел рядом с другом. В волосах у него запуталось сено. Побарабанив пятками по дереву, он тоже высунулся.

– Я тебе жизнь спас, так что ты мне должен.

– Вот что я тебе должен. – Джонни толкнул его в плечо.

– Хрен. – Джек окинул взглядом заросшее сорняками и прибитое ветром и дождем поле. Лес все еще чернел под листьями. Налетевший вдруг порыв ветра принес болотные звуки. – Есть хочется.

– И мне тоже.

– Пора бы домой двигать.

Джонни посмотрел на люк и лестницу, которая вела вниз.

– Думаешь, он с Богом разговаривает?

– Думаю, умирает.

– По-настоящему?

– Да, по-настоящему.

Джонни поднялся, вытер ладони о джинсы.

– Мне надо поговорить с ним.

Джек тоже встал.

– Там воняет.

Внизу и впрямь воняло. Фримантл лежал на боку, подтянув к животу колени. Больную руку он вытянул, и когда Джонни дотронулся до нее, ощущение было такое, словно он прикоснулся к сухой, горячей бумаге. Посмотрел на рану в боку, потом на распухшую руку. Кожа на пальце лопнула, не выдержав давления.

– Я же просто его укусил.

– Человеческий рот – жуткое место.

– Ты же целовал ту, как ее там...

– Это совсем другое. Кроме того, ты прокусил палец до кости, и с тех пор прошло уже несколько дней. Он же нес тело через лес. И поливал рану лекарством для животных. Это было совсем уж глупо.

– Не думаю, что он глуп.

– Нет?

– Не то слово. Неподходящее.

Джек выдохнул.

– Надо убираться отсюда. Прямо сейчас, пока он не проснулся и не убил нас.

И тут же, как будто Фримантл услышал эти слова, его глаза, темные и безумные, открылись. Выбросив руку, он схватил Джека за шею, подтянул к себе и прохрипел:

– Бог знает.

Сделав это заявление, разжал пальцы, и Джек попятился.

– Держи его! Господи... Не подпускай ко мне этого долбака.

Джонни замер, уставившись на Фримантла, и отвел глаза, только когда лицо великана очистилось от безумия.

– Что случилось? – растерянно спросил тот и испуганно огляделся. Потом поднял больную руку, посмотрел на нее так, словно видел впервые, опустил на колено и, как будто мальчишек и не было рядом, лег на бок.

– Где я?

Повернувшись, Джонни увидел друга у противоположной стены – больную руку он держал у горла, а здоровой крестился.

– Надо уходить... надо уходить, – шептал Джек бледными, бескровными губами.

– Ты в порядке?

Тот не ответил и только моргал. Слова застряли в горле, и он лишь открыл и закрыл рот. Мальчики повернулись и снова посмотрели на Фримантла, дрожащего на холодном каменном полу. Из зажмуренных глаз вытекали слезинки, губы бессмысленно шевелились, пропуская редкие, сухие звуки.

Джек снова перекрестился.

На его горле горели красные отметины от пальцев.

Глава 45

Ханта просто трясло от гнева, и, вернувшись в кабинет шефа, он вовсе не был уверен, что сумеет удержать себя в руках. Перед глазами все еще стояла картина: беснующаяся толпа репортеров и Йокам, идущий между ними с поднятой головой. Толкнув дверь так, что она ударилась о косяк, детектив переступил порог, но шеф, решив не дожидаться выплеска гнева со стороны подчиненного, уже хлопнулся в кресло, положил на стол служебное оружие Ханта и подтолкнул к нему через стол.

– Могло бы и получше обернуться.

Хант посмотрел на «ствол».

– Шлепнуть бы вас...

– Ну-ну, не надо мелодрам. Сидел бы в этом кресле – сделал бы то же самое.

Хант забрал свое табельное оружие и сунул его в кобуру.

– Понятно, засаду устроили...

Шеф хлопнул ладонью по столу.

– Ты же сам предположил, что здесь может быть замешан коп.

– Замешан во что?

– В эти дела с Джарвисом и Мичумом.

Хант показал на дверь.

– Это они так считают? И об этом хотят с ним поговорить?

– Приходится защищаться. Защищать расследование и репутацию полицейского департамента. Иногда мы вынуждены привлекать для этого кого-то извне, людей непредубежденных, посторонних. Мне это тоже не нравится, но так уж есть, и вот так оно делается.

– Вы кого пытаетесь убедить? Меня или себя?

– Ты меня морали не учи, праведник нашелся... Ничего бы такого не случилось, если б пресса рот заткнула, а ты бы своих не распускал.

– Мои люди зря не треплются.

– Ты – ведущий детектив и отвечаешь за каждого, кто участвует в расследовании.

– Чепуха.

– Разве не ты все последнее время спорил и доказывал, что в деле Бертона Джарвиса замешан коп? Разве мальчишка не это видел? И в записках разве не упоминался коп, бывавший в доме Бертона Джарвиса?

– Не коп, а охранник. Мы установили это вчера, когда вышли на

Мичума.

– Неужели?

– Неужели что?

– Ты на все сто уверен, что к Джарвису приходил охранник?

– Это очевидно.

Шеф откинулся на спинку кресла.

– Кто предложил поехать в торговый центр?

– Йокам.

– А кому пришло в голову, что мальчишка мог принять за полицейского охранника?

– Йокаму. Нам обоим.

Шеф побарабанил толстыми пальцами по поцарапанной столешнице.

– Кэтрин Мерримон видела машину, стоявшую на улице неподалеку от ее дома. Она подумала, что наблюдают за ней и что машина, возможно, полицейская.

– У Мичума седан.

– Седан, но не полицейская машина. А вот Йокам ездит на полицейской.

– У нее просто возникло такое впечатление. Не более того.

Шеф поднялся из кресла. Прищуренные, с морщинами в уголках глаза впились в Ханта цепким взглядом.

– Ты ведь не вышел бы на Мичума без Йокама, а? Это ведь он выстроил логическую цепочку, разве не так? Йокам привел тебя в торговый центр.

– Ему полагается медаль.

– А если не было никакой дедукции? Если он точно знал?

– Знал что?

– А если он все время был заодно с ними, с Джарвисом и Мичумом? Что, если работали не двое, а трое?

– Чепуха.

– Ты постоянно это повторяешь.

– Надо найти Джонни Мерримона. Ему и минуты не понадобится, чтобы внести ясность.

– Если только он пожелает с тобой говорить.

– Пожелает. На этот раз пожелает.

– Раз так, ищи мальчишку, а когда найдешь, позвони. Сразу, как только он появится. И как только скажет, что видел у дома Джарвиса не Йокама, я позвоню в бюро расследований штата. А до тех пор Йокаму придется крутиться, как ужу на сковородке.

Хант покачал головой.

– Все не так.

– А ты остановись на минутку и подумай. Бертон Джарвис мертв. Мичум после звонка Холлоуэя понял, что мы подбираемся к нему, испугался и ударился в бег. Если б мы взяли его живым, он заговорил бы. За сданного «грязного» копа получил бы от окружного прокурора большие поблажки. Йокам тоже это понимал, а значит, у него была причина желать Мичуму смерти. – Шеф наконец поднялся. – Вот я и спрашиваю тебя еще раз: выстрел на поражение был оправдан?

– Я знаю Йокама.

– Что я говорил тебе насчет смешения личного и служебного?

– Я знаю Джона Йокама.

– Знаешь? Неужели? – Шеф выждал паузу. – Чем он занимается по выходным? Где проводит отпуска?

– Не в курсе, – признался Хант. – Об этом он не рассказывает.

– Йокам не был женат. Почему?

– А это при чем?

– При том. Мы же всё знаем и понимаем. Он сам частенько говорит.

Хант знал, что имеет в виду шеф. Каждый раз, сталкиваясь с преступлением особенно жестоким, предательством особенно отвратительным, Йокам произносил эту фразу.

«Тьма ест сердца, как рак».

– Ну да, он циник. Как и большинство копов.

Шеф пожал плечами.

– Может, он говорил о себе.

* * *

Участок гудел от негромких, вполголоса, разговоров, которые моментально стихли, едва Хант вышел из кабинета шефа. Дверь хлопнула так, что висевшая на стене картина съехала вбок. Взгляды искоса, мысли, догадки – Хант ощущал их тяжесть, но все молчали, никто ни о чем не спрашивал, и ему ничего не оставалось, кроме как взять объяснение на себя. Он остановился посередине помещения, поднял обе руки.

– То, что здесь случилось, – недоразумение. Если кто спросит – репортеры, родственники, кто-то еще, – так и говорите. – Детектив повернулся, обводя всех взглядом. – Недоразумение.

Слово повисло в воздухе. Никто, кроме Кросса, не смог посмотреть

ему в глаза, да и тот лишь покачал головой. Хант сдержался, не дал воли злости. Йокам не искал друзей в полиции, никогда даже не пытался их найти. Он работал, делал свое дело. Ну и что? Что здесь не так? Такой он человек. Одиночка. Профессионал. Живет своей жизнью.

Хант вышел через заднюю дверь.

Солнце выжигало влагу с дорожного покрытия, с широких, обвислых листьев стоящего у тротуара одинокого дерева. На автостоянке, за проволочным ограждением, что-то тяжелое затряслось, закашляло и зачихало черным дымом. Над стоянкой висел запах дизеля, земли и горячего металла. Хант сел за руль, повернул ключ зажигания и включил на полную кондиционер. Потом, положив руки на руль, подставил влажное от пота лицо под струю холодного воздуха и представил Йокама в наручниках. Джонни. Кэтрин Мерримон. И снова Йокама – в низине у реки, когда открылись первые могилы. Мрачного, злого, возмущенного.

Нет, Джон не мог быть к этому причастен.

Никоим образом.

Хант дал задний ход, вылетел со стоянки и развернулся. Если на гильзе, найденной в «Лендкрузере» Дэвида Уилсона, есть отпечаток Йокама, то этому должно быть какое-то объяснение. И если такое объяснение есть, то искать его нужно у Йокама дома. Думать о другом варианте, допуская, что напарник имел отношение к пропавшим детям, не хотелось, но даже и в этом случае улики, скорее всего, могли быть там же.

Ни ордера, ни ключа у Ханта не было, но такие мелочи его не беспокоили. Камень в окно заменит и ключ, и ордер. Или ломик в дверь. И важно тут не то, что оба они копы, а то, что друзья. Важны вера и доверие, тот огонь, что вспыхивает и не дает покоя при мысли о предательстве шефа. Это он пожертвовал Йокамом, чтобы департамент выглядел чистеньким – даже при том, что дело вязнет в дерьме.

– Чушь, – проворчал Хант.

Но отпечаток...

Он покачал головой.

Отпечаток – это серьезно.

Прорезав поток движения, детектив повернул влево, на пересекавшее город четырехполосное шоссе.

Йокам жил в старом районе, плотно застроенном бунгало, вознесенными над забетонированными пешеходными дорожками. Район, хотя многие и рассматривали его как временное местопребывание, содержался в чистоте, был зелен и тих.

Войти Хант рассчитывал с помощью монтировки.

Быстрый поворот вправо, потом, через три квартала, влево. Дом у Йокама был одноэтажный, с остроконечной крышей и кедровой дранкой, принявшей со временем цвет тусклого серебра. Цветочные клумбы радовали яркими красками. Кустики были подстрижены, деревья выглядели ухоженными.

На подъездной дорожке уже стоял синий фургон с четко выделявшимися на боковой панели белыми буквами – «БРШ».

Так и не доехав полквартала, Хант прижался к тротуару. Соседи справа и слева, не найдя занятий интереснее, толпились в том и другом дворе: поблекшие женщины в ярких платьях, пожилые мужчины, длинноволосые подростки. На лицах у всех было написано одно и то же: удивление и любопытство. Крепкие парни в ветровках с тремя буквами на спине сновали между домом и фургоном с коробками в руках. Ни Барфилда, ни Оливера Хант не увидел, но это было неважно.

В дом Йокама нагрянуло бюро.

И у них был ордер.

Глава 46

– Он пытался меня убить. Ты же сам видел. Господи, этот громила хотел меня задушить.

– Если б хотел, ты бы уже не дергался. – Джонни опустил на колени перед Фримантлом. – Перестань. Ведешь себя как девчонка...

– Не трогай его. Что ты делаешь?

– Я и не трогаю. Остынь. – Джонни наклонился. – Он просто больной. – Фримантл пошевелил губами, и Джонни слышались какие-то слова. Он наклонился еще ближе.

– ...Дом горит... Мама горит...

Джонни поднял голову.

– Ты слышал?

– Нет.

– Давай помоги мне.

– Ну уж нет.

– Ему нужны лекарства. Или в больницу.

– Ладно, – согласился Джек. – Поедем домой и позвоним в «Скорую».

Пусть они этим занимаются.

– Если позвоним в «Скорую», они позвонят копам, и тогда я не узнаю, что ему известно.

– Пусть копы его допросят. Это их работа.

– Его ищут за убийство. И они думают, что Алисса мертва. Никто его спрашивать не будет. По крайней мере, спешить с этим они точно не станут. – Джонни толкнул Фримантла в плечо, но тот даже не пошевелился.

– Так что ты хочешь сделать?

– Не знаю. Попробую что-нибудь придумать. Мне нужна еще одна попытка. Еще немного времени. Понимаешь? Так давай же, Джек, помоги мне...

– Ладно. Что надо делать?

– Присматривай за ним, а я пойду за грузовиком.

– Это минут двадцать.

Но Джонни уже не слышал. Джек посмотрел на потрескавшиеся губы Фримантла, на сухие, словно бумажные, веки, за которыми перекатывались глаза.

– Отстой, – пробормотал он и, подобрав револьвер, направил его на Фримантла и сел.

* * *

Ливай горел в черном пламени. Он знал, что это пламя, потому что уже горел однажды раньше. Горел в горящем доме, держа на руках маму, и в какой-то момент волосы у нее вспыхнули, как факел. Он не знал, почему горит дом и почему он оказался в нем сейчас. Ведь пожар случился вроде бы давно.

Но он горел.

Невыносимая боль разливалась под кожей.

Вдалеке слышались голоса, и он пытался сказать им...

...Дом горит... Мама горит...

Но они не слышали его. И никто не пришел на помощь.

Никто.

Какая горячая кожа...

Как горит...

* * *

Джонни пробежал всю дорогу. Хватая ртом воздух, он залез в машину и захлопнул дверцу. Ключ скользил в потных пальцах, но мотор все же завелся. Сизый дым заворочался в неподвижном воздухе. Радио передавало госпел ^[29]. Подъехав к сараю, Джонни остановился, но мотор выключать не стал. У двери с несчастным видом стоял Джек.

– И как ты собираешься его погрузить?

Джонни не ответил. Соскочив на землю, он прошел в сарай, склонился над Фримантлом, позвал его по имени и тронул за руку.

– У него жар.

– Ну да.

– По-моему, ему хуже. Он просто горит.

– Мама горит... Дом горит...

– Что за ерунда? – Джек тоже наклонился. – Слышал, что он бормочет?

Джонни кивнул в сторону сгоревшего здания.

– Думаю, в том пожаре сгорела его мать. – Он еще раз потряс великана за плечо и выпрямился. – Сами мы его не погрузим.

– Один раз он вроде бы очнулся.

– Надо побрызгать ему водой на лицо.

– Это только в кино получается.

– Дрянь дело.

– Давай убираться отсюда, а его оставим здесь, – предложил Джек.

Джонни покачал головой.

– Подождем.

– Хорошего понемножку.

– Я украл машину, мне и решать.

Вот так они и ждали. И сизый дым поднимался в воздух, а радио передавало госпел.

Глава 47

Хант дважды объехал квартал, но, проезжая мимо дома Йокама, каждый раз видел стоящий на дорожке фургон бюро. Отказавшись от третьей попытки, он позвонил Кроссу, находившемуся на участке Джарвиса. Тот ответил после четвертого гудка.

– Да, судмедэксперт здесь. Первое тело будет примерно через час. Доктор Мур считает, что сегодня закончит со всеми. Может быть, во второй половине дня. Но к вечеру наверняка.

– Как там репортеры?

– Как вы и предполагали. Выезжаете?

– Посмотреть уже есть на что?

Кросс ответил не сразу. Из трубки доносились приглушенные голоса.

– Пока еще нет.

– Позвоните мне, когда что-нибудь будет.

Хант закрыл телефон и обнаружил, что находится на перекрестке, за которым начинается самая бедная часть города. Старые дома, обшитые потрескавшейся дранкой. Серое белье на веревках. Ржавые цистерны из-под бензина. Гранитные блоки фундаментов, поднимавшие полы над сырой землей. У ближайшего дома высилась гора мусора. На протяжении сотни лет с этой стороны города селились бедные фермеры-арендаторы, и результат сказывался до сих пор. В миле отсюда, окруженное бедностью и отчаянием, находилось кладбище освобожденных рабов, задержавшаяся тень прошлой несправедливости.

Светофор переключился на зеленый.

Хант остался на месте.

Что-то сдвинулось и щелкнуло в голове. Сзади нетерпеливо посигналили, и он проехал вперед и прижался к тротуару. Водитель, ехавший следом, дал газу и пронесся мимо. Неоновая подсветка шасси, спиннеры на ступицах, ленточки с цветами местной банды на зеркале заднего вида. С настороженного лица зыркнули недоверчивые глаза, из динамиков громынуло что-то тяжелое, басовое, но Хант усилием воли отогнал видение. Сейчас его мысли ушли в прошлое.

Бедные фермеры. Белье на веревке.

Розовый язык дворняги в тени...

Хант прокрутил назад последнюю минуту.

И, похоже, нашел ответ.

Он потянулся за телефоном, чтобы позвонить Йокаму, вспомнил, что напарника увезли в наручниках в Роли, и набрал номер Кэтрин Мерримон. Она ответила – голос показался усталым, но в нем прозвучала затаенная надежда.

– Хотел убедиться, что вы дома.

– Джонни? – встрепенулась Кэтрин.

– Пока ничего. Я еду к вам.

На дорогу ушло двадцать три минуты. Кэтрин встретила его в линялых обрезанных джинсах, сандалиях и мятой рубашке, висящей на худеньких плечах.

– У вас усталый вид, – сказал Хант, отметив ее глубоко запавшие глаза и бледность.

– Кен заявился в три часа ночи. Так и не смогла потом уснуть.

– Он приезжал сюда?

– Я не открыла. Колотил в дверь, кричал всякие гадости, грозил... Пьяный был, а пьяному ему просто нужно на ком-то сорваться. Только и всего.

Хант нахмурился. Ему было знакомо это выражение затравленности на лице женщины, пытающейся обмануть себя саму.

– Не смейте, слышите? Не смейте искать для него оправдания.

– С Кеном я справлюсь.

Хант постарался успокоиться. Кэтрин защищалась, и такая позиция не помогала решению проблемы. Для этого существовали способы получше.

– Мне нужно зайти в комнату Джонни.

– Хорошо. – По сумрачному коридору она провела его к комнате сына. Хант включил свет и посмотрел на кровать. Не увидев того, что ожидал, он перешел к комоду, на котором стояли книги, и пробежал взглядом по корешкам. – Здесь ее нет.

– Чего нет?

– У Джонни была книга по истории округа Рейвен. Примерно такого размера. – Детектив показал руками. – Несколько дней назад я видел ее у него на кровати. Замечали что-то такое?

– Нет, ничего. А это важно?

– Не знаю. Может быть. – Он повернулся к выходу.

– Уходите?

– Я буду на связи.

У двери Кэтрин положила ладонь ему на плечо.

– Послушайте. Насчет Кена. Я ценю вашу заботу. Если он будет угрожать или вести себя агрессивно, я вам позвоню. Хорошо? – Легкое

пожатие. – Позвоню.

– Обязательно, – сказал Хант, а в голове у него уже закрутились колесики. Кэтрин осталась у двери и вернулась в дом только после того, как он выехал на улицу. Ее дом еще отражался в зеркале заднего вида, когда Хант набрал номер Тейлор.

– Я у дома Кэтрин Мерримон.

– А я и не удивлена.

– Сделай одолжение...

– Уже со счета сбилась.

– Это касается Кена Холлоуэя. Проверь его офис. Проверь дом. Я хочу, чтобы ты нашла его и арестовала.

Молчание. Хант знал, что Тейлор не забыла прошлый раз и что ей вовсе не хочется снова попасть в чью-то жалобу.

– На каком основании?

– Воспрепятствование правосудию. Он предупредил Мичума, что мы идем к нему. Все необходимые бумаги я оформлю во второй половине дня, но мне нужно посадить мерзавца под замок прямо сейчас. Вся ответственность на мне.

– Это законный арест?

– Еще неделю назад тебе и в голову не пришло бы задавать такой вопрос.

– Неделю назад я бы не почувствовала такой необходимости.

– Ты просто сделай, о чем я прошу.

Хант дал отбой и тут же позвонил в справочную – узнать номер телефона публичной библиотеки округа Рейвен. Оператор назвала номер и сразу же соединила его с библиотекой.

– Абонементный стол, – ответил мужской голос. Хант сообщил, что ему нужно, и услышал стук клавиш. – Книга сейчас на руках.

– Знаю. Она у вас в единственном экземпляре?

– Сейчас посмотрю... Нет, есть еще одна.

– Придержите ее для меня. И, пожалуйста, скажите, как вас зовут.

Закончив разговор, Хант повернул к библиотеке. Помочь Йокаму он не мог. На участке Джарвиса все было под контролем. Оставался Джонни. Мальчишка, у которого жизнь пошла наперекосяк. Беглец с украденным оружием.

Освобожденные рабы.

Фримантл.

Хант знал это имя, потому что видел его в книге у Джонни. Тогда он лишь скользнул по нему взглядом, но помнил, что почувствовал, когда

прочитал: «*Джон Пендлтон Мерримон, хирург и аболиционист*».

И еще в книге была карта.

Детектив добавил газу и ощутил под спиной горячую обшивку сиденья. Джонни знал, где искать Фримантла, а Ливай был беглым заключенным, убийцей.

Хант включил мигалку, промчался по Мейн-стрит на семидесяти пяти милях в час, свернул на автостоянку и, оставив машину с работающим двигателем, забежал в библиотеку. Вернулся он через две минуты уже с книгой и, полистав страницы, быстро нашел нужную. Портрет Джона Пендлтона Мерримона демонстрировал человека широколобого, с тяжелыми волевыми чертами, в строгом черном костюме и несколько – не считая, может быть, темных глаз – не похожего на Джонни.

Прочитал Хант и об Айзеке, выбравшем фамилию Фримантл как символ обретенной свободы. На рисунке в книге тот был изображен крупным мужчиной в грубой одежде и шляпе с широкими опущенными полями, с большими, крепкими руками и клочковатой, тронутой сединой бородой. Джонни сказал, что Фримантл – имя, которое давали масти, и теперь, присмотревшись получше, Хант заметил в лице освобожденного раба индейские черты. Что-то такое в разрезе глаз. Или, может быть, изгибе скул.

Следующую страницу занимала карта. Река, болото, длинный выступ суши, окруженный с трех сторон водой.

Хаш Арбор.

Хант сравнил карту в книге с дорожной картой в «бардачке». Хаш Арбор в самой пустынной части округа. Лес, болото, река – и ничего больше.

Никакой информации о зарегистрированном на фамилию Фримантл телефоне или коммунальных услугах Хант не обнаружил, так что сведения полуторавековой давности никакой ценности не имели. Но ему был нужен мальчишка.

Он переключил передачу.

Путь к Хаш Арбор вел на север.

Глава 48

Первым делом Тейлор отправилась в офис Холлоуэя в центре города. Въехав на огромную автостоянку, охватывавшую здание с двух сторон, она неторопливо покатила по периметру, высматривая белый «Эскалейд» с золотыми буквами. Ничего не обнаружив, Тейлор остановилась перед входом, вышла из патрульной машины и, поправив ремень, направилась к большой стеклянной двери. Ей нравилось ощущение ремня на бедрах. Внушительная служебная экипировка. Тяжелый, серьезный металл. Тейлор нравилось быть копом. Ей нравилась власть, которую давал жетон. Нравилась немнущаяся синяя форма. Быстрая езда.

А еще ей нравилось арестовывать нехороших людей.

Она шла по полированному гранитному полу, и ботинки тихонько поскрипывали резиновыми подошвами.

За большим офисным столом сидела женщина в свежем, дорогом костюме, и Тейлор чувствовала на себе ее придирчивый, оценивающий взгляд все те несколько секунд, пока пересекала просторный, со сводчатым потолком вестибюль.

– Да? – произнесла она таким надменным тоном, что полицейская мгновенно прониклась к ней антипатией.

– Мне нужно поговорить с Кеном Холлоуэем, – ответила Тейлор голосом, в котором ясно прозвучало: «Не заставляй меня повторять».

Секретарша выгнула бровь.

– По какому вопросу? – произнесла она, едва шевеля губами.

– По такому вопросу, что я хочу его видеть.

– Понятно. – Секретарша поджала тонкие губы. – Мистера Холлоуэя сегодня нет.

Тейлор достала блокнот и ручку.

– Ваше имя и фамилия? – Люди терпеть не могут эти вещи, блокнот и ручку. Людям не нравится, когда коп куда-то их записывает. Тем не менее секретарша, пусть и с неохотой, назвала себя, а Тейлор записала. – И вы говорите, что мистера Холлоуэя сегодня нет?

– Да. То есть нет. Его здесь нет.

Сломив сопротивление, Тейлор не стала торжествовать. Пользуясь властью, она никогда не улыбалась, старалась обходиться минимумом слов и сохраняла бесстрастное выражение.

– Когда вы в последний раз видели мистера Холлоуэя или

разговаривали с ним?

– Его не было здесь со вчерашнего дня.

– Другие сотрудники готовы подтвердить ваши показания?

– Полагаю, что да.

Тейлор медленно оглядела помещение: картины на стенах, указатели, лифты. Потом положила на стол карточку.

– Пожалуйста, пусть мистер Холлоуэй позвонит по этому номеру, когда появится.

– Да, мэ.м.

Продлив зрительный контакт еще на несколько секунд, Тейлор повернулась и ровным, четким шагом, держа одну руку на широком виниловом поясе, вышла из вестибюля. Уже в машине она включила лэптоп и, подключившись к базе данных отдела транспортных средств, проверила, какими еще транспортными средствами владеет Холлоуэй. Помимо «Эскалейда», за ним числились «Порше 911», «Лендровер» и мотоцикл «Харли Дэвидсон». Тейлор еще раз прокатилась по автостоянке, но ничего из перечисленного не обнаружила. В блокноте, рядом с именем секретарши, появилась приписка: *«Возможно, говорит правду»*.

Дом Холлоуэя находился рядом с одним из самых больших полей для гольфа в богатой части города. Поле было частным, и в центре его стояло роскошное, сложенное из камня и увитое плющом здание гольф-клуба. На этой улице вообще не было домов стоимостью менее двух миллионов долларов, и особняк Холлоуэя считался самым большим и представлял собой белый дворец, раскинувшийся на ухоженной лужайке площадью в четыре акра. На середине подъездной дорожки Тейлор миновала статую черного лакея в ливрее, с фонарем в руке и широкой улыбкой на лице.

Выйдя из машины, она поднялась по широким ступенькам к длинной веранде. За открытой передней дверью был виден пол из полированного сланца. Поначалу ее встретили тишина и птичье пение, потом она услышала плач.

Плакала женщина.

В доме.

Тейлор машинально положила руку на рукоятку служебного пистолета, отстегнула большим пальцем кожаный язычок и шагнула через порог. Первым, что бросилось в глаза, был топор, лежащий на полу среди обломков пианино. Верх инструмента был изрублен в щепки, клавиатура разбита несколькими ударами, костяные клавиши валялись на ковре. Все остальное выглядело идеально.

Тейлор включила рацию, вызвала диспетчера, сообщила, где

находится, и запросила поддержку. Потом вынула оружие, громко назвала себя и прошла дальше. В воздухе пахло пролитым спиртным, на кофейном столике стояли открытые бутылки – одна пустая, другая пустая наполовину.

Плач доносился откуда-то из глубины дома. Возможно, из кухни. Или из спальни. За открытым арочным входом находилась гостиная. Заглянув туда, Тейлор увидела лежащее на софе зеркало с несколькими аккуратно выложенными дорожками кокаина.

Из разорванных внутренностей пианино торчали стальные струны.

– Полиция, – снова подала голос Тейлор. – Я вооружена.

Женщину она нашла в коридорчике за гостиной. Молодая, лет восемнадцати-девятнадцати, безупречная кожа, обесцвеченные волосы с темными корнями. Зубы кривые, но белые, руки загрубелые, покрасневшие. Она сидела на полу и плакала, и Тейлор заметила, что глаза у нее голубые.

– Он ничего не сделал. Я в порядке. – Акцент у нее был восточный. Тейлор сама выросла в бедной семье и знала немало таких девушек, привлекательных и необразованных, отчаянно старающихся найти место получше.

– Можешь подняться? – Тейлор протянула руку. Девушка была в форме служанки с разорванным правым плечом и распахнутой, с оторванными пуговицами блузке. Одна щека у нее горела, на предплечье красовались оставленные пальцами отметины. – Ты одна?

Девушка не ответила.

– Это Кен Холлоуэй с тобой сделал?

Она кивнула.

– Назвал меня Кэтрин. Но это не мое имя.

– А тебя как зовут?

– Джейни.

– Вот и ладно, Джейни. Все будет хорошо, но только ты расскажи, что здесь произошло. – Тейлор взглянула на разорванную форму и негромко спросила: – Он тебя изнасиловал?

– Нет.

Что-то было в том, как она произнесла это. Нерешительность. Лукавство.

– У тебя отношения с мистером Холлоуэем?

– Вы имеете в виду...

Тейлор промолчала, и Джейни кивнула.

– Иногда. Знаете, он бывает милым. И потом... он реально богат.

– У тебя был с ним секс?

Девушка снова кивнула и заплакала.

– И он тебя ударил?

– Потом.

– Продолжай.

– Иногда он дает мне красивые вещи и говорит приятные слова. – Джейни шмыгнула носом. – Понимаете, о чем я? Как джентльмен. – Она покачала головой, вытерла глаза. – Наверное, не надо было говорить, что он называет меня чужим именем. Сказал, что не верит мне, но, думаю, ему просто не понравилось, что я поймала его на этом. Не хотел, чтобы я знала.

– Он называл тебя Кэтрин. Просто Кэтрин?

– Да, просто Кэтрин. Вы видели пианино?

– Да.

– Вот так он разозлился. От одного только имени завелся. Пригрозил, что если я только скажу кому-нибудь, то буду следующей. – Она поджала губу, и блондинистые волосы упали на глаза. – А однажды подарил мне «Айпод».

– Джейни...

– Он очень плохой человек.

Глава 49

Ливай горел. Горели мамины волосы, и пламя хватало его за лицо горячими когтями. Было больно, он кричал, и потом они проломили сетчатую дверь и свалились с крыльца, а дом у них за спиной рухнул, и все потемнело, а что не потемнело, то горело. Ливай думал, что, может быть, горит в аду. Он знал, что сделал что-то плохое, но это было потом. Ведь потом? Не сейчас, когда мама горела у него на руках... Он запутался и испугался.

Жарко, как в аду.

Но сейчас горел дом, и Ливай знал, где он. В том единственном месте, где и всегда. Там он провел всю жизнь и никогда оттуда не выбирался. Мама говорила, что мир – это боль, неподходящее место для таких, как он. Поэтому Ливай остался. Поэтому был там, где был. Дома. И теперь горел во дворе... умирал.

Он открыл глаза – посмотреть, есть ли вороны.

Солнце в сарае.

** * **

– Вроде очнулся. – Глаза Фримантла дрогнули и открылись. Джонни склонился над ним и увидел растерянность, смятение и страх. – Всё в порядке. Мне только надо погрузить вас в машину. Можете подняться?

Ливай моргнул. В трещинах его изуродованного лица лежала засохшая грязь. Он посмотрел вверх, на балки, потом в открытую дверь.

– Так, – сказал Джонни и, взяв великана за здоровую руку, попытался поднять.

** * **

Слова сливались одно с другим, теряли смысл, но глаза у белого мальчика были хорошие, темные и глубокие. Ливай смотрел в них и отчего-то чувствовал себя лучше. Как будто видел их раньше. Как будто им нужно было доверять. Он сел, и жар прошел через него. Все еще напуганный и сбитый с толку, Ливай вдруг ощутил себя в потоке

прохладного воздуха, низвергающегося сверху, из какого-то холодного места, а потом снова услышал его. Голос.

Голос Бога.

Такой чистый и ясный, что он заплакал.

* * *

– Почему он так улыбается? – Фримантл лежал зажмурившись, но губы растянулись так широко, что со стороны казалось, будто кожа треснула и вот-вот начнет кровоточить. Джек отступил.

– Может, ему нравится госпел... Кто ж знает? Давай перетащим его в пикап. – Джонни помог великану подняться, но Джек остался в стороне. Джонни опустил задний борт, Ливай сел и завалился на спину. – Дальше, дальше, до конца.

– Дальше, дальше, до конца, – эхом повторил великан.

– Какая-то у него улыбка не та, – сказал Джек.

Фримантл лежал на спине, согнув колени, сложив руки на груди, и на его лице застыла широкая, счастливая улыбка. *Невинная*, неожиданно для себя подумал Джонни. *Чистая*.

– Давай залезай, – сказал он. Джек залез, закрыл дверцу и повернулся так, чтобы наблюдать за Фримантлом через заднее окошко кабины. Джонни сел за руль.

– У него губы шевелятся, – сообщил Джек.

– Что говорит?

Джек отодвинул стекло и выключил радио. Теперь мальчики слышали голос Фримантла.

– Нет ворон...

– Закрой, – сказал Джонни.

Джек закрыл, но голос все равно проходил в кабину.

– Нет ворон...

Глава 50

Хант уже отъехал от города, когда позвонил Кросс. Он ответил после второго гудка.

– Что у вас?

Мгновение тишины, потрескивание, потом голос:

– Вам бы стоило сюда приехать. – Снова пауза, неразборчивые голоса на заднем плане.

– Так что там? – спросил Хант.

– Вынули первое тело.

– Не Алиссу. – Хант ощутил внутри себя расширяющуюся темноту.

– Не Алиссу.

– Тогда...

– Ее отец. – Вздох. – Отец Джонни.

Хант свернул на обочину. Колеса соскочили с дорожного полотна, и мир накренился.

– Уверены?

Кросс промолчал. Хант снова слышал голоса, приглушенные крики, голос самого Кросса.

– Никаких репортеров. Никаких репортеров. Уведите его отсюда. Живее. Уведите.

– Кросс?

– Слышали? – спросил тот.

– Да.

– Вам бы приехать.

Хант посмотрел на уходящую вдаль узкую дорогу. Воздух колыбался и плыл. Какой-то старенький, выдавший виды грузовичок повернул на шоссе. Нижняя его часть растворилась в жарком мареве, и какое-то время казалось, что он стоит на месте.

– Детектив Хант?

– Никого не подпускайте. Я уже еду.

Он вывернул на дорогу и резко крутанул руль. Услышанное не могло быть правдой.

Спенсер Мерримон мертв.

Муж Кэтрин.

Мертв.

Хант прищурился от бьющего в глаза солнца. И все, что не имело

смысла, внезапно его обрело. Он понял и почувствовал, как поднимается к горлу жалость, печаль и уверенность. За спиной у него асфальт сливался с металлом и серебристой дымкой, в которой как будто плыл далекий грузовик.

Глава 51

Фримантл все говорил и говорил, и его голос перекрывал шум ветра и гул мотора. Одни и те же слова. Снова и снова.

– У меня от него мозги плавятся. – Джек включил радио и принялся тыкать пальцем в кнопки, но все станции передавали либо госпел, либо бесконечные проповеди. Джонни слышал, как он бормочет что-то вроде «... заткнись, заткнись же...», и голос его звучит нервно и испуганно. Прокрутив ручку настройки из одного конца в другой, Джек выключил приемник со словами «ни фига тут нет» и откинулся на спинку сиденья. Они проехали по проселку до ворот – Джек открыл их, а потом закрыл – и свернули на шоссе. Фримантл в кузове наконец затих и лежал неподвижно, вытянув руки со скрюченными пальцами.

– Опять отрубился, – заметил Джек.

Джонни оглянулся и прибавил газу. Дорога разворачивалась темной змейкой с одной-единственной, стертой почти до черноты, желтой полосой. Далеко впереди стоявшая на обочине машина почти скрылась в кольшущихся слоях жара, но потом развернулась и унеслась.

– Если хочешь, чтобы я тебя высадил, скажи где.

Джек вроде бы задумался, и Джонни решил не обращать внимание на гримасу на лице друга, и на его правую руку, отбивающую жесткий ритм на дверце. Джек нервничал. Если хочет выйти, пусть выходит, подумал Джонни.

– Рановато еще, – сказал наконец Джек.

Вот так-то.

Джек остался.

Приближаясь к городу, они словно возвращались из пустоты. За окном возникали старые особняки и поля для гольфа, потом, на каком-то промежутке, снова возникла пустота. Заметив просвет между соснами, Джонни свернул с шоссе на проселок. Джек открыл и закрыл еще одни ворота. Проехав через рожицу, Джонни свернул на развилке влево. Дорога пошла вверх, потом вниз и вправо, и они снова оказались на территории бывшей табачной фабрики. Еще один поворот, и он остановил грузовик.

На коньке крыши сидела ворона. Птица раскрыла клюв, и тут же рядом с ней появились еще три. Джонни почувствовал, как напрягся рядом с ним Джек, и увидел, как его рука скользнула под рубашку, туда, где висел серебряный крестик.

– На полях полно проса, на болоте – черники. Желудей хоть завались. Так что это ничего не значит.

– А ты раньше такое видел? Здесь? И такое вот затишье?

Джонни посмотрел на птиц. Столько ворон сразу он действительно никогда не видел. Птицы сидели совершенно неподвижно, уставившись черными глазами-бусинками на грузовик, и их перья блестели, словно черное стекло.

– Птицы как птицы, ничего особенного. – Он открыл дверцу, подобрал камешек и бросил. Тот упал на крышу, не долетев двух-трех футов, и скатился по крыше. Несколько секунд вороны сидели как ни в чем не бывало, но когда он наклонился за другим камнем, поднялись стайкой и улетели к деревьям. – Видишь?

Джек выбрался из кабины. Они опустили задний борт, приподняли Фримантла, стащили с грузовика и отвели в сарай. Пришлось повозиться, но в конце концов великана уложили на пол.

– Пахнет от него все хуже, – заметил Джек.

– Жар усиливается.

– И что дальше?

Они стояли возле сарая. Ветер качал деревья и кусты. На том месте, где две ночи назад разводили костер, на земле осталось темное пятно.

– Дом за тем большим камнем, между деревьями. – Джонни указал рукой. – Перейди ручей и увидишь.

– Перейди ручей и увидишь, – донесся из сарая голос.

Мальчики подождали, но великан молчал.

– Ты своей маме расскажешь? – спросил Джек.

Джонни заглянул в сарай, где в сумраке лежал Фримантл.

– Не знаю, что и делать. Может, она поговорит с детективом Хантом. Не знаю... Если ее нет, принесу воды и поесть. Может, какое-то лекарство, если найду. Мне нужна хотя бы минутка. Одна минутка, чтобы поговорить с ним.

– Никакой это не план.

Джонни пожал плечами.

– Если у меня ничего не получится, вызовем «Скорую» и копов.

Джек ковырнул мыском кеда еще сырую землю.

– А если умрет? Он же тяжелый.

Джонни снова посмотрел в полумрак и ничего не сказал.

– А я? – спросил Джек. – Мне что делать?

– Кому-то надо остаться здесь.

– Я хочу с тобой.

– Нет.

– Он все равно спит. Что, если с тобой что-то случится? Тогда и помочь будет некому.

Вообще-то Джек говорил дело, но Джонни знал, что друг просто боится. Он взял из кабины револьвер и протянул Джеку.

– Ты только держись от него подальше.

Джек тоже заглянул в сарай и с натугой сглотнул.

– Будешь мне должен. Запомни.

Но Джонни уже не слушал. Джек проводил друга взглядом и, когда тот проскользнул между деревьями и пропал из виду, повернулся и, собравшись с духом, вошел в сарай.

Минуты через две на крышу опустилась ворона.

Потом еще.

Глава 52

Через толпу репортеров Хант пробился без каких-либо серьезных происшествий. Может, потому, что в его лице было что-то такое. Может, потому, что люди в синем вытянулись и застыли суровой стеной, когда он прошагал мимо. Один прыгающий уже проник за ограждение, и это был прокол. Еще раз – и кто-то вылетит с треском. Без вопросов. Хант пообещал, что сам об этом позаботится.

Солнце едва дотянулось до лесной подстилки, которая так и осталась сырой и топкой. Воздух пропитался влажной духотой.

Хант спустился по склону, остановился у края низины и едва ли не кожей ощутил изменения и в атмосфере, и в настроении работавших здесь людей. Никто не ожидал обнаружить среди жертв взрослого мужчину, и никто не знал, как это понимать. А когда выяснилось, что жертва – отец Джонни, дело приняло новый оборот.

Люди задумались.

Два судмедэксперта из офиса в Чейпел-Хилле стояли над свежим раскопом посередине низины. Там следующее тело, решил Хант и перевел взгляд вправо, туда, где несколько человек замерли в напряженных позах возле слегка накренившегося на склоне семифутового раскладного стола. Кросс. Шеф. Трентон Мур, медэксперт округа Рейвен. Все трое смотрели на Ханта. Ждали. Лежавший на земле мешок выглядел длиннее других.

И более полным.

Хант подошел ближе и, остановившись в пяти футах от мешка, присел на корточки. Он помнил Спенсера Мерримона. Помнил, как тот держался изо всех сил ради своей жены. Как не поддавался чувству вины, как загонял его поглубже, прессовал в себе и притворялся, что оно не убивает его изнутри. Как он всегда будто держал руку на плече сына и находил слова благодарности для людей, работавших для того, чтобы вернуть домой его дочь. Ханту нравился этот человек; может быть, он даже испытывал к нему уважение.

– Это он?

Все посмотрели на мешок.

– Думаем, что да.

– Почему вы так думаете?

– Сюда, – сказал шеф.

Хант поднялся, и все обратились к раскладному столу из

шлифованного металла, с шарнирами посередине. Свободного места на нем не осталось: лэптопы, сумка для фотокамеры, штатив, несколько блокнотов, коробка с латексными перчатками и несколько запечатанных пластиковых пакетов с вещественными уликами. Шеф указал на замызганный, с грязными пятнами бумажник.

– Нашли в кармане. Нейлоновый, с застежкой-липучкой. Поэтому и содержимое сохранилось.

Содержимое – каждый предмет в отдельном пакете – лежало рядом. Водительские права. Кредитные карточки. Несколько чеков, помятые счета. Квитанция из химчистки. Среди бумаг Хант увидел фотографию – Кэтрин с детьми. Потертая, грязная, но лица вполне узнаваемы. Джонни выглядел немного застенчивым, Кэтрин сияла. И Алисса тоже.

– Господи...

– Медэксперт проверит по стоматологическим картам, но, по-моему, причин для сомнений нет.

– Док? – Хант посмотрел на Трентона Мура.

– Пол – мужской, возраст соответствует.

Хант посмотрел на оставшиеся флажки, на мужчин, склонившихся над эксгумированными наполовину останками очередной безымянной жертвы. Весьма вероятно, в одной из оставшихся могил обнаружатся останки Алиссы Мерримон. Он повернулся к столу и еще раз осмотрел содержимое бумажника. Квитанции и чеки никакой ценной информации не содержали. Его внимание привлекли два листка, которые, по-видимому, много раз складывали, отчего бумага на складках протерлась почти до дыр. На одном листке детский рисунок изображал мужчину, держащего за руку маленькую девочку. Неуклюжая подпись гласила: «Я люблю папу». Другая, в нижнем углу, поясняла: «Алисса, шесть лет».

Хант посмотрел на второй листок.

– Адреса, – сказал Кросс. – Проверим, как только вернемся в участок.

Адресов было девять. Почерк едва разборчивый. Ни имен, ни номеров телефонов. Только адреса. Но чутье, холодное покалывание в затылке, говорило Ханту, что он не ошибся в своем мнении о Спенсере Мерримоне. Он знал, почему его тело оказалось здесь. Знал, почему он умер, хотя и не знал, как именно. Ханту были известны эти адреса и имена, стоявшие за ними.

Состоящие на учете лица, совершившие половые преступления.

Худшие из них.

Кросс – небритый, с мрачным лицом – кивком указал на мешок с телом.

– Я-то думал, что парень сбежал.
– Нет. – Хант положил пакетик с листком на стол.
– Вроде бы жена винила его в случившемся, и он не выдержал и уехал из города.

Хант окинул взглядом низину с раскопанными неглубокими захоронениями. Поднял листок с детским рисунком. Красный карандаш. Кривобокие красные сердечки, словно повисшие в воздухе.

– Нет, – повторил Хант. – Спенсер Мерримон постучал не в ту дверь.
Он помолчал, чувствуя, как сердце наполняется уважением к погибшему.

– Этот человек умер, разыскивая свою дочь.

Глава 53

Едва войдя в лес, Джонни почувствовал внезапное опустошение. Перемена случилась в считанные секунды. Только что он был уверен в себе и сосредоточен, потом Джек и сарай остались позади, и он вдруг ощутил голод, усталость и непонятную растерянность. Тропинка поворачивала в неожиданных местах, уходила вверх или сбегала вниз там, где должна была идти ровно. Нет, сама тропинка была та, но выглядела незнакомой, чужой. Его бросало то в жар, то в холод. Ветки цеплялись за одежду, быстро бежал ручей. Джонни дважды поскользнулся и потом остановился у края воды и наклонился, окунул руки и прижал ладони к лицу.

Стало легче.

За деревьями мелькала грязная краска на доме.

* * *

Хант поднимался по склону, когда зазвонил сотовый. Звонила Тейлор. Он выслушал ее доклад на ходу: о Кене Холлоуэе, о разбитом пианино, о насилии над служанкой.

– То самое пианино, в которое попал камнем Джонни?

– Да.

– Что ж, теперь оно разбито.

Хант задыхался; плотный, влажный воздух давил на легкие.

– Что там со служанкой? Seriously пострадала?

– Нет. И это просто чудо. Вы бы видели, какой здесь разгром.

– Все так плохо?

– Холлоуэй сорвался с катушек. Похоже на алкоголь с коксом. Называл служанку Кэтрин.

– И?..

– У нее другое имя.

– А, черт...

– Вот именно.

– Добавь обвинение в физическом насилии и срочно разошли оповещение по радио. Холлоуэя нужно найти, пока он не напал на кого-то еще. И сделай одолжение: позвони Кэтрин Мерримон и скажи, чтобы она ушла из дома. Пусть едет в участок. Я встречу ее там. Скажи, что мне

нужно поговорить с ней. Скажи, что это важно.

– Тут вот в чем дело...

– Что?

– Я уже пробовала позвонить ей.

Хант уже знал, что она скажет.

– Никто не отвечает.

* * *

Выйдя из леса, Джонни наступил на лежащий во дворе лист старой жестяной кровли. Металл нагрелся так, что жар ощущался даже через резиновые подошвы кедров. Он соскочил на землю, и стальная полоса глухо звякнула. Подойдя к дому сзади, проверил окна. В его комнате никого не было. В комнате матери тоже. Темно, на кровати комок простыней. Через открытую дверь комнаты был виден сумрачный коридор. Джонни нырнул за угол.

Во дворе стоял «Эскалейд» Кена. Не на дорожке, а прямо на траве. Автомобиль проехал по кустам и зацепил единственное во дворе дерево, погнув крыло и содрав два фута краски с правой стороны. Левая дверца осталась открытой, правое переднее колесо уткнулось в нижнюю ступеньку крыльца. Джонни дотронулся до капота – еще горячий.

Из-за закрытой двери донесся крик.

Кричала мать.

Джонни взбежал по ступенькам.

* * *

Растянувшийся на полу Фримантл то ворочался во сне, то бубнил что-то, и грудь его вздымалась и опадала. В неподвижном, жарком воздухе он выглядел темной глыбой.

Убийца, боящийся ворон.

Сумасшедший, разговаривающий во сне.

«Бог знает».

Даже во сне он снова и снова бормотал это.

Джек прижал к щеке теплую сталь. Где Джонни? Почему не возвращается?

«Бог знает».

* * *

Джонни взялся за ручку, повернул, и дверь вдруг распахнулась вовнутрь с неожиданной силой, втянув за собой через порог. На полу, связанными за спиной руками, лежала мать. Она позвала Джонни по имени, и тут же Холлоуэй схватил его за горло здоровенной рукой с толстыми пальцами. Джонни не мог дышать. Не мог даже пискнуть.

Холлоуэй пинком захлопнул дверь и протащил Джонни через комнату, задерживая по пути шторы. Мальчишка попытался оторвать сдавившие горло пальцы. Лицо горело, что-то изнутри давило на глаза. Холлоуэй оторвал его от пола, и Джонни увидел перекошенную ненавистью физиономию.

– Попался, говнюк.

Он размахнулся, ударил, и мир на мгновение померк. Джонни упал лицом вниз. Когда в глазах прояснилось, он обнаружил перед собой край ковра и начищенные до блеска туфли Холлоуэя.

Кэтрин вскрикнула...

* * *

Ливай стоял у края воды. Он только что похоронил маму; под ногтями и в глубоких, загрубевших трещинах на ладонях еще чернела земля с ее могилы. Он промок от пота и весь горел – от горя, от ожогов на лице под марлевой маской, от изнеможения после рытья. В город он пришел накануне – заказать камень, который ляжет на ее могилу.

Креола Фримантл – так будет написано на камне.

«Бог Знает Красоту Ее Души».

Ливай посмотрел на свои испачканные землей руки. Эта земля была Божьей, черной и плодоносной. Земля Хаш Арбор. Земля семьи. Он потер ладонью о ладонь и шагнул в воду. Прохладная, она поднялась сначала до колен, потом до груди.

* * *

Ливай сел. Дуло смотрело ему в лицо, и мальчик, державший оружие, выглядел испуганным. Ливай подумал, что знает мальчика, хотя его глаза

видели теперь не очень хорошо. Мир туманился, кренился. Ливай видел белую кожу и растрепанные волосы. Видел бегающие глаза.

Он не знал, где находится, но ощущал перемену, как будто знал, что будет дальше. Воздух грудился над ним, давя прохладой. Потом его наполнил голос. «*Последнее осталось*», – сказал голос, и зубы Ливая сверкнули белизной в полумраке.

Он поднялся, и боль отступила.

Боль стала памятью.

* * *

Упершись ногами в пол, Джек придвинулся к стене. В глазах великана светилось пламя безумия, и все мысли Джека сбегались к одному: этот сумасшедший убил двух человек. Кровь как краска, сказал Джонни.

Как краска.

Джек держал револьвер перед собой. Рука дрожала, и он ничего не мог с этим поделать. Только повторял свою собственную молитву: «*Не заставляй меня убивать его, не заставляй меня убивать его*»...

Но никаких угрожающих Джеку действий безумец не предпринимал.

– За тем большим камнем, между деревьями. Перейди ручей и увидишь, – произнес он медленно и, сверкнув налитыми кровью белками глаз, вышел, прихрамывая, из сарая. Уже за порогом великан остановился, сказал Джеку кое-что напоследок и исчез.

Несколько долгих секунд Джек не мог пошевелиться; потрясенный и до смерти напуганный, он не мог даже думать связно. Выбравшись наконец из сарая, успел увидеть Фримантла, когда тот остановился у леса. Изуродованный шрамами, босой и без рубашки, он стоял, накренившись, и мышцы подрагивали и перекатывались под кожей, измазанный грязью и кровью. Одна рука до невозможности распухла, из раны в боку торчал зазубренный кусок черного дерева длиной в шесть дюймов. Ничего этого Фримантл не замечал. Обернувшись, он склонил набок голову, так что здоровый глаз оказался вверх, и уставился на что-то. Джек проследил за его взглядом, и в его груди открылась дверь в холод.

В голубой вышине сияло солнце.

Крыша казалась черной от сидевших на ней ворон.

* * *

В ушах у Джонни еще звенел голос матери, когда перед глазами мелькнула лакированная кожа. Холлоуэй опустил ногу ему на спину, потом на руку. Пытаясь защититься, Джонни сжался в комок, но Холлоуэй пнул его еще раз.

– Не гадь Кену Холлоуэю. – Он схватил Джонни за волосы. – Не получится.

Швырнув Джонни на пол, Холлоуэй вышел в коридор и исчез в комнате. Что-то заскрипело и лязгнуло, и он вернулся, держа в руке свинцовую трубу, которую Джонни прятал под кроватью.

– Думаешь, я не знал про нее? Это мой дом. – Удар пришелся по ноге, выше колена. – Мой дом. Никому не позволено перечить мне в моем собственном доме.

Кен выпрямился, прошел через комнату к столу, взял рулон серебристой ленты и оторвал кусок дюймов в десять длиной. Потом схватил Кэтрин за волосы и, когда та попыталась сопротивляться, прилепнул ленту ей на рот.

– Надо было еще неделю назад так сделать. – Он шагнул к телевизору, на котором лежало зеркало, подобрал свернутую в трубочку банкноту, зажал ноздрю и вдохнул одну за другой две дорожки. Потом повернулся; глаза у него были огромные и черные. – Ну где теперь твой папочка?

Холлоуэй замахнулся трубой, и Джонни дважды ударил его ногой – в голень и коленную чашечку.

Мать забилась на полу.

Холлоуэй поднял трубу.

Джонни закричал.

И тут входная дверь как будто взорвалась, слетела с петель и ударилась о стену, а проем заполнила громадная фигура. Желтые глаза налились кровью, из вздымающейся груди вырывалось хриплое дыхание, широченные плечи едва вмещались в дверной каркас. Великан бросил взгляд на свинцовую трубу и шагнул через порог. В его тени Холлоуэй будто съежился и отступил на шаг, зацепив туфлей ребра Джонни.

Фримантл вошел в комнату, и его запах растекся в воздухе. Он не хромал и двигался уверенно и целенаправленно.

– Дети – это дар небесный.

Холлоуэй махнул трубой, но в сравнении с Фримантлом он казался ребенком.

Великан перехватил трубу одной рукой, вывернул ее и с размаху, от бедра, всадил восемь фунтов свинца Кену в горло.

Тот пошатнулся и упал на колени перед Джонни. Он еще успел

вскинуть руки, но рухнул на пол, и его глаза оказались в считанных дюймах от глаз мальчишки. Тот видел, как Холлоуэй пытается вдохнуть, и знал, что он чувствует. Осознание конца сменилось уверенностью в его неизбежности, а потом ужасом. Холлоуэй вцепился в трубу, ноги простучали по полу и замерли. Свет в глазах померк, сокрытый тенью, отражением крыльев.

Глава 54

Хант резко затормозил, крутанул руль вправо и почувствовал, как его заносит. Быстро остановить идущую на большой скорости тяжелую машину – дело непростое. Задние колеса прошуршали по гравию, вылетели на грунт, и седан затрясло, как на стиральной доске. На полукруге заноса Хант успел заметить и «Эскалейд» с помятым крылом, и распахнутую переднюю дверь, и темноту за ней. Он отжал сцепление, выскочил из машины и рванул что есть сил через двор, вытаскивая на ходу оружие. Горячий воздух ударил в лицо. До крыльца десять футов. По земле заметались тени.

Ворвавшись в комнату, он увидел Кэтрин, связанную, на полу. Рот закрывала серебристая лента, и она шумно втягивала воздух через нос. Джонни, бледный и грязный, лежал неподалеку. На окровавленном, в синяках, лице застыло выражение ужаса.

Рядом, мешком с костями, валялся Холлоуэй, то ли уже мертвый, то ли умирающий. Над ним с металлической двухфутовой трубой в руке стоял Фримантл. Весь в шрамах и крови, голый по пояс, со свирепым лицом, он выглядел на все сто бандитом и убийцей. Понять, что здесь происходит, было не труднее, чем сложить два и два.

Свинцовая труба. Шлакоблок.

То же самое.

Дуло ушло вправо.

– Нет, – прохрипел Джонни.

Но Хант уже спустил курок. Он выстрелил лишь один раз – и попал туда, куда целился. Выстрел не на поражение. Хант хотел лишь обезвредить великана, но оставить его в живых.

Фримантл пошатнулся. Сделал шаг назад. Но устоял. Держа его на прицеле, Хант подошел ближе, но Ливай не проявил ни малейшей агрессии. Смятение и растерянность сменились чем-то похожим на радость, и лицо как будто озарилось светом. Он поднял руку с разведенными пальцами, посмотрел мимо Ханта на ясное голубое небо и высокое желтое солнце и еще успел произнести одно слово:

– София.

А потом колени подогнулись, и гигант умер еще до того, как его тело рухнуло на пол.

Глава 55

После вмешательства Ханта избежать огласки было невозможно. Ему пришлось вызвать полицейских, санитаров и медэксперта. Известие распространилось с быстротой лесного пожара, и репортеры массово потянулись с участка Джарвиса к месту гибели беглого заключенного и богатейшего в городе человека. К дому Джонни Мерримона.

Джонни Мерримон.

Опять.

Ханту пришлось выставить оцепление. Патрульные машины перегородили узкую улицу справа и слева от поворота к месту происшествия. Между тем день начал клониться к вечеру.

Задав Кэтрин и Джонни необходимые в таких случаях вопросы, Хант передал мать и сына в руки санитаров. Оба выглядели далеко не лучшим образом, Джонни едва держался на ногах, но медики полагали, что большой опасности нет и мать с сыном поправятся уже в ближайшее время, хотя последствия пережитого будут ощущаться еще долго. Хант свои чувства держал под контролем, скрывая и тревогу, и облегчение, и эмоции более глубокие, разбираться с которыми был пока не готов. Проверив надежность полицейского cordона, он вернулся в дом.

Холлоуэй мертв.

Фримантл мертв.

Хант вспомнил про Йокама и уже хотел спросить Джонни, не Йокам ли тот человек, которого мальчик видел у дома Джарвиса. Но у него не было фотографии напарника, да и парнишка еще не отошел от шока, поэтому он решил пока оставить его в покое. Поговорив с фотографами и экспертами-криминалистами, детектив впервые за всю свою карьеру ощутил усталость. Ронда Джеффрис, Клинтон Родс, Дэвид Уилсон. Детские захоронения на участке Джарвиса. Сам Джарвис. Мичум. Теперь вот Фримантл и Холлоуэй. Столько смертей, столько вопросов... Шеф, прибыв на место, посмотрел сначала на Холлоуэя, лежавшего с растянутыми губами и остекленевшими глазами, потом на Фримантла, который и в смерти казался огромным и неукротимым.

– Снова стрельба на поражение.

– Я не стрелял, чтобы убить. Он не должен был умереть.

– Однако ж мертв.

– Ну так увольняйте.

Шеф постоял с минуту молча.

– Еще один мертвый осужденный.

– А Холлоуэй?

– Он бил мальчика?

– И мать.

Лицо шефа накрыла тень печали.

– Я вот думаю, что Йокам, возможно, все-таки был прав.

– Насчет чего?

– Может, тьма и впрямь ест сердца, как рак.

– Не всегда, – возразил Хант. – И не у всех.

– А может, прав ты. – Шеф отвернулся. – Или нет.

* * *

Часом позже Хант сообщил репортерам о судьбе отца Джонни. Но еще раньше он рассказал об этом Кэтрин, решив, что так будет правильно: пусть разберется с чувствами, успокоится, а потом поможет принять новость сыну. Разговор состоялся во дворе и прошел незамеченным на фоне суетящихся полицейских и санитаров. Она встретила удар достойно. Без слез и стонаний. Только замолчала минут на пять, а потом тихо, так, что он едва услышал вопрос, спросила:

– У него было кольцо на пальце?

Хант не знал и, отойдя в сторону, позвонил судмедэксперту. Кэтрин осталась возле машины «Скорой помощи», где парамедики еще оказывали помощь ее сыну.

Когда детектив подошел, Кэтрин повернулась к нему, и он заметил, что она похудела, а кожа стала едва ли не прозрачной.

– Да, было, – сказал он, и женщина опустила голову.

Когда санитары закончили с Джонни, Хант и Кэтрин отвели парня на задний двор, в тихое местечко, где их никто не видел. Мать опустилась на траву рядом с сыном и взяла его за руку, а детектив рассказал о том, что нашла полиция за домом на участке Джарвиса.

– Твой отец искал Алиссу. – Хант помолчал, понимая значение момента для мальчика. – Как и ты.

Джонни ничего не сказал, но его большие черные глаза застыли.

– Он был смелый человек, – добавил детектив.

– Его убил Джарвис?

– Мы полагаем, что да. – Хант перевел взгляд с матери на сына. Как же

они похожи... – Если я могу что-то сделать...

– Дайте нам минутку, ладно? – обратилась к нему Кэтрин.

– Конечно.

Подождав, пока детектив скроется за углом, она придвинулась к сыну. Джонни стоял неподвижно, уткнувшись взглядом в какую-то точку на задней стене дома. Кэтрин погладила его по грязным волосам, и только через минуту мальчик увидел, что мать плачет. Он думал, что понимает почему, но ошибся.

– Твой отец не бросил нас, – прошептала Кэтрин и, вытерев глаза, повторила: – Он не бросил нас.

Только тогда Джонни понял.

Он не бросил нас.

Что-то неизмеримо важное и невыразимое прошло между ними и объединило в молчаливой общности, а потом тишину нарушили шаги в лесу, и на тропинке появился Джек. Грязный, словно упал в ручей, он казался в этот миг съжившимся ребенком, и его взгляд беспокойно метался между домом и небом, прежде чем наткнулся на них, тихо сидевших в тени. Едва волоча ноги и спотыкаясь, Джек подошел ближе и остановился футах в пяти от матери и сына. Джонни открыл рот, но Джек поднял руку.

– Я знаю, где она.

Никто не шевельнулся, и Джек через силу сглотнул.

– Я знаю, где она.

Глава 56

Хант отнесся к новости с недоверием, но Джек стоял на своем.

– Так сказал напоследок Фримантл.

– Повтори. – Детектив скрестил руки. Они все еще стояли на заднем дворе, подальше от посторонних взглядов, неподалеку от леса. Кэтрин, шокированная известием, еще не пришла в себя. Джонни замер в напряженной позе, с разгоряченным лицом.

– Он спал в сарае, а потом проснулся и вышел. Я пошел за ним. – Джек взглянул на Джонни и тут же отвел глаза. – Я пошел за ним.

– Но не в дом, – сказал Хант.

– Испугался. – Джек умолчал о птицах. Не стал говорить, как они сидели на крыше, внимательные, неподвижные. Страх перед воронами был слишком велик и касался только его самого.

Хант покачал головой.

– Он мог говорить о чем угодно.

Кэтрин крепко обняла сына, но Джонни нетерпеливо дернул плечами.

– Когда мы нашли его, у него была нашивка с ее именем. Нашивка с рубашки, которую она носила, когда исчезла.

– Тебя я уже выслушал, – сказал Хант. – А сейчас разговариваю с твоим другом. – Он кивнул Джеку. – Фримантл назвал Алиссу по имени?

– Нет.

– Повтори слово в слово, что он сказал.

Джек посмотрел на Джонни, потом снова на детектива. Сглотнул.

– Шахта Норт-Крозе. Он так сказал.

– Дословно. Мне нужно, чтобы ты повторил слово в слово.

Джек запнулся, потом произнес:

– Она в шахте Норт-Крозе.

– И ты уверен...

– Он говорил об Алиссе, – вмешался Джонни. – Мы уже раньше его спрашивали. Это он и имел в виду. Ничего другого.

Хант нахмурился.

– А еще ты говорил, что он слышал у себя в голове голос Бога. Понимаешь, в чем тут проблема?

– Надо проверить.

Хант слышал о шахте Норт-Крозе. Как и все они. Последняя из крупных золотоносных шахт, самая большая из всех когда-либо

работавших в округе Рейвен. В начале 1800-х ее открыл француз по имени Жан Крозе. Вертикальный ствол уходил на семьсот футов в глубину и разветвлялся, следуя за жилой. Находилась шахта в лесу, в северной части округа. Хант побывал там однажды, и в памяти остались высокие деревья и выходы гранита, динамитные склады на косогоре и множество горных выработок. Самой глубокой и самой известной из всех – а их там насчитывались десятки – была шахта Норт-Крозе. Действовала она около двадцати лет и за это время дала золота больше, чем любая другая шахта на территории Северной Каролины, а также унесла жизни четырех человек. Жан Крозе стал местной легендой, в его честь назвали улицы и крыло библиотеки.

Некогда весь этот район был открыт для посещений как историческая достопримечательность, но три года назад власти штата закрыли его, поскольку шахты стали рушиться, и некий геолог из Чейпел-Хилла объявил территорию выработок небезопасной. Норт-Крозе находилась недалеко от того места, где нашли тело Дэвида Уилсона. Путь от нее до моста занимал двенадцать минут на высокой скорости. Может быть, пятнадцать. Хант посмотрел на небо. До заката оставалось четыре часа.

– Поздно, – начал он, но Кэтрин тронула его за руку.

– Пожалуйста.

Детектив замялся.

– Пожалуйста.

Он отвернулся, чтобы не видеть отчаяния в ее глазах, и, заметив выходящего из дома медэксперта, сказал:

– Подождите здесь.

Трентона Мура детектив догнал на солнечной стороне дома.

– Дэвид Уилсон... Ты упомянул, что он был скалолазом.

Мур прищурился.

– Да, все указывает именно на это.

– А не мог ли он, имея в виду те же физические характеристики, лазать по пещерам?

– Ты про спелеологию? Конечно. Многие скалолазы увлекаются исследованием пещер. Похожий мир, который нужно одолеть. – Медэксперт пожал плечами. – Скалолазы лезут вверх, спелеологи спускаются вниз. Почти одно и то же.

Хант вернулся к ожидавшей его с волнением группке. Посмотрел на небо, потом на часы. Заметил, что Кэтрин едва сдерживается, чтобы не попросить еще раз. У Джонни был такой вид, словно он мог, если детектив откажет, сам убежать в лес.

- Только взглянем по-быстрому. Это все, что я могу обещать.
 - А мне что делать? – спросил Джек.
 - Я позвонил твоему отцу. Он уже едет сюда.
 - Не хочу его видеть.
 - Я тебя не виню. Он очень злой. И твоя мать сильно расстроена.
 - Вы не понимаете, – попытался объяснить Джек.
 - Если придется, посажу в патрульную. Так что, посадить?
- Испуг прошел, но легче не стало.
- Не надо, – угрюмо буркнул Джек.
 - Тогда останься здесь.
- Сказал, как будто собаке скомандовал.

* * *

Джек смотрел им вслед. Джонни оглянулся один раз и поднял руку. Друг ответил тем же. Потом Хант посадил их в свою машину и, наклонившись, сказал что-то. Джонни и его мать пригнулись, так что их не стало видно. Наверное, чтобы не привлекать внимание репортеров. Машина повернула к северному заграждению, проехала и скрылась из виду. А потом открылось второе, южное, и Джек увидел отцовскую машину. Она катила с неторопливой решительностью, и краска сверкала на солнце. За стеклом просматривались плечи и голова отца. Сын тихонько отступил к деревьям и исчез.

Он знал, что будет дальше, и ничего не мог с этим поделать.
Только не сейчас.
Только не на трезвую голову.

* * *

Джонни ехал с матерью сзади. Она сидела прямо, в скованной, напряженной позе, положив на колени бледные, бескровные руки. Дорога шла на север с небольшим отклонением к западу. Из вентиляционных отверстий бил холодный воздух, и Хант, когда представлялась возможность, наблюдал за Кэтрин в зеркало. В ее глазах еще оставались крохи надежды. Джек мог ошибаться. А мог и не ошибаться. Так или иначе, глубина шахты – семьсот футов, и в самом низу стоит холодная, черная вода.

Шансов на хеппи-энд немного.

Перед мостом, на котором убили Дэвида Уилсона, Хант притормозил. В окно выглянул только Джонни. Зеркало реки отражало высокое голубое небо, глинистые берега скрывала буйная зелень. Еще через милю дорога пошла в подъем, отворачивая от реки в сторону невысоких холмов. Поля постепенно сменились лесом. Сосен в этой части округа было мало, на бедной, неводеланной каменистой почве преобладали лиственные деревья. Красиво, да, но грунтовые воды лежали глубоко, под гранитом, и колодцы обходились недешево. И все же кое-кто селился и здесь. За окном промелькнули с десятков домишек, пара трейлеров, но потом и их стало заметно меньше.

Хант свернул на узкую дорогу и проехал по однополосному мосту, переброшенному через мелкую речушку. Чем глубже в лес, тем уже становилась видимая полоса неба. Время близилось к пяти, а солнце садилось в восемь.

– Почти на месте, – сказал он.

Кэтрин обняла сына.

Проехали покосившийся дорожный знак «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ ОКРУГА РЕЙВЕН. 2 МИЛИ». Поверх этой надписи другая: «ЗАКРЫТО». На щите виднелись дыры от пуль.

За еще одним мостиком твердое покрытие закончилось. Справа, под деревьями, стоял на колодках выдавший виды трейлер, старый, односекционный. У передней двери маялся разбитый пикап. Сбоку на трейлере висел бак для пропана. У ручья стояли садовые стулья. К заднему борту пикапа прислонился молодежь вида мужчина – за двадцать, небритый, худой и загорелый. В руке он держал банку пива, пустые во множестве валялись в кузове. Джонни поднял руку в знак приветствия, и мужчина, дружелюбно прищурившись, ответил тем же. За спиной у него на крыльцо ступила молодая женщина, толстая и с сердитым лицом. Джонни снова поднял руку, но она оставила его жест без внимания и смотрела вслед, пока они не скрылись за поворотом.

– Некоторые недолюбливают чужаков, – сказал Хант. – И так далеко забираются немногие. Не стоит беспокоиться.

Они проехали еще милю и уткнулись в заброшенную автомобильную стоянку. Сквозь гравий пробивалась трава. Заметив под навесом большую карту, Джонни направился к ней.

– Я знаю, где шахта, – сказал Хант. – К ней ведет главная дорожка.

Пешком шли минут десять, миновав несколько предупреждающих знаков, а потом вдруг оказались перед выработкой футов в двенадцать в

поперечине. Заросшая травой колея уходила в лес. Заржавевшие рельсы лежали на сгнивших шпалах, от которых все еще пахло креозотом.

Джонни подошел к выработке. Песчаный грунт как будто колыхался под ногами.

– Не надо!

Он оглянулся на мать и наклонился. В лицо ударил прохладный и сырой воздух. Каменные стены уходили в зияющую темноту.

– Мы приезжали сюда с классом. Тогда здесь были веревки. Чтобы дети не приближались.

Закрепленные бетоном столбики еще остались, но веревок уже не было; либо их украли, либо они сгнили. Джонни помнил тот день. Пасмурный. Прохладный. Учителя сказали, чтобы дети взяли за руки, и никто из девочек не хотел держать за руку Джека. Джонни это заметил. Дети наклонялись через веревки, а когда учителя не смотрели, бросали в шахту камни.

Джек стоял вон там.

– Джонни. – В голосе матери прорезалась тревожная нотка. Она нервно обхватила себя руками.

Сын отступил и посмотрел туда, где стоял в тот день отвергнутый всеми Джек. Ближе к лесу, дальше от остальных детей. Стоял спиной к классу и лицом к ржавой металлической табличке, прибитой к каменной стене. Смотрел на табличку, притворяясь, что не плачет.

Хант тоже приблизился к выработке, и Джонни отошел к табличке, которая, как оказалось, появилась здесь еще в то время, когда шахта работала. Тогда Джек провел пальцами по выбитым в металле буквам, и Джонни помнил, как на одном пальце остался рыжий след от ржавчины.

– Вижу штыри. – Хант отступил от края, и Джонни понял, что тоже видел их, внизу, футах в тридцати, блестящие от ударов молотком. Но, как и голос Ханта, это знание было чем-то далеким.

Он снова посмотрел на табличку. Буквы, вбитые в металл, ржавчина, палец Джека с рыжим пятном... В спину дохнул ветер. Хант раскрыл телефон.

– Здесь, – сказал Джонни, но его никто не услышал.

Он протянул руку к табличке. Буквы складывались в название. Табличка обозначала шахту.

– Она здесь.

Название здесь сократили. Джонни провел пальцем по буквам.

«Но. Кроз»^[30].

На пальце осталась ржавчина.

Ворон нет.

Глава 57

Хант попросил не распространяться, и ему пошли навстречу. Меньше чем через час в его распоряжении были два свободных от смены пожарных на личных машинах, груженных необходимым для спуска оборудованием. Компанию им составил Трентон Мур. Хант вернулся на стоянку и, воспользовавшись болторезами из своего багажника, перерезал натянутый поперек дороги трос. Первый пожарный прибыл на темно-синем пикапе «Додж Рэм». Пробившись через завесу хлещущих по окнам и дверцам веток, он развернулся и осторожно подкатил едва ли не к краю выработки. Второй приехал на «Джипе». Они уже выгружали оборудование, когда явился доктор Мур на универсале, самом узком из всей компании и менее всего пострадавшем от веток. Хант взглянул на Кэтрин, но ее, похоже, присутствие медэксперта не смутило. Понаблюдав за тем, как здоровяки-пожарные застегивают ремни, надевают каски и разматывают веревки над краем выработки, она села в сторонке рядом с сыном.

Солнце садилось, темнело, и Хант подошел к пожарным, мужчинам молодым и сильным.

– Спуститесь, осмотритесь и назад. Мы не знаем, что там, поэтому никакого геройства.

Старшему из пожарных было за тридцать. Защелкнув последний карабин, он натянул головной фонарь, пристегнул к ремню второй и проверил надежность закрепленных на «Додже» веревок.

– Для нас, детектив, это все равно что по парку прогуляться.

– Здесь глубина семьсот футов.

– Понял.

– И вода внизу.

Пожарный кивнул.

– Вот и прогуляемся.

Хант отошел, и они начали спуск, переключаясь друг с другом. Постепенно голоса слабели, а потом и вовсе стихли. Склонившись над краем, детектив наблюдал за меркнущими огоньками. Затем взглянул на Джонни. Мальчик сидел, раскачиваясь взад-вперед и уставившись в никуда. Его мать плакала. Веревки разматывались.

Долго ждать не пришлось.

Услышав потрескивание рации, Хант уменьшил звук и отвернулся.

– Ну как?

- Тут что-то есть, – сказал старший пожарный.
- Хант оглянулся.
- Говори.
- Похоже, тело.

* * *

В наступающих сумерках Джонни наблюдал за облаком, когда Хант, закончив разговор с пожарными, подошел к ним с матерью и рассказал о находке. Облако было оранжевым снизу и очертаниями напоминало подлодку. Оранжевый постепенно переходил в красный, а потом поднявшийся ветер растянул облако, превратив его во что-то плоское и бесформенное.

– Джонни?

Посмотреть на Ханта мальчик не смог и только покачал головой. Хант снова заговорил. Облако как будто скручивалось. Следя за ним, Джонни услышал, что на глубине сто двадцать футов произошло обрушение ствола шахты, что проход сузился из-за сдвига породы, что там, внизу, все нестабильно. Он понял это и лишь дернул головой, когда Хант заговорил о теле, застрявшем над самым бутылочным горлышком. Речь шла о том, чтобы поднять его.

Но, конечно, это не могла быть Алисса. Этого просто не могло быть. Не могло быть так, как с отцом. Все должно было закончиться иначе.

– Провести идентификацию мы пока не можем, – сказал Хант.

Вот и хорошо. Уже какая-то надежда.

Но в глубине души Джонни знал.

И его мать тоже знала.

Он отвел взгляд от облака, и Кэтрин сжала его руку. Джонни поднялся и посмотрел на веревку, поднимающуюся с грузом откуда-то из глубины земли. На пикапе стояла лебедка, и теперь она медленно поворачивалась, негромко жужжа электромотором. Хант попытался уговорить их подождать в его машине или вернуться с кем-нибудь домой. Он даже взял Джонни за локоть, и рука у него оказалась удивительно теплой, но мальчишка не сдвинулся с места. Он слушал усталый скрип лебедки и такой же скрипучий голос Ханта. Видимо, таким же его слышала и мать, потому что они были вместе, когда это случилось.

Вместе.

Тело подняли, когда верхний край солнца скрылся за самыми

высокими деревьями. Оно лежало в черном виниловом мешке, выглядевшем почти пустым. Хант разрешил им подойти ближе, но стоял между ними и мешком, даже когда его положили в универсал. Низенький мужчина с выразительными глазами взглянул на них, потом закрыл задний борт и включил мотор.

Джонни тошнило. Кружилась голова. Вытянувшиеся тени скользили по траве. Мать не противилась, когда Хант усадил ее в другую машину, и Джонни понял, что сил на него у нее не осталось. Она едва дышала.

С ним было не так. Джонни как будто окоченел. Веревка снова пошла вниз, в шахту, разматываясь с лебедки. Потом остановилась.

Хант еще стоял у машины с матерью Джонни, когда из выработки появился велосипед. Он был весь гнутый и заржавевший, но Джонни узнал его по желтой краске и седлу-банану. Если б он присмотрелся получше, то увидел бы, что у него три передачи. Однако присматриваться было без надобности – Джонни узнал велик.

Велик Джека.

Тот, про который Джек сказал, что его украли.

Глава 58

Джонни будто зажало в тисках. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. В глазах потемнело. Сколько раз видел он Джека на этом велике... Как друг жаловался, что у него только три передачи. Как сидел, скособочившись, чтобы компенсировать слабость больной руки. Как обзывал велик ссаным из-за его желтого цвета. Ругал, клял, обзывал, но любил.

Хант стоял с остальными мужчинами у машины, и Джонни дотронулся до велосипеда. Маленький, желтый. Он коснулся ржавчины и холодного металла, потрескавшихся резиновых шин.

Нет, ему ничего не привиделось. Велосипед был настоящий.

Джонни отвернулся, и его вырвало.

Все было по-настоящему.

* * *

Хант слушал пожарного.

– Велосипед упал первым и застрял в том самом бутылочном горлышке. Тело, наверное, сбросили потом. Не будь там велосипеда, оно, скорее всего, упало бы на самое дно. Это еще шестьсот футов. Да и вода внизу... – Пожарный покачал головой. – Мы бы никогда его не нашли.

– Это Алисса? – Хант повернулся к судмедэксперту.

– Это девочка, – ответил Мур. – Возраст подходящий. Проверю по стоматологической карте. Сегодня же. Первым делом.

– Позвонишь, когда закончишь?

– Да.

Хант кивнул и поискал взглядом Джонни. Не сразу, но нашел. Мальчик стоял на коленях в кустах.

– Ох...

Приведя Джонни в порядок, он усадил его в машину. Потом отправил медэксперта с телом и вместе с пожарными завернул велосипед в брезент и уложил к себе в багажник. Там находка и лежала, дребезжа каждый раз, когда автомобиль вздрагивал на неровности, и отзываясь вопросом в голове у детектива.

– Не надо было вас сюда привозить. – Ему никто не ответил. Хант знал, почему взял их с собой, и понимал теперь, что допустил ошибку.

Принял все слишком близко к сердцу. Позволил себе эмоциональную вовлеченность. Он покачал головой. – Не надо было вас сюда привозить.

* * *

Лишь на полпути в город Джонни смог наконец заговорить. С минуту он слушал, как шумит ветер за окном и шуршат шины на ровном шоссе, потом сказал:

– Это Джека.

Хант обернулся. Кэтрин и Джонни казались темными фигурами на заднем сиденье. На дороге никого не было.

– Что ты сказал?

Джонни посмотрел в окно. Под высоким, с россыпью мелких, бледных звезд, небом растянулось широкое поле. Застывшая неподвижно трава отливала багрянцем. Бессмыслица.

– Велосипед Джека.

Хант съехал на обочину и остановился. Заглушил мотор. Джонни потянулся к ручке, но не нашел ее на дверце.

– Откройте. – Его снова скрутили рвотные спазмы, но в желудке уже ничего не осталось.

Хант вытащил его из машины и отвел в сторонку.

– Дыши. Просто дыши.

Через минуту Джонни выпрямился.

– Все будет хорошо, – мягко сказал детектив, и его голос действительно подействовал успокаивающе. Они прошли вдоль дороги вперед и вернулись. Хант положил руку на плечо парня. – Ну вот. Ты в порядке?

Джонни еще трясло, но он кивнул:

– В порядке.

Сели в машину. Хант повернул дефлектор, чтобы воздух шел на Джонни.

– Лучше?

– Да, сэр.

– Тогда расскажи мне о велосипеде.

Джонни сел под плафон. Лицо Ханта осталось в тени. Свет был яркий, тени резкие.

– Велосипед у Джека был старый, подержанный. Пропал примерно тогда же, когда исчезла Алисса. Джек сказал, что его украли. Я тогда об

этом даже не думал. Ну про такое совпадение по времени.

– Уверен, что это велосипед Джека?

– Да. Уверен.

Хант посмотрел на Кэтрин.

– Джек – это тот мальчик, который видел, как Алиссу затащили в фургон. Единственный свидетель похищения. Теперь, когда у нас есть его велосипед...

– Что вы хотите сказать? – Кэтрин держалась из последних сил, и Джонни, дотронувшись до ее руки, ощутил жар.

– Может быть, никакого похищения не было.

Ветер дохнул в открытое окно.

– Может быть, Джек солгал.

Хант выключил свет в салоне и вырулил на дорогу. Потом стал поднимать стекло, и оно заскрипело точно так же, как электромотор лебедки. Зазвонил телефон. Держа ногу на педали газа, Хант несколько секунд смотрел на экран.

– Это детектив Кросс. – Он опустил телефон и взглянул в зеркало заднего вида. – Отец Джека.

– Что будете делать? – спросила Кэтрин.

Машина шла ровно.

– То, что положено.

Хант ответил и какое-то время только слушал. Потом сказал:

– Нет. Уточняю кое-какие детали. Ничего важного.

Джонни посмотрел в зеркало. Хант следил за дорогой, и лицо у него оставалось спокойным.

– Нет. На этот счет никакой информации нет. Нет. Последний раз я видел его возле дома Мерримонов.

Пауза. Джонни слышал голос Кросса, но неясно.

– Да, – сказал Хант. – Разумеется, я дам знать. – Он закончил разговор и убрал телефон. Глаза в зеркале. Отсвет приборной доски на лице. Их взгляды встретились. – Кросс ищет Джека. Похоже, твой друг снова пропал.

Кэтрин подняла голову, положила руку на сиденье.

– Что все это значит? Я ничего не понимаю.

– Я пока тоже. Но разберусь.

Она откинулась на спинку сиденья. Все молчали. Джонни пытался как-то приспособиться к новой ситуации, к мысли о том, что Джек солгал; что он знал что-то; что Джек предал его. Злость сменилась сомнением. Нет, такого не может быть. Да, в последнее время он вел себя странно, до

чертиков боялся Фримантла и ворон... Но Джек – это Джек; он такой, какой есть. Он мажет волосы и ворует сигареты. Он лучший друг, он верный, у него свои постыдные секреты, но он знает, что значит быть другом. Он сто раз помогал искать Алиссу. Они вместе прогуливали школу. Джек не мог предать.

Но велосипед...

Господи, велосипед.

Джонни снова посмотрел в зеркало. Хант – хороший человек, но он коп. И Джонни тоже знал, что значит быть другом. Поэтому и не рассказал ни о табачном сарае, ни о пикапе рядом с ним. Сначала нужно поговорить с Джеком.

Они въехали в город. Уже зажглись фонари и померкли звезды. Машин на дороге стало больше.

– Наш дом в другой стороне, – сказал Джонни.

– Ваш дом – место преступления. Сейчас туда нельзя.

Улица расширилась, и Хант свернул на четырехполосное шоссе, огибавшее городскую окраину. Они въехали на автостоянку недорогого сетевого мотеля, и Джонни увидел припаркованный перед ним седан матери.

– Я попросил исключить машину из улик, – сказал Хант. – Ключи у портье. Комнату выбрал департамент полиции. – Они подъехали к стеклянной двери с красной неоновой вывеской над ним «СВОБОДНЫЕ НОМЕРА». – Вернуться домой можно будет через несколько дней.

– Я не хочу туда возвращаться. Ни за что и никогда, – произнесла Кэтрин.

– Что-нибудь придумаем, – пообещал Хант.

– А служба соцобеспечения? – устало спросила она.

Детектив выключил мотор. Красный свет бил в стекло. Все молчали. Потом Хант повернулся и посмотрел на Кэтрин.

– Об этом подумаем завтра.

Она кивнула.

– Ну что, ребята, справитесь? – Хант посмотрел на них обоих, и Джонни, неожиданно для себя, ощутил какое-то странное тепло в груди. Он не хотел, чтобы Хант уходил. Не хотел оставаться в паршивом мотеле. Он хотел домой. Не в тот дом, который дал им Кен. А домой. И хотел, чтобы Хант еще раз сказал, что все будет хорошо.

– И что дальше? – спросил Джонни.

– Пока не знаю. Приеду завтра, когда буду знать больше.

– Ладно. – Мальчишка потянулся к двери, но детектив остановил его.

– Мне нужен револьвер.
– Какой револьвер? – машинально переспросил Джонни.
– Револьвер твоего дяди, – мягко сказал Хант. – Тот, который ты взял у него в машине. Сейчас его у тебя нет, а то я спросил бы раньше. Оружие нужно вернуть.

Джонни хотел было соврать, но не смог.

– Револьвер у Джека.

– Точно?

– Да.

– Плохо.

– Джек глупостей не наделает.

Хант кивнул, но не так, как если бы согласился.

– Спокойной ночи, Джонни. Спокойной ночи, Кэтрин.

Они вышли из машины и остались одни в неоновом свете.

Глава 59

В полицейском участке, когда Хант приехал туда, уже почти никого не было. Ночные патрули вышли на улицу. Кабинеты закрылись. Дежурный сержант, ветеран по фамилии Шилдс, дослуживавший последние дни, уже давно потерял ко всему интерес и не стал задавать Ханту вопросов, которые, возможно, задал бы другой сержант. Детектив попросил журнал регистрации звонков, получил его от Шилдса и потратил минут тридцать на изучение записей, но так и не нашел того, что искал. Он уже собрался уходить, когда в кабинет вошел Йокам, уставший и в той же одежде.

– Вы только посмотрите, кого к нам занесло, – приветствовал его Хант.

Йокам сел напротив и открыл банку «Пепси».

– Обвинение в нападении они сняли.

– Хорошо.

– Чушь.

– Они обыскали твой дом, – сказал Хант. – Наведались целой командой. Человек шесть, если не больше.

– Хоть прибрали за собой?

– Остается только надеяться.

Йокам пожал плечами.

– У меня и смотреть-то особенно нечего.

Хант представил, сколько всего выпало на долю друга в этот день: выход в наручниках, допросы, обвинения.

– А все прочее?

Йокам не спеша отпил из банки.

– Роли – прелестный городок.

– Надо бы почаще туда наведываться.

– Прелестные девушки.

– Кто бы сомневался.

– Итак. – Йокам огляделся. – Что я пропустил?

– Почти ничего.

Не прокатило.

– Неужели?

– Думаю, я знаю, как твой «пальчик» оказался на той гильзе в машине Дэвида Уилсона.

– Ты думаешь?

– Назовем это теорией.

- Это было бы в самый раз.
 - Да.
 - Ты еще долго будешь мне мозги пудрить?
- Хант поднялся.
- Пошли, прокатимся.
- Йокам тоже встал.
- У меня мурашки по коже, когда ты так говоришь.

* * *

Все в комнате мотеля было несвежим: занавески, простыни, воздух, который гнал оконный вентилятор, темный узорчатый ковер с запахом других людей. Они зарегистрировались и позже не обменялись и словом. Слишком много всего случилось, но и этого оказалось недостаточно. Мать поцеловала его в лоб и закрылась в ванной.

Зашумел душ.

Ключи лежали на столе.

Джонни стоял в полосе прорвавшегося между шторами красного света. Он смотрел на ключи и думал о Джеке. Думал обо всем, что было у них вместе. Думал о велосипеде. Холодный металл и ржавчина. Истрепанные до дыр шины.

Посмотрел в окно. В чистом ночном небе висел полумесяц. Красный свет мигал. Что сделал бы на его месте отец? Или Хант?

Что, если б они знали, где найти Джека?

Друга.

Лжеца.

Джонни прислушался – душ шумел по-прежнему. Он написал матери записку, выскользнул за дверь и запер ее на ключ.

* * *

Пока ехали, Хант ввел напарника в курс дела. Город остался позади, и тьма простерлась до самых шахт, куда они и направлялись. Детектив рассказал обо всем. О том, что случилось в доме Мерримонов. О теле в шахте. О велосипеде Джека. Потом изложил свою теорию. Йокам слушал, а по окончании сказал:

- В твоей теории есть дыры.

- Не так уж много. И ненадолго.
 - Чистая спекуляция.
 - Это легко проверить. – Они переехали ту же реку по тому же мосту.
- Йокам нахмурился.
- Кросс – коп. Не верю.

Некоторое время ехали молча, потом Хант заговорил:

– Когда обнаружили тело Дэвида Уилсона, именно Кросс направил меня на Ливая Фримантла. Стоял под мостом с картой и сразу показал то, что я хотел увидеть. И я бросился в бесплодную погоню за тем, кто не имел к делу никакого отношения.

– А ты уверен, что Фримантл ни при чем? Это ведь он сказал парнишке Кросса, где искать тело. Указал на шахту...

Хант искоса взглянул на друга.

– Думаешь? Мы не знаем, что там между ними случилось.

– По-твоему, Джек просто знал?

Колесо наскочило на выбоину.

– Велосипед. Полагаю, знал.

– Тогда почему рассказал? Сам же себя впутал.

Хант не ответил.

– Думаешь, Кросс убил Дэвида Уилсона? – спросил Йокам. – Ты действительно веришь, что Кросс столкнул его с моста, а потом наступил ему на горло? Это жесть, Клайд. Предумышленное убийство. Кросс – не мой любимчик, но он все же коп.

– В машине у Уилсона было снаряжение для скалолазания и кроссовый мотоцикл. Думаю, он катался весь день в том районе, обследовал шахты. Самую большую, самую глубокую приберег напоследок. Думаю, он нашел тело Алиссы, и эта находка оказалась для него роковой.

– Уж больно тонкими нитками все схвачено, Клайд.

– Кто нашел «Лендкрузер»?

– Кросс.

– Верно. Сослался на какого-то пьянчугу-браконьера. Мол, этот тип позвонил с таксофона и попал на него. Номер не определился, звонок из телефона-автомата. Удобно, тебе не кажется?

– Копам везет. Половиной успеха мы обязаны счастливому случаю. Ты ведь не жалуешься, когда удача подваливает.

– Ты встречаешь Кросса в стрелковом тире?

– Конечно.

– А из личного оружия там стреляешь?

– Вот же дерьмо...

– Он мог подобрать одну из твоих гильз?

Готового ответа у Йокама не было. Он представил тир: наушники, защитные очки, мишень, полная сосредоточенность на цели и ничего больше.

– Еще раньше прошел слушок, что я ищу копа, – продолжал Хант, и в его голосе зазвучали резкие нотки. – И Кросс дал мне копа. Дал машину Дэвида Уилсона и гильзу с отпечатком. Дал тебя.

Йокам промолчал и уставился в окно.

– Уже недалеко.

– Что тебе известно об этих людях?

Хант повернул вправо, и дорога сразу сузилась. Впереди показался знак с надписью «ЗАКРЫТО».

– Мы проезжали мимо по пути туда. Это мужчина и женщина. Он – любитель пива. Она – страшна как смертный грех. Живут в трейлере-развалюхе неподалеку от шахт. Машина одна. Насколько я могу судить, они – единственные, кто живет так близко к шахтам. Кроме этого, я не знаю ничего.

– Ничего?

– Даже их имен.

– Тогда зачем мы здесь?

– География. – Они проехали по мостику над ручьем. – Единственное, что имеет значение. – Дальше пошел проселок, под колесами защелкали камешки. – Подъезжаем.

– Моя пушка еще у шефа.

– Возьми в «бардачке».

Йокам заглянул туда и достал личный ствол Ханта. Проверил патроны.

– Чудно.

– Только постарайся никого на этот раз не убить.

Старый трейлер. Пикап, набитый пивными банками. За грязными окнами горел свет. Мелькнула чья-то тень. Хант погасил фары и остановился возле пикапа. Поглядывая одним глазом на трейлер, набрал номер грузовика.

– Зарегистрирован на Патрицию Дефрайс. Привлекалась по мелочам. Мочилась на улице. Пьянство и дебош.

– Как мило...

– Два серьезных.

– Какого рода?

– Подделка чеков и мошенничество. Еще одно, и загремит на всю

катушку. Кроссу есть чем ее прижать, если поймает на чем-то серьезном.

– Как разыграем?

– Очень просто. – Хант открыл дверцу. – Наврем.

Йокам спрятал револьвер, и они поднялись на крылечко. В окно была видна длинная низкая софа, на которой лежал мужчина. Выглядел он все так же. Худой и небритый. Впалая грудь, костлявые ноги и даже вроде бы та же самая банка пива в руке. На лице – голубой отсвет от телевизора. У женщины тоже никаких перемен. Короткая юбка. Недовольное лицо. Судя по позе, сильно рассержена. Руки в боки. Рот открыт. Пока Хант наблюдал, она встала перед телевизором, и мужчина наклонился влево.

– Семейная идиллия, – сказал Йокам.

Хант постучал в дверь, и телевизор погас. Хлипкая конструкция завибрировала от тяжелых женских шагов, и детектив отступил. В окошечке возникло ее лицо: потемневшие зубы, нездоровая кожа.

– Спокойно, – прошептал Йокам.

Хант поднес к стеклу жетон. Звякнули засовы. За рваным сетчатым преддверьем появилась женщина.

– Покажи-ка еще разок.

Хант снова поднял жетон.

– Нас прислал детектив Кросс.

Женщина закурила сигарету, выдохнула дым. Взгляд перескочил с Ханта на Йокама и обратно.

– Что ему теперь надо?

– Можно войти?

Она оглядела их еще раз. Затянулась.

– Только ноги вытирайте.

* * *

Никакого грузовика перед табачным амбаром не было. Не было и Джека. В бледном свете единственной фары цветной каплей мелькнул лишь синий рюкзак. Грязный, с потемневшим низом. Джек аккуратно прислонил его к двери сарая. Джонни вышел из машины, но двигатель выключать не стал. Огромная серебристо-белая луна висела над самым горизонтом. Пахло бензином и подгоревшим маслом. Джонни подобрал рюкзак, показавшийся на ощупь пустым, открыл его и уловил душок мертвой птицы. На самом дне рюкзака лежала квитанция на имя дяди Стива. На обратной стороне почерком Джека было написано:

«Встретимся на нашем месте».

В последние годы мест у них было много, но Джонни знал, о котором из них идет речь. Туда они уходили выпить пива, потрепаться, скрыться от чужих глаз. Там умер Дэвид Уилсон. С этого места все началось.

Он развернулся – попавший под колеса куст царапнул днище – и поехал к реке.

Было уже поздно, и машин встречалось мало. Огромные жуки бросались на ветровое стекло и растекались мутными пятнами. Джонни так вымотался, что едва не пропустил съезд с главной дороги. Трава на заросшем и разбитом проселке оставалась примятой после полицейских машин, приезжавших за Дэвидом Уилсоном. Дорога круто уходила вниз, к реке, слева поднимался мост. На спуске Джонни едва удержал в руках руль. Футах в сорока от дороги, в кустах, словно затаившееся привидение, темнел пикап. В кабине никого не было. Джонни погасил свет, вышел и, пройдя мимо грузовика, посмотрел на реку. От воды поднимался лунный свет, и камни казались серебристо-серыми глыбами. Под мостом собралась тьма.

Джонни соскользнул с берега на песок у самой воды и перепрыгнул на широкий плоский камень. Вода не стояла на месте, что-то темное проплыло мимо. Справа клонилась к реке ива, слева нависал мост. Джека видно не было.

– Я здесь, Джонни.

Голос шел из-под моста и принадлежал Джеку. Язык у него немного заплетался. Подойдя ближе, Джонни увидел друга. Тот сидел на упавшей свае, свесив ноги в воду. Джонни остановился футах в двадцати от него. Джек виделся ему размазанным пятном с неясным, лишенным черт лицом. Он поднял бутылку, и Джонни услышал бульканье.

– Хочешь?

– Что за хрень происходит? А, Джек? – Джонни хотел сохранять спокойствие, но ничего не получилось, и он уже выходил из себя. Алисса мертва, а друг пьет бурбон. Джек слез со сваи и пошлепал по мелководью. В одном месте он споткнулся и упал на колено. – Выходи сюда, где я могу тебя видеть. – Джонни вышел из-под моста. Он так и не решил, чего хочет больше: поговорить или вмазать единственному другу по физиономии.

– Извини. – Язык у Джека заплетался так, что Джонни едва понимал его. – Джонни, друг... – Джек выбрался на свет. На нем была куртка, которую он позаимствовал у Джонни, и мокрые по пояс штаны. Снова споткнулся и выронил бутылку. Она ударилась о камень, и запах спиртного растекся по земле. Джек сел возле разбитой бутылки. – Мне так чертовски

жаль... Извини.

– Чего тебе жаль? Ты за что извиняешься?

Джек покачал головой и закрыл лицо руками.

– Трусость – грех.

Джонни посмотрел на друга, голос которого прерывался всхлипами.

– Ты же скажешь что-то хорошее обо мне, если кто-то спросит? – Джек вытер рукавом нос. – Просто, Джонни, если кто-то... если кто-то спросит? Скажешь, что я был хорошим другом? Я старался, ты ведь знаешь. Все эти ночи... с тобой. Мы же ходили вместе. Я прикрывал тебя с тыла. Знал, что ты не остановишься. Старался не пускать тебя к плохим домам. По-настоящему плохим. Если б ты умер... если б с тобой случилось что-то... меня это убило бы. Я бы знал, что виноват, и меня это убило бы.

– А остальное, Джек? В чем еще ты виноват? Как насчет Алиссы? Ты же знал, где она? Все время знал?

– Ложь и слабость. Это тоже грехи.

– Джек...

– Бог прощает мелкие прегрешения.

– Знал все это время.

– Я пытался прикрыть тебя, – пробормотал Джек, раскачиваясь вперед-назад. – Она уже была мертвая. – Он покачал головой. – Уже мертвая.

– Что случилось с моей сестрой? – Сжав кулаки, Джонни подступил к Джеку. Он едва сдерживался. – Что случилось?

Джек глубоко, прерывисто вздохнул и увел взгляд к реке.

– Я дал ей свой велик. Вот и всё. Ничего больше я не сделал. Только пытался помочь. Ты должен мне верить.

– Рассказывай все.

– Мы сидели в библиотеке, всей кучкой. Помнишь, нам задали тот проект? – Джонни не ответил, и Джек кивнул. – Мы были в одной группе, Алисса и я. Вулканы. Писали доклад про вулканы. Было уже поздно, почти темно. Все сказали, что надо расходиться. – Секунду-две он молчал. – Твой отец позабыл приехать за ней, и я дал ей свой велик. Он забыл, а уже темнело. Джеральд как раз получил новую машину и искал повод прокатиться, так что я отдал Алиссе велик, а сам позвонил брату, чтобы приехал за мной. Вот и всё. Ничего плохого и не должно было случиться, понимаешь? Я же старался, это ведь считается, правда? Это считается.

Джек опустил голову. Обе его руки – больная и здоровая – дрожали. Пальцы сжались в кулаки.

– Он сказал, что хотел просто напугать ее.

– Кто?

– Хотел пошутить.
– Кто? Джеральд?
– Она так мчалась...
– Нет.
– По самому краю дороги. – Вздох. – Он просто хотел ее напугать.
– Что случилось, Джек?
– Он немного выпил.
Джонни схватил Джека за грудки, встряхнул, и рубашка порвалась.
– Что, на хрен, случилось?
– Она оглянулась, и, наверное, ее ослепили фары... Не знаю. В общем, она упала. И прямо под пикап. Джеральд струхнул. Позвонил отцу. – Джек уже плакал. – Она умерла на месте.
– Не понимаю.
– Я хотел рассказать, но к брату уже приезжали скауты.
– А это здесь при чем?
– Отец сказал, что если кто-то проболтается, в профи Джеральду не попасть.
– Ты соврал из-за брата? Из-за его бейсбольной карьеры? – закричал Джонни.
Джек покачал головой.
– Нет? Тогда что?
– Я хотел рассказать.
– Но не рассказал.
Джек тихонько плакал.
– Джонни...
– Молчал... все это время...
Джек поднялся и пошатнулся. Протянул руку, но Джонни отмахнулся.
– Я пытался...
– Как ты пытался?
– Помнишь, я говорил, что Джеральд сломал мне руку? – Джека трясло, на Джонни он смотрел с мольбой. – Это не он. Отец. Я сказал, что хочу рассказать, и он сломал мне руку. Сломал в четырех местах. Потом прижал к земле и заставил поклясться.
– Из-за Джеральда?
– Они только об этом и говорят. Джеральд и отец.
У Джонни перехватило живот. Он согнулся и отвернулся. Ухватился за ветку.
– Ты сказал, что узнал о ней от Ливая Фримантла.
– Я соврал.

– Тогда почему сейчас? Почему ты рассказываешь об этом сейчас?

– Потому что Фримантла прислали не просто так. Была причина...

– Какая причина?

На лице Джека отразился ужас.

– Бог знает.

«Нет ворон, – подумал Джонни. – Бог знает».

– Он все время это повторял. Даже во сне. Нет ворон. Бог знает.

Помнишь название шахты? Засело в голове. Богу ведомо. Бог знает, что я сделал. – Голос Джека сорвался. – Последнее, что сказал мне Фримантл... последнее... Черт.

– Что?

Джонни сел на камень.

– Бог знает красоту ее души. – Джек поднял больную руку. – Гореть мне в аду, Джонни. – Рука упала, и он снова взмолился: – Если кто-то спросит, ты скажешь что-нибудь хорошее?

Слезы ползли у него по лицу.

– Джонни?

Тот повернулся и пошел вверх по склону. Голос Джека за спиной звучал все тише, все слабее.

– Джонни?

Ничего. Только ветер в траве.

– Джонни?

Глава 60

Хант ехал быстро, голубые огни фар грели решетку. Йокам сидел рядом с каменным лицом. Часы на приборной панели показывали десять минут второго. Детектив договорился о срочной встрече с окружным прокурором и судьей. На все ушло около часа, но теперь в кармане пиджака у него лежал ордер на арест, и за его машиной следовала патрульная, с отобранными им самим двумя полицейскими в форме. Больше никто ничего не знал. Ни шеф. Ни другие копы. Все делали втихую, на случай если у Кросса найдутся друзья, которые могут оказать сопротивление.

– Пять минут, – сказал Хант.

Йокам в третий раз проверил, заряжено ли позаимствованное у напарника оружие.

Зазвонил телефон. Хант, взглянув на экран, ответил и, выслушав короткое сообщение, дал отбой. На Йокама он даже не посмотрел.

– Медэксперт. Проверил по стоматологической карте. Это Алисса.

В наступившей тишине было слышно, как шуршат шины.

– Мне очень жаль, Клайд.

– Четыре минуты.

Через тридцать секунд телефон зазвонил снова. Номер на определителе был незнакомый, но Хант ответил. Выслушав, спросил:

– Ты где, Джонни? Успокойся. Я здесь. Нет. Нет. Не торопись.

Еще минуту он слушал молча. Когда Джонни закончил, последняя деталь мозаики легла на место. Теперь Хант видел всю картину. Все сошлось идеально.

– Хорошо, Джонни. Я понял и позабочусь об этом. Нет, займусь сегодня. Прямо сейчас. Ты где? – Пауза. – Нет, в вестибюле не надо. Иди в комнату. Поговорим завтра.

Он дал отбой. Йокам подождал секунд десять, потом спросил:

– Что?

Хант ответил коротко и сжато. Как погибла Алисса. Как оказалась в шахте.

С минуту Йокам усваивал услышанное.

– Так это был несчастный случай?

– Джеральд был пьян. Кросс спрятал тело, чтобы прикрыть сына. Сбросил ее в выработку. – Он перевел дух. – Господи...

– Ты в порядке?

- Джеральда тоже берем.
 - У нас нет на него ордера.
 - По подозрению в непредумышленном убийстве. Для допроса этого достаточно.
 - Этот Джонни – крепкий парнишка.
 - Да.
 - А Кросс-то каков...
 - Одна минута.
- Хант свернул в район, где жил Кросс.

* * *

Дверь в комнату Джонни открыл ключ-картой. Горели две лампы. Мать сидела на краю ближайшей из двух кроватей. Вид у нее был усталый, но глаза ясные.

– Не могла позвонить Ханту, – сказала она и поднялась. – Он больше не разрешит мне оставить тебя.

Джонни вошел и закрыл дверь.

– Ты от меня ушел.

Только теперь он заметил, как напряженно она держится.

– Я никогда больше так не сделаю.

– Как я могу тебе верить?

– Обещаю.

Она прошла через комнату и обняла его.

– Пообещай еще раз.

Джонни ощутил запах мыла и чистых волос.

– Обещаю.

Она прижала его к себе, а когда отступила, Джонни рассказал ей все, что узнал. Далось ему это нелегко и заняло какое-то время. Алисса погибла, но ее смерть – результат несчастного случая. Он повторил это дважды, и с ее губ слетели два слова.

«Несчастный случай».

Потом они долго молчали.

Молчали вместе.

* * *

Звонок о нарушении общественного порядка поступил, когда проехать оставалось два квартала.

– Осторожнее; сосед сообщает, что на месте происшествия есть оружие.

– Черт.

Хант включил сирену. То же сделали патрульные. Два поворота один за другим, и справа появился дом Кросса. На тротуаре горели два фонаря. У боковой стены стоял врезавшийся в нее белый пикап. За ним – темный след, вспахавший лужайку, и смятые кусты. Один задний фонарь продолжал мигать красным, красным, красным. Во дворе находились детектив Кросс, его жена и Джеральд. Кросс что-то кричал. Женщина стояла на коленях, сжимая в руках Библию.

И Джек с револьвером.

С револьвером, направленным на отца.

Хант и Йокам вышли из машины одновременно с полицейскими в форме, которые уже держали оружие наготове.

– Не стрелять, – предупредил Хант. – Я знаю этого мальчика и не хочу, чтобы он пострадал.

Его слышали, но оружие никто не убрал. Оставив свое в кобуре, Хант расставил руки и ступил на лужайку. Джека трясло. По щекам текли слезы. Кросс играл роль строгого отца.

– Джек, сейчас же отдай мне оружие! Немедленно! – Увидев приближающегося Ханта, он поднял руку и, бросил: – Я справлюсь сам. Всё под контролем, – снова повернулся к младшему сыну. – Видишь, Джек? Кто-то позвонил в полицию. Пора кончать. Сдай мне оружие.

За спиной у него раскачивалась на коленях мать. Джек посмотрел на нее и потянулся рукой к висящему на шее серебряному крестик. Женщина заговорила, возвышая голос, но понять ее было невозможно

– Не надо, мама. – Лицо мальчика исказила гримаса. – Не надо. – Он сорвал крестик и бросил в нее.

– Отдай мне оружие, Джек.

Мальчик отвернулся от матери. Отец успел подойти ближе. Пять футов. Четыре.

– Ты виноват, – прошептал Джек.

– Сын...

Мальчик ткнул револьвером в отца.

– Я попаду в ад, и в этом виноват ты.

Мать снова запричитала. Джек подступил ближе, и Кросс поднял руки.

– Сын...

– Господь прощает мелкие прегрешения.

Хант увидел, как дрогнул курок, и бросился к Джеку.

– Нет!

Курок упал вниз. Кросс вскрикнул. Но выстрела не последовало, только сухой щелчок. Джек снова взвел курок, но ничего не случилось.

В ту же секунду Хант свалил мальчика на землю.

Револьвер выпал из пальцев, и Кросс потянулся к нему.

– Не трогай, – предупредил Хант, продолжая удерживать Джека. – Не трогай и не двигайся.

– Ты о чем?

– Никому не двигаться. – Хант поднялся сам, поставил на ноги Джека и передал его Йокаму. – Полегче с ним.

Детектив попытался отвести мальчика к машине, но Джек уперся и закричал:

– Я хочу поговорить с Джонни! – Йокам пригнул ему голову и подтолкнул в салон. – Я хочу поговорить с Джонни!

Дверца захлопнулась, заглушив крики, и Джек несколько раз ударил головой в стекло.

Хант поднял револьвер и открыл барабан. Пустой. Он опустил оружие в карман. Кросс шагнул к нему с протянутыми руками.

– Мальчик пьян. У него проблема. Мы организуем ему помощь.

– Вам придется проехать со мной. В участок.

– Он – мой сын. Я не собираюсь выдвигать обвинение. – Кросс попытался выдавить улыбку.

Детектив ничем не выдал своих чувств, что потребовало немалой выдержки.

– Вам и Джеральду. Считай это любезностью с моей стороны. – Хант поднес руку к кобуре и кивнул в сторону соседнего двора, где собралось несколько зевак, с интересом наблюдающих за происходящим. Он подошел ближе, но голос понижать не стал. – У меня есть рассказ Джека. О том, что случилось с Алиссой. О причастности к этому Джеральда. Обо всем. – Хант выдержал короткую паузу. – Несколько часов назад мы нашли ее тело.

Кросс посмотрел на сына, потом на плачущую жену.

– Давайте сделаем все правильно, – добавил Хант.

Кросс повернулся, и маска слетела с его лица. Теперь оно выражало только трезвый расчет.

– Не понимаю, о чем вы.

– Дэвид Уилсон нашел тело Алиссы. Поначалу я думал, что он позвонил в участок и по чистой случайности попал на вас, но в журнале

регистрации такого звонка нет.

– Вы ошибаетесь.

– Не надо. Сегодня я разговаривал с Патрицией Дефрайс. Она все рассказала.

Она действительно все рассказала. Кросс поймал ее на еще одной попытке подделать чек. Преступление стало бы для нее третьим, и тогда она села бы как минимум на двенадцать лет. Кросс предложил выход. Он хотел знать, бывает ли кто-нибудь возле шахт. Кто угодно и в любое время. Дефрайс сказала, что понятия не имеет, зачем ему это понадобилось, почему его так интересуют шахты. Хант поверил женщине, хотя и не сказал ей этого. Пусть говорит. Пусть боится.

– Я объяснил Патриции, что подделка чека – мелочь по сравнению с соучастием в убийстве. Дал понять, что настроен серьезно и что она пойдет под суд заодно с вами. Она все рассказала и даст показания. Расскажет, как вы появились возле шахт после ее звонка и как пять минут спустя мимо них промчался Уилсон на кроссовом мотоцикле с вами на хвосте. Она даже запомнила время. Через пятнадцать минут Джонни Мерримон увидел, как Дэвид Уилсон свалился с моста.

– Она – мошенница и лгунья. Свидетельница из нее никакая.

Хант демонстративно прошелся взглядом по автомобилям на подъездной дорожке.

– Где ваша машина? «Додж», верно? Сколько автомастерских надо обзвонить, чтобы его найти? Конечно, не в нашем городе. Может быть, в Уилмингтоне? Или в Роли? В каком-то, надо думать, большом городе. Но мы ее найдем. «Додж» с поврежденным передним крылом. И краска совпадет с той, которую мы нашли на мосту.

– Мне нужен адвокат.

Хант подозвал патрульных.

– Вы арестованы за убийство Дэвида Уилсона. У вас есть право хранить молчание...

– Я знаю свои права.

– Все, что вы скажете, может и будет использовано против вас.

– Минутку. Минутку. – Кросс облизал губы. – Мне надо поговорить с тобой. Только с тобой. На секунду. – Хант заколебался. – Хочешь сделать все правильно, да? Ты ведь за это? Ты же бойскаут. – Хант поднял руку, и полицейские отступили. – Подумай хорошенько о том, что делаешь. Подумай.

– Мне думать не надо. У меня есть ордер.

Кросс наклонился к нему, бросил взгляд за спину Ханту на патрульных

и дохнул горячим шепотом:

– Твой сын тоже был в той машине.

Хант невольно попятился.

– Не был.

– Сидел на переднем сиденье, когда Алисса попала под колеса.

– Не верю.

– Каким он был последний год? Твой парень? Таким же, как раньше?

Как год назад? Нормальным? Подожди, дай скажу. Угрюмым? Раздражительным? Поступи правильно, Хант. Важнее семьи ничего нет. Вот в чем все дело.

Хант огляделся. За стеклом патрульной машины размазанным пятном маячил Джек. Джеральд с трудом сдерживал слезы. Жена Кросса все так же причитала и раскачивалась.

– Не думаю, что в твоей семье с этим всё в порядке.

– Он ведь у тебя единственный ребенок?

Секунды три они молча смотрели друг на друга.

– Поступи правильно, – повторил Кросс.

Хант сделал знак полицейским.

– У вас есть право на адвоката.

Звякнули наручники.

Кросс попытался сопротивляться и вскрикнул, когда его сломили. Тапочки он потерял, когда его уже потащили к машине.

* * *

Из полицейского участка Хант вышел около шести. Кросс давать показания отказался, зато Джеральда было не остановить. Заговорило чувство вины. Оно просто выгрызло его изнутри.

Солнце уже окрасило улицы розовым, но дом Ханта оставался в кармане тьмы. Войдя, он тихо остановился в кухне. Негромко гудел холодильник. Где-то на улице открылась гаражная дверь.

Хант положил на стол оружие, жетон. Поднялся по вздыхающим от бремени ступенькам, открыл дверь в комнату сына, и ему навстречу хлынул теплый воздух. Аллен лежал на кровати – комок одеял, блондинистых волос и потерянной невинности.

Прошлое.

Как много хорошего...

Хант пододвинул стул и сел. Закрыв глаза. Потер пальцами. Так

кончиться не должно. Сила в выборе. Он верил в это. Поступить правильно никогда не поздно.

– *Никогда не поздно*, – беззвучно прошептал детектив, глядя на спящего сына. Эти слова стали для него личной молитвой, и он повторял их снова и снова.

Аллен проснулся минут через двадцать, и эти двадцать минут стали самыми длинными в жизни Ханта. Дважды он поднимался и дважды садился снова, пока бледный и розовый солнечный свет не коснулся лица сына. Глаза его открылись, и в этот момент они были совершенно невинными.

– Привет, пап. Что случилось? – Он потер глаза и сел, откинувшись на подушки.

– Ты ведь знаешь, что я люблю тебя?

– Ну да. Конечно. А что...

– Если ты когда-либо попадешь в беду, я сделаю все, чтобы тебе помочь. Это ты тоже знаешь. Какой бы тяжелой ни была ситуация. Я – твой отец, и я помогу тебе. Ты знаешь это?

– Конечно, знаю.

Хант замер.

– У тебя проблемы?

– Что? Нет.

Отец наклонился к нему.

– Ты ничего не должен мне сказать? Совсем ничего? Я на твоей стороне. Мы вместе, заодно. Хорошо?

– У меня нет проблем, пап. Никаких. Что происходит?

Внутри у Ханта все умирало.

– Я немного полежу. – Он поднялся, посмотрел на сына и положил руку ему на плечо. – День сегодня большой.

– Что ты имеешь в виду?

У двери Хант остановился.

– Если понадобится, разбуди.

Он прошел по коридору в свою комнату и растянулся на кровати. Потолок закружился, но это быстро прошло.

В дверь постучали раньше, чем он позволил себе надеяться.

Глава 61

Джонни проспал семь часов, проснулся ненадолго и, поев, снова уснул. Сквозь сон он слышал, как мать разговаривала с Хантом. Слышал сердитые голоса и звон чего-то бьющегося. Речь шла об Алиссе и сыне Ханта.

– Кэтрин, я не знаю, что сказать.

Это говорил Хант.

Долгое молчание. Потом:

– Мне нужно прогуляться.

– Кэтрин...

– Вы побудете с Джонни?

Дверь закрылась, и Джонни проснулся. Нет, ничего не приснилось. Хант стоял у окна, глядя вслед его матери. Джонни сел.

– Аллен на самом деле был в той машине с Джеральдом?

– Ты слышал?

– Так был?

– За рулем сидел другой.

– Но он знал, что случилось, и не сказал.

– Отец Джеральда – полицейский, и Аллен боялся. Но я его не оправдываю. Он поступил неправильно. – Хант помолчал. – Аллен добровольно явился в полицию. Сейчас он задержан и понесет наказание. Как и Джек.

– И как же их накажут?

– Это решит суд по делам несовершеннолетних. Возможно, их лишат свободы на какое-то время.

– Отправят в тюрьму?

– Не в тюрьму. Это другое.

Джонни поднялся.

– Я приму душ.

– Хорошо.

Напор был слабый, но вода горячая. Джонни постоял под душем, вымылся, потом осмотрел швы на груди. Кожа покраснела и сморщилась – шрамы останутся навсегда. Он причесался материнской расческой, а когда вышел, Хант еще был в комнате.

– Лучше?

– Ее еще нет?

– Ей нужно решить, ненавидит она меня или нет.

Джонни кивнул. Хант сказал то, что обычно и говорят взрослые.

– А можно спросить?

– Конечно.

Они сидели рядом на краешке кровати. После долгого душа на ладонях, там, где были волдыри, слезала кожа.

– Джек верит, будто кое-что случается не просто так, а по какой-то причине.

– Ты спрашиваешь об Алиссе?

Джонни не знал наверняка, можно ли сказать, о чем идет речь, а потому просто пожал плечами. Хант вначале как будто напрягся, а потом расслабился, словно принял некое решение.

– В низине, за лесом, на участке Джарвиса, нашли семь тел. Детей. Ты ведь уже знаешь?

– Мама рассказала.

Хант снова замялся, потом достал из кармана пиджака фотографию. Посмертную, сделанную во время вскрытия, фотографию Мичума – от груди и выше, без одежды, лежащего на металлическом столе.

– Ты этого человека видел с Джарвисом?

Лицо после смерти ввалилось и было совершенно бесцветным, но Джонни узнал его и кивнул.

– Почему ты решил, что он – полицейский?

– Он носил наручники и оружие на поясе. Как обычно носят копы.

Хант убрал фотографию.

– Этот человек работал охранником в торговом центре. Они с Джарвисом вместе служили во Вьетнаме. Обоих уволили за недостойное поведение с лишением наград и привилегий. Ходили слухи...

– Какие слухи?

– Нехорошие.

Джонни пожал плечами. Он и сам кое-что слышал.

– Они были плохими людьми, делали плохие вещи и продолжали бы их делать, если б не ты.

– Не я спас Тиффани. Я уже говорил.

Хант посмотрел в окно.

– Если б Джарвис не отвлекся на тебя, не вышел на улицу, Тиффани не удалось бы проскользнуть мимо дома. Он поймал бы ее и убил. И она лежала бы в той низине вместе со всеми остальными. Джарвис и Мичум продолжали бы убивать и, может быть, убили бы еще несколько человек. Или даже многих. Я знаю одно: остановил их ты, оказавшись на той улице

тогда, когда оказался.

Джонни почувствовал взгляд Ханта у себя на макушке, но поднять голову не смог.

– Тебя не было бы там, если б с Алиссой ничего не случилось. – Детектив положил руку ему на плечо. – Может быть, это и есть причина. Может быть, Алисса умерла, чтобы другие дети жили.

– Джек верил, что Фримантла прислал Бог.

– Столько проблем, как у Джека, у подростка быть не должно.

– Еще он думал, что Бог наслал ворон, чтобы напугать его, а Фримантла прислал, чтобы Джек осознал, что натворил.

– Насчет этого я ничего сказать не могу – не знаю.

– Когда я молился последний раз, то попросил у Бога три вещи. Чтобы мама перестала принимать таблетки и чтобы наша семья собралась дома. Это сбылось.

– Ты назвал только две просьбы.

Джонни поднял голову, и лицо его окаменело.

– Я молился, чтобы Кен Холлоуэй умер. Чтобы умер медленной и ужасной смертью. – Он помолчал, его темные глаза сияли. – Чтобы умер в страхе.

Хант открыл было рот, но Джонни заговорил раньше. Он рассказал, как погас свет в глазах Кена Холлоуэя. Как поднялись вороньи тени, как мелькнуло что-то темное.

– Это мое желание исполнил Ливай Фримантл. Думаю, для того Бог и прислал его.

* * *

После встречи с адвокатом сына Хант приехал к тюрьме, грубому, тяжелому и ничуть не привлекательному строению, занимавшему целый городской квартал неподалеку от здания суда. Где-то там находился сейчас Аллен. Держался он хорошо; сначала, когда впервые рассказывал обо всем отцу, были слезы – раскаяния, сожаления и стыда; потом, когда они вместе отправились в полицейский участок, нашлись смелость и твердость. В последний раз Хант видел сына перед тем, как их разделила тяжелая стальная дверь. Он выключил мотор и направился к главному входу. Сдал оружие, и его пропустили. Хант знал тюремных охранников, и они знали его. Кто-то похлопал детектива по спине, кто-то сочувственно кивнул, а кто-то – по крайней мере один – наградил холодным, неприязненным

взглядом.

– Мне нужно его увидеть.

– Вы же знаете, что это запрещено, – сказал дежурный – крупный, обходительный мужчина.

Хант знал.

– А передать ему кое-что можете?

– Конечно.

– Скажете ему, что я здесь?

Дежурный откинулся на спинку стула.

– Я позабочусь, чтобы он услышал это.

– Скажите ему *сейчас*. Что я не *был* здесь, а *сейчас* здесь. Скажите.

– Это так важно?

– Разница есть. Я подожду.

* * *

Выйдя из тюрьмы, Хант присел на лавочку в двух кварталах от нее. Над ним расстилалось высокое, беззвездное небо. Дом – раковина. Через несколько минут зазвонил телефон.

– Не разбудил? – спросил Трентон Мур. – Впрочем, это вряд ли. – Он помолчал. – Слышал о твоём сыне. Сочувствую.

– Спасибо, док. Ты мне не просто так позвонил?

– Вообще-то нет. – Он откашлялся, но называть причину звонка почему-то не спешил. – Э... У тебя есть минутка?

* * *

Рабочее помещение судмедэкспертизы находилось в подвале больницы. Бывать там Хант не любил, тем более в темное время суток. Длинный коридор едва освещался, бетонный пол выглядел так, словно потеет. Детектив миновал смотровую комнату, холодильник, тихие комнаты с тихими мертвецами. Доктор Мур был в своем кабинете и, когда Хант постучал, что-то диктовал. Дверь открылась, и он поднял голову. Глаза его блестели от волнения.

– Входи, входи. – Доктор отложил диктофон и потянулся за кофейником на столике у себя за спиной. – Кофе?

– Да. Черный. Спасибо.

Налив кофе в невысокие пенополистероловые стаканчики, хозяин кабинета протянул один гостю.

– Прежде всего вот это. – Он достал из ящика пластиковый пакет для вещественных улик и бросил на стол. Судя по блеску и глухому звуку, с которым упал пакет, в нем лежало что-то тяжелое и металлическое.

Хант поднял его, запечатанный, с проставленной датой и подписанный медэкспертом, положил на ладонь и пересчитал патроны – шесть штук, пули с выемкой.

– Позволь угадать... тридцать второй калибр, экспансивные?

– Из правого кармана мистера Фримантла. Не считая одежды, в день смерти у него было при себе только вот это.

– Что ж, на один вопрос ответ есть.

– Что за вопрос?

– Почему один бывший коп все еще жив и, что важнее, почему его тринадцатилетнему сыну не предъявлено обвинение в убийстве. – Хант опустил пакет с патронами в карман. – Спасибо.

– Не за что. – Некоторое время они молча пили кофе. Потом Мур подкатил в своем офисном кресле к столу. Маленький, плотный, полный энергии, он, казалось, не мог усидеть на месте. – В моем деле загадок встречается немного. Вопросы без ответов? Да, постоянно. Но только не загадок. Увы, человеческое тело – инструмент предсказуемый. Следуй за повреждениями, и они приведут тебя к выводам, определению причины и следствия. – Его глаза снова вспыхнули неумемной энергией. – Ты хотя бы представляешь, сколько вскрытий я провел?

– Нет, не представляю.

– Вот и я тоже. Но много. Сотни. Может быть, больше. Действительно, надо бы посчитать как-нибудь на досуге...

Хант потягивал кофе. Обычно пустые разговоры и безделье раздражали его, но сейчас пойти было некуда. Мур побарабанил по столу.

– А ты загадки любишь? – Хант открыл было рот, но доктор махнул рукой. – Нет, нет, не те, с которыми сталкиваешься ежедневно. – Он наклонился над столом и развел руки так, как будто хотел охватить весь мир. – Большие загадки. Настоящие большие загадки.

– Не уверен, что понимаю.

– Хочу показать кое-что. – Доктор взял папку, поднялся, прошел через комнату и щелкнул кнопкой негатоскопа^[31]. – Свет замигал и выровнялся. – Помимо короткого примечания в отчете, сомнения у меня вызывало еще и вот это. Надо ведь и о собственной репутации заботиться. – Он нервно хохотнул, достал из папки снимок и вставил в аппарат. Хант узнал на

смотровом экране человеческое туловище. Как будто мерцающие кости. С трудом угадываемые органы. – Ливай Фримантл. Взрослый мужчина. Возраст – сорок три года. Развитая мускулатура. Общее заражение. На грани истощения. Видишь это? – Он показал. – Это то место, куда ты попал. Пуля вошла здесь. Раздробленная лопатка у выходного отверстия. Видишь?

– Я не хотел его убивать.

– Ты и не убил.

– То есть как?

Мур не ответил.

– Это... – Он провел мизинцем по неровной белой линии. – Это ветка дерева. Какого-то дерева твердой породы. Дуба, клена. Я плохо в этом разбираюсь. Каким-то образом ветка воткнулась в него. Она была сухая, не гнилая. Заостренная. Видишь острые концы? Здесь и здесь. По картинке судить трудно, но в диаметре она примерно вдвое толще твоего указательного пальца. Может быть, полтора больших. Инеродное тело вошло в него здесь, справа, под самым нижним ребром. Повредило множество органов и проделало трехсантиметровую дыру в толстой кишке.

– Не понимаю.

– Это обширная травма. Тяжелая.

– Так.

Мур отступил на шаг, вернулся. Всплеснул руками, и Хант ощутил его разочарование.

– Это... – Доктор сделал широкий жест в сторону снимка. – Это смертельное повреждение. Без неотложной хирургической операции человек при таком повреждении умирает. Фримантл должен был умереть за несколько дней до того, как ты его подстрелил. – Он снова всплеснул руками. – Я не могу этого понять.

У Ханта между лопатками пробежал холодок. В этом подвале на него все давило. Мур смотрел на него живыми глазами, полными вопросов о великих загадках.

– Так ты хочешь сказать, что это чудо?

Мур посмотрел на аппарат, и на его лицо лег холодный белый отсвет. Он приложил три пальца к неровной линии, обозначавшей то, что пронзило Фримантлу бок.

– Я хочу сказать, что не могу это объяснить.

Глава 62

На следующий день за Джонни приехали из службы соцобеспечения. Двое сотрудниц стояли у открытой двери машины, пока он прощался с матерью. Парковочная площадка дышала жаром. По шоссе пронеслись автомобили.

– Ты сломаешь мне пальцы, – прошептал Джонни.

Кэтрин чуточку отпустила и повернулась к Ханту.

– По-другому разве нельзя?

Детектив тоже выглядел подавленным.

– После всего, что случилось? После шумихи в прессе? Смертей? У них не было выбора. – Он наклонился и посмотрел Джонни в глаза. – Это ненадолго. Я поговорю с ними от имени твоей матери. Мы все устроим.

– Обещаете?

– Обещаю.

Джонни взглянул на приехавших за ним, и одна из женщин улыбнулась. Он обнял мать.

– Все будет хорошо. Это как срок мотать.

И сел в машину.

Следующий месяц все так и было. Как отсидка. В семье, куда его определили, к нему относились по-доброму, но настороженно. Как будто опасались, что крепкое слово может обидеть его или оскорбить, но при этом, сговорившись, делали вид, что ничего необычного не случилось. Они были неизменно вежливы, но иногда по вечерам, просматривая новостные выпуски или читая газеты и думая, что он не видит, качали головами и спрашивали друг друга: «Как такое отражается на мальчике?» Джонни думал, что они, наверное, и спать ложатся, заперев на замок дверь. Интересно было бы посмотреть на них, если б как-нибудь ночью он взял да подергал за ручку.

Суд предписал Джонни являться на консультации к психологу, но тот оказался настоящим идиотом. Джонни говорил ему все, чего от него ждали. Описал придуманные скучные сны. Клялся, что не верит больше в могущество невидимых сил, тотемы, магию и темных птиц, похищающих души мертвых. Уверял, что не хочет ни в кого стрелять, вредить себе или другим. Выражал искренние чувства, когда разговор касался смерти отца и сестры. Говорил, что любит мать. И все это было правдой. Психолог слушал его, кивал и делал записи. Потом ему сказали, что ни на какие

консультации ходить больше не надо. Вот так.

Раз в неделю ему разрешалось видаться под надзором с матерью. Они шли в парк, сидели в тени. Каждую неделю мать приносила письма от Джека. Он писал по меньшей мере раз в день, иногда чаще. Никогда не жаловался, как плохо ему в том месте, куда его отправили. Никогда не описывал, чем занимается, какой у него распорядок дня. Джек писал в основном о том, как ему жаль, как ему стыдно, а еще о том, что Джонни был единственным светлым пятном в его жизни. Вспоминал, что они делали вместе, какие планы на будущее строили, и просил о прощении. Этими просьбами заканчивалось каждое письмо.

«Джонни, пожалуйста».

«Скажи, что мы друзья».

Джонни прочитывал все, но не отвечал, и письма ложились в коробку из-под обуви под кроватью в приемном доме.

– Ты должен ему написать, – сказала однажды мать.

– После всего, что случилось? После того, что он сделал?

– Джек – твой лучший друг. Его отец сломал ему руку. Подумай об этом.

Джонни покачал головой.

– Он мог сказать мне. У него был для этого миллион возможностей.

– Джек – еще ребенок. Вы оба – просто дети.

Джонни посмотрел на назначенную судом надзирающую, и в голове у него завертелась некая мысль.

– Ты простила сына детектива Ханта?

Она проследила за его взглядом. Надзирающая сидела за соседним столиком, и ей было явно не по себе в слишком тяжелом для лета голубом платье.

– Сына Ханта? – рассеянно повторила мать. – Он тоже совсем еще юный.

– Ты встречаешься с детективом Хантом?

– Завтра похороны твоего отца. Как я могу с кем-то встречаться?

– Думаю, это было бы нормально.

Она сжала его руку и поднялась.

– Пора. – Надзирающая уже шла к ним. – У тебя есть костюм? Галстук?

– Да.

– Они тебе нравятся?

– Да.

Остались считанные секунды. В следующий раз они встретятся, чтобы

похоронить своих близких, тех, кого они любили больше всего. Надзирающая остановилась в нескольких футах от их столика, показала на часы, и на ее лице отразилось что-то похожее на сочувствие.

Мать отвернулась, пряча блеснувшие в глазах слезы.

– Заеду за тобой пораньше.

Джонни взял ее руку и осторожно сжал.

– Я буду готов.

* * *

Похоронную службу провели двойную. Отец и дочь лежали рядом. Благодаря содействию Ханта вход на кладбище временно перекрыли, чтобы защитить родных от назойливых зевак и прессы. Священник был другой – не тот краснолицый толстяк, который запомнился Джонни, а молодой человек, худощавый и серьезный, в безупречно белом одеянии. Он говорил о выборе каждого и силе Божьей любви.

Силе.

Слово прозвучало звонко и певуче, так что Джонни кивнул, произнося его.

Сила Божьей любви.

Он кивнул, но не отвел глаза от гробов и высокого голубого неба.

Высокого пустого неба.

* * *

После похорон прошло три недели. Кэтрин стояла во дворе ухоженного домика с двумя спальнями. В доме была крытая веранда, две ванных и самый большой, самый зеленый двор из всех, какие только она смогла найти. Кухню недавно переделали. Неподалеку, на той же улице, стоял дом, в котором Джонни прожил всю свою жизнь, кроме последнего года. Она надеялась купить его, но деньги по страховке мужа могла получить только после того, как определится, что делать со своей жизнью. И чем зарабатывать для себя и сына.

Кэтрин посмотрела вдоль улицы и отвернулась. Здесь был шалаш на дереве, а через задний двор пробежал ручей.

Им хватит.

Из дома в мокрой от пота рубашке вышел Хант. В волосах, на

макушке, застрял кусочек стекловолокна. Подойдя к ней, он повернулся и посмотрел на дом.

– Надежно. Симпатично.

– Думаете, Джонни понравится?

– Думаю, понравится. Да.

Кэтрин опустила голову.

– Джонни вернется домой завтра. Нам понадобится какое-то время. Ну вы понимаете... Побить вдвоем. Найти какой-то ритм.

– Конечно.

– Но через месяц или около того вы могли бы прийти на обед.

– Это было бы чудесно.

Кэтрин кивнула. Она нервничала, стыдилась, робела и вообще чувствовала себя неуверенно.

– Правда хороший дом?

– Прекрасный, – ответил Хант, не сводя глаз с ее лица.

Эпилог

Летний зной уже стал смутным воспоминанием, когда Джонни и Кэтрин поехали в Хаш Арбор. Была суббота, вторая половина дня. Они ехали, а деревья высились над ними с обеих сторон. Впереди сквозь кроны пробивался солнечный свет, и они уже видели гранитные столбы и кусты ежевики.

– Поверить не могу, что ты сюда приходил.

– Успокойся, мам.

– Здесь же могло случиться все что угодно.

Джонни поднял руку.

– Кладбище там.

Они проехали как можно дальше, потом вышли, и Джонни повел мать по вырубке.

– Детектив Хант сказал, что его похоронили здесь на прошлой неделе. Деньги дал какой-то друг его матери. – Краска на калитке все еще сияла белизной. – Надо бы приехать, постричь траву.

– Пожалуйста, не надо, – забеспокоилась Кэтрин, но Джонни уже обдумывал поездку.

Могила Ливая Фримантла выделялась свежей землей.

Рядом с ним, под новым надгробием, лежала его дочь.

– София, – сказал Джонни. – Так ее звали.

Они посмотрели на другой могильный камень. На нем стояли даты рождения и смерти. И короткая надпись.

Ливай Фримантл

Последний из детей Айзека

– Я пересчитал надгробия, – сказал Джонни. – В ту ночь, которую провел здесь. Три для тех, кого повесили. – Он указал на небольшие, едва обработанные камни у основания громадного дуба. – И сорок три для потомков Айзека Фримантла. Теперь уже сорок пять. – Перед ними стояли ряды суровых каменных надгробий. – Если б Айзека убили, повесили, как других, никто из них не жил бы и не умер.

– Твой прапрадед был исключительный человек. – Кэтрин помолчала. – Как и твой отец. – Джонни кивнул, потому что не мог произнести ни слова. – Я никогда не видела Кена Холлоуэя таким

мерзавцем, как в тот день. – Она потерла запястья, на которых еще виднелись следы от струн, которыми он связал ей руки. – Без помощи Ливая Фримантла мы могли бы умереть.

Они молчали. Солнце играло на мраморной плите.

– Он сказал мне, что жизнь – это круг.

Мать посмотрела на деревья, на ряды камней и положила руку сыну на плечо.

– Может быть.

В тот вечер Джонни написал Джеку. В письме он рассказал все, что случилось за те месяцы, что они не виделись. Получилось десять страниц. Джонни адресовал письмо «Джеку Кроссу, Моему Другу».

notes

Примечания

1

Роли – столица шт. Северная Каролина.

2

Фут – ок. 30,5 см.

3

Фунт – ок. 450 г.

4

Транквилизатор и антидепрессант соответственно.

5

Обезболивающее и противокашлевое средство, наркотический анальгетик.

6

Ярд – ок. 91 см.

Комплексное поражение соединительной ткани и связанных с ней сосудов.

Поражение нервной системы и других внутренних органов в результате укуса кровососущего паразита.

9

Sparrow (*англ.*) – воробей.

Универсальное обращение к женщине в англоязычных странах (вне зависимости от возраста, семейного положения и прочих факторов), принятое под воздействием женского эмансипационного движения. Часто используется только до тех пор, пока собеседник не понимает точно или не решает по своим личным критериям, с замужней или незамужней женщиной он имеет дело.

11

Дюйм – ок. 2,5 см.

Клемсонский университет в Южной Каролине.

Хоумран – один из наиболее зрелищных моментов в бейсболе, когда игрок нападающей команды (бэттер) выбивает мяч, брошенный подающим (питчером), за пределы игрового поля.

14

Ок. 136 кг и 195,5 см.

«Желтая тревога», разворачивание операции по поиску пропавшего и распространению информации о нем.

Город в Северной Каролине, где располагается трасса NASCAR, Национальной ассоциации гонок серийных автомобилей.

Имитация английских домов XVI–XVII вв., строившихся обеспеченными людьми, не принадлежавшими к высшей знати, – жилых зданий с деревянными каркасами, видными снаружи.

Аболиционист – сторонник отмены рабства.

19

Соотв., 196 см и 136 кг.

Аффидевит – в праве Великобритании и США письменное показание или заявление лица, выступающего в роли свидетеля, которое, при невозможности (затруднительности) его личной явки, дается под присягой и удостоверяется нотариусом или иным уполномоченным должностным лицом.

21

Ок. 1,2 л.

Американская пинта – чуть меньше полулитра.

Джордж Кэмпбелл Скотт (1927–1999) – американский актер, сыгравший, в частности, роль национального американского героя генерала Джорджа С. Паттона в биографическом кинофильме 1970 г.

Наркотическое обезболивающее.

Пули, раскрывающиеся или сплюсывающиеся при попадании в цель.

Покахонтас (наст. Матоака; ок. 1595–1617) – знаменитая дочь вождя индейского племени поватенов, вышедшая замуж за одного из английских первопоселенцев Вирджинии.

Hush (h)arbor (*англ.*) – тихое убежище.

Модель марки «Форд», широко использовавшаяся полицией США.

Госпел – жанр религиозных песен, зародившийся в конце XIX в. на американском Юге в результате смешения народной музыки и церковных гимнов.

В англ. оригинале сокращенное название шахты, «No. Croz.», похоже по звучанию на «no crows», «ворон нет».

Экран для просмотра рентгеновских снимков.